

ВИЗАНТИ

РИМСКАЯ МЕЧТА

Емельянов Е. 2007.

Византия и варварские королевства Запада около 500

С л а в я н е

Лангобарды

Византийская

Константинополь

ая

империя

Г.

ВИЗАНТИЯ РИМСКАЯ МЕЧТА

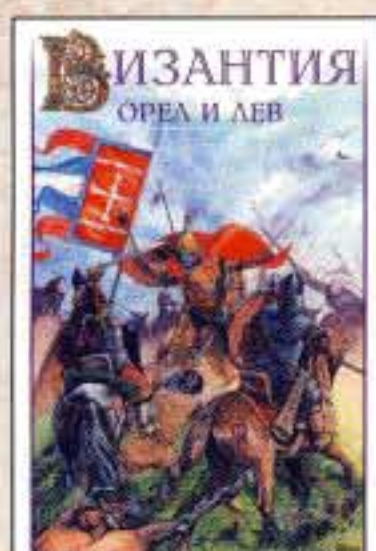
«Рейтар»
Санкт-Петербург
2008

ПРОЕКТ «ВОЙНЫ ВИЗАНТИИ»

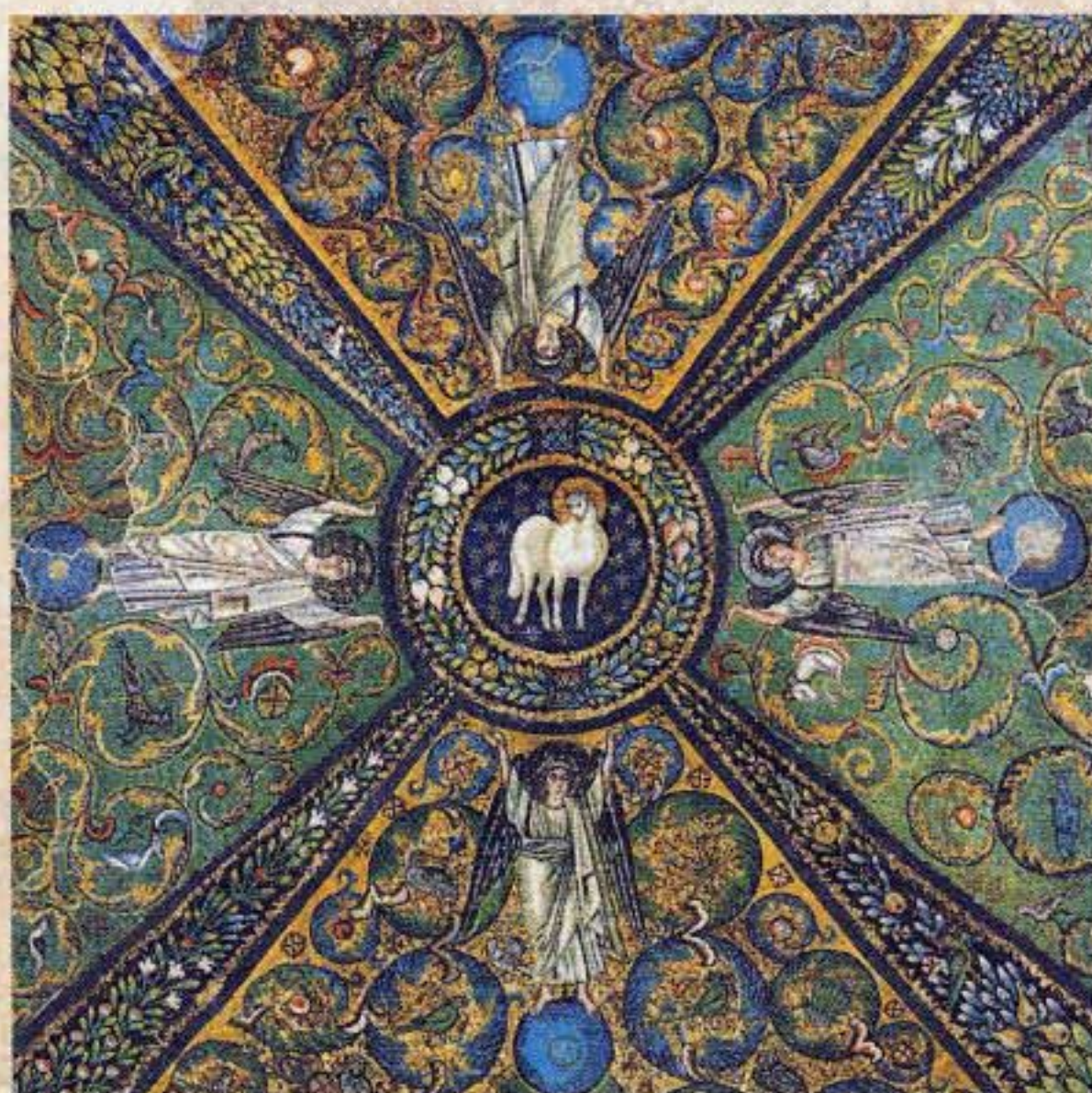
Ранее опубликовано:

«ВИЗАНТИЯ — ЩИТ ЕВРОПЫ»
АРАБО-ВИЗАНТИЙСКИЕ ВОЙНЫ VII–XI ВВ.

«ВИЗАНТИЯ — ОРЁЛ И ЛЕВ»
БОЛГАРО-ВИЗАНТИЙСКИЕ ВОЙНЫ VII–XIV ВВ.

В. Н. Шиканов

ВИЗАНТИЯ РИМСКАЯ МЕЧТА

Западные
войны
Византии
VI-XIV вв.

«Рейтар»
Санкт-Петербург
2008

УДК 82.
ББК 63.3(4)
Ш-59

Шиканов В. Н.

Ш-59 Византия. Римская мечта: Западные войны Византии VI—XIV вв. /
Шиканов В. Н. — СПб.: «Рейтар», 2008. — 192 с.: ил.

ISBN 978-5-8067-0038-0

Противостояние западной и восточной ветвей некогда единой Христианской цивилизации длится веками. Не положен ему конец и в наши дни. При этом оппоненты никогда не придавали особого значения весомости аргументов. Обладавший большей силой неизменно диктовал свою волю. Сначала, исполненные чувства исторической справедливости, византийские императоры стремились вернуть отторгнутые западными варварами земли. Позднее политические цели стали подкрепляться фундаментом идеологических обоснований. И тогда выяснялось, что люди, живущие за синим морем, и молятся как-то не так, и в Бога Единого верят неправильно.

Отбиваясь от многочисленных врагов, ромеи переходили к обороне, и теперь уже Запад требовал от греков покаяния и покорности. Невежественные и самоуверенные латиняне нанесли Империи Востока смертельный удар, от которого она так и не оправилась. Но и врагам не пришлось торжествовать. А до этого были потоки крови, которые текли веками, так и не выявив правоту непримиримых противников, а лишь взаимно ослабив их.

Третья книга проекта «Войны Византии» рассказывает о Западных войнах Ромейского царства.

Художники: Евгений и Анна Емельяновы.

ISBN 978-5-8067-0038-0

УДК 82.
ББК 63.3(4)

© Текст, подбор иллюстраций Шиканов В. Н., 2008.
© Дизайн и верстка Панкевич А. В., 2008.
© Издательство «Рейтар», 2008.

Полны чудес сказанья давно минувших дней
 Про громкие деянья былых богатырей.
 Про их пиры, забавы, несчастья и горе
 И распри их кровавые услышите вы вскоре.

«Песнь о Нибелунгах»

Пир был в самом разгаре. Красноватый свет закатного солнца еще лился в прорезанные высоко под сводами зала окна и терялся в пламени факелов, отбрасывавших причудливые тени на трапезные столы. Здесь было на что посмотреть. Огромные серебряные блюда не вмещали переполнявших их яблок, груш, гранатов, дынь. Июнь еще только начинался, но в обширных владениях ромейских василевсов спелые фрукты, казалось, не переводятся никогда. Еще большее сладкое чудо являли собой просвечивающие виноградные грозди: белые, зеленые, красные, черные и особенно лакомые — серовато-дымчатые. Непременным атрибутом византийского застолья был хлеб. На царском пиру подавали пшеничный — мягкий и белый, но можно было отведать и грубоватый ячменный.

Аппетит возбуждался от одного вида сыров — желтых и белых, со слезой на срезе. Кораблями их везли из Пафлагонии и с Балкан. На вкус они оказывались еще великолепнее. Мягкие, как масло, острые и солоноватые.

Аромат сыров оттенялся запахом разнообразной свежайшей зелени, услаждавшей сразу все пять чувств. А еще столы украшала рыба — морская, речная и озерная.

Ну и какой же пир без мяса! Куропатки и утки, куры и гуси, и совсем аристократические павлины и журавли. Не говоря уже о прозаических свинине, говядине и баранине. Запеченные, с румяной корочкой, зажаренные, сдобренные специями и соусами — такие блюда не могли оставить равнодушными даже самых изысканных гурманов.

Двузубые вилки только входили в моду, поэтому всю эту вкусотищу резали ножами, инкрустированными золотом и серебром и огромными кусками запихивали в рот, отчего руки и бороды пирующих скоро делались одинаково замасленными.

Торжество гастрономического искусства эффектно дополнялось винами, привезенными с островов: Эвбеи, Хиоса и Родоса для утоления неизбежной жажды. Золотистые и черные, красные и белые, настоянные на целебных растениях или с добавками

пряностей, они сладко кружили голову и веселили душу. А на десерт гостям еще предстояло отведать торты и пирожные, выпеченные из пшеничной муки высокого качества. Утонченные сладости, названия которых ничего не скажут современному человеку.

Великолепную картину дополняли чарующая музыка, хоровое пение, а иногда и выступления искусных цирковых артистов, вызывавших восторг своим мастерством, так что у послов, прибывших откуда-нибудь издалека, рты долго не закрывались от изумления.

Хорошо и раздольно на пиру у василевса ромеев. Все веселы и счастливы (по крайней мере внешне, ибо постная мина на таком празднике жизни уже навеивает мысли о нелояльности). Но сегодня случилось невероятное. У одного из пирующих за дальним концом стола выражение лица совсем не благостное. Напротив, на нем застыла гримаса злобы и отвращения.

Это глава германской дипломатической делегации, епископ Кремонский Лиутпранд. Из всех гастрономических чудес ему запомнились только «мерзкий рыбный соус» и большое количество масла, «как это принято у пьяниц». Но не греческие повара так дурно повлияли на настроение епископа, и даже не тот факт, что ему отвели унижительно далекое пят-

надцатое место, так что стол здесь даже не был покрыт скатертью.

На самом деле, посол пребывал в мрачайшем расположении духа от того, что его миссия в Константинополь закончилась полным провалом. В феврале 962 г. германский король Оттон был коронован в Риме императорской короной. Новому государю пришлось затратить немало усилий для упрочения своей власти на западе, так что лишь шесть лет спустя он поставил вопрос об официальном признании своего титула владыкой Византии.

На первый взгляд, для таких надежд уже существовал прецедент в прошлом. За полтора века до описываемых событий ромеи признали титул императора (василевса) за Карлом Великим. Честолюбивый Оттон считал себя не менее достойным правителем для того, чтобы владеть золотым императорским венцом. Вот только момент для своих притязаний он выбрал далеко не самый подходящий. В год коронации Карла (800 г.) трон в Константинополе занимала женщина — царица Ирина. Благодаря этому обстоятельству, высшие государственные и религиозные круги Запада выдвинули тезис о «вакантности» императорского престола. Но даже после провозглашения Карла императором его окружению понадобилось двенадцать лет, чтобы, ценой уступок спорных территорий на севере Италии и в Далмации в пользу Византии, вырвать у слабого василевса Михаила I признание Карла Великого в качестве императора франков.

В конце X века военно-политическая обстановка и расклад сил в Европе выглядели совершенно иначе. Наследники Карла пустили по ветру его наследство, разделив созданную им державу на несколько королевств. В Константинополе же, напротив, теперь правили императоры-воины. Один из самых ярких представителей этой когорты — Никифор II Фока являлся удачливым полководцем и менее всего был расположен делиться царским титулом с вождем германских варваров.

Таким образом, посольство Лиутпранда в Константинополь с самого

начала было обречено на неудачу. Похоже, епископ понял это слишком поздно. Не имея сколько-нибудь убедительных аргументов для обоснования своей позиции, он устроил публичный скандал, заявив Никифору во время высочайшего приема во дворце, что царь, как и его предшественники «лишь по имени зовутся императорами римлян и не являются ими в действительности». Вообще-то удивительно, что на этом аудиенция не завершилась, и епископ еще некоторое время препирался с самодержцем.

**Никифор II
Фока**
(963–969 гг.).
Золотой солид.

В тот же день Лиутпранд получил приглашение на царский пир, с описания которого мы начали наше повествование. Теперь уже Никифор Фока перешел в наступление и наговорил епископу множество непряных вещей. Среди прочего, он заявил послу: «воины твоего государя не умеют ни ездить на конях, ни вести пеший бой. Их длинные копья и огромные щиты, тяжелые панцири и каски мешают им в сражении». Кроме того, василевс подверг сомнению моральный дух западных воинов, ибо «их Богом является брюхо, смелостью — пьянство, храбрость их как ветер. Их трезвость — слабость, воздержанность — страх». Наконец, чтобы развеять даже призраки надежд на императорский титул Оттона, Никифор с усмешкой объявил епископу: «Вы — не римляне, а лангобарды».

Тогда, если верить Лиутпранду¹, он в ярости выпалил, что изначально «братоубийца Ромул» давал прибежище нищим должникам, беглым рабам и душегубам. Вот от них-то и ведут

свой род «римляне». Так что теперь этим именем называют все, что есть презренного, трусливого, алчного, развратного, лживого, словом, порочного. Да еще прибавил угрожающе: «ближайшая битва покажет, каковы вы в бою и сколь воинственны мы».

После столь провокационного заявления Никифор выгнал епископа из дворца. Казалось, дипломату самое время было собираться в обратный путь. Но прошло еще четыре месяца, прежде чем Лиутпранд смог покинуть негостеприимный Константинополь. Все это время он провел фактически под домашним арестом, познав нужду и болезни. Так что, когда император, наконец, вспомнил о дерзком посланнике и прислал ему умело приготовленного жирного гуся, Лиутпранд воспринял это угощение как великий дар. Теперь эстетические чувства кременца ничуть не оскорбляли сильные ароматы лука, чеснока и пресловутого рыбного соуса, которыми была сдобрена огромная птица. «Деликатесы священного императора» показались ему изысканными и желанными.

С другой стороны, за сто двадцать дней «заточения» у Лиутпранда было немало времени обдумать межгосударственные отношения Запада и Востока. 17 сентября 968 г. его вновь вызвали в Священный дворец и потребовали объяснить, почему Папа Иоанн XIII в письме к Никифору II именуется императором греков, а не римлян?

На этот раз посланец Оттона не был расположен жестко отстаивать свои убеждения. Запинаясь, он поведал, что за века, миновавшие после основания Константинополя, его жители сменили язык, обычаи, даже одежду, да и жить римляне должны, все же, в Риме.

¹ Не забудем, что заметки о посольстве в Константинополь епископ писал уже после возвращения из Византии. Не исключено, что для того, чтобы сгладить перед Оттоном впечатление от неудачного выполнения порученной ему миссии, Лиутпранд просто выдумал наиболее смелые и даже откровенно грубые пассажи, которые он якобы высказал в адрес василевса ромеев.

Брак в Кане Галилейской. Византийская фреска

Ответ византийских царедворцев оказался убийственно логичным. Из их слов выходило, что, перенося столицу на восток, Святой Константин забрал с собой сенат, цвет армии и вообще всех лучших граждан. В Риме же он оставил за ненадобностью «подлых фаворитов, рыбаков, торговцев, птицеловов, бастардов, плебеев и рабов». Вот так, совсем не дружелюбно завершилась очередная встреча Востока и Запада, призванная укрепить единство христианского мира, а на самом деле выявившая глубокую пропасть разделившую его.

На первый взгляд, фиаско Лиутпранда объясняется неблагоприятным стечением обстоятельств, когда высокомерие Никифора II Фоки, не вполне законно овладевшего престолом Ромейского царства, столкнулось с обидой посланца Оттона, явившего комплекс неполноценности западной цивилизации, все еще остававшейся в темноте варварства. Однако на деле, противостояние Запада и Востока началось не в X столетии от Рождества Христова и не закончилось до наших дней. В основе его лежит целый комплекс чрезвычайно сложных политических, военных, экономических и мо-

рально-этических проблем, которые, несмотря на прошедшие века, во многом, не решены и сейчас.

Византийская империя — уникальный пример государства, искусственно перенесенного в пространстве, но не забывшего о своих исторических корнях и вытекающих из них геополитических претензий. В истории случилось, что народы, переселившиеся на тысячи километров, обретали новую Родину, сохраняя память о землях пращуров. Однако такие воспоминания довольно быстро переходили в область красивых легенд и преданий, не побуждая ни политическую элиту, ни, тем более, широкие массы к каким-либо практическим действиям¹.

В этом смысле Византия является исключением. Утратившая латинский язык и римский *modus vivendi*, эта держава до последних дней носила гордое имя Римской империи (βασιλεία τῶν Ῥωμαίων — Ромейское царство). Со временем термин «ромей» (римляне), являвшийся официальным наименова-

¹В самом деле, венгерские короли никогда не пытались установить контроль над Приуральем, а болгары не планировали присоединить к своему царству приазовские степи.

нием жителей империи, утратил этнический оттенок и стал конфессионально-политическим. Он обозначал подданных императора, живших на правильно устроенном, цивилизованном пространстве — Империи. Вместе с тем, не подлежит сомнению, что на протяжении веков византийские самодержцы считали лишь временно утраченными все территории, некогда входившие в состав Римской империи, и рассматривали в качестве долгосрочной перспективы возврат политического и военного контроля над ними. «По самой своей природе, — писала в XII столетии принцесса Анна Комнина, — империя — владычица других народов».

Пока Византия была сильна, это ее право особенно не опаривалось. Долгое время государи европейских «варварских» королевств признавали себя вассалами василевсов Константинополя и чеканили монеты с их изображением. Римские Папы заискивали перед императорами и очень опасались вызвать их гнев. Тем более, что наступило время, и византийские войска вступили в Вечный город, вернув его в лоно империи (хотя и не надолго).

Шли годы, десятилетия, века. Менялась политическая карта Европы. Универсалистская политическая доктрина Византии оставалась неизменной: понятие «Империя» приравнивалось ко всему цивилизованному миру, и власть над ним принадлежала василевсу. В крайнем случае, на определенных территориях это право делегировалось лицам им уполномоченным (вассалам-союзникам). Все остальные земли тонули во мраке беспроектной дикости.

Далеко не всем в Европе нравилась такая концепция. Монархи вновь возникающих национальных государств считали себя суверенными правителями и стремились строить отношения с Византией, как с равным партнером. Иногда это получалось (в силу территориальной отдаленности или наличия необходимой военной мощи), но чаще не очень. Даже проигрывая войны, василевсы рассматривали западных королей как не в меру расшалившихся детей. С помощью не-

доступных варварам дипломатических тонкостей, Ромейская держава все равно утверждала свой миропорядок. В таких случаях дань именовалась подарками, а пожалование вождям цивилизуемых народов высоких придворных титулов рассматривалось как их зачисление на государственную службу империи.

Но рано или поздно блеск подаренных парчовых одеяний тускнел, и короли чувствовали себя обманутыми. Их столицы никогда не могли сравниться богатством и роскошью с Константинополем, что порождало острое чувство зависти. Единственным аргументом на пути преодоления комплекса неполноценности становился меч, а грабеж делом не только прибыльным, но и богоугодным.

Рим и Константинополь.
Серебро, позолота. Миниатюрные статуэтки символизируют старую и новую столицы империи

Утратив к концу VII века контроль над большей частью Италии, василевсы больше не могли оказывать реальную военную помощь римским понтификам и утратили влияние на них. Папам приходилось искать других покровителей. За это они платили высокую цену. Начиная с 800 г. в Риме начали короноваться новые императоры. Зато папство обрело большую свободу в вопросах вероучения, все дальше расходясь во взглядах с патриархами, занимавшими Константинопольскую кафедру.

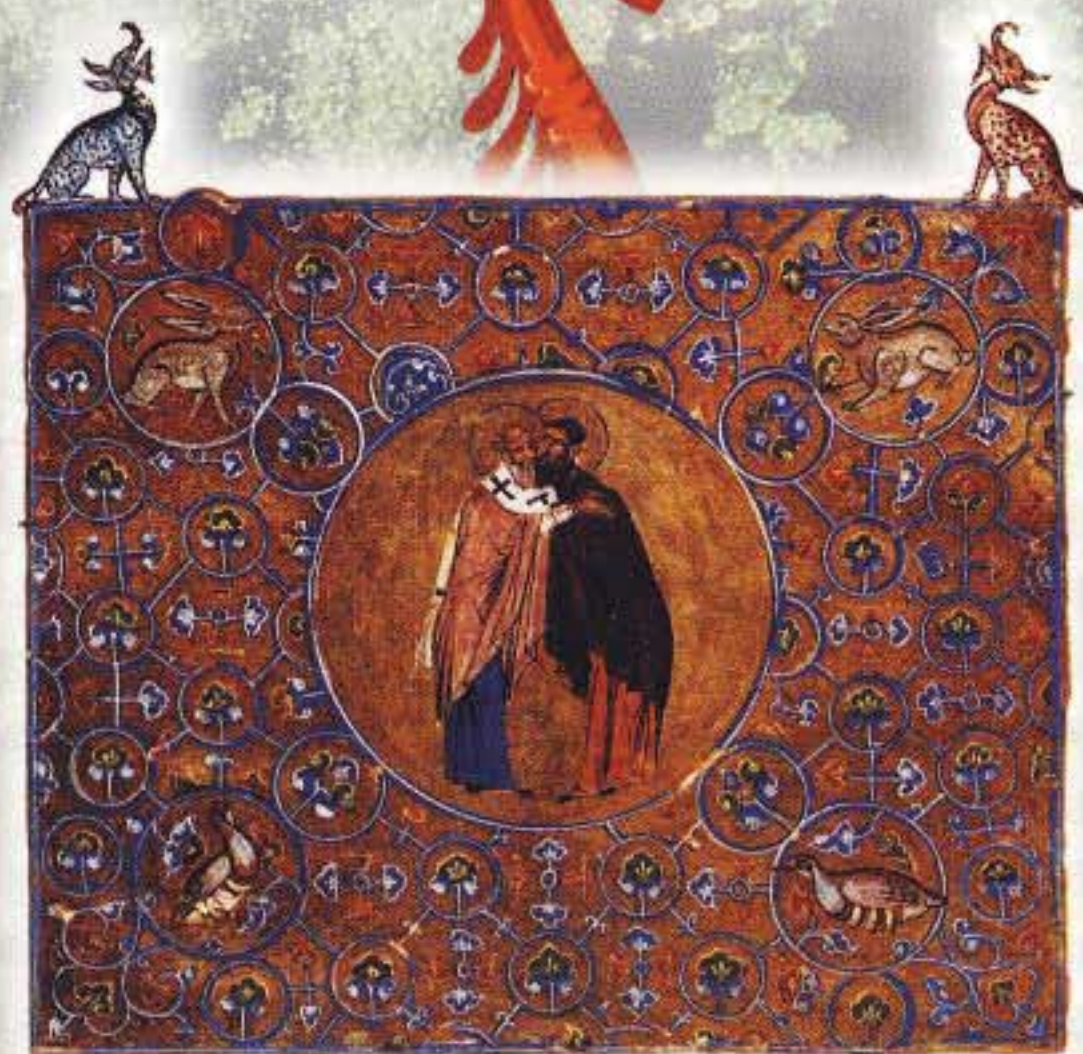
В результате, к политическому соперничеству между Западом и Востоком стал примешиваться гораздо более опасный — религиозный фактор. Раньше ромеи считали обитателей Западной Европы грубыми и невежественными, а «светловолосые народы» навешивали на византийцев ярлыки изнеженных, вероломных и лукавых трусов. Теперь, при активном участии западно-католической церкви, все «греки» оказались зачисленными в разряд схизматиков (раскольников), злонамеренно искаживших Веру Христову. Так ненависть к Византии получила идеологическое обоснование.

Долгое время Константинополь мог с презрением относиться к выдумкам обитателей Запада, но когда со временем военная мощь империи ослабела (так случается, когда более цивилизованное общество начинает особенно ценить блага комфортной жизни), толпы жадных и не боящихся умереть в бою варваров принялись все чаще с оружием в руках наведываться в Византию за своей долей жизненных благ.

Византийский историк Никита Хониат писал с горечью: «Проклятые ла-

тиняне считают чуть ли не раем страну, в которой нам досталось жить и собирать плоды; до безумия влюбленные в наши блага, они вечно злоумышляют против нашего рода и стараются всячески сделать нам зло. Таким образом, между нами и ими утвердилась величайшая пропасть вражды, мы не можем соединиться душами и совершенно расходимся друг с другом... Они смеются над кротостью нашего характера и над нашим смирением, а мы, презирая их гордость, хвастливость, спесь и надменность, наступаем на их поднятую кверху голову и доселе попираем ее силой Христа, дающего власть наступать на змей и скорпионов без всякого зла и вреда». Красноречивая цитата. Вот только, на чьей же стороне, на самом деле, оказался Христос? Тем более, что и в наши дни, когда духовным правопреемником Византии стала Россия, противостояние Запада и Востока не ослабло¹.

Не претендуя отыскать ответ на столь глобальный философский вопрос (как сторонникам, так и противникам Ромейской державы остается лишь верить в свою правоту), изложим основные этапы борьбы Византии за право осуществить свою Римскую мечту.

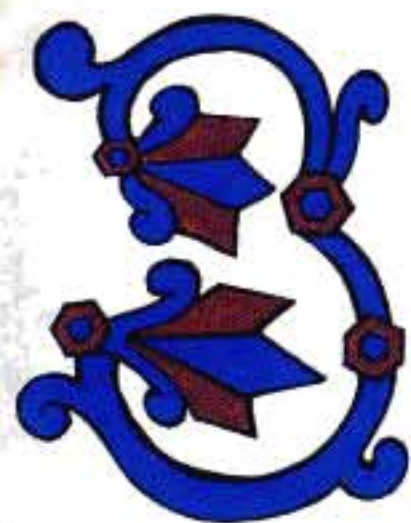
¹В данном случае, мы имеем в виду, конечно же западную и восточную ветви христианской цивилизации, запад и восток Европы.

ВАНДЛЫ

*И воистину светло и свято
Дело величавое войны,
Серафимы, ясны и крылаты,
За плечами воинов видны*

Н. Гумилёв

а этим народом в истории закрепились дурная репутация. Далеко не каждый человек со средним, да и с высшим образованием тоже, может точно припомнить обстоятельства Римской трагедии 455 г. от Рождества Христова. Зато любой доподлинно уверен, что «вандалы» это какие-то нехорошие люди, занимающиеся вандализмом, т.е. бессмысленным уничтожением культурных и материальных ценностей. Поэтому, время от времени, к месту и ни к месту, поминают уличных, музейных, футбольных и прочих вандалов.

На самом деле, вандалы ничем особенным не отличались от других этносов эпохи Великого переселения народов, решая свои геополитические проблемы порой довольно грубально, но в общем-то в русле принятых тогда методов воздействия на противников для достижения поставленных целей. До них почти также основательно Рим разграбили готы, а позднее норманны. Поэтому историю вандалов следует описывать, как путь одного из варварских королевств, возникших на территории Римской империи и переживших взлёт и падение. Для этого, по крайней мере, нужно не слишком поддаваться эмоциям. Так что постараемся говорить о вандалах, а не о вандализме.

Как и многие германские племена, предки вандалов жили на берегах Балтики. И все-то у них было хорошо. Земля здесь родит пшеницу, рожь и мягкий лен. А еще можно охотиться в светлых сосновых лесах и ловить рыбу на речных перекатах или в морских волнах. Поэтому, ни в пище, ни в одежде здешние обитатели особого недостатка не испытывали. Вот только становилось как-то скучно. Потому что все это занятия не для настоящих мужчин.

Конечно, приятно было, как следует насосавшись на пирушке пива и медовухи, выбить зубы соседу, или напасть, потехи ради, на ближайшую деревню. Грабеж — дело святое, но и это удовольствие не из особенных. Жизнь в округе однообразная. Тем более, что и отнять у соседей особенно нечего. И вот однажды вандалов (а также готов, лангобардов и многих других) потянуло на юг. Поблизе к солнышку...

Ученые до сих пор спорят о причинах Великого переселения народов, и, наверное, не стоит в двух-трех строках приводить еще одну, сто первую версию этого сложнейшего явления. Однако, кажется почти невероятным, что как-то вдруг десятки, а потом и сотни тысяч людей снялись с веками обживаемых мест в полной уверенности, что на новых землях им будет лучше.

Наверняка, никто из них не мечтал жить в больших домах, отделанных мрамором, мыться горячей водой (!) в банях и ходить в театры. Пришельцы с севера и слов-то таких не слыхивали. Даже такой могучий двигатель прогресса как торговля не мог подвинуть обитателей окраин Ойкумены на столь далекие путешествия. В руки к вождям иногда попадали изящные золотые и серебряные вещицы, сделанные где-то на юге, но они и представить себе не могли, что в тех неведомых краях тусклого желтого и сверкающего белого металлов так много, что мужчинам и женщинам, детям и старикам — целому народу стоит добираться туда, преодолевая всевозможные преграды.

И все же, историю не изменишь. Однажды вандалы тронулись в путь...

С середины IV столетия они обитали в Паннонии (на территории современной Венгрии). Через полвека вандалы снова собрались в дорогу, на этот раз на запад. В канун 406 г. их племя по льду перешло Рейн и вторглось в Галлию. Но и здесь беспокойные бродяги не задержались. Благодаря измене римского наместника, они прорвались через Пиренеи. Уже несколько веков Иберийский полуостров не знал, что такое иностранное военное вторжение. Варвары опустошили Испанию, а малочисленные и деморализованные имперские войска не могли противостоять захватчикам.

В 411 г. безвольный император Запада Гонорий заключил с вандалами федеративный договор, который узаконил поселение германцев на юге полуострова. Пребывание вандалов здесь увековечено в современном названии этой части Испании — Андалусия. А их появление в Африке связано с прогрессирующей агонией Западной империи.

На рубеже 427–428 гг. главнокомандующий римской армией в Африке комит Бонифаций поднял мятеж против центрального правительства. Было ясно, что вскоре последует карательная экспедиция из Италии и справиться с ней в одиночку нереально. В такой обстановке комит принял роковое решение, призвав на помощь вандалов. Вероятно Бонифаций решил использовать варваров в качестве средства политического давления на своих противников в Равенне¹. Действительно, до войны дело не дошло, а комит достиг некоего соглашения с императором. Но королю вандалов Гензериху (428–477 гг.) были не понятны подобные игры. Кроме того, в Испании на вандалов все сильнее давили их соседи вестготы и свевы. В мае 429 г. на реквизированных в Испании кораблях его войско переправилось в Африку. Сейчас трудно сказать, насколько объективны источники, донесшие до нас сведения об этом событии. Если им верить, то экспедиция Гензериха представляла собой грандиозное мероприятие.

Высадившись в Тингисе², вандалы и их союзники аланы двинулись на Карфаген. 200-километровый марш был успешно осуществлен, благодаря сети старых римских дорог. Помимо пятнадцати тысяч вооруженных мужчин, этот путь проделали до 60000 женщин, детей, рабов, да еще вместе с домашним скотом и повозками. Не забудем, при этом, что всю эту толпу людей и животных надо было обеспечить водой, продовольствием и к тому же охранять от нападений неприятеля.

Впрочем, местные жители не оказывали пришельцам сопротивления. На восточной границе провинции Мавретания Бонифаций попытался прег-радить дорогу вандалам, но был разбит Гензерихом и отступил на восток. Больше он не пытался противостоять варварам в открытом бою. Остатки римского войска (его основу составляли отряды вестготов) укрылись за стенами города Гиппон-Регий³ в Нумидии. Его оборона неожиданно затянулась более чем на год.

Провинция Африка издавна являлась житницей Рима и всей Италии. Теперь прекращение поставок зерна ставило Вечный город на грань голодной смерти. Вероятно, всю серьезность возникшей угрозы понимали не только в Равенне, но и в Константинополе. В 431 г. император Феодосий II направил

в Африку флот с десантными войсками Флавия Аспара. Вандалы прекратили осаду Гиппона, но в первом же столкновении с византийцами они разбили Аспара, взяв множество пленных. Остаткам его воинства пришлось бесславно возвращаться за море.

После одержанной победы Гензерих легко овладел Гиппоном и сжег его. Западному императору Валентиниану III ничего не оставалось, как заключить с вандалами мир (февраль 435 г.). Это был компромиссный договор. Империя признавала власть Гензериха над реально контролируемыми им территориями, а король вандалов оставлял за римлянами Карфаген и обязался уплачивать дань. Таким образом, вандалы закрепились в Африке и становились федератами империи, вот только союзниками они оказались крайне ненадежными.

Всего через четыре года Гензерих захватил Карфаген, подвернув город опустошению. Затем он построил сильный флот и совершил набег на Сицилию. Валентиниан снова обратился за помощью в Константинополь. В 441 г. Феодосий II снарядил против Африки эскадру в 1200 кораблей, но эта армада добралась только до Сицилии. Устрашенный Гензерих вступил в переговоры. Неизвестно, как власти Византии поступили бы в другое время, но как раз сейчас в ее придунайские провинции вторглись гунны. Поэтому император Феодосий отозвал войска с Сицилии, а Валентиниан пошел на заключение нового мира с вандалами.

Следующие несколько лет Гензерих укреплял экономическую и военную мощь своего королевства, готовясь к новым завоеваниям. Благоприятный случай представился в 455 г. В Равенне жертвой заговора пал представитель законной династии Валентиниан III. Захвативший власть сенатор Петроний Максим не имел на престол никаких

Феодосий II
(408–450 гг.).
Золотой солид

¹Именно в этом северо-итальянском городе, а не в Риме, в V веке находилась резиденция императора Запада.

²Современный Танжер.

³Развалины близ современного города Аннаба (Бон) в Алжире.

Вандалы короля Гензериха грабят Рим. С картины художника К. П. Брюллова

прав. Не могла ему помочь и женитьба на вдове убитого, Евдоксии. Кроме того, Петроний также насильно выдал дочь покойного за своего сына.

Поговаривали, что овдовевшая императрица сама обратилась к королю с просьбой отомстить за убийство мужа. А так как сын Гензериха, принц Гунерих ранее был обручен с дочерью Валентиниана и теперь лишился невесты, то у вождя вандалов имелись формальные основания расплатиться за гибель почти что родственника и спасти честь его семьи. В общем, не прошло и двух с половиной месяцев, как флот Гензериха бросил якоря в устье Тибра.

Петроний сразу же утратил контроль над событиями. 31 мая толпа забросала его камнями. А затем вандалы вступили в Вечный город. Папа Лев добился от Гензериха обещания не допустить кровопролития и поджогов, зато германцы за две недели подчистую ограбили Рим и его обитателей. Вот тогда-то и произошел настоящий ван-

дализм, потому что варвары уничтожили то, что не смогли унести с собой.

16 июня Гензерих прекратил разбой и отправился домой, увозя огромную добычу, тысячи искусных мастеров-ремесленников и множество знатных заложников. Среди них оказались императрица Евдоксия и ее дочери. Впоследствии восточно-римским государям пришлось приложить немалые усилия, чтобы добиться возвращения их в Константинополь.

Римская экспедиция Гензериха позволила ему значительно расширить свои владения. Он установил контроль над остатками земель империи в Африке, Балеарскими островами, Корсикой, Сардинией и Сицилией. После этого королевство вандалов справедливо рассматривалось в Византии как коварный и очень опасный враг. Развал Западной империи укрепил веру Гензериха в собственное могущество. Теперь его флот не только совершал пиратские набеги на побережье Италии. Вандалы

все чаще навещали Иллирию, Пелопоннес и архипелаги Эгейского моря, т.е. территории, принадлежавшие Византии. Договориться с варварами не представлялось возможным, потому что они с легкостью нарушали все ранее заключенные соглашения.

Лев I
(457–474 гг.).
Золотой солид

В 468 г. правивший в Константинополе император Лев I, затратив огромные финансовые ресурсы, завершил подготовку к грандиозной морской экспедиции против вандалов. К весне в гаванях было собрано 1100 кораблей. В Египте сконцентрировалась сотысячная сухопутная армия комита Ираклия. При этом Византия намеревалась атаковать варваров одновременно с Западной империей. Если бы задуманная операция удалась, то государство вандалов исчезло с политической карты еще до конца V столетия. И для таких надежд имелись серьезные основания.

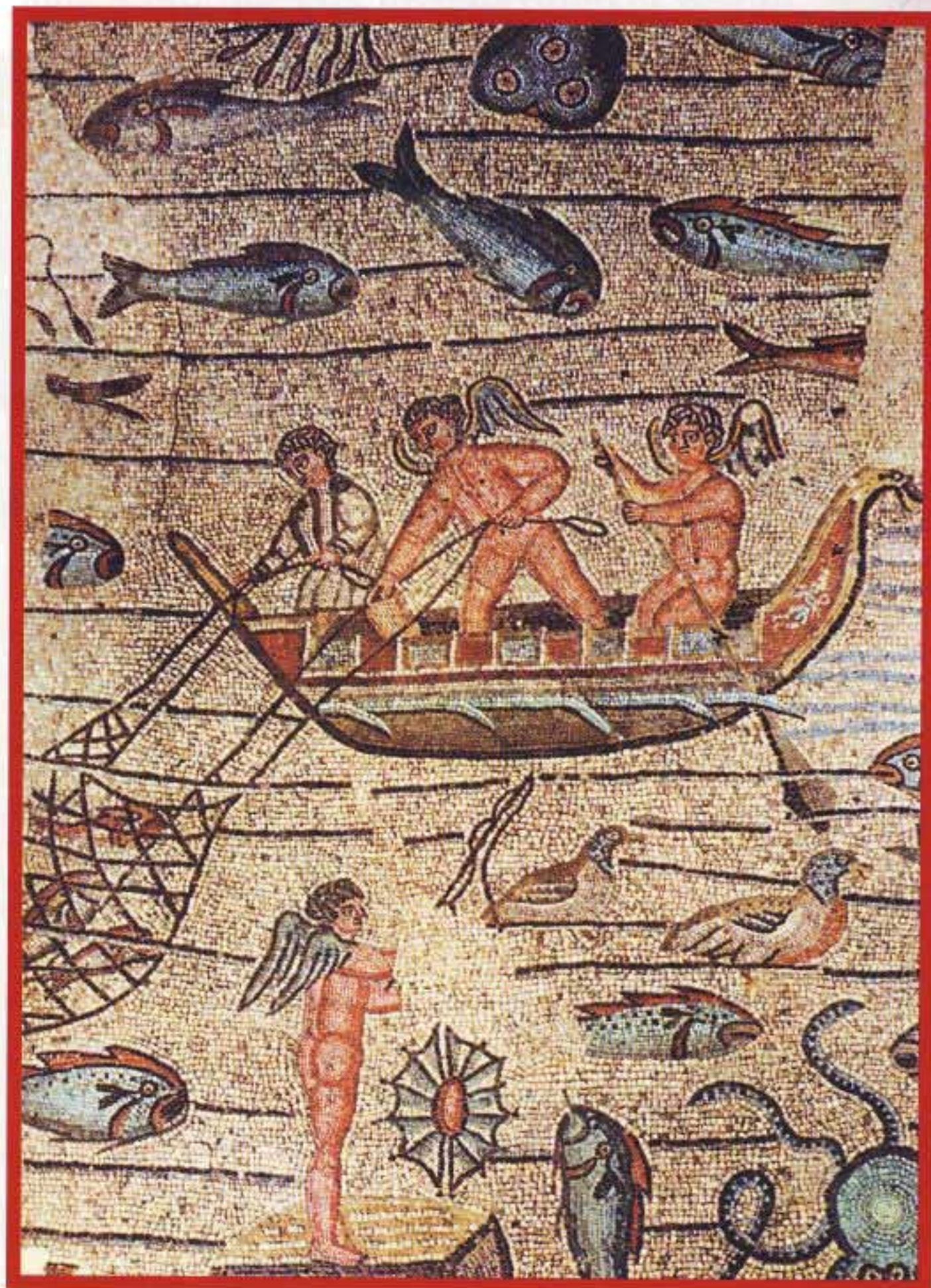
Флот западной империи очистил от вандалов Сардинию. После этого полководец Ираклий нанес поражение варварам у Триполи и по суше двинулся к Карфагену. В то же время византийская эскадра под командованием Василиска (шурина императора Льва) отогнала корабли вандалов и подошла к мысу Бон, всего в 60 км от столицы Гензериха.

Успешно высадив десант на желтый африканский песок, Василиск решил дожидаться подхода войск Ираклия для штурма Карфагена. Но сухопутную армию задержал неимоверно трудный марш через Ливийскую пустыню. В этой ситуации царский родственник совершил грубую тактическую ошибку. Считая, что время работает на него, Василиск заключил с Гензерихом перемирие сроком на пять дней. А король, пока византийцы бездействовали, полностью использовал достигнутую передышку для изменения ситуации в свою пользу.

Гензерих снарядил большое количество судов горючими материалами и, дождав-

шись попутного ветра, внезапно атаковал вражеский флот. Зажженные брандеры сцеплялись с кораблями византийцев, и ревущее пламя устремлялось выше мачт к голубым небесам. Моряков охватила паника. Кто-то пытался тушить пожары, большинство прыгало за борт в тщетной надежде спастись. Управление эскадрой сразу исчезло, а вандалы нанесли решающий удар своими боевыми кораблями. Они таранили и топили суда противника, вылавливали из воды тонущих, но лишь для того, чтобы сделать их пленниками. Загорелся и лагерь пехотных войск на берегу.

Византийцы потерпели неслыханное поражение. В Константинополь вернулись немногие. Василиск на небольшом судне бежал на Сицилию. Армия Ираклия также повернула назад. Западный военачальник Марцеллин погиб от руки одного из приближенных. В Италии был убит император Антемий, и вместо него Гензерих посадил на престол своего ставленника, сенатора Олибрия. Кроме того, вандалы восстановили контроль над ранее потерянной Сардинией.

Купидоны ловят рыбу.
Деталь позднеримской мозаики

Почти гарантированная победа ускользнула от империи столь неожиданно, что многие современники тех событий пришли к выводу о прямой измене Василиска, купленной золотом вандалов. Эта катастрофа и возобновившиеся морские набеги германцев вынудили нового императора Византии Зинона¹ (474–491 гг.) в 474 г. заключить с Гензерихом «Вечный мир» на условиях восстановления довоенных границ. Таким образом, долгое царствование короля Гензериха завершилось внешнеполитическим триумфом вандалов над их врагами. К тому же, и после заключения мира они не прекратили пиратские рейды на побережье Византии.

А император Зинон «предался приманкам сластолюбия», с головой окунувшись в буйные оргии и беспробудное пьянство. Потом ему пришлось бороться с внутренними мятежами. Тут уж не до осмысленной внешней политики. В Константинополе не вызвало особых эмоций даже известие о свержении в 476 г. последнего императора Западной Римской империи Ромула Августула. Зато Гензерих установил с новым правителем Италии Одоакром вполне деловые отношения. Он даже передал Одоакру большую часть Сицилии в обмен на регулярную уплату дани.

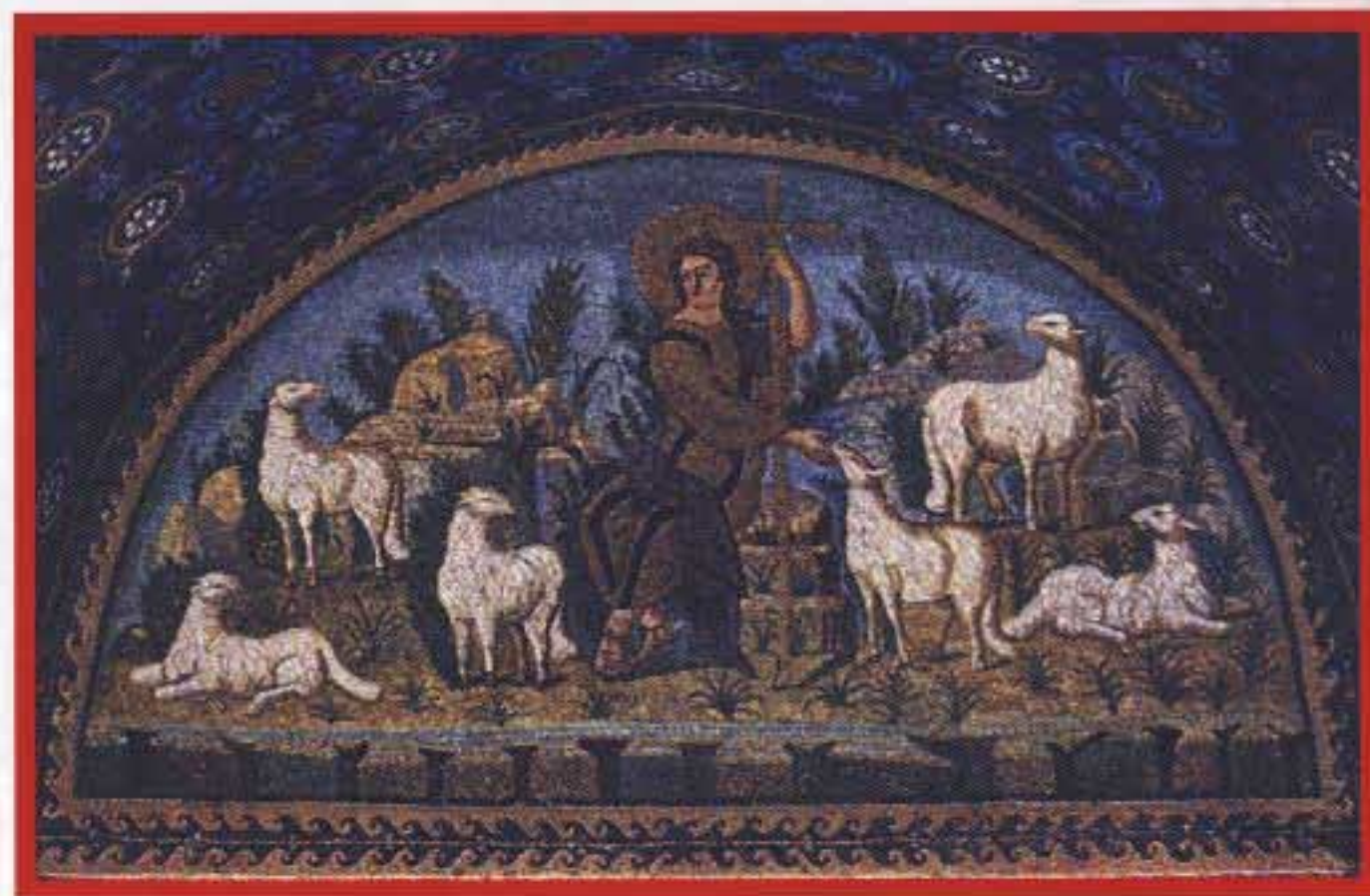
В последующие десятилетия между Византией и королями вандалов сохранялись мирные отношения, хотя все исторические источники неизменно подчеркивают жесткость гонений, которые преемники Гензериха, являвшиеся арианами², периодически обрушивали на ортодоксальных христиан.

После смерти в 477 г. основателя королевства в Карфагене сменился ряд правителей. Старший сын и наследник Гензериха, Гунерих (477–484 гг.) не ладил с вандальской аристократией. Представителей самых знатных родов сжигали заживо, бросали на съедение диким зверям, уничтожали другими, не менее изощренными способами. Тех, кому повезло больше, «всего лишь» калечили, лишали имущества и отправляли на каменные работы³.

Как не старался Гунерих закрепить престол в своем роду, новым королем ван-

далов стал не его сын, а племянник Гунтамунд (484–496 гг.). Ему пришлось отражать набеги кочевников-берберов, то и дело прорывавших южную границу государства. На севере обострились отношения с остготами, которые отняли у вандалов Сицилию и отказались платить им дань.

После смерти Гунтамунда более четверти века правил его брат Трасамунд (496–523 гг.). Он стремился наладить отношения с Византией. Хотя, возможно, что к этому его вынуждали постоянные вторжения мавроберберских племен из пустыни.

Христос Добрый пастырь.
Мозаика, вторая половина V в.

Трасамунду наследовал двоюродный брат (сын Гунериха) Хильдерих (523–530 гг.). Мягкий человек, он восстановил в правах ранее гонимую церковь ортодоксов. Поклонники вандальских традиций и старины считали Хильдериха агентом Византии. Сейчас сложно утверждать, насколько обоснованы были эти утверждения. В любом случае, в результате аристократического заговора, король Хильдерих был свергнут и вместе с ближайшими родственниками заключен в тюрьму (июнь 530 г.).

Последний король вандалов Гелимер (530–534 гг.) приходился Гензериху внуком. Вступив на престол, он сразу же столкнулся с целым рядом проблем. Остготы

¹Муж дочери императора Льва.

²Основоположник этого учения, александрийский священник Арий утверждал, что сын божий сотворен Богом-отцом и, следовательно, в сравнении с ним является существом низшего порядка. Почти все германские племена приняли и долгое время придерживались арианской формы христианства. Православные и католики считали их еретиками.

³Однажды король велел отправить на лесоповал (да, да!) на Корсику группу епископов, отказавшихся дать клятву прекратить отношения с Константинопольским патриархом.

ты отказались признать его законным монархом. В Константинополе автократор Юстиниан I (527–565 гг.) выступил защитником поправленных прав низвергнутого Хильдериха и направил в Карфаген официальную ноту протеста. Со своей стороны Гелимер, считая ортодоксальных христиан византийской пятой колонной, относился к этой категории своих подданных с явным недоверием. В такой обстановке Византия начала готовиться к войне. К этому времени так называемый Вечный мир положил конец пятилетнему конфликту империи с Персией, и у империи высвободились значительные военные силы. Почти тогда же в столице было подавлено восстание «Ника». Теперь Юстиниан намеревался окончательно решить вандальскую проблему.

Современному человеку стремление императора к внешней экспансии может показаться слишком дорогостоящим проявлением честолюбия. Однако, не стоит применять сегодняшние мерки к мыслям и поступкам людей, живших пятнадцать веков назад. Автократор искренне считал необходимым

и справедливым делом возврат западных провинций, ранее отторгнутых у его предшественников варварами. Власть императора исходила от Бога, и перед Господом царь держал ответ за дела свои на троне. В его понимании Империя, как принцип организации общественного устройства, означала порядок и культуру. Таким образом, благо державы, подобной живому организму, не без оснований, отождествлялось с территориальным ростом.

Кроме того, военные победы должны были придать необходимый блеск царствованию Юстиниана, чтобы слава о нем осталась в веках. А тут речь шла о реставрации Римской империи во всем ее величии. Что может быть достойнее? Именно в этом Юстиниан видел долг правителя. Готовясь к походу, император рассматривал его как миссию по освобождению единоверцев из под гнета варваров-еретиков, каковыми являлись германцы-ариане. Недаром, царь воспринимал себя равным апостолам Божиим.

Не следует сбрасывать со счетов и еще один, весьма прагматичный мотив. Не

Императоры Юстиниан и Константин Великий перед Богородицею на престоле. Мозаика из храма Святой Софии. Константинополь, около середины X в.

исключено, что, освободив Запад, Юстиниан намеревался использовать все ресурсы воссоединенного христианского мира в борьбе с давним противником империи — Ираном. Так что автократор вполне мог руководствоваться хотя и субъективными, но целиком деловыми соображениями, ну а выбор средств для достижения поставленных целей — это уже вопрос тактики.

Ближайшее окружение императора было против предстоящей войны, но царь на то и обладал прерогативами автократора-самодержца, чтобы при необходимости не считаться ни с кем. Похоже, он сознательно провоцировал конфликт, заботясь лишь о внешней правомерности своих действий. Император предпринял беспроигрышный ход: он предложил Гелимеру отпустить томящегося в заключении Хильдериха в Константинополь. Если бы узурпатор согласился, то Византия имела все основания вернуть законного монарха на престол, скажем так, «по его просьбе». А поскольку Гелимер отверг требование, то получалось, что он целенаправленно стремится к вооруженному противостоянию, попирая нормы международного права и «общечеловеческие ценности». Теперь уже сами заповеди христианской морали взывали к повелителю ромеев о вызволении доброго короля Хильдериха из узилища и восстановлении его на троне. Психологическая подготовка к предстоящему освободительному походу была проведена византийцами безукоризненно. А если учесть, что вандалы и раньше вели себя кое-как по отношению ко всем соседям, то в преддверии надвигающейся войны они остались без союзников.

В конце июня 533 г. жители Константинополя торжественно провожали армию, отправлявшуюся в далекую Африку. В присутствии царственной четы Юстиниана и Феодоры, синклита и прочих чинов высшего государственного аппарата патриарх Епифаний благословил христолюбивое воинство на ратные подвиги во имя Отца и Сына и Святаго Духа, при заступничестве владычицы Пресвятой Богородицы — Приснодевы Марии.

Проникнутый значимостью момента и возложенной на него миссии, стратиг Велизарий надвинул на голову парадный шлем с пышным султаном и твердой поступью уверенного в себе человека поднялся на борт флагманского дромона.

Юстиниан придавал огромное значение выбору главнокомандующего экспедиционными силами. К этому времени Велизарий уже проявил себя как талантливый полководец в войне с персами, над которыми он одержал ряд ярких побед. С другой стороны, беспощадно подавляя бунт, поднятый чернью в столице, он делом и обильно пролитой кровью доказал безусловную личную преданность государю. В Византии, с ее заговорами знати и предательствами ближайших царских сановников, это качество дорого стоило.

Император Юстиниан I (527–565 гг.).
Фрагмент мозаики из храма Сан-Витале
в Равенне, середина VI в.

Отправляя Велизария в поход, Юстиниан назначил его на должность магистра армий Востока, т.е. главнокомандующего войсками Восточной армии империи. Помимо этого, особой царской грамотой, подписанной пурпурными чернилами и скрепленной свисающей золотой печатью, ему были дарованы экстраординарные полномо-

чия. Все действия Велизария должны были рассматриваться должностными лицами империи любого ранга, как если бы их совершал Юстиниан. Таким образом, императорский хрисовул давал стратигу права самого государя! Человек неясного происхождения (скорее всего, он был славянином), начинавший службу простым солдатом, начисто лишенный аристократических манер, Велизарий становился на высшую ступень иерархической лестницы византийского общества.

Не обладавший даром разработки и проведения стратегических операций, но при этом отличный тактик, умело руководивший действиями больших масс войск. Беспощадный в бою, но милосердный и справедливый к побежденным, воодушевлявший солдат личным примером выносливости на марше и отваги в рукопашной схватке, отлично владевший различными видами оружия, проявлявший заботу о больных и раненых воинах. Вот каков был этот человек.

Неприхотливый в условиях походной жизни, Велизарий требовал от подчиненных неукоснительного соблюдения строгой дисциплины. «Нельзя незаконно давать волю рукам, похищать чужое имущество. Одна храбрость без справедливости победить не может», — говорил он.

Высокий, стройный, красивый, доброжелательный и... трезвый, магистр Востока оказался наилучшей кандидатурой для осуществления военно-политических замыслов Юстиниана. Скоро он полностью оправдывает царское доверие. Ну а пока, до Африки предстоит не близкая дорога.

Выбрав якоря и оставив позади Золотой Рог, подгоняемая мерными ударами весел, эскадра шла Босфором. Жители столицы, высыпавшие на стены, любовались зрелищем редкой красоты и величественности. Прозрачные на покатых гребнях и быстро темнеющие в глубину, зеленые воды несли на юг, в аметист Мраморного моря пятьсот транспортных судов. Только матросов там было не менее 30 000 человек. Все опытные мореходы: ионяне, египтяне, киликийцы. А еще более 15 000 солдат сухопутных войск: пехота и кавалерия, предназначенные для высадки в Африке. Транспорты сопровождали 92 боевых дракона, пригодных как для охранения, так и для ближнего боя с противником.

Рассчитывая маршрут движения, византийцы учитывали возможность противодействия сильного флота вандалов и были готовы к любому развитию событий. Армада Велизария шла через Геллеспонт к Пелопоннесу. Здесь в гавани Мефона находились войска стратигов Валериана и Мартина.

В этом порту экспедицию ждало первое серьезное испытание. Из-за дурной пищи вспыхнула эпидемия, унесшая около 500 жизней. Заменяв пайковый хлеб на местную провизию, Велизарий справился с напастью, а когда, наконец, потянул свежий попутный ветер, корабли снова вышли в море. Но и теперь они шли не к Африке. Главнокомандующий хотел избежать изнуряющего марша по Ливийской пустыне. Поэтому он направил эскадру на Сицилию. Под его командованием находились 10 000 пехотинцев и около 6 000 всадников. Многие из них были варварами-федератами. Здесь же везли и боевых лошадей.

Что же мог противопоставить силам вторжения король (или, если хотите, узурпатор) Гелимер?

Самые громкие победы вандалам всегда приносила конница. Искусству верховой езды юношей учили с раннего возраста, а боевых коней специально разводили. В ходе битвы кавалеристы использовали копья, мечи, а иногда также дротики, лук и стрелы. Последние позволяли вести бой на расстоянии, не вступая в непосредственный контакт с противником. Основной тактической единицей войска являлась тысяча, хотя существовали и более мелкие подразделения.

Приоритет действий кавалерии со временем принес парадоксальные результаты. Вандалы с боями прошли тысячи километров от Паннонии до Карфагена, но так и не приобрели навыков осады крепостей. Овладев северо-западной частью Африки, они оставили города не укрепленными, чтобы можно было легко захватить их в случае возможных мятежей и восстаний местного населения. Даже столица королевства Карфаген не имела крепостных стен.

Отсутствие пехотных формирований негативным образом сказалось в ходе отражения вандалами набегов берберо-мавританских народов из глубины континента. Германская конница начала нести поражения в узких горных проходах Атласского массива.

Недоверие и отчужденность вандалов от местного населения, основанная на разной религиозной вере и имущественном противостоянии (пришельцы конфисковали значительную часть сельскохозяйственных земель и обложили провинциалов тяжелыми налогами), не позволили королям привлекать в армию коренных жителей, хотя какие-то вспомогательные формирования из мавров и берберов (но не римлян) все же существовали.

Еще более важное значение для военного потенциала вандалов имел флот. Благодаря наличию большого количества кораблей, они обрели новую Родину в Африке, а затем держали в страхе значительную часть Средиземного моря. Их учителями были иберийские римляне. Позднее матросов набирали среди пунийских и мавретанских племен, но командный состав (особенно старший и высший) назначался из германцев.

Характер морской войны, сводившейся к внезапным рейдам с целью захвата добычи, диктовал тактико-технические параметры боевых кораблей. Небольшие и быстроходные, они обслуживались экипажами по 40-50 человек. Хотя не стоит забывать, что раз вандалы брали в морские экспедиции лошадей, то значит в их распоряжении имелись и более крупные транспортные суда.

Вполне возможно, что, начиная стратегическое наступление на запад, Юстиниан решил нанести первый удар по Карфагену, а не по государствам готов потому, что он не хотел предпринимать морскую экспедицию в Италию или, тем более, в Испанию, оставив коммуникации своих армий под угрозой нападения флота вандалов.

Зато сухопутная армия Гелимера явно находилась не на пике боеспособности. Среди 200 тысяч германского населения Северной Африки насчитывалось от 30 до 40 тысяч мужчин, способных носить оружие. В действительности войско вандалов оказалось еще меньшим по численности.

Части постоянной готовности размещались гарнизонами в населенных пунктах, обеспечивая внутреннюю безопасность страны, или несли пограничную службу (хотя полностью держать под контролем пустынные рубежи, где везде до-

Вандальские воины. Первая половина VI в.

Проделав наибольший, по сравнению со всеми другими германскими племенами, путь, вандалы заимствовали у народов, с которыми им приходилось иметь дело, разнообразные элементы вооружения. Позднеримские кольчуги соседствовали с пластинчатыми доспехами восточного происхождения. Столь же часто римские мечи и сложносоставные копья применялись наряду с короткими и широкими германскими ножами. Склепанные из нескольких частей стальные шлемы надежно прикрывали голову, а большие деревянные щиты с металлическими накладками защищали корпус. Естественно, что столь мощное вооружение могли позволить иметь лишь представители вандальской знати, обычно сражавшиеся в конном строю.

Иллюстрация Е. Ю. Емельянова.
© В. Н. Шиканов

рога, не представлялось возможным), но противостоять внешнему врагу они оказались не в состоянии.

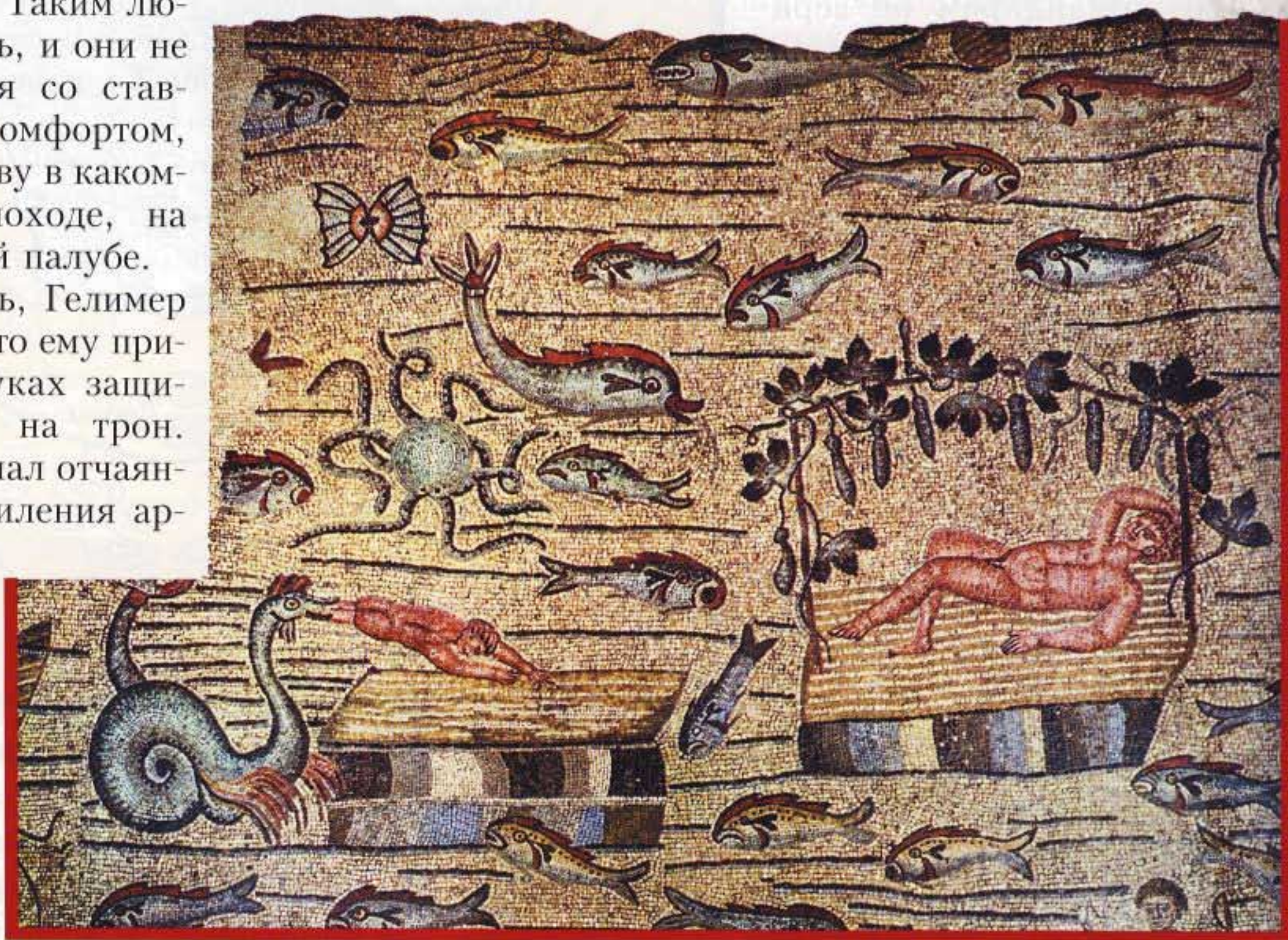
Не в лучшую сторону изменился и боевой дух вандалов. Давно прошли те времена, когда участие в битвах было главным счастьем и смыслом жизни. За прошедшие десятилетия многие германцы обзавелись собственностью: виллами и земельными наделами. Им нравилось носить изящные наряды тонкой работы, унижать пальцы массивными золотыми перстнями, наслаждаться изысканными яствами и зрелищем игр в амфитеатрах. Таким людям было что терять, и они не спешили расстаться со ставшим привычным комфортом, чтобы сложить голову в каком-нибудь дальнем походе, на зыбкой корабельной палубе.

Захватив власть, Гелимер отлично понимал, что ему придется с мечом в руках защищать свои права на трон. Король предпринимал отчаянные усилия для усиления армии и флота, но ему не хватило времени, чтобы подготовиться к встрече с ромеями.

Во многом, победа византийцев над вандалами дошла до нас во всем немеркнущем блеске, благодаря сочинениям историка Прокопия Кесарийского, принимавшего непосредственное участие в тех давних событиях. Он служил личным секретарем Велизария (выражаясь современным языком, являлся офицером штаба экспедиционных сил ромеев в Африке) и обладал ярким талантом писателя. Именно его «фронтовые очерки» позволяют шаг за шагом проследить все драматические перипетии военной кампании стратига Велизария.

Мы расстались с полководцем, когда его эскадра, подгоняемая попутным ветром, шла от Пелопоннеса к Сицилии. Через шестнадцать дней пути корабли ромеев бросили якоря на восточном побережье острова в виду живописного конуса Этны, вздымающегося в бездонное синее небо.

Из пребывания на Сицилии Велизарий извлек максимальную пользу. С помощью своего секретаря Прокопия он получил важнейшие сведения о состоянии дел у противника. Оказалось, что флот вандалов в составе 120 вымпелов, приняв на борт 5000 солдат, отправился на Сардинию, где наместник Гелимера Года поднял мятеж против короля. Сам Гелимер в это время находился не в Карфагене, а в своей загородной резиденции, в четырех днях пути от столицы. Не наблюдалось никаких военных приготовлений и на побережье.

Извержение Ионы из чрева кита. Позднеримская мозаика

Вообще-то, Велизарий крайне опасался морской битвы против вандалов на переходе из Сицилии в Африку. В частях циркулировали нездоровые слухи. Воины открыто говорили, что не выстоят, если им придется сражаться не только с людьми, но и с волнами. Теперь у стратига камень упал с души. Противник сам отдавал инициативу в руки ромеям. Так что можно смело двигаться вперед — к победам и славе. Звонкая медь труб дала сигнал к отправлению, и византийская эскадра (уже не на веслах, а с надутыми ветром щеками парусов) поспешила к берегам Ливии.

Когда флот экспедиции подошел к местечку Капут-Вада, в пяти днях сухопутного

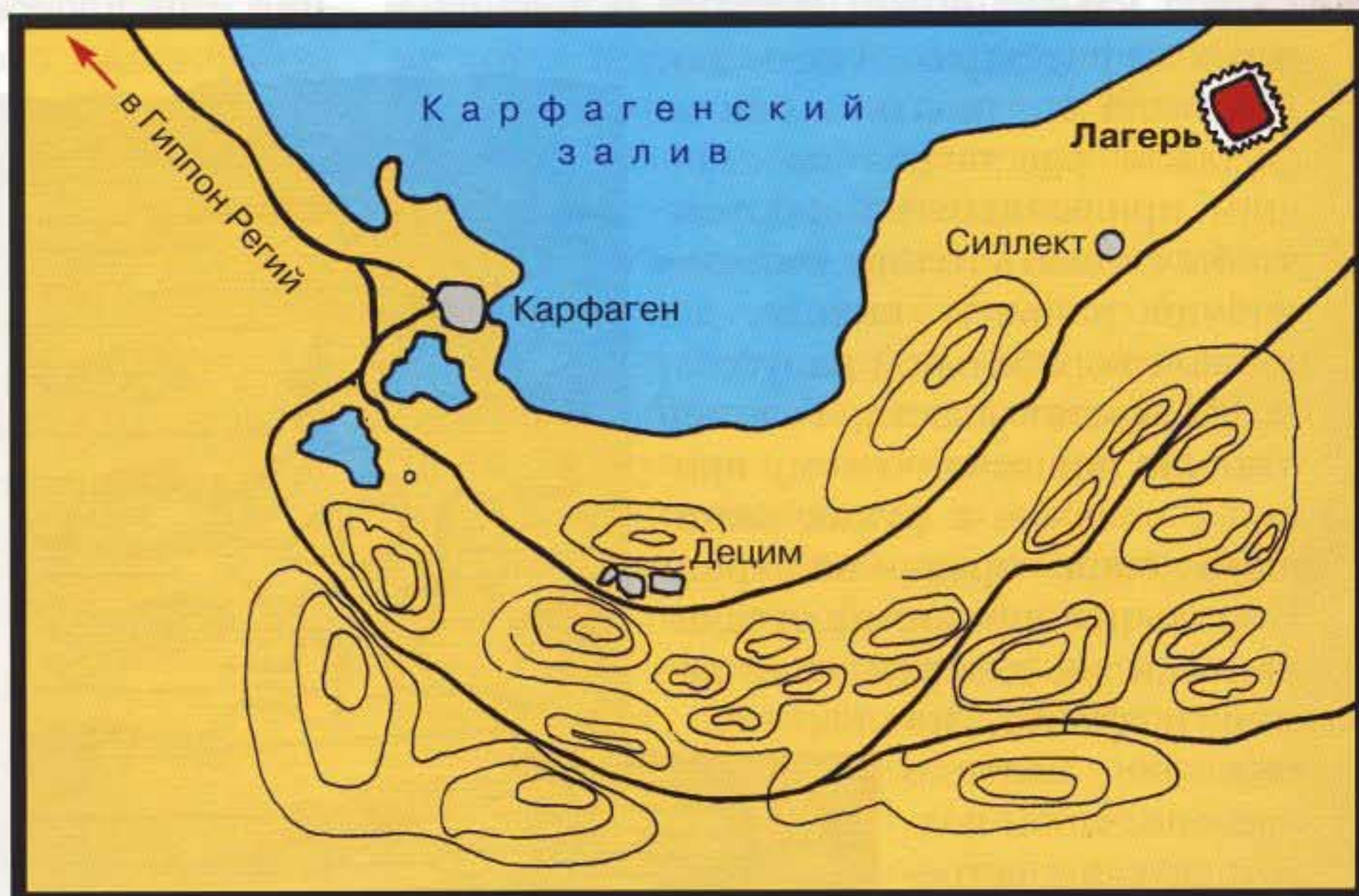
пути от Карфагена, высшие командиры собрались на военный совет, чтобы обсудить дальнейшие действия. Проходил он совсем не просто.

Ряд офицеров выразили сомнения в целесообразности высадки на берег. Для этого имелись веские резоны. Нахождение армии в пустынной, безводной местности может поставить под угрозу срыва выполнение целей экспедиции. Особенно, если внезапная буря вынудит корабли уйти в море, и войско лишится единственного источника снабжения. К тому же командирам не верилось, что вандалы не приготовили какой-то каверзы. Казалось, в любой момент из-за ближних холмов выскочит их прекрасная конница и обрушится на разморенных зноем ромеев, которым даже укрыться негде. Лучше идти морем прямо к Карфагену. Но и это предложение следовало тщательно рассмотреть с учетом всех возможных последствий...

Велизарий рассудил иначе. Он высказался в том смысле, что самым опасным было бы как раз остаться на кораблях. Либо их потопит буря, либо уничтожит в сражении неприятель. Поэтому следует немедленно высадить людей на берег и возвести укрепленный лагерь. Не стоит думать и о нехватке продовольствия. Его обеспечат храбрость войск и наступательная тактика. Первые же успехи дадут армии все необходимое. Ведь «тот, кто побеждает врагов, становится обладателем и того, что принадлежало противникам».

Всех убедили мудрые слова полководца, и теперь каждый воин, от главнокомандующего до рядового, приступил к исполнению своего долга. 31 августа ромеи высадились на желтом африканском берегу. Укрепленный лагерь возвели всего за день, по всем законам фортификации, а когда выкопанный ров начал наполняться водой из подземных источников, люди заметно приободрились. Казалось, сам Вседержитель заботится о чадах своих и в несказанной милости дает им знак предстоящей победы.

На следующий день, когда войско выступило по старой римской дороге маршем на Карфаген, начали приходить другие добрые новости. Передовой отряд византийцев вступил в приморский городок Силлект. Ромеев встретили как освободителей, а начальник местной почтовой станции передал в их распоряжении всех казенных лошадей. Он был уверен, что вандалы уже не вернуться в эти места и не покарают его за измену. Власть императора возвращалась навсегда!

Африканская кампания Велизария. 533 г.

Теперь армия двигалась к столице вандалов. Справа, в пределах прямой видимости, ее сопровождали корабли эскадры, шедшие под распущенными парусами. Слева боевое охранение обеспечивали отряды гуннской конницы. Разведку местности осуществлял авангард, составленный из трехсот отборных всадников вукеллариев (личной дружины Велизария). Наступающие части не встречали противодействия со стороны противника. И все же продвижение шло достаточно медленно (не более 15 км в сутки). Африканская жара оказалась серьезной помехой марширующим колоннам.

По приказу стратега командиры строго следили за тем, чтобы солдаты не обижали местных жителей, так что вскоре «бывшие римляне» сами стали нести византийцам продовольствие, воду и другие припасы, сообщали им сведения о вандалах, помогали в качестве проводников.

Когда войско пришло в Грассу, где находился загородный дворец вандалских монархов, солдаты ощутили себя словно в раю. Кругом струилась прохладная вода из подземных источников. Зеленеющие деревья давали обильную тень, а фруктов было столько, что их ели до пресыщения, но количество плодов почти не уменьшалось¹. «Да на войне ли мы?» — спрашивали себя ромеи. Но война была совсем рядом.

Получив известия о десанте противника, Гелимер словно очнулся и лихорадочными действиями начал восполнять упущенное время. Прежде всего, он повелел умертвить находящегося в заключении свергнутого Хильдериха и близких ему людей. Кроме того, король обратился за помощью к вестготам. Затем Гелимер отдал приказ своему брату Аммате привести в боевую готовность гарнизон Карфагена и всех жителей, способных держать в руках оружие. По замыслу короля это воинство должно было преградить путь ромеям на выходе из теснин между холмами в районе Децима в 13 км от Карфагена. Племянник Гелимера Гибаунд возглавил две тысячи всадников, чтобы атаковать вражеское походное охранение с фланга. Сам король с отборными отрядами намеревался нанести удар в тыл неприятелю. Пока же, незаметно для византийцев, он шел следом за армией Велизария.

Что и говорить, план вандалов был вполне разумен и мог принести успех, но их подвела несогласованность действий отдельных частей войска. Аммата, так и не собрав всех воинов в единый кулак, ввязался в бой с авангардом византийцев. Вукелларии выдержали первый удар врага, а затем стремительно контратаковали монолитной стальной колонной. Аммата погиб в этой стычке, а его люди бежали до самого Карфагена, увлекая за собой все еще тянувшиеся по пыльной дороге разрозненные подкрепления. Потери ромеев составили всего двенадцать человек. Урон неприятеля оказался неизмеримо большим.

Столь же неудачными оказались и действия отряда Гибаунда. В гиблой солончаковой местности он напал на гуннскую конницу, но был полностью разбит в скоротечной схватке и затем рассеян. Боевые

качества противников оказались несопоставимы. Гунны решили, что «Бог послал им иноплеменников, как готовое праздничное угощение».

«Ничего не зная о случившемся, мы шли к Дециму», — вспоминал Прокопий. Главнокомандующий не собирался изменять избранной им осторожной тактике. Не доходя до Децима, армия встала лагерем. На следующий день, оставив на месте пехоту, Велизарий выступил вперед с кавалерийскими частями. Когда передовой дозор конных федератов поднялся на придорожный холм, союзники византийцев увидели густое облако пыли, приближающееся с юга. Это был Гелимер.

С самого начала вандалы попали в невыгодное положение. Король наступал между двух дорог, и обе они оказались заняты неприятелем. Ведь ни гуннов, ни авангард Велизария его помощникам разбить не удалось. Теперь уже не приходилось думать о тонкостях обходных и охватывающих маневров. Конница Гелимера первая взойшла на холм, господствовавший над местностью, и отбила нападение византийских федератов.

Тайная вечеря.
Мозаика из храма Сант Аполлиналио
Нуово. Около середины VI в.

¹Трудно представить, что речь идет о современном Тунисе!

Но дальше снова случилось неожиданное. Вместо того, чтобы преследовать откатывающихся врагов, или, по крайней мере, основательно укрепиться на занятой позиции, вандалы занялись погребением своих воинов, павших во вчерашнем бою с авангардом ромеев. «Имея в руках победу, Гелимер добровольно отдал ее неприятелю», — с удивлением записал Прокопий.

Конечно, король оплакивал брата, но Велизарий не собирался упускать заминку, допущенную противником. 13 сентября он со всей кавалерией стремительно обрушился на потерявших строй германцев и смел их первой же атакой. Вандалы бежали на запад в Нумидию, увлекая и своего короля.

Исцеление Христом болящей.
Средневековая мозаика

Сражение при Дециме — яркий пример того, как заранее разработанный, но в общем-то, «бумажный» план рушится при столкновении с реальной боевой обстанов-

кой, а способный тактик, своевременно реагируя на предлагаемые конкретные обстоятельства, обращает их себе на пользу и наносит поражение более многочисленному противнику. В этом главная заслуга Велизария как полководца.

Проведя ночь на поле одержанной победы, ромеи утром возобновили марш на Карфаген. Православное население загодя готовилось к торжественной встрече освободителей, вандалы молились в храмах о спасении. Ворота были распахнуты настежь, а улицы ярко иллюминированы. Когда с моря показались паруса византийской эскадры, жители опустили цепь, преграждавшую вход в гавань. Велизарий и на этот раз остался верным себе. Опасаясь засад, он не решился вводить войска в город ночью.

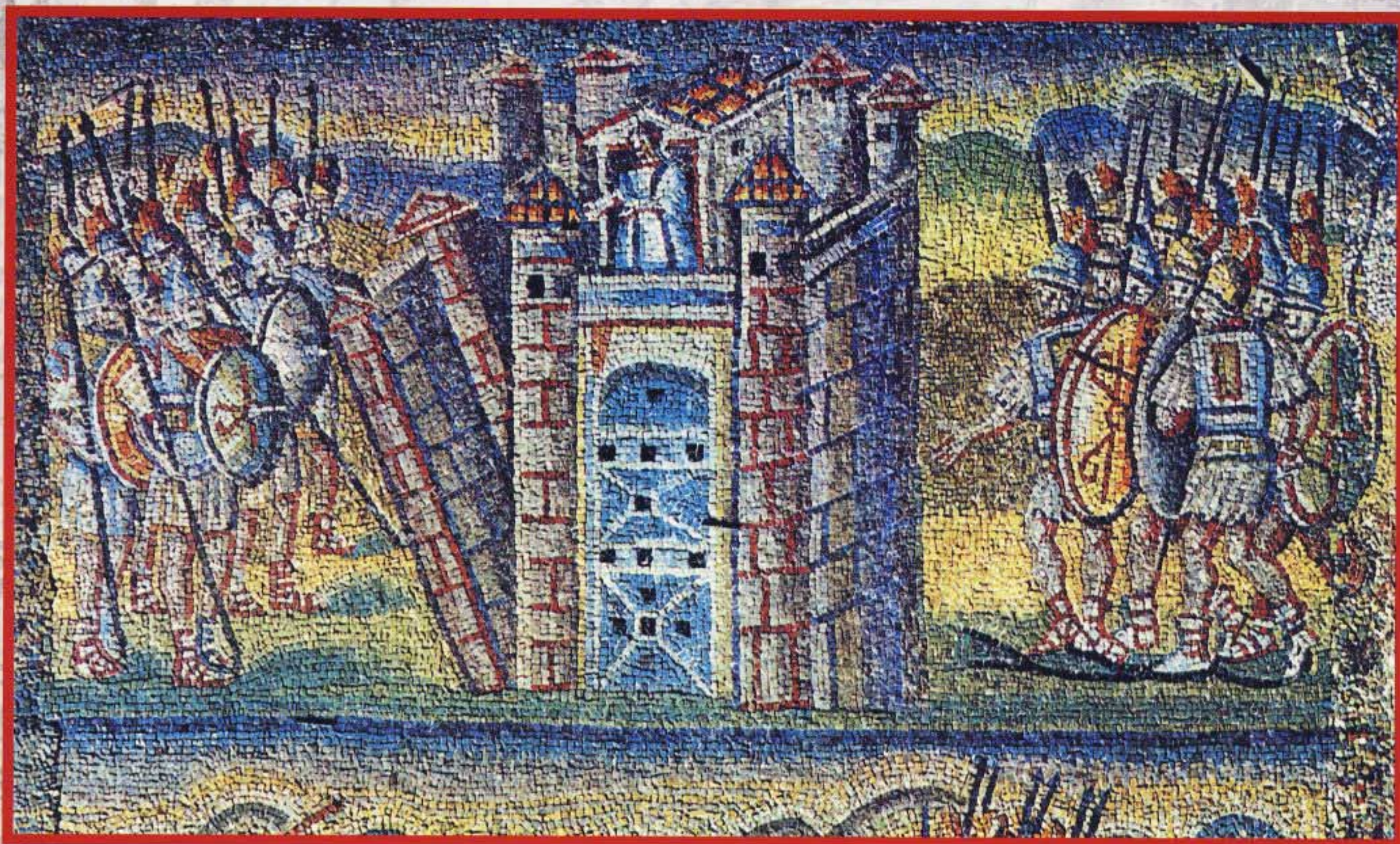
Зато на следующее утро, 15 сентября 533 г. ромеи вступили в Карфаген. Впервые за сто лет горожане увидели победоносную римскую армию, силой оружия восстановившую законную власть и порядок в одной из древнейших провинций империи. Кругом царило ликование, тем более, что Велизарий милостиво обошелся с пленными и лично поручился за безопасность вандалов в городе. Ромеи достойно вели себя на постое в частных домах и аккуратно расплачивались за товары на рынках. Сам Велизарий в присутствии высшего командного состава пировал в резиденции Гелимера, наслаждаясь яствами, приготовленными для короля вандалов.

Все офицеры и солдаты искренне радовались победе. Охваченные легким, опьяняющим настроением, они от души славили главнокомандующего. И все же, одним из первых распоряжений магистра Востока стал приказ о скорейшем восстановлении оборонительных укреплений Карфагена.

Для этого имелись все основания. Гелимер до сих пор оставался во главе своей (хотя и потрепанной) армии и не считал себя побежденным. Даже когда в ноябре того же года император Юстиниан, подобно своим римским предшественникам, принял торжественно-триумфальные имена *Аланский¹, Вандальский и Африканский*, сам Велизарий понимал, что до окончания кампании еще далеко.

Через какое-то время сухопутные силы ромеев заняли большинство крупных насе-

¹Немногочисленное племя аланов было союзником вандалов. В исторической литературе их северо-африканское государство иногда называется алано-вандальским.

Падение Иерихона.

Позднеримская мозаика из храма Санта Мария Маджоре. Рим, первая половина V в.

ленных пунктов. Флот добрался до западной оконечности африканского континента. В самом Карфагене, выражая свою лояльность к восстановлению власти автократора, побывали делегации многих берберских племен. Правда, нашлись и вожди, выступившие на стороне Гелимера. Не имея сил для открытого военного противостояния, король укрылся в труднодоступном горном районе. Здесь он дожидался вестей от посольства, направленного к вестготам, и рассчитывал на возвращение войск, посланных на Сардинию. Ну а пока вандалы развернули настоящую партизанскую войну.

Гелимер установил твердую таксу в золоте за убийство каждого ромея, и вскоре местные крестьяне понесли ему отрезанные головы. Они нападали на одиночных солдат, самовольно отлучавшихся из гарнизонов в поисках добычи в окрестных деревнях. Правда, по сути дела, византийская армия таким образом очищалась от мародеров и других неустойчивых элементов, потому что столь же легко справляться со сплоченными воинскими командами вандалов не удавалось.

Однажды отправившийся на разведку небольшой отряд ромеев (всего 22 человека) во главе с личным телохранителем Велитария Диогеном, заночевал в одном из сел в двух днях пути от Карфагена. Крестьяне немедленно дали знать о прибытии чужаков Гелимеру, и король направил триста всадников, чтобы захватить в плен вражеское подразделение.

Уверенные в собственной безопасности, ромеи уснули, даже не выставив караулов, но вандалы не рискнули напасть на них в темноте. Окружив дом, в котором ночевали византийцы, они решили дождаться утра. Тем не менее Диоген с боем вырвался из приготовленной ловушки и, потеряв двоих воинов, вернулся в расположение главных сил.

Еще более неприятной новостью для Гелимера стал отказ вечно нетрезвого короля вестготов Теоды выступить ему на помощь. Зато в декабре, после подавления мятежа на Сардинии, в Африку вернулся брат Гелимера Цазон. Его пять тысяч опытных бойцов могли в корне изменить военную обстановку. Поэтому король решил покинуть свое убежище и перейти к активным действиям.

Соединение войск вандалов произошло на равнине у города Буллы-Регии в четырех днях пешего пути к северо-западу от Карфагена. Отсюда Гелимер развернул наступление на потерянную столицу своего королевства.

Не зря, совсем не зря Велизарий приказал восстановить стены и башни Карфагена. Когда германцы подошли к городу, то с удивлением обнаружили, что враг находится вне досягаемости их ярости. Как мы уже говорили, штурм крепостей не относился к отработанным приемам военного искусства этого племени. С другой стороны и Велизария нельзя было назвать «генералом Вперед». Поэтому вандалы ограничились блокадой неприятельской армии.

Особых неприятностей ромеям это положение не принесло, ведь, помимо заготовленных запасов, они могли снабжать свой гарнизон по морю. Патовый характер сложившейся ситуации не изменился, даже когда по приказанию Гелимера удалось разрушить старинный водопровод и прекратить подачу в город пресной воды. Наверное, рано или поздно жажда вынудила бы византийское командование принять какие-то решительные меры, но еще раньше терпение иссякло у вандалов. Гелимер отступил и начал использовать против ромеев их же собственные методы борьбы.

В Карфаген проникли лазутчики, которые повели агитацию в частях федератов. Этим агентам удалось внести разложение в ряды гуннов, уверив их, что после окончания кампании Велизарий непустит сынов степей на родину, «принудив их собраться в Ливии и окончить здесь свои дни». Кому же такое понравится?

Разложение зашло очень далеко. Союзники прямо заявили магистру, что «у них нет никакой охоты принимать участие в войне». В другое время стратиг мог бы прибегнуть к жестким мерам для наведения порядка, но сейчас судьба экспедиции висела на волоске, и плодить новых опасных врагов Велизарий не рискнул. Полководцу пришлось держать речь перед командирами вспомогательных отрядов. Он твердо по-

обещал, что после окончательной победы обязательно отправит их домой, да еще с захваченной добычей. Так главнокомандующий восстановил лояльность федератов, а для закрепления эффекта Велизарий приказал, в назидание другим нестойким элементам, повесить на холме одного из пойманных провокаторов. Принятые меры повысили боевой дух армии, и вскоре византийцы сами перешли в наступление.

В середине декабря ромейское войско двумя эшелонами выступило из Карфагена к Трикамару. Первой двинулась конница, сутки спустя Велизарий повел за ней пехоту. Кроме того, главнокомандующий оставил при себе отряд из пятисот отборных всадников. Сведущие в древней истории штабные офицеры знали, что армия идет к Заме. Когда-то в этих местах римляне сокрушили Ганнибала. Теперь наследникам славы легионов Сципиона предстояло положить конец могуществу вандалов.

Непроглядной южной ночью на биваке по остриям ромейских копий вдруг побежал холодный электрический свет¹. Солдаты заворуженно смотрели на бело-голубое свечение. Многие из них были охвачены страхом, потому что не могли разгадать, что предвещает это небесное знамение. Уже следующий день покажет, что то было предвестие победы.

Рубежом, на котором встретились противники, оказалась небольшая речка в 30 км от Карфагена, где сосредоточил свои силы Гелимер. Вандалы первыми выстроили боевую линию. Обращаясь к воинам, король заявил: «Если мы не одержим победу, то лучше всего нам умереть».

После того, как нагнавший передовой отряд Велизарий увидел перед собой темнеющую стену вражеских всадников, он также вывел на позицию кавалерийские части (византийцы даже не успели позавтракать). Пехота еще не появилась, но магистр был уверен, что война выигрывается не количеством бойцов, а их душевной доблестью.

Оба полководца разместили в центре боевых порядков лучшие отряды. Гелимер

¹По видимому, это были разряды атмосферного статического электричества.

ЕМЕЛЬЯНОВ Е.
2007.

расположил там закаленных ветеранов под командованием Цазона, а Велизарий 500 вукеллариев, отличившихся в предыдущих боях. Прочие регулярные подразделения он поставил на правом фланге, а федератам доверил левый. По-видимому, вандалы обладали некоторым численным преимуществом, потому что Гелимер смог выставить не одну, а две боевых линии. Во втором эшелоне у него находились вспомогательные отряды мавретанцев.

Противники долго не решались начать сражение. Затем небольшой отряд византийцев все же перешел реку. Дважды ромеи бросались на центр варварского войска и оба раза им приходилось отступать. Но это была лишь разведка.

Для третьей атаки понадобились большие силы. Один из лучших военачальников Велизария Иоанн, под знаменем с Крестом Животворящим, повел в бой почти всех копьеносцев и щитоносцев. Плотная масса людей с грозным боевым кличем вступила в неширокую реку, запрудила ее собой, а когда вышла на другой берег, то, не теряя времени на перестрелку, завязала рукопашную схватку.

Германцы дрались очень упорно. Перелом наступил, когда от удара меча брат Гелимера Цазон покачнулся и выпал из седла. Вандалов охватило смятение, а Велизарий произвел общую атаку по всему фронту. Теперь ромеи практически не встретили сопротивления. Вражеское войско поспешно откатывалось назад. Конница гуннов преследовала неприятеля, но как-то вяло. Вандалам удалось укрыться в лагере, и Велизарий, не решаясь на штурм вала, отвел свои части назад. На поле битвы остались до 800 воинов Гелимера. Прокопий, наблюдавший за ходом сражения, уверяет, что византийцы потеряли менее 50 человек.

Напомним, что с обеих сторон в бою участвовала только кавалерия. Когда к Велизария подошла, наконец, пехота, он, несмотря на позднее время, повел армию на штурм лагеря. Вот теперь вандалам (а было их не менее 50 тысяч человек) пришел конец.

Первым, не думая о подданных, бежал Гелимер. За ним, бросив на произвол судьбы собственные семьи, находившиеся вместе с войском на биваке, исчезли в ночной темноте мужчины. Они изо всех сил насте-

гивали коней, но ромеи умело организовали преследование и перебили много деморализованных врагов. Плачущих женщин и детей обращали в рабство. Кроме того, византийцы неслыханно обогатились за счет захвата королевской казны. Добыча, почти сто лет доставлявшаяся пиратскими кораблями вандалов в Карфаген со всего Средиземноморья, послужила увеличению славы империи.

В пьянящей атмосфере триумфа Велизарий сохранил озабоченную серьезность. Ему предстояло восстановить дисциплину в войске, увлеченном дележом сокровищ, и принять меры для захвата вражеского вождя. С этой целью главнокомандующий направил по следам Гелимера особый отряд из 200 лучших всадников. Другие подразделения разыскивали вандалов, рассеявшихся после битвы по всей округе (в основном, они искали убежища в храмах). Их разоружали и под конвоем отправляли в Карфаген. Всем пленным Велизарий обещал неприкосновенность. Кампания, начинавшаяся в обстановке неопределенности, завершалась полной победой ромеев.

А Гелимер бежал все дальше, сначала в приморский город Гиппон-Регий, а затем в горы в глубине континента. В районе массива Паппуа его нагнал и блокировал отряд герульской конницы. Их командиру Фаре Велизарий приказал ограничиться плотной блокадой, надеясь, что недостаток продовольствия вынудит Гелимера капитулировать. Его пленение становилось лишь вопросом времени.

Велизарий вернулся в Карфаген и приступил к новым делам. Стратиг послал флот, чтобы установить контроль над Сардинией и Корсикой. Его военачальники заняли важные в стратегическом отношении Цезарею и Септем, а также Балеарские острова. Все эти операции были успешно осуществлены. Зато попытка ввести гарнизон в крепость Лилибей на Сицилии привела к резкому осложнению отношений с остготами.

Пока же Гелимер и немногие оставшиеся с ним приближенные очень страдали от голода. Но и в плен они сдаваться тоже не хотели. Больше, чем угроза смерти, их страшила участь рабов. Три месяца длилась эта осада. Король, лишившийся трона, стойко переносил невзгоды, но когда Гели-

мер увидел, как его любимый племянник озверело сцепился с другим мальчиком за грязную лепешку, испеченную в золе, сердце его не выдержало. Владыка державы, некогда распоряжавшейся судьбой Рима, решил покориться воле врагов. Он сдался при условии гарантий безопасности для себя и всех своих спутников. Это произошло в конце марта — начале апреля 534 г.

Таким образом, война завершилась победой Византии. Велизарий триумфально вступил в Константинополь, сопровождаемый личным эскортом вукеллариев, так отличившихся в минувшей войне.

Жителям столицы, во множестве собравшимся на ипподроме, особенно льстило, что стратиг вернул сокровища, некогда захваченные варварами в Риме. Были здесь золотые троны и повозки, тонкой работы кубки и украшения, усыпанные драгоценными камнями. Серебро же измерялось десятками тысяч талантов. Особо примечательными трофеями являлись иудейские древности, почти пять веков назад вывезенные императором Титом из Иерусалима!

Кульминационным пунктом шествия стало появление самого Гелимера и других знатных вандалов во главе нескольких тысяч пленников. Когда с бывшего короля сняли пурпурное покрывало и заставили пасть ниц перед императором, многотысячная толпа взорвалась криками восторга, а Гелимер лишь отрешенно твердил ветхозаветное: «Суета сует и всякая суета».

Автократор, в несказанной своей милости, пожаловал Гелимеру и его родственникам богатые поместья в Малой Азии, но официальных титулов не присвоил, так как они не захотели перейти из арианства в православие. А еще довольный Юстиниан повелел отчеканить золотой медальон в честь победы над вандалами, и, вещь неслыханная, на нем вместе с императором был изображен Велизарий. Его портрет сопровождала красноречивая надпись: «Велизарий — слава римлян». Год спустя, стратиг стал консулом.

Казалось, для империи вернулись лучшие времена. Позднее в Кодексе Юстиниана появилась гордая фраза: «Господь наградил меня своей милостью, дозволив мне возвратить одну из римских провинций и уничтожить народ вандалов». После отвоевания Африки, по воле императора, там бы-

Византийские браслеты. VI–VII вв.
Золото, жемчуг, драгоценные камни

ло заново отстроено и восстановлено 150 городов. Вряд ли эти масштабные действия были продиктованы исключительно честолюбием одного человека.

И все же, какова оказалась цена этого успеха? Восстанавливая величие державы, византийские власти ввели на отвоеванных землях в Северной Африке такие налоги, что в 534 г. восстало племя маврусиев. Через год префект претория Африки евнух Соломон утопил его в крови. Но это было только начало неприятностей, обрушившихся на империю.

В 536 г. вспыхнул еще более опасный бунт. На этот раз его подняли сами византийские солдаты. Причиной возмущения стала политика центральных властей, грубо нарушивших ранее данные обещания. Воины не получили земельных наделов. Кроме того, им не выплачивали жалованье. Мятежников возглавил некий Стоца. За ним пошли опытные ветераны (всего около 9000 человек, или 2/3 армии), а у наместника в Карфагене вообще не оказалось надежных воинских частей. Дошло до того, что на Пасху Соломона едва не убили. Он спасся, бежав морем на Сицилию. После этого в Африку вернулся Велизарий.

Стоца поспешно отступил и занял выгодную позицию у Мембрессы в 70 км. от Карфагена. Его люди расположились на

укрепленной высоте и располагали численным превосходством. Но дальнейшие события показали, что уровень полководческого мышления у солдата и стратега несопоставим.

Со стороны византийцев поднялся сильный ветер, и Стоца решил, что стрелы противника обрушатся на его войско с удвоенной силой, в то время как повстанцы не смогут причинить врагу никакого урона. Поэтому вождь мятежников решил передвинуть армию вдоль фронта неприятеля.

Велизарий удивился столь рискованному маневру, а затем произвел общую атаку. Это нападение полностью деморализовало бунтовщиков. Не принимая боя, они обратились в бегство. Победа досталась ромеям почти без кровопролития, зато в брошенном вражеском лагере они захватили множество вандальских женщин, которых считали главными зачинщицами бунта¹.

Но даже теперь мятежу не пришел конец. Когда Велизарий отплыл на Сицилию, не до конца затушенный костер запылал с удвоенной силой. Власти контролировали лишь несколько укрепленных пунктов в приморской полосе и боялись продвинуться в глубь континента.

Положение в Африке настолько обеспокоило Юстиниана, что император решил отказаться от поспешных экспромтов. Следующую кампанию он готовил очень тщательно. В Карфаген прибыл двоюродный брат царя Герман, наделенный самыми широкими полномочиями и значительными денежными суммами. Щедрыми выплатами (были погашены все долги по жалованью) он вернул в строй большую часть воинов, а с непокорными жестоко расправился.

Император Юстиниан.
Золотой медальон,
около 534 г.

Воевать пришлось по всем правилам, ведь с обеих сторон сражались профессионалы, тут уж не до любительских концепций боя, основанных на эмоциях. В 537 г.² у Скалэ Ветерис в Нумидии произошло ожесточенное сражение. Противники обладали примерно равными силами (по 10–15 тысяч воинов). Мятежники первыми начали отвлекающую атаку против левого фланга фланга византийцев, сковав лучшие части кавалерии Германа. Зато свой главный удар они нанесли по правому флангу неприятеля, где ромеи не выдержали натиска и начали отход, все более походивший на бегство. Только когда Герману удалось восстановить положение на левом фланге армии, он перешел в контрнаступление и смелым обходным маневром вышел врагу в тыл. Одновременно аналогичный бросок совершили два кавалерийских отряда византийцев, стоявших отдельно на крайнем правом фланге. Теперь уже войско Стоцы охватила паника и, теряя боевой порядок, оно устремилось к своему лагерю. Сам главарь мятежников бежал в Мавретанию. С пленных Герман строго не взыскивал, но ему не долго пришлось почивать на лаврах.

Зимой восстал вроде бы вполне надежный гарнизон Карфагена. Устроив резню на ипподроме, Герман справился и с этой задачей, но Юстиниан остался недоволен победами, постоянно плодящими новых врагов. Кроме того, на востоке снова осложнились отношения с Персией, так что император перевел родственника в Антиохию на Оронте. Неизвестно, сильно ли переживал Герман, зато ему не пришлось подавлять очередные мятежи в «зачищенной» провинции.

Вновь ставший наместником Соломон начал круто наводить порядок. По распоряжению евнуха из страны выслали множество «подстрекателей», в основном вандалов и их женщин. Затем он с переменным успехом воевал против маврусию. Весной 544 г. произошла катастрофа. В шести днях пути от Карфагена у Колонии Киллитана византийцев наголову разбили, а наместник Африки во время бегства упал с коня и был добит варварами.

¹В основном это были вдовы вандалов, которые вышли замуж за ромейских воинов и требовали от новых супругов восстановления прежних земельных наделов. Казна же считала эти земли собственностью императора.

²По другим данным в 539 г.

Воспользовавшись возникшим замешательством, вновь активизировал свои действия Стоца. Он возглавил объединенные силы берберов и вандалов, а затем к нему опять во множестве стали присоединяться ромейские перебежчики и дезертиры.

Стоца погиб в бою, но огромные массы бунтовщиков двинулись на Карфаген. В то же время в самом городе поднял мятеж авантюрист Гонтарис. Он занимал важный командный пост в имперской армии, но мечтал о создании собственного государства. Его правление продолжалось всего 36 дней, после чего прямо на праздничном пиру убили и его. Теперь к власти пришли старшие офицеры карфагенского гарнизона, выразившие лояльность императору. Но даже после этого понадобилось еще два года, чтобы восстановить порядок в провинции. В 548 г. Африка

окончательно покорилась Юстиниану, а вандалы — целый народ, исчезли без остатка и навсегда. Большинство были истреблены, остатки смешались с местным населением.

Непосредственный участник тех событий, историк Прокопий видел оставшиеся без жителей селения и трупы, валявшиеся вдоль дорог. Так в его книге появились следующие горькие строки: «Сколько народа погибло в Африке, я не знаю, но думаю, что погибли мириады мириад».

В дальнейшем образованный на территории королевства вандалов Карфагенский экзархат играл важную роль в политической, социальной и военной структуре империи. И все же, эти заморские владения империи постигла печальная участь. К концу VII столетия их завоевали продвигавшиеся с востока арабы.

ОСТГОТЫ

*Сроки страшные близятся. Скоро
Станет тесно от свежих могил.
Ждите глада, и труса, и мора,
И затменья небесных светил.*

А. Ахматова

Самые упорные и опасные противники-германцы — готы досаждали Римской, а затем и Византийской империи веками. Впервые народы, которые могли являться предками готов, упоминаются в I веке н.э. В качестве их прародины древние авторы называли некий остров Скандза. Возможно, речь идет о современном шведском Готланде и побережье Скандинавского полуострова.

Позднее готы перебрались за море, на земли, прилегающие к устью Вислы. Но и здесь они не остались. Многие тысячи людей снялись с обжитых мест и двинулись на юг. В III веке римлянам известна страна Готия, под которой уже подразумевались обширные пространства в Северном Причерноморье.

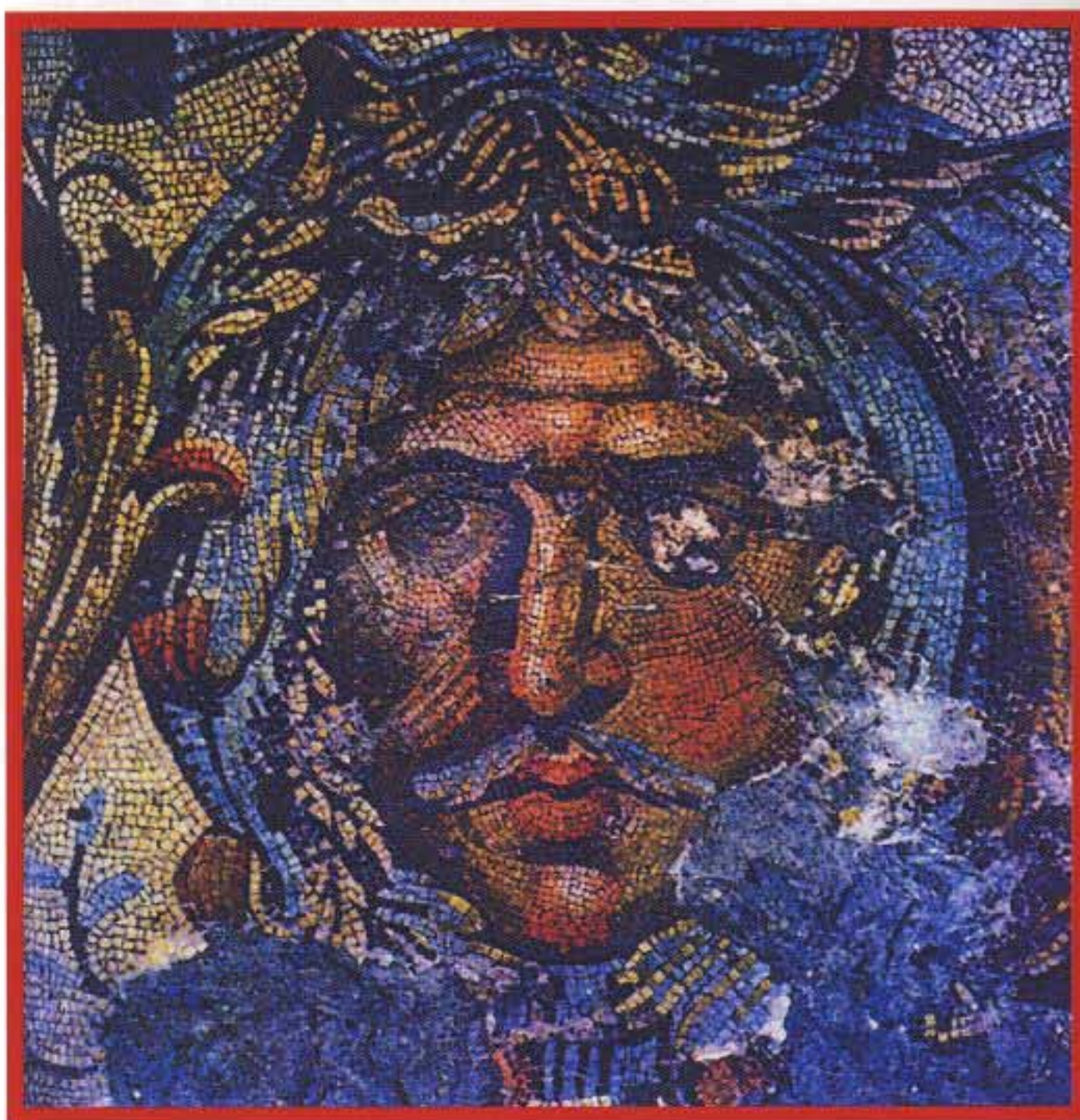
Значение этнонима «готы» с трудом поддается расшифровке. Обычно его истолковывают как «мужчины» (в смысле «люди», так как женщины в те суровые времена, по-видимому, могли считаться таковыми лишь с большой долей условности). Наиболее ревностные поборники лингвистических истин идут еще дальше. По их мнению, готы это не просто мужчины, а «производители потомства» (почти как «жеребцы»).

Можно себе представить, насколько беспокойными оказались столь энергичные соседи для дряхлеющей империи. В середине III столетия римляне с трудом отбивались от германцев. Император Клавдий II нанес варварам ряд тяжелых поражений и в 269 г. даже принял почетный титул «Готский», но его победы принесли лишь временную передышку. Новый цезарь Аврелиан сражался против готов с переменным успехом и, в конце концов, вынужден был уступить им Дакию. Тем не менее, тесно контактируя с империей, пожалуй, именно готы оказались самым романизированным германским народом. Многие из

них служили в составе римской армии в отрядах союзников-федератов.

Ареал обитания готов был настолько значительным, что западная и восточная ветви этого племени значительно обособились. За жителями низовьев Днестра закрепилось наименование остготов; вдоль нижнего течения Днестра жили вестготы¹.

Еще дальше развели два народа внешнеполитические факторы. В 70-е годы IV века в Причерноморье появились безжалостные пришельцы — гунны. Нанеся германцам ряд поражений, они подчинили остготов, а вестготов вынудили переселиться за Дунай, во Фракию. В середине V столетия готы, оказавшиеся в разных лагерях (вестготы с римлянами, а остготы с войском Атиллы), истребляли друг друга в битве на Каталунских полях.

Голова мужчины (возможно, портрет готского вождя). Мозаика из Большого Константинопольского дворца

С распадом гуннского племенного союза, остготы восстановили деловые отношения с империей. Вновь обретенные федераты получили земли для расселения в Паннонии. На условиях ежегодной выплаты субсидий они должны были охранять значительную часть дунайской границы. Когда

¹Существует и другая этническая классификация: остроготы («сияющие в лучах восхода», т.е. опять таки «восточные») и визиготы («благородные»).

восточный император Лев I (457–474 гг.) решил пересмотреть условия ранее заключенного договора и отказался внести положенную дань, готы вторглись в Иллирию и дошли до Эпира. Византия оказалась не в состоянии противостоять этому рейду и откупилась золотом. Затем наступило некое подобие мира. Во всяком случае, Константинополю пришлось закрывать глаза на разбойничьи набеги отдельных готских отрядов.

Следующий император Зинон (474–491 гг.) пытался лавировать, предлагая высокие откупные суммы, затем он перешел к открытым военным действиям. Победы чередовались с поражениями. А еще Зинон боролся с узурпаторами, пытавшимися свергнуть его. Император обратился за содействием к одному из вождей федератов Теодориху. Откликаясь на призыв о помощи, готы двинулись к столице. Вели они себя совсем не как союзники. Готы захватывали города, так что их марш напоминал наступление вражеской армии. Зинон готовился к обороне, но Теодорих, конечно же, не мог взять штурмом такую первоклассную крепость как Константинополь. А затем блистательный ум ромейских дипломатов взял верх над наивным простодушием варваров.

Византийцы убедили Теодориха выступить в поход, чтобы, в качестве представителя императора, навести порядок в Италии. Дело в том, что еще в 476 г. вождь наемного германского отряда Одоакр сверг последнего западного императора подростка Ромула Августа. В Византии это событие не вызвало почти никакой реакции. Ведь Одоакр отослал в Константинополь имперские регалии, заявив, что «подобно солнцу на небе, императору следует быть одному на земле». Таким образом, варвар признал себя вассалом Зинона, и государь пребывал в уверенности, что Одоакр станет послушным исполнителем его воли на западе. Однако германец проводил вполне независимую политику. После этого в Константинополе созрел план наказать зарвавшегося наглеца с помощью остготов.

Зинон и Теодорих остались довольны заключенной сделкой, хотя каждый из них преследовал свои цели. Император удалял воинственных варваров из пределов Византии, а Теодорих надеялся стать самостоятельным правителем, лишь номинально зависимым от империи.

Мозаика из церкви Святой Констанцы в Риме. IV в.

Расчет Теодориха полностью оправдался. В 488 г. он вторгся в Италию. Одоакр какое-то время пытался сопротивляться, но в феврале 493 г. был вынужден заключить договор о разделе власти с Теодорихом. С самого начала подписанты не придавали серьезного значения этому документу и лишь ждали случая, чтобы устранить конкурента. Не прошло и двух недель, как Теодорих пригласил Одоакра на дружескую пирушку. Здесь он хладнокровно зарезал захмелевшего гостя. Члены семьи Одоакра и вообще все лица, сохранявшие ему верность, также были умерщвлены. Их кровь окропила рождение королевства остготов в Италии.

За Теодорихом (493–526 гг.) в истории прочно закрепился эпитет Великий. Расселив готских воинов и членов их семей в Италии, он не вмешивался во внутреннюю жизнь коренного населения Апеннинского полуострова. Для него, по-прежнему, действовали нормы римского законодательства. В разоренной войнами и измученной политической нестабильностью стране наметился подъем сельского хозяйства. Города украсились замечательными зданиями, причем строили не только церкви и дворцы, но также водопроводы и бани. Налаживалась хозяйственная жизнь, процветали

наука и искусство, торговля и ремесла. Среди правителей других варварских государств Теодорих пользовался наибольшим авторитетом, часто выступая в роли арбитра.

**Теодорих
Великий**
(493–526 гг.).
Золотой медальон

Проводя активную внешнюю политику, Теодорих присоединил к своему королевству Сицилию, Прованс, приальпийские земли. Посредством тонких династических комбинаций он установил контроль над государством вестготов.

Основу мощи державы Теодориха составляло войско. В ранний период своей истории готы сражались в основном в пешем строю. Конными могли быть относительно небольшие личные дружины племенных вождей.

Организационной боевой единицей была сотня воинов, как правило, состоявшая из членов одного рода (клана). Родственные связи делали готов более стойкими, обеспечивали сплоченность, взаимовыручку и настойчивость в стремлении одержать победу. Для битвы сотня выстраивалась в виде клина, чтобы в ходе атаки прорвать фронт противника или подавить его волю к сопротивлению, напугать и вызвать панику.

Чтобы противостоять надежно защищенной доспехами пехоте римлян, готы стремились навязать противнику бой на неудобной местности, напасть на врагов из засады. Вражескую конницу германцы встречали, укрывшись за валами специально возведенных укрепленных лагерей. Такая тактика позволяла сократить до минимума урон от стрел неприятельских лучников. На походе надежную защиту давало быстро сооружаемое ограждение из повозок — вагенбург.

В одном из древнейших письменных памятников — готском переводе Библии имеются специальные термины для обозначения доспехов, брони (панциря), щита, шлема и меча. Затем появились названия копий, лука и стрел, хотя оружие дальнего боя, долгое время не получало широкого распространения и, в основном, применялось простолюдными.

Сохранилось упоминание, что в битве при Адрианополе (378 г.) готы забрасывали врагов здоровенными дубинами из обожженного дерева. Вообще-то, такое оружие считалось недостойным германских витязей. Но в тот раз речь шла о жизни и смерти целого народа. Так что в развернувшейся «тотальной войне» участвовали не только профессиональные воины, а практически все мужчины племени, и использовали они любые средства борьбы.

В Италии готы¹ расселились компактными группами в областях, наиболее опасных с точки зрения вероятности вражеского вторжения — прежде всего на северо-востоке Апеннинского полуострова. Каждый взрослый и здоровый мужчина был обязан нести военную службу. Коренные жители Италии, напротив, в армии не служили. Им даже запрещалось носить оружие.

Быть готом — прежде всего, значило быть воином. Для их содержания выделялась 1/3 налогов. В городских округах готам отводились специальные места для постоя. Кроме того, они становились и собственниками земельных участков.

В Нижней Италии и на Сицилии, а также на северо-западе страны военное присутствие готов было представлено отдельными гарнизонами. Вряд ли их численность в каждом конкретном случае превышала 400–500 человек. Таким воинам выплачивалось регулярное денежное жалованье.

На севере (прежде всего в Альпах) рубежи королевства охраняли федераты из числа союзных готам германских племен.

В итальянский период своей истории большинство остготов уже были конными воинами. Они составляли главную ударную силу королевской армии. По некоторым оценкам численность кавалерии Теодориха могла достигать до 5000 человек. Позднее,

¹Теодорих привел в Италию не только готов, но, чтобы не отвлекаться от главной темы нашего повествования, будем считать, что иноплеменные элементы в его войске со временем слились в единый готский народ.

в ходе войны с Византией, мобилизационный потенциал королевства, по-видимому, позволил довести армию до численности в 30 тысяч человек (конницы и пехоты вместе).

Считается, что вооружение готов практически не отличалось от римских образцов. Его защитная часть состояла из стального шлема, склепанного из нескольких сегментов и снабженного назатыльником и нащечниками, а также длинной панцирной рубахи (кольчужной или матерчатой, с нашитыми роговыми пластинками). Щиты, круглые или овальные по форме, изготавливались из дерева, обтягивались тканью или кожей и усиливались в центре металлическим умбоном.

В качестве наступательного оружия применялись мечи, кинжалы, копья и дро-

тики. Мечи воспроизводили римские образцы (длиной в 600–850 мм), либо представляли оригинальные германские конструкции. Меч носился на плечевой портупее, в деревянных, обтянутых кожей ножнах. На пояс мог носиться обоюдоострый кинжал с клинком около 250 мм. Но этот вид оружия не являлся особо распространенным.

Основным наступательным оружием кавалерии было копье. Оно состояло из трехметрового древка с заостренным кованым наконечником, наносившим болезненные колющие раны. Атака тесно сомкнутого строя готских всадников на защищенных доспехах лошадей, с трепещущими флажками-флюгерами на концах копий, неизменно производила сильное впечатление на противника.

Остготские воины. VI в.

Армия Теодориха Великого и его преемников испытала наибольшее влияние традиционной римской военной организации. Долгое время основу готского войска составляла тяжеловооруженная пехота. К началу Итальянской войны германцы обладали вооружением почти не отличавшимся от боевого оснащения ромеев. В его состав входили клепаный шлем с нащечниками и назатыльником, кольчуга, большой деревянный щит, обтянутый кожей и снабженный металлическим умбоном. Мечи также часто повторяли римские образцы. Кроме того в бою применялись кинжалы, копья и укороченные метательные дротики. Уже в ходе боевых действий против Византии широкое распространение получили подразделения мобильной конницы. В особенности знатные воины предпочитали сражаться верхом на лошадях. Один из таких представителей знати изображен на рисунке. Его ранг подчеркивают султан на шлеме и чрезвычайно сложный в изготовлении, дорогой пластинчатый панцирь.

Иллюстрация Емельянов В.В.
Е.Ю. Емельянова.
© В.Н. Шиканов

Дротик представлял собой укороченное копье и использовался в качестве метательного оружия.

Теодорих уделял большое внимание обеспечению войска вооружением. Для этого в Италии существовали специальные мастерские. Верховых лошадей поставляли государственные конные заводы.

Упор готов на боевое применение кавалерии отразился на их тактике. В бою конница могла наносить таранные удары, но применялись также внезапные атаки на противника из засады. В случае неудачи первого натиска, всадники отступали за строй своей пехоты. Приведя себя в порядок и подтянув резервы, они повторяли нападение. Если противника удавалось опрокинуть, то готы немедленно старались развить успех. В таком случае, преследование превращалось в избиение охваченного паникой неприятеля.

С другой стороны, пренебрежение, с которым готы относились к луку, неоднократно позволяло византийским конным лучникам не подпускать германцев на дистанцию ближнего боя и наносить им поражение.

Лук состоял на вооружении готской пехоты, но эти подразделения обладали низкой подвижностью и несли большой урон от стрел врага и лобовых атак его кавалерии. Зато тяжелая пехота, оцетинившаяся копьями и под прикрытием стены щитов, могла представлять для вражеской конницы

серьезное препятствие. С ослаблением королевской власти в ходе неудачной войны, качество комплектования пехоты, снабжения вооружением и другими предметами снаряжения ухудшились. Строевой подготовке пеших воинов, отработке навыков владения оружием, слаженности действий подразделений уделялось все меньше внимания. В результате, боеспособность пехоты падала. Негативно отражались на боевых свойствах войска и перебои в снабжении продовольствием. Иногда даже крупные полевые отряды (уже не говоря о гарнизонах осажденных крепостей), не имея возможности прокормиться, прекращали сопротивление, рассеивались или сдавались в плен.

В III веке небольшие быстроходные корабли готов наводили ужас на прибрежные территории, тем более странно, что переселившись в Италию, германцы утратили навыки мореходов. Сколько-нибудь значимого военного флота у них так и не появилось. Теодорих долгое время сознательно отказывался от обзаведения военноморскими силами. Наконец, он задумал построить боевую армаду для экспедиции против вандалов, но прежде чем этот план был реализован, король умер, и недостроенные суда так и не сошли со стапелей. Попытки короля Тотилы создать флот в ходе Второй войны готов против Византии не принесли успеха. Эти малые суда не могли на равных противостоять эскадрам ромеев.

Военно-инженерное дело также не получило у готов особого развития, хотя и сохранились сведения об использовании готами таранов, осадных башен и других приспособлений. Германцы блокировали крупные населенные пункты, но старались избегать штурмов и отчаянных приступов, предпочитая брать крепости измором, нарушая водоснабжение, или благодаря измене в осажденном гарнизоне. Еще труднее им было удерживать города.

С другой стороны, весьма впечатляюще выглядели колоссальные по объему работы по возведению

Дворец короля Теодориха. Мозаика из храма Сант Аполлинарио Нуово. Равенна, первая половина VI в.

плотин или выкапыванию рвов, с помощью которых готам удавалось отводить воду или, наоборот, затапливать обширные территории. При этом разрушались мосты, становились непроходимыми дороги, даже менялся рельеф местности.

В своем сочинении «О войне с готами» Прокопий приводит немало ярких и абсолютно реальных тактических примеров ведения боевых действий, но о них речь впереди.

Долгое правление Теодориха сулило его народу и королевству блестящие перспективы. Тридцать три года трон в Равенне занимал по-настоящему незаурядный человек. Маленькие дети, родившиеся, когда готы пришли в Италию, успели повзрослеть, обзавестись собственными семьями, а некоторые даже оставили сей бранный мир. Ведь голод, болезни и войны, постоянно сопровождавшие человека Средневековья, совсем не способствовали продолжительности жизни в ту беспокойную эпоху. Тем, кто выжил, казалось, что их король царствовал всегда и, несмотря на семидесятипятилетний возраст, будет управлять страной еще неограниченно долго.

Изменения начались неожиданно. 30 августа 526 г. Теодорих скончался от дизентерии. Сыновей у него не было, а зять умер еще раньше, так что королем стал десятилетний внук Теодориха, Аталарих (526–534 гг.). Реально же власть перешла к его матери Амаласунте. Регентша поддерживала добрые отношения с Византией и хотела дать сыну классическое воспитание. Такое желание вызвало открытое недовольство в кругах знати. Высокопоставленные сановники и (что особенно важно) военачальники настаивали, чтобы все греческие и латинские учителя были изгнаны из дворца, а молодой король, внешне необыкновенно походивший на деда, мужал в духе национальных традиций. Хранители заветов старины исходили из того, что «науки никого не научили мужеству, а делали людей робкими и ничтожными».

Ладно бы, если юношу обучали только военному делу. Но закалка его характера проводилась в ходе бесконечных хмельных пирушек и с помощью доступных женщин, да еще столь интенсивными темпами, что «от излишеств» Аталарих впал в чахотку и 2 октября 534 г. умер. Ему не исполнилось и 18 лет!

Мавзолей Теодориха Великого.
Равенна. Современное фото

С согласия Византии Амаласунта была провозглашена королевой. По-видимому, далеко не всем готам понравилось, что ими управляет женщина. Чтобы унять недовольных, Амаласунта вышла замуж за своего двоюродного брата Теодахада и объявила его соправителем. Характеризуя Теодахада, Прокопий сообщает, что новый государь «знал латынь и платоновскую философию, но не был сведущ в военном деле и при этом обладал непомерным корыстолюбием».

Супруги ненавидели друг друга. Не прошло и трех месяцев, как Теодахад отстранил жену от власти и заточил ее на острове посреди озера Больсена к северо-западу от Рима. Прожила она там недолго. По приказу короля, Амаласунту задушили в бане.

Теодахад задумал укрепить свое положение единоличного правителя. На самом же деле этот человек погубил королевство. Смерть Амаласунты стала настоящим подарком Константинополю. Император Юстиниан использовал ее убийство как повод для начала войны против остготов и возвращения Италии в состав империи.

Для начала византийцы установили контроль над Далмацией, где ранее хозяйничали готы. Но эта операция носила отвлекающий характер. Главный удар по противнику предстояло нанести армии прославленного Велизария, который уже считался специалистом по проведению крупных десантных операций.

После трех месяцев праздничной жизни в Константинополе, стратиг снова встал во главе армии и в конце июня 535 г. отплыл на Сицилию. На этот раз в его распоряжении находились семь тысяч человек. Половину из них составляли солдаты кадровых частей. Этот закаленный боевой костяк дополняли иррегулярные вспомогательные отряды исавров (3000 чел.), мавров (300 чел.) и гуннов (200 чел.).

Высадившись на острове, византийцы не встретили особого сопротивления. Готские гарнизоны, один за другим, капитулировали. Лишь комендант укрепленного Панорма отказался открыть ворота. Велизарий и на этот раз показал себя превосходным знатоком тактики. Стратиг ввел корабли в незащищенную гавань. Посадив лучников в шлюпки, он приказал поднять их на уровень мачтовых реев. С этой высоты стрелки могли свободно поражать неприятеля внутри крепости, и уstraшенные готы тотчас прекратили сопротивление.

Сицилия покорилась ромеям, но последующий бросок на континент не состоялся. В недавно покоренной Африке вспыхнуло восстание, и Велизарию пришлось подавлять его.

В постоянно меняющейся обстановке Теодахад так и не выработал сколько-нибудь осмысленной военно-политической доктрины. Король обещал императору отречься от власти в обмен на гарантии личной безопасности и пожизненное денежное содержание. В то же время, он ввел сильный гарнизон в Рим и готовился к защите Вечного города, а когда готы одержали ряд побед в Далмации, Теодахад вообще отказался от переговоров. Похоже, что Юстиниана уже не трогали подобные метания. Он твердо решил освободить Италию от варваров и еретиков (напомним, что готы были арианами) и вернуть ее в состав империи.

Наведя порядок в Африке, Велизарий вернулся на Сицилию и отсюда в начале лета 536 г. переправился через Мессинский

пролив у Регия. Командовавший готским гарнизоном Эвримуд без боя перешел на сторону победителей. Из этого следует, что даже наиболее приближенные к Теодахаду люди считали его дело проигранным.

А окрыленный успехом Велизарий развернул наступление на Неаполь. Он вел за собой 4000 отборных воинов, составлявших его личную дружину и около 7500 союзников-федератов. Одновременно вдоль берега моря на север двигался византийский флот. Повсюду местное население встречало ромеев как освободителей. Велизарий рассчитывал, что реальное сопротивление ему сможет оказать только готский гарнизон Неаполя, но здесь его ждал сюрприз.

Явившаяся в византийский лагерь депутация горожан порекомендовала стратигу не тратить время на подчинение Неаполя, а решить исход войны взятием Рима (хитрые неаполитанцы давали понять, что опасаются, как бы их жизнь и имущество не пострадали в ходе осады и, тем более, возможного штурма). От такого предложения у Велизария испортилось настроение. Он заявил, что ни в чужих советах не нуждается и потребовал открыть ворота города. В подтверждение своих добрых намерений стратиг гарантировал безопасность всему населению и даже был готов выпустить из Неаполя готских воинов.

Трудно сказать почему, но все предложения Велизария были отвергнуты, так что приходилось думать, как овладеть Неаполем. Стратиг не хотел терять солдат, атакуя круто вздымавшиеся ввысь крепостные стены. Поэтому византийцы приступили к блокаде, рассчитывая взять город измором. Вначале их успехи оставались весьма скромными. Даже разрушенный водопровод не повлиял на волю защитников Неаполя, ведь там имелось немало колодцев. Несколько приступов отдельных участков укреплений также не принесли никаких результатов, кроме гибели самых храбрых воинов.

Обе стороны ожидали подхода с севера войска Теодахада — готы с надеждой, а византийцы с тревогой. Нужно было на что-то решаться. Через двадцать дней Велизарий уже собирался прекратить осаду, но ему помог случай. Один из воинов обнаружил, что за линию городских стен можно пробраться по высохшему и не охраняемому акведуку.

Следует отдать должное главнокомандующему. Он в последний раз встретился с неаполитанским посланником и красочно обрисовал ему все неизбежные последствия предстоящего штурма. С другой стороны, Велизарий вновь подтвердил данные ранее гарантии в случае принятия капитуляции. Ну а после того, как предложение стратига было отвергнуто, его уже ничего не сдерживало.

Непроглядной южной ночью отряд из ста отборных воинов бесшумно проник в город и овладел двумя крепостными башнями в северном секторе обороны. Затем трубачи подали сигнал. Воистину, то были звуки Страшного суда.

Главные силы ромеев внезапно бросились на штурм и по приставным лестницам ворвались на стены. А потом жители славного Неаполя, так некстати отвергшие разумные предложения Велизария, испытали леденящий ужас ночного уличного боя и бесчинства опьяневшей от крови солдатни. Особенно неистовствовали отряды гуннов. Эти дикари избивали и грабили людей даже в стенах храмов.

Страшная резня произошла и у восточных ворот, куда постепенно оттеснили защитников укреплений. Там же пытались спастись и мирные жители, но теперь уже было поздно объяснять, что ты всегда был лоялен к власти законного императора

Ранневизантийские конный и пеший воины. Середина VI в.

Конные лучники составляли главную боевую силу армии императора Юстиниана. Они были вооружены сложносоставным луком длиной около 120 см., в боекомплект которого входили 30-40 стрел 70-сантиметровой длины с металлическими наконечниками. Дальность такого оружия превышала 300 м. и позволяла пробивать защитные доспехи противника. При этом голова самого всадника была прикрыта стальным шлемом, торс пластинчатым или чешуйчатым панцирем, плечи и бедра кожаными полосами-птеригами. Для ближнего боя применялся меч, хотя сохранились также свидетельства об использовании конными лучниками копий и небольших щитов. Обращает на себя внимание характерное для эпохи отсутствие стремян.

Защитное вооружение пехотинца выглядит еще более внушительно. Стальная кольчуга закрывает не только его туловище, но также верхнюю часть рук, а ноги почти до колен. При этом она не сковывает движений воина, что крайне важно, как в ходе сближения с врагом на поле сражения, так и в рукопашной схватке. Большой овальный щит делает солдата почти неуязвимым для ударов копьем или стрел. Отчетливо видна полоса ткани, повязывавшаяся на шею для предохранения кожи от потертостей и температурных воздействий при контакте с металлом.

Иллюстрация
Е.Ю. Емельянова.
© В.Н. Шиканов

и долгие годы мечтал, как бы доблестные ромейские воины принесли освобождение от гнета варваров...

Не сразу и с большим трудом офицерам удалось восстановить порядок. Велизарий спас от смерти 800 пленных готов и приказал вернуть свободу всем захваченным воинами горожанам. И все же, в Неаполе стратиг преподнес врагам империи урок сговорчивости. После падения города немедленно сдался гарнизон крепости Кумы, а византийская армия, обеспечив свой тыл, смогла продолжить наступление на Рим.

Падение Неаполя, которому Теодахад не оказал никакой помощи, вызвало среди готов открытое возмущение. Воинам очень не нравилось, что, прибыв в Рим, король медлит вместо того, чтобы встретить врага в открытом бою. Знати казались подозрительными переговоры государя с византийскими эмиссарами. Эти закулисные контакты наводили на мысль, что Теодахад готовится капитулировать без боя и лишь выторговывает для себя наиболее выгодные условия.

В конце ноября в войске Теодахада начался бунт. Воины, «обнажив мечи, по обычаю отцов», провозгласили новым правителем Витигиса (536–540 гг.). Происходивший из невыдающегося рода, он, пройдя все ступени военной карьеры, стал королевским оруженосцем и, по словам современного историка, «принадлежал к военному истеблишменту готов».

Германцам особенно нравилось, что бывший солдат «умел владеть мечом и не пачкал рук стилем» (т.е. был неграмотен). А неудачливый Теодахад пытался бежать в Равенну, но по дороге его прикончил посланец нового короля. Его смерть не вне-

сла серьезных изменений в обстановку на театре военных действий. Теодахад был мечтателем-философом. Зато вояка Витигис не обладал ни стратегическим талантом, ни даром дипломата. Не любила его и знать, считая выскочкой. Возможно поэтому, первые шаги этого правителя носили политический характер.

Готские войны. 535–555 гг.

Витигис отступил с войском на север — к Равенне, оставив в Риме гарнизон из 4000 бойцов. Чтобы узаконить свое правление, он женился на сестре последнего законного короля готов Аталариха Матасунте. Озабоченный поисками союзников для предстоящей войны с ромеями, Витигис направил посольства к вестготам и франкам.

Все эти меры принесли мало проку. Матасунта ненавидела худородного мужа и организовала против него несколько заговоров. Вестготы ограничились незначительной демонстрацией против Византии в Северной Африке. Франки, получив за обещанную помощь Прованс и крупную денежную сумму, фактически нанесли удар готам в тыл, опустошив Лигурию.

Ну а пока король справлял свадьбу с любимой женой, проводя время в пирах и разгульных застольях, Велизарий времени не терял. Убедившись, что противник отступил далеко к северу, он после стремительного марша по древней Аппиевой дороге с юга подошел к Риму и 9 декабря 536 г. без боя вступил в Вечный город. Жители прежней столицы цивилизованного мира от мала до велика, во главе с папой Сильверием и благородными сенаторами встречали освободителей. В это же время через северные, Фламиниевы ворота уходил готский гарнизон.

Эта бескровная победа имела колоссальное значение. Велизарий не просто овладел сильной крепостью. Он установил прочный контроль над Южной и Центральной Италией и наполнил реальным содержанием титул римского императора, издавна принадлежавший владыкам Константинополя.

Теперь Витигис встревожился не на шутку. Во второй половине февраля 537 г. большое, в основном состоящее из конницы, войско готов, набранное на севере полуострова¹, подступило к Риму.

Первая же стычка у моста через Тибр показала мощь армии германцев и едва не обернулась для византийцев катастрофой.

Велизарий во главе отряда в тысячу человек, отправился, чтобы усилить передовые посты, еще не зная, что они бежали, уstraшенные силой неприятеля. Стратиг внезапно столкнулся с конницей противника, которая уже перешла реку. Завязался кавалерийский бой, и Велизарий оказался в самой гуще схватки.

Врагов привлек его дымчатый конь с яркой белой отметиной на голове. Готы стремились поразить видного всадника и обру-

шили на него град копий. Личный эскорт полководца прикрывал его щитами. Затем дело дошло до рукопашной. Воины не жалели себя, погибая под ударами мечей. Готы тоже несли тяжелые потери. При этом Велизарий собственноручно поразил нескольких врагов. Участникам рубки казалось, что время тянется бесконечно, на самом деле, она длилась всего несколько минут. Отборный отряд ромеев опрокинул варваров и погнал их назад к мосту и дальше за Тибр.

А потом ситуация снова изменилась. У готского лагеря византийцев остановила хладнокровная германская пехота. Затем увлекшихся погоней воинов Велизария с тыла и флангов, на полном скаку, атаковали свежие отряды вражеской конницы.

Теперь уже ромеям пришлось спасаться бегством. Для этого им предстояло проложить себе дорогу через боевые порядки противника. И снова лучшие бойцы жертвовали собой, чтобы спасти любимого полководца. Пробившись к крепостной стене, ромеи оказались у наглухо запертых Соляных ворот на северо-восточной стороне городских укреплений. Стража боялась впустить их, опасаясь, как бы на плечах отступавших в Рим не ворвались варвары.

Не помогали ни приказы, ни угрозы. В городе думали, что стратиг погиб в схватке. Весьма вероятно, что жизненный путь Велизария действительно оборвался бы довольно жалким образом, но он выиграл и этот бой — не талантом полководца, а храбростью солдата. Главнокомандующий бросился на врага, а уцелевшие воины, встав плечом к плечу, поддержали командира. Отчаяние придало ромеям сил, а вечерняя мгла скрыла от неприятеля их малочисленность. Готы решили, что противник произвел вылазку свежими силами и бросились врассыпную. Только теперь Велизарий и его спутники смогли вернуться в Рим.

Победа в славной стычке увенчала лаврами ее участников, но она не повлияла на ход кампании. Готы раскинули вокруг города семь лагерей, но так и не смогли охватить огромный периметр городских стен. Началась долгая осада.

¹Прокопий говорит о 150 тысячах готских воинов, современные историки оценивают его примерно в 20 тысяч человек.

Стремясь сломить волю гарнизона к сопротивлению, германцы разрушили акведуки, питавшие Вечный город водой. Уничтожение чуда инженерного искусства античности диктовалось военной необходимостью, но стало ярким примером наплевательского отношения к достижениям цивилизации минувших эпох. Тем более, что практического смысла такой шаг не имел (разве что перестали действовать древние бани-термы). Осажденные стали брать воду из Тибра. Велизарий даже извлек выгоду из сложившейся ситуации. Он велел построить на реке плавучие мельницы, которые исправно мололи муку. Готы пытались разрушить их, пуская вниз по течению бревна и трупы убитых, но обороняющиеся протянули через реку железные цепи, которые задерживали сплавляемые тараны, а специально назначенные люди вытаскивали их на берег.

Утром восемнадцатого дня осады готы предприняли яростный штурм города. Даже по самым скромным подсчетам, их силы вчетверо превосходили гарнизон византийцев. Правда, Велизарий попытался набрать вооруженное ополчение из римлян, но потомки Ромула давно утратили воинст-

венность. Их боевые качества равнялись нулю. В этой ситуации стратегу оставалось полагаться на стойкость и выучку своих профессиональных воинов.

Судя по тому, что готы шли на приступ плотными колоннами, Витигис собирался овладеть Римом любой ценой, не считаясь с потерями. Густые массы наступающих представляли отличную мишень, но Велизарий запретил обстреливать вражескую пехоту. Он наметил для лучников более важные цели.

Прибыв к Соляным воротам, стратег обратил внимание на деревянные башни, возвышавшиеся над морем людских голов. Поставленные на колеса, они медленно приближались к стенам, влекомые упряжками волов. Столь же угрожающе выглядели и укрытые под навесами тараны, которые германцы катили к стенам. Велизарий отчетливо понимал, что стоит вывести из строя эти осадные механизмы, и эффективность вражеского наступления резко снизится.

Когда варвары подошли к крепостному рву, Велизарий первым же выстрелом поразил командира вражеского отряда. Убедившись в правильности выбранной дис-

Римские акведуки. Современная реконструкция

танции, он отдал команду лучникам перейти на поражение противника. И вот уже звонко запели меткие ромейские стрелы.

В несколько минут стрелки перебили волов, и осадные башни застыли, сразу став бесполезными. Затем тяжелые самострелы-баллисты начали сеять смерть в рядах неприятеля. Онагры с прочных платформ забрасывали в людскую гущу тяжелые камни, а поставленные в воротах огромные ловушки с острыми шипами захлопнули свои решетчатые пасти, убивая и калеча наступающих. Атака захлебнулась. Готы снова и снова пытались прорваться к основанию стен, но лишь устилали землю все более плотным ковром убитых и раненых. Им так и негодились ни фашины для преодоления рва, ни штурмовые лестницы.

Потерпев неудачу, упрямый Витигис не отступил. Теперь он попытался захватить мавзолей императора Адриана на северо-западной окраине города. Сложно сказать, почему король выбрал этот пункт для атаки. Когда-то это сооружение служило культовым целям, сейчас усыпальница выглядела как неприступный замок, отлично приспособленный для круговой обороны. При этом по высоте мавзолей даже превосходил городские стены. И все же, в личной храбрости готским воинам отказать невозможно.

Ромеев охватил страх, когда германцы одним броском преодолели расстояние до стен и начали приставлять к ним длинные лестницы. На этот раз метательные машины византийцев оказались бесполезны, потому что противник находился в мертвом пространстве, а от стрел германцы прикрывались большими щитами. Казалось, маленький гарнизон замка обречен, но отча-

яние придало людям силы. Воины стали сбрасывать на нападающих мраморные статуи, во множестве украшавшие мавзолей. Тут уж не до сохранения памятников культуры! Белокаменные торсы и головы калечили германцев, и пришлось им поспешно уносить ноги. Теперь в дело вступили стрелометы и камнеметы ромеев, умножая урон неприятеля и сея панику в его рядах¹. В общем, и на этом участке штурм провалился.

У старого городского зверинца² готы смогли разбить слабую стенку и ворваться внутрь укрепления. Здесь все они пали под ударами мечей резервного отряда ромеев. Затем ворота распахнулись, и Велизарий лично повел войска на вылазку. Этот внезапный контрудар опрокинул германцев, которые бежали, устилая телами убитых

Мавзолей императора Адриана. Современное фото

путь отступления. По данным Прокопия, всего в тот день было перебито 30000 человек. Конечно, это сильно преувеличенные данные, но не подлежит сомнению, что готы понесли огромный урон. Кроме того, византийцы не забыли сжечь брошенные осадные машины. Их огромные, жаркие костры зловеще освещали сгущавшийся вечерний сумрак. Так бесславно закончилась попытка Витигиса взять Рим штурмом.

¹Убойная сила таких метательных машин была очень велика. Прокопий описывает случай, когда во время штурма, стрела пробил стальную панцирь готского воина и, пройдя насквозь, намертво пригвоздила его к дереву.

²Православный христианин, Прокопий неодобрительно замечает, что содержание диких зверей в неволе — удовольствие, не очень достойное культурных людей.

После провала приступа осада продолжалась. При таком способе ведения боевых действий главным врагом обороняющихся является голод. Понимая неизбежность длительного сидения за крепостными стенами, Велизарий распорядился сосредоточить в городе продовольственные ресурсы окрестных территорий. Кроме того, сразу после отбитого штурма стратиг выгнал из Рима бесполезных едоков: женщин, детей, рабов и... Папу Сильверия (считалось, что он являлся пособником германцев и выступал за прекращение обороны).

Готы неоднократно предлагали ромеям почетную капитуляцию, обещая свободу и безопасность, но стратиг ясно представлял, какой эффект может иметь для судеб кампании переход Рима в руки варваров. В эти трудные месяцы от стойкости Велизария и его подчиненных зависел успех всей западной политики императора Юстиниана. Рисковать так сильно (в том числе и собственной судьбой) военачальник не мог. В то же время полководец обратился к Юстиниану с письмом, в котором обращал внимание на тяжелое положение гарнизона и подчеркивал необходимость срочной отправки подкреплений. Осенью из Константинополя в Италию отплыла новая морская экспедиция ромеев, но, добравшись до Греции, ее командиры расположили войска на зимние квартиры.

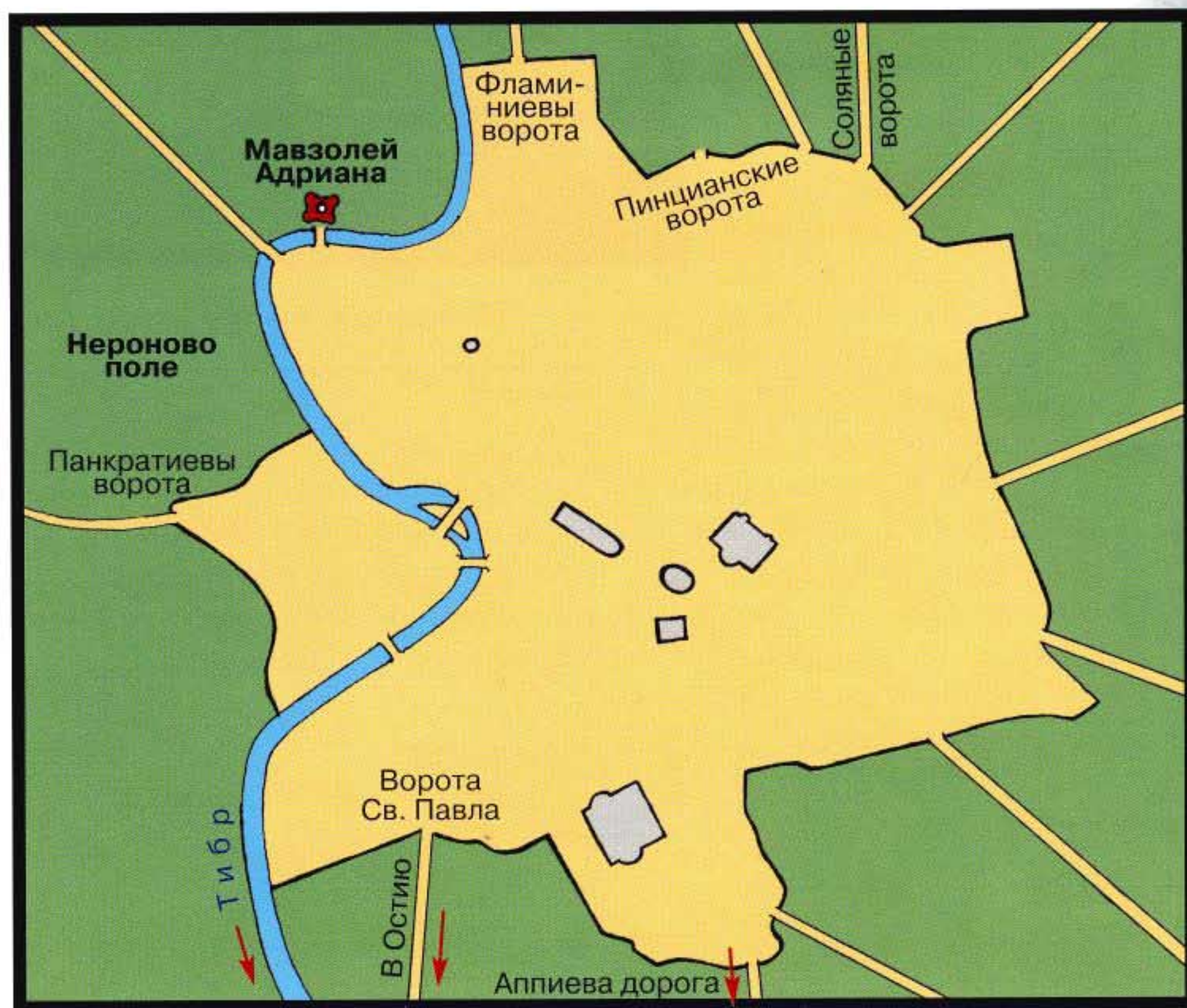
Наученный горьким опытом, Витигис также не рисковал бросать своих воинов в лобовые атаки на неприступные стены. По его приказу готы захватили гавань в устье Тибра, что значительно сократило возможность снабжения осажденных продовольствием по морю.

Зато через три недели в Рим прорвался византийский отряд в составе 1600 солдат, прибывших, наконец, из Греции. Теперь Велизарий, одну за другой, осуществил несколько удачных вылазок. От-

ряды его конных лучников обстреливали неприятеля, а сами, не вступая в ближний бой, почти не несли урона. Затем конница притворным отступлением подводи́ла готов под снаряды метательных машин, стоявших на крепостных стенах, и потери германцев еще более возрастали.

Внушив воинам уверенность в превосходстве над варварами, Велизарий решил вывести армию для сражения в открытом поле. Замысел полководца выглядел безупречно. Он лично возглавил войска, наступавшие через северные ворота. Чтобы обезопасить себя на левом фланге, стратиг поручил своему начальнику конницы Валентину сковать вражеские силы, расположившиеся в лагере на так называемом Нероновом поле, к западу от Тибра. Еще одно, уже совсем псевдо-воинское формирование, составленное из римского плебса, выстроилось у западных, Панкратиевых ворот. Его задача тоже заключалась в том, чтобы угрожающей численностью (ибо воевать плебеи совсем не умели) предотвратить переброску готских отрядов на восточный берег Тибра, где должны были разыгаться главные события дня.

Первоначально план Велизария осуществлялся успешно. Его лучники засыпали

Рим. Середина VI века

плотные колонны готов дождем стрел, так что мало какая из них не нашла себе цели. Вот только врагов было слишком много. Скошенных смертью воинов безропотно заменяли новые. Казалось, Витигису все равно, сколько погибнет у него людей, настолько значительным численным превосходством обладал король.

На Нероновом поле конные отряды маврусиев также обстреливали неприятельские ряды и парализовали активность германцев. Ситуация изменилась ближе к полудню. Валентин нарушил приказ главнокомандующего и произвел общую атаку. Готы не выдержали удара и, бросив лагерь, бежали на ближайшие холмы. Как ни странно, но именно в этот момент ромеи проиграли битву. Обеспокоенные, как бы вся добыча не досталась только регулярным частям, римские бедняки нестройной (добавим, и невооруженной) толпой стронулись с места и кинулись грабить стан германцев. Почти сразу же к ним присоединились и солдаты, да так, что командиры потеряли контроль над людьми. Тут готы опомнились и обрушили праведный гнев на эту неуправляемую банду. Многих пролетариев положили на месте, остальные бросились бежать. После этого готы нанесли удар по неприкрытому флангу конницы Велизария. Под этим натиском всадники начали откатываться назад и смяли собственную пехоту. Теперь паника сделалась всеобщей, так что беглецы с трудом добрались до Пинцианских ворот Рима. Вот так и получилось, что «битва, начатая около лагеря варваров, окончилась около рва и городских стен», — грустно завершил рассказ Прокопий.

После этого сражения крупные столкновения почти прекратились. Разве что время от времени отряды ромейской конницы предпринимали вылазки. Если верить Прокопию, произошло 77 таких стычек местного масштаба. Почти все они причиняли готам немалый урон. Ведь византийцы действовали сомкнутым строем, да и в искусстве стрельбы из луков враг не мог им противостоять. Однажды германцы прибегли к своеобразной тактике, пытаясь дожидаться, когда у отправившихся на разведку гуннов закончатся в колчанах стрелы. Ничего хорошего варварам это не принесло. Они потеряли половину людей, остальные в панике бежали.

Гораздо более опасным врагом для осажденных стал голод. Хлеб в городе закончился, а рейды для заготовки пшеницы, зреющей на окрестных полях, обходились слишком дорого. Не только лошади, но и люди ели траву, росшую на древних руинах. Наиболее предприимчивые жили за счет изготовления на продажу деликатесной колбасы из дохлых животных! Не удивительно, что вслед за голодом в Рим пришла чума. Осажденным становилось все труднее. Впрочем, готы тоже жестоко страдали от болезней и бескормицы.

Спасение пришло к ромеям весной 538 г. — второго года той тяжелой войны. В итальянских портах начали высаживаться византийские подкрепления. Колонны войск двигались к устью Тибра. Сюда же шли караваны судов, нагруженных продовольствием.

Стены Рима. Современное фото. Возведенные в последней четверти III в. по повелению императора Аврелиана, они и два с половиной века спустя, в эпоху готских войн, не утратили своего оборонительного значения

Витигис понимал, что время работает против него. Больше не надеясь одолеть врага в открытом бою, он попытался заключить перемирие на наиболее выгодных условиях и направил к Велизарии парламентаров. Посланники готов пытались рассуждать о незаконности присутствия ромеев в Италии. Они соглашались уступить императору Сицилию, но Велизарий, точно в насмешку, сам предложил германцам для поселения еще больший остров — Британию.

Посланцы продолжили торг, суля отдать Византии Южную Италию. Тогда Велизарий вообще прервал переговоры. Он твердо знал, что империя вернет себе все прежние владения на Апеннинском полуострове.

Стороны договорились о заключении временного перемирия, а уже через несколько дней стратиг прибыл в Остию с эскортом из ста всадников, где его встречали командиры свежих воинских частей. Главнокомандующего особенно порадовали тяжело осевшие в воду барки с провиантом. Еще один хлебный обоз приближался по Аппиевой дороге с юга. Теперь у Велизария имелись все козыри для успешного продолжения игры. Он обильно снабдил Рим всевозможными припасами и направил кавалерию в глубокий рейд по тылам противника.

Вскоре византийцы заняли город Ариминум на Адриатике. От Равенны их отделял всего один дневной переход. Узнав, что враг угрожает его столице, Витигис понял, что Велизарий перехитрил его. Пребывание готской армии под стенами Рима становилось бессмысленным, и король приказал отступать. На прощание Велизарий произвел очередную вылазку и ударил в тыл отходящим германцам. На этот раз пехота и конница действовали вместе и произвели настоящее опустошение в рядах ошеломленных врагов. Особенно много готов погибло на узком мосту через Тибр, когда люди давили друг друга, пытаясь поскорее вырваться из этого проклятого места.

Осада Рима, длившаяся год и девять дней, закончилась победой ромеев. Кроме храбрости воинов, ее одержали воля и ум их главнокомандующего. А вожди готов начинали, наконец, понимать зловещий смысл обещания, которое Велизарий произнес еще в самом начале обороны Вечного города: «Настанет день, когда вы захотите спрятать свои головы, но не найдете убежища».

Талантливый полководец, Велизарий не подгонял события, но старался контролировать их ход. Вот и сейчас, после отступления готов от Рима, стратиг не бросился сразу в погоню за противником. Сначала он по морю перевез один из своих отрядов в Геную. Установив контроль над этим городом, ромеи затем дошли до Милана, где были встречены ликующим населением.

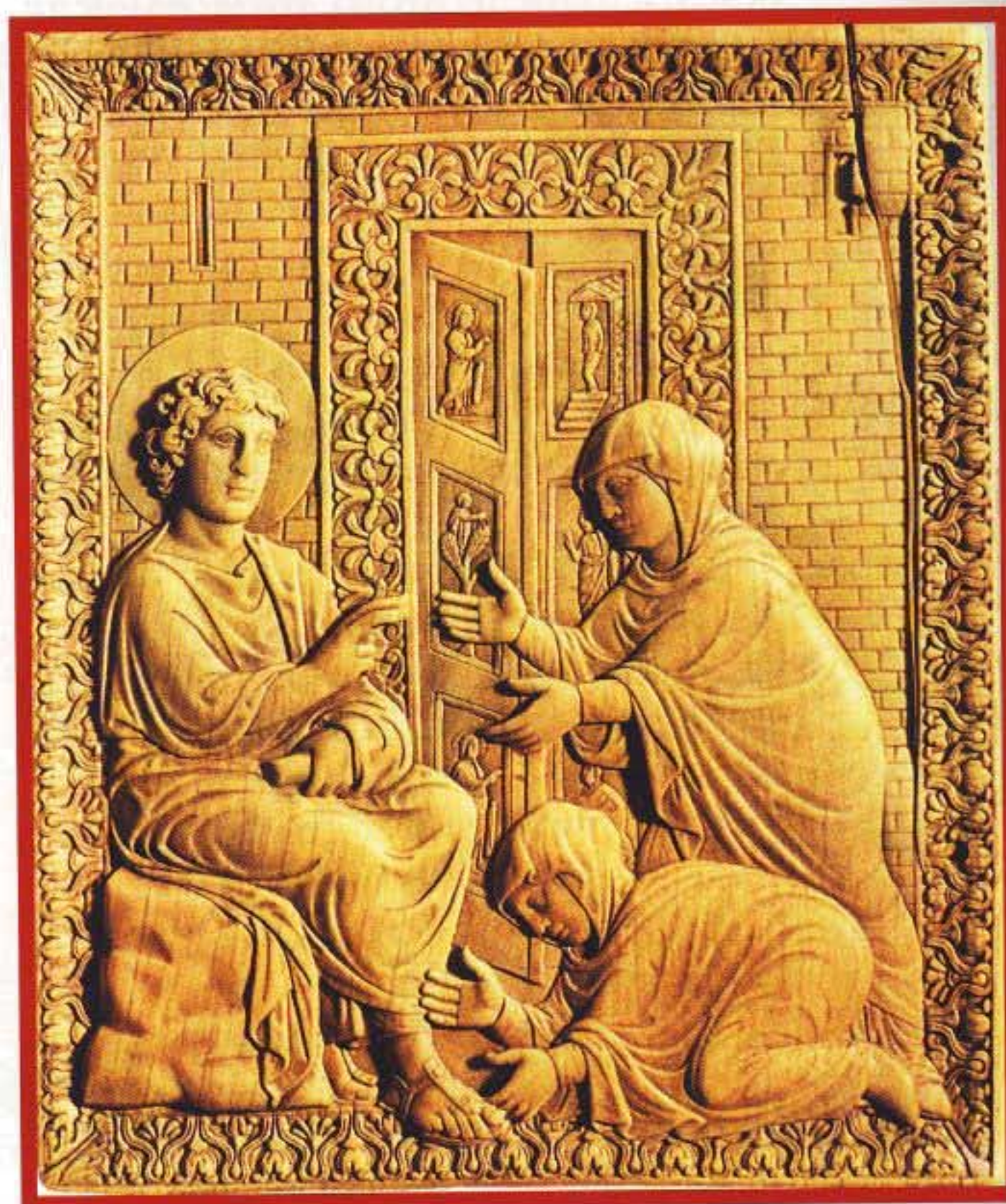
Витигису очень не понравилось, что на северо-западе против него открылся второй

фронт. Чтобы изгнать неприятеля, король послал туда войска во главе со своим племянником Урайей, усилив его вспомогательными частями бургундов. Византийский гарнизон Милана насчитывал всего тысячу человек. Ни о каком полевым сражении не могло быть и речи, а начавшаяся осада неизбежно должна была завершиться падением города.

Получив плохие известия с севера, 21 июня 538 г. Велизарий перешел в наступление. Он твердо надеялся на успех еще и потому, что в Италию морем прибыли 5000 имперских воинов под командованием царского казначея и препозита священной спальни, человека острого ума и большой энергии, евнуха Нарсеса. Теперь ромеи располагали достаточными силами для проведения крупных операций, но их подвели ведомственные разногласия.

Император так и не назначил главнокомандующего на Итальянском театре военных действий. В результате, военачальники и их офицеры понапрасну теряли время, выясняя, кто кому будет подчиняться.

Эти дискуссии привели к трагедии. Гарнизон Милана, исчерпавший средства обороны, капитулировал. Готы беспрепят-

Святые жены у Гроба Господня.
Резьба по слоновой кости, V в.

ственно отпустили ромеев, а затем подвергли город жуткому погрому. Мужчин безжалостно убивали, женщин отдали в рабство союзникам-бургундам. Вот так печально закончилась для Византии кампания 538 г.

Император Юстиниан умел делать правильные выводы из допущенных ошибок. Теперь государь сосредоточил высшее командование в Италии в руках Велизария.

Готовясь к кампании 539 г., обе стороны собирали силы и искали союзников. Послы готов сумели тайно, через всю вражескую территорию добраться до Персии и убедили шахиншаха Хосрова объявить Юстиниану войну. Настроение Витигиса поднялось еще выше, когда он узнал, что сто тысяч франков вторглись в Италию. Король искренне считал этот поход ярким успехом своей дипломатии. Но франки не торопились проявлять германскую солидарность. Не обременяя себя никакими обязательствами, эти стервятники яростно громили и византийцев, и готов. Неизвестно, как повернулась бы судьба Северной Италии, но воинственный пыл пришельцев остудила разразившаяся среди франков страшная эпидемия. Уцелевшие убралась обратно за Альпы.

Все это время Велизарий осаждал сильную крепость Ауксим к югу от Анконы. Готы оборонялись очень упорно. В ходе одной из вылазок Велизарий едва не погиб от вражеской стрелы, но его прикрыл собой телохранитель. Прошло семь месяцев, прежде чем гарнизон сдался «под гнетом голода». После этого главные силы византийцев высвободились для генерального наступления на вражескую столицу.

Равенна окружена болотами, поэтому очень трудно не только штурмовать город, но даже обеспечить его тесную блокаду. Кроме того, Витигис прекрасно понимал, что падение столицы будет означать окончание войны и гибель государства. У короля было достаточно времени, чтобы подготовиться к обороне и подвезти значительные запасы провианта. Не остались секретом эти приготовления и для ромеев. Возможно поэтому, Юстиниан решил одержать победу не военными, а дипломатическими средствами.

Из Константинополя в Италию прибыли сенаторы, наделенные особыми полномочиями. По повелению императора они вступили в переговоры с Витигисом. Неожиданно для короля, предложенные ему

Спаситель на троне. Мозаика базилики Сант-Аполлинарио Нуово. Равенна

условия оказались довольно щадящими. Готы теряли все земли к югу от реки По и уплачивали большую контрибуцию. На них возлагалась охрана северо-западной границы империи на правах ее федератов. Витигис сохранял свой титул и уже был готов подписать договор, но радость его оказалась преждевременной. Выяснилось, что, по поручению Юстиниана, под документом должна стоять подпись Велизария. А стратиг заявил, что и так вернет империи все ее владения, не идя варварам ни на какие уступки.

Обычно, неудачливых правителей мало кто любит. Вот и сейчас среди готов все сильнее слышался ропот против Витигиса, из-за которого, подданные терпели столько бед. Особенно тяжелое впечатление на жителей Равенны произвел большой пожар, уничтоживший амбары с запасами зерна. В конце концов, в придворных кругах возник заговор, участники которого задумали лишить Витигиса власти, а корону Запада предложить... Велизарию.

В этой ситуации ромейский полководец проявил себя незаурядным дипломатом. Он принял заманчивое предложение и 15 мая 540 г. торжественно вступил в Равенну во

главе своей личной дружины. Отношение германцев к этому параду было неоднозначным, но стратиг выполнил данное им обещание: не причинять зла никому из готов. По распоряжению главнокомандующего, в город даже прибыл караван с хлебом.

Велизарий не собирался становится ни королем готов, ни, тем более, западно-римским императором. Как честный солдат, он поверг покоренную Италию к ногам своего государя. Наверняка, кому-то из готов это не понравилось, но теперь уже было поздно. Витигиса с супругой, в качестве особо важных трофеев, отправили в Константинополь. На этот же корабль погрузили и всю королевскую сокровищницу. А ещё экс-короля сопровождали многие знатные готы.

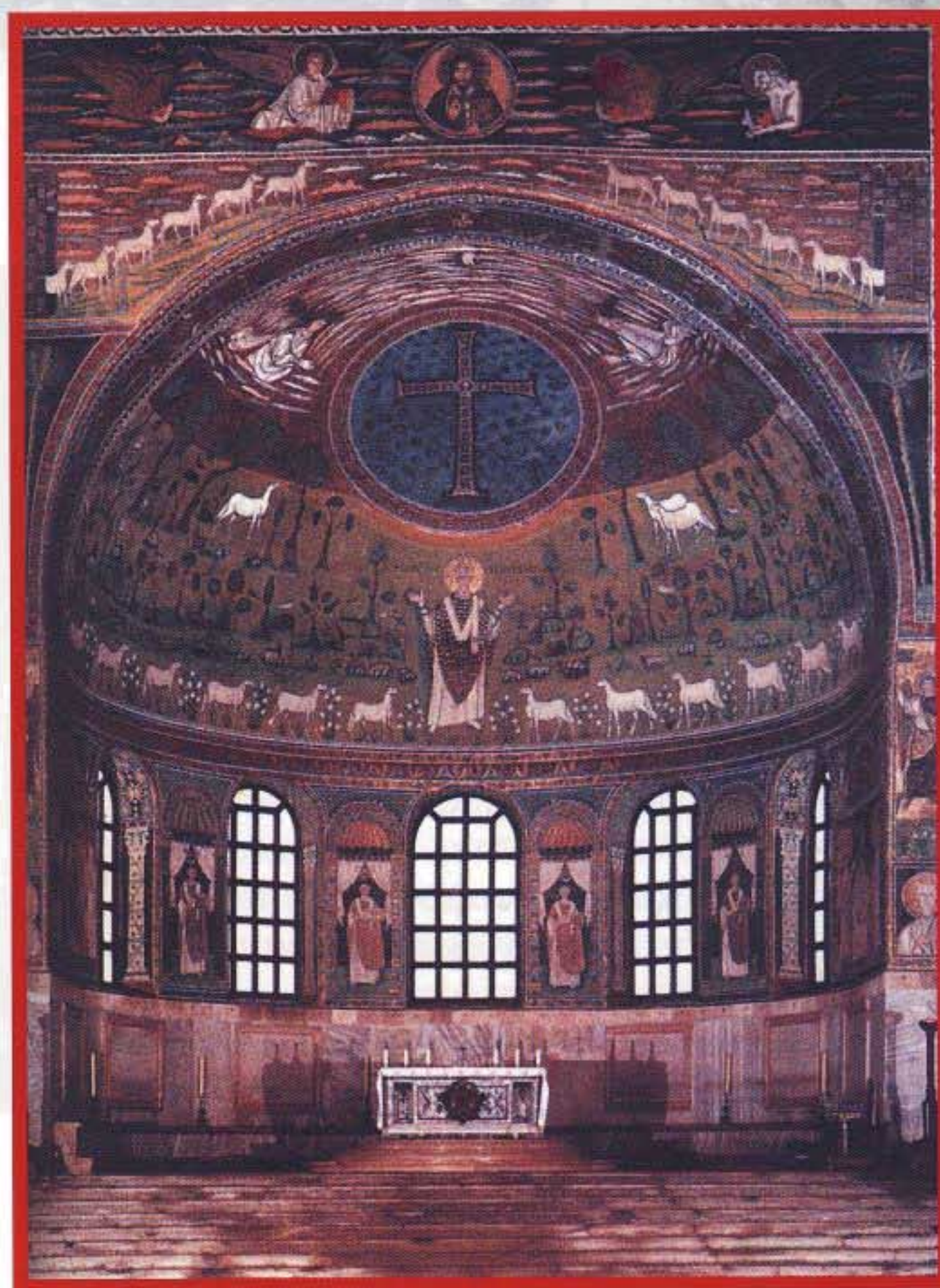
Велизарий блистательно завершил Готскую войну и вполне заслужил триумф, подобный вандальскому. Однако на этот раз его встреча в столице оказалась на удивление скромной. То ли Юстиниану не понравилась готовность стратига стать «королем», то ли его слишком беспокоила начавшаяся война с персами. Ужасающий разгром Антиохии предвещал мрачные перспективы.

Велизария почти сразу же отправили на восточную границу. А Витигиса пожаловали титулом патрикия. Он умер два года спустя. Но на этом история противостояния Византии с готами не закончилась.

Дело в том, что с пленением Витигиса Италия была покорена лишь начерно. Предстояло приложить еще немало усилий, чтобы исключить попытки нового сопротивления и наладить административное управление страной. Чиновники приступили к делу ретиво, но опрометчиво. Они начали взыскивать недоимки по старым долгам (с момента смерти Теодориха) и урезали жалованье солдатам. Эти меры сразу оттолкнули от новой власти массу местных жителей.

Пока имперские назначенцы подобным образом осваивались в Равенне, севернее, в Тичине (современная Павия), представители готской аристократии избрали королем Хильдебада (540–541 гг.), военачальника и человека весьма знатного рода. Едва Велизарий отплыл из Равенны в Константинополь, война возобновилась.

Новый правитель располагал довольно скромными силами. Хильдебаду подчиня-

Церковь Сан Аполлинарио ин Класе, интерьер. Равенна, середина VI в.

лись не более тысячи воинов, и контролировал он небольшую полоску земли между Тичином и Вероной. После того, как королю удалось нанести поражение византийцам и овладеть важной крепостью Тарбей¹, ряды его войска начали быстро расти (в т.ч. и за счет готов, принятых в византийскую армию и теперь дезертировавших из нее). Вскоре Хильдебад подчинил Лигурию и Венецию. Территория к северу от реки По стала независимой от империи.

Такое начало сулило монарху многообещающее будущее, но всего через год жизнь Хильдебада нелепо оборвалась. Во время пира ему отрубил голову собственный телохранитель (поговаривали, что король выдал замуж за другого невесту этого воина). В мае 541 г. на престол был возведен вождь ругиев Эрарих, но этот народ оказался слишком малочисленным, чтобы объединить вокруг себя всех недовольных ромеями. Готы не хотели признать госуда-

¹Современный Тревизо к северу от Венеции.

рем иноплеменника и подняли мятеж. Эра-рих пытался установить контакты с Констан-тинополем и сдаться под гарантии личной безопасности, но в Византии его не воспри-нимали всерьез.

Дни Эрариха были сочтены. В октябре его убили, а на престол вступил племянник Хильдебада Тотила (541–552 гг.). Готы хо-тели, чтобы он возвратил «им власть над италиками». Обладавший незаурядным да-ром полководца и организатора, этот «юно-ша-герой» и в самом деле в короткий срок сокрушил господство Византии на Апен-нинском полуострове и более чем на десять лет стал самым опасным врагом империи.

Ромейские полководцы обладали числен-ным превосходством над готами, но им меша-ло отсутствие единоначалия. По приказу Юстиниана, зимой 541–542 гг. они повели войска (около 12 тысяч человек) на северный берег По. Для начала им предстояло овладеть Вероной, а затем развивать наступление на столицу Тотилы Тичин. Так началась вторая византийско-готская война (541–555 гг.).

Казалось, судьба благоприятствует ро-меем. Их передовой отряд с помощью под-купленного стража ворот проник в город и обратил готов в бегство. А потом началось безобразие. Вместо того, чтобы прочно за-нять укрепления, все одиннадцать визан-тийских старших командиров с жаром принялись обсуждать, как они будут делить завтрашнюю добычу. Утро жест-токо посмеялось над ними, нака-зав за самоуверенность. Когда готы увидели, что численность неприятельского отряда, вошед-шего в Верону, не превышает ста человек, они легко выбили врага из города. Потерпев неожиданную (хотя, признаемся, абсолютно за-кономерную) неудачу, ромеи на-чали спешно отступать и приш-ли в себя лишь на южном берегу По. А Тотила времени не терял. Располагая всего пятью тысяча-ми бойцов, он пустился вдогонку за вдвое сильнейшим противни-ком. У Фавенции¹ он бросил конницу в лобовую атаку на ро-меев. Пока вдоль всей боевой ли-нии шла яростная сеча, отбор-ный отряд готов силой в 300 че-

ловек, ударил византийцам в тыл. Произо-шел невиданный погром. Имперские войска потеряли множество убитых, пленных и все боевые знамена. Остатки армии рассеялись и с трудом добрались до Равенны.

Одержав убедительную победу, Тотила двинулся к Флоренции и осадил ее. Мы уже знаем, что готы слабо владели приема-ми взятия крепостей. Вряд ли они бы ре-шились на штурм. С другой стороны, неиз-вестно, как долго мог держаться осажденный гарнизон. Судьбу Флоренции вновь реши-ло полевое сражение.

Как только из Равенны выступило пришедшее в себя византийское войско, го-ты отступили. На расстоянии дневного пе-рехода от Флоренции ромеи настигли их. Германцы заняли выгодную позицию на склоне холма и, хотя и не без труда, отра-зили атаку вражеского авангарда. Теперь в битву предстояло вступить главным си-лам имперской армии. Для готов этот бой мог иметь роковой исход, но к их неопису-емому изумлению, сплоченная фаланга ро-меев неожиданно дрогнула и распалась. Группами и в одиночку солдаты обратились в паническое бегство. Чтобы превратить стройное воинское формирование в охвачен-ную ужасом толпу, оказалось достаточно ложного слуха о гибели командира передо-вого отряда от руки своего же телохраните-ля. Мнимая «измена» дорого обошлась

Тотила сокрушает стены Флоренции.
Средневековая миниатюра

¹Современная Фавенца к юго-западу от Равенны.

византийцам. Их армия рассеялась, а германцы снова захватили большое количество пленных.

Обладая немногочисленной армией, Тотила успешно применял новый способ ведения войны. Он не мог, распыляя силы, тратить время на осаду крепостей. Готы просто прекращали подвоз продовольствия в города, а мобильные кавалерийские отряды германцев пресекали попытки организовать заготовку провианта и фуража в сельской местности и обрекали врагов на голод. Подобная тактика могла быть эффективной только при отсутствии активных действий со стороны противника, но византийцы настолько пали духом, что пассивно сидели за крепостными стенами и даже не пытались перейти в контрнаступление.

Гарнизоны, один за другим, прекращали сопротивление и сдавались на милость победителя. Тотила обращался с пленниками столь мягко, что они охотно переходили на его сторону и сражались против бывших товарищей. Готы, расселившиеся в долине реки По, а затем рабы и колонны с занятых Тотилой территорий также вступали под знамена победоносного вождя. В короткое время его армия выросла до 20 000 человек.

Пользуясь бездействием неприятеля, весной 542 г. Тотила совершил поход на юг и завладел почти всей Кампанией. Только в Неаполе держалась 1000 воинов-исаврийцев. Падение этого города означало бы ликвидацию византийского господства в южной части Апеннинского полуострова.

В то время империя вела тяжелую борьбу против персов, но Юстиниан не собирался вот так запросто расставаться со своими владениями на западе. Задуманная им военная экспедиция готовилась очень тщательно. Лишь в начале следующего 543 г. царские дромоны высадили на Сицилии войска магистра Деметрия, предназначенные для деблокады Неаполя.

Деметрий действовал осторожно. Снарядив караван с хлебом для Неаполя, он не рискнул отправлять его в осажденный город без боевого со-

провождения. Военачальник совершил переход в устье Тибра, но части римского гарнизона отказались выступить в поход против готов.

Не видя выхода из сложившейся ситуации, магистр все же направил суда в Неаполь, но время оказалось упущено. В неправдоподобной красоты Неаполитанском заливе ромеев ждал неприятный сюрприз. Непонятно как, Тотила сумел сформировать собственную военную флотилию. Это зрелище ошеломило византийцев, считавших, что флота у варваров нет и не может быть. Едва готы двинулись в атаку, как на эскадре Деметрия вспыхнула паника. Матросы бросились в шлюпки, но достичь берега удалось далеко не всем. Зато германцы захватили все корабли и находившийся на них груз.

Наступила зима. Новый флот, вышедший с Сицилии на помощь осажденному Неаполю, застигла буря. Высокие волны выбросили суда на берег прямо к лагерю готов. Деморализованные византийцы не могли оказать никакого сопротивления. Готы снова перебили много людей, еще больше попало в плен. Среди них оказался и магистр Деметрий. Тотила велел привести его к городским стенам, оборванного и жалкого, с веревкой на шее.

Это зрелище вызвало неподдельный ужас среди воинов и горожан и решило

Встреча Тотилы со святым Бенедиктом

участь Неаполя. Правда, комендант Конон пообещал капитулировать, если не получит подкреплений в течение месяца. Тотила поступил еще великодушнее. Он заявил, что на три месяца оставит Неаполь в покое. Конечно, помощь не пришла, а муки голода терзали людей настолько сильно, что гарнизон капитулировал гораздо раньше.

Возможно памятуя об упорном сопротивлении, которое неаполитанцы семью годами ранее оказали Велизарии, король приказал разрушить большую часть крепостных стен (таким образом, он устранял возможность новой обороны города в случае изменения военной обстановки) Зато с горожанами Тотила обошелся по-человечески. По его приказу было организовано питание местного населения, а исаврийцев, во главе с их храбрым командиром Кононом, король отпустил на свободу и даже снабдил лошадьми¹.

Большинство воинов Конона вступили в войско Тотилы, а сам он с небольшим отрядом отправился в Рим, унося послание короля городскому сенату. В нем Тотила предлагал признать свою власть, утверждая, что восстановление готского государства послужит благу всей Италии. При этом всем римлянам гарантировалась полная безопасность. Становилось ясно, что именно Вечный город является главной целью военной кампании, которую столь успешно вел король².

В 544 г. подвижные отряды готской конницы успешно действовали в Центральной Италии. Один за другим, города изъявляли покорность Тотиле, а византийцы лишились сухопутных коммуникаций между Римом и Равенной.

Только теперь в Константинополе осознали истинные размеры грозящей империи опасности. Юстиниан пошел на беспрецедентный шаг. Несмотря на неудачу наступления Велизария против персов в Месопотамии и постигшую его опалу, император снова доверил полководцу командование армией в Италии.

Стратиг оказался в двусмысленном положении. Он отбыл на западный фронт, не получив ни подкреплений, ни денег. Юстиниан считал, что имя столь славного военачальника, само по себе, стоит нескольких тысяч воинов.

На самом деле Велизарии пришлось не легко. С большим трудом (и за свой счет) ему удалось набрать во Фракии и Иллирике 4000 солдат. В Равенне, куда стратиг прибыл в конце 544 г., его ждало новое разочарование.

Полководец обратился к жителям Италии с призывом покинуть ряды мятежников и вернуться под знамена законного государя. Этот глас вопиющего не нашел никакого отклика. Ознакомившись с положением дел, Велизарий послал отчаянное письмо императору. Даже спустя полторы тысячи лет его эмоциональные строки не утратили первоначального драматизма. «У нас нет людей, лошадей, оружия и денег, без чего, конечно, нельзя продолжать войны. Итальянские войска состоят из неспособных и трусов, которые боятся неприятеля, потому что много раз были им разбиты» и т.д. в том же духе.

Какой-то особенной реакции Юстиниана на этот крик души не последовало, так что Велизарий опять платил жалованье солдатам и закупал продовольствие из личных средств. И все это происходило в то время, когда готы обложили Рим и все ближе подбирались к Равенне. Велизарий направлял в Рим подкрепления, но каждый раз неудачно. Сначала германцы наголову разгромили прибывший в устье Тибра ромейский отряд, а затем перехватили шедший туда же с Сицилии хлебный караван. Тотиле очень не понравилось, что конвой сопровождал личный представитель Папы Римского. Чтобы отбить у понтифика желание сотрудничать с врагами готы, король велел отрубить епископу Валентину обе руки. Так завершилась кампания 545 г.

В Риме уже свирепствовал настоящий голод. Так как командование заботилось только о пропитании солдат, то горожане довольствовались травой и не брезговали падаley и нечистотами. Смерть находила обильную добычу в домах и на улицах. Когда византийский начальник гарнизона разрешил голодающим покинуть город было уже поздно. Обочины дорог оказались завалены трупами изможденных беженцев.

¹Справедливый Прокопий подчеркивает, что пока Тотила действовал таким образом, «начальники ромейского войска вместе с солдатами грабили достояние подданных императора».

²Понимая, что широкой огласки его письмо не получит, вождь организовал заброску в город листовок аналогичного содержания, которые ночью были вывешены в наиболее людных местах.

Стены Рима

Позднее Велизарий лично попытался провести по Тибру караван барок с зерном и опять неудачно. Готы перекрыли реку железной цепью и прочным деревянным мостом с частоколом из бревен. Перебив вражеское охранение, ромеи сняли цепь и продолжили движение вверх по реке. Приблизившись к мосту, они уничтожили защищавшую его сторожевую башню с помощью заранее подготовленного брандера. Пожар оказался такой силы, что заживо сгорели около 200 готских воинов. Теперь ничто не препятствовало каравану добраться до Рима, даже несмотря на то, что встречная вылазка гарнизона так и не состоялась. Вот тут и случилось неожиданное. Прибывший гонец доложил Велизария, что готы разбили его тыловые части и отрезали отряд от моря. Стратиг повернул назад, а потом выяснилось, что известие это было ложным.

17 декабря 546 г. произошла катастрофа. Стоявшие в карауле у Ослиных ворот исаврийцы впустили вражеских солдат в город. На этот раз не обошлось без насилия над жителями. Потребовалось личное вмешательство короля, чтобы восстановить порядок. После этого Тотила торжественно вошел в храм Святого Петра, где выступил перед сенаторами, призывая их объединиться в борьбе против византийцев.

На этот раз вождь готов общался с оппонентами с позиции силы. Он отправил посольство в Константинополь, предлагая заключить мир. В противном случае Тотила угрожал разрушить древнюю столицу империи, перебить оказавшихся в его руках знатных заложников и даже перенести боевые действия из Италии в Иллирик.

Ответа пришлось ждать долго, и Тотила, пожалуй впервые, поддался эмоциям. Чтобы сделать противников сговорчивее, он повелел разрушить часть городских стен. Были снесены некоторые общественные здания, а особняки римской знати сожжены. Немногочисленных плебеев, переживших осаду, выгнали за ворота. Затем готы двинулись на север, уводя уцелевших сенаторов. На сорок дней Рим превратился в страшный мертвый город, пока в апреле 547 г. в него не вступили части Велизария. Первой заботой стратига стало восстановление крепостных стен. Полководец словно предвидел, что битва за Рим еще не завершена.

Ну а пока, боевые действия продолжались на юге — в Лукании, и на севере — в Тусции (Тоскане). Византийцы не ввязывались в крупные сражения, а изводили мелкие вражеские отряды нападениями из засад. Стоит ли говорить, что эти бои местного значения, как и любая партизанская война без правил, еще больше опустошали окрестные территории, обрекая население на неизбежную смерть от голода и эпидемий.

Какими бы мотивами ни руководствовался Тотила, оставляя Рим, очень скоро ему пришлось признать свою ошибку. Когда королю сообщили, что Велизарий вновь занял опустевший город, он развернул войско на юг, но было уже поздно. В проемах римских ворот с выломанными створками германцы и ромеи ожесточенно истребляли друг друга. После бойни, длившейся целый день, от усталости воины не могли держать в руках оружия. Пришлось сделать перерыв на ночь для отдыха. Утром резня возобновилась. На этот раз византийцы оказались более стойкими. Во время третьего штурма, после того, как сраженный

Стены Рима. Современное фото

врагом личный знаменосец Тотилы вырвал из рук штандарт, готы дрогнули. А воины Велизария словно обрели новые силы и погнались врага, перебив в ходе преследования множество варваров. Вот так была восстановлена в Вечном городе власть императора Юстиниана. Тотила перешел к обороне. Разрушив мосты через Тибр, он укрепился в городке Тибуре¹.

В кампанию 548 г. Велизарий пытался очистить от готов Южную Италию. Война шла с переменным успехом и не принесла решающего перевеса ни одной из сторон. Новый поворот в ходе боевых действий произошел, когда в столице империи Константинополе были приняты решения, определившие дальнейшую судьбу стратига.

Юстиниан отозвал Велизария из Италии. До сих пор не вполне понятно, почему это произошло. Если верить Прокопию, с такой просьбой к государю обратилась жена полководца Антонина, действовавшая по указанию мужа. 44-летний военачальник, якобы, устал от бесконечных походов². Но нельзя также исключить, что император был недоволен тем, что Велизарий за четыре года так и не смог разбить варваров. На его прежний победный стиль это никак не походило, и теперь «Велизарий возвращался в Византию без всякой славы».

В дальнейшем магистр проживал в Константинополе «в большом почете», но его военная карьера была сломлена, а война в Италии затянулась еще на семь лет.

С удалением Велизария с театра военных действий, инициатива вновь перешла к готам. Тотила сумел создать боеспособный флот, построив около 300 кораблей. Пока эта армада опустошала побережье Далмации, король вновь осадил Рим. Византийский гарнизон (3000 человек) упорно защищался и отразил несколько вражеских приступов. Кроме того, солдаты засеяли

пшеницей пустыри, а мирных жителей в Риме почти не осталось. Поэтому, на этот раз, голод не стал тяжким испытанием для обороняющихся.

Судьбу Вечного города снова решила измена. Исаврийская стража, долгое время не получавшая жалованья, открыла готам ворота Святого Павла. На ночных улицах произошла жуткая резня, и мало кому из византийцев удалось спастись. Только в мавзолее Адриана укрылись 400 воинов. Они отбили вражеский штурм и готовились сами идти на прорыв, когда гонец Тотилы предложил им на выбор: свободу и личную безопасность, при условии сдачи оружия и боевых коней, или зачисление в королевскую армию. Почти все выбрали последнее.

Азинарские (юго-восточные) ворота Рима.
Современное фото

Рим перешел в руки готов 16 января 550 г., а в мае Тотила совершил морской набег на Сицилию. Имперский гарнизон заперся в Мессине, и варвары беспрепятственно опустошили остров. Следующей весной флот готов разграбил Корфу и Эпир. Правда, летом 551 г., византийская эскадра разгромила морские силы германцев при Анконе и вынудила их прекратить осаду

¹Современный Тиволи в 26 км к востоку от Рима.

²Во время боев за Рим Велизарий действительно тяжело заболел (возможно, перенес инсульт).

этой приморской крепости. Но затем готы высадились на Корсике и Сардинии. Казальсье, Тотила достиг апогея своего могущества. На самом деле, его держава находилась на пороге краха.

Юстиниан решил навязать противнику тотальную войну. Очередное посольство, направленное в Константинополь с мирными предложениями, вернулось ни с чем. В это время на Балканах формировались новые византийские части для отправки в Италию. Король всерьез опасался крупного вражеского десанта, но у главнокомандующего экспедиционными силами Нарсеса имелся альтернативный план кампании.

В отличие от Велизария, широко применявшего совместные операции морских и сухопутных сил, евнух собирался нанести поражение варварам, наступая по суше с севера, через Далмацию, Истрию и Венецию. Нарсес вел за собой 30-тысячную армию. Такой силе готы противостоять не могли, тем более, что их внимание было отвлечено событиями на юге. В Калабрии византийцы нанесли германцам тяжелое поражение при Кротоне.

6 июня 552 г. войско Нарсеса, беспрепятственно двигавшееся вдоль берега Адриатического моря, достигло Равенны. Всего через девять дней он развернул наступление по старой Фламиниевой дороге на Рим. Тотила смело двинулся навстречу неприятелю, чтобы преградить ему путь. Результатом этих маршей стало сражение при Тагине, решившее судьбу войны и самой готской державы.

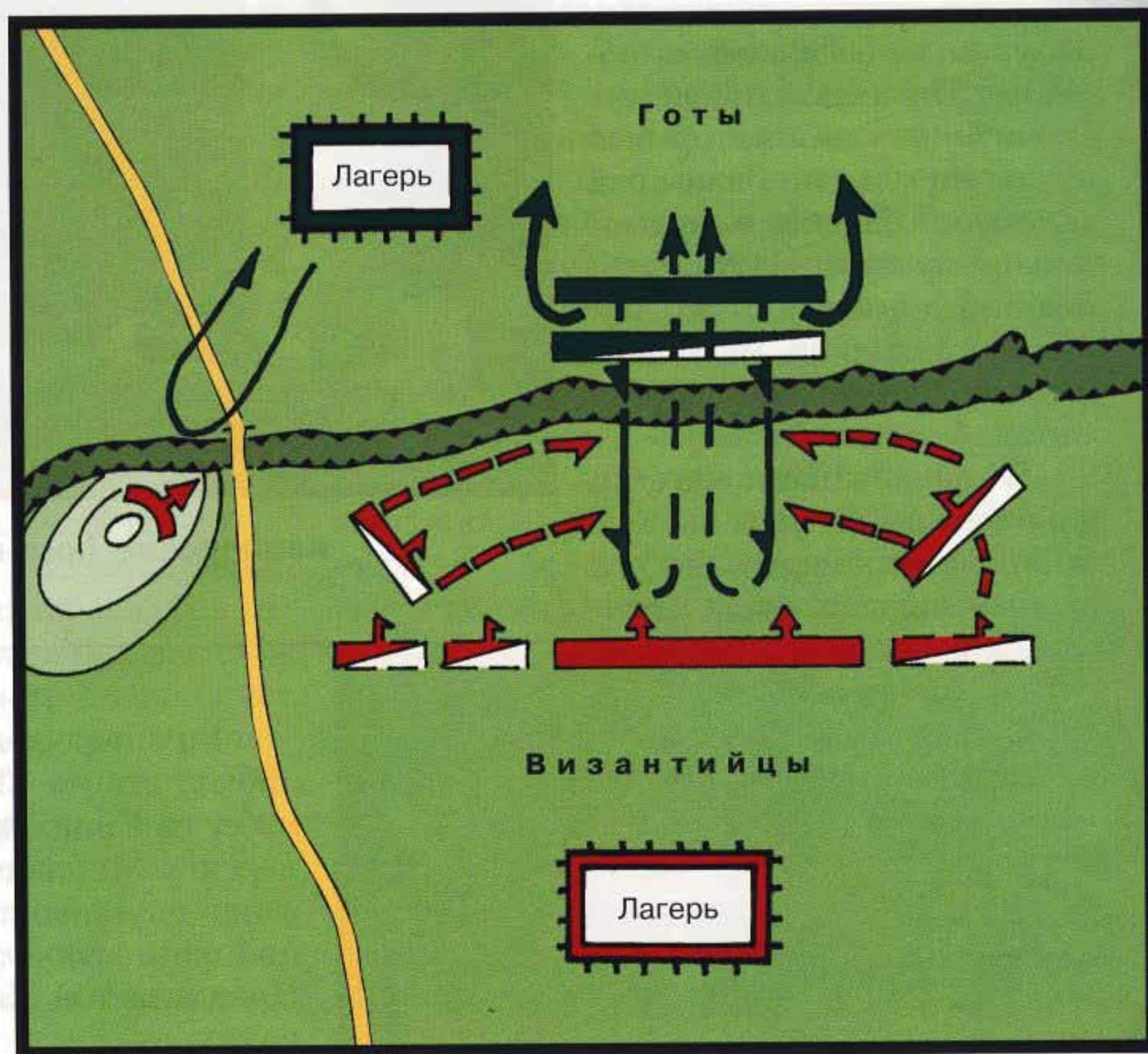
В истории не сохранилась точная дата этой битвы. Историки сходятся в том, что она произошла в конце июня — начале июля на плоскогорье Буста Галлорум в Умбрии в 150 км. к северу от Рима¹.

За свои 75 лет жизни Нарсес поднаторел в хит-

роspлетениях бюрократии и придворных интриг. Безусловно это был одаренный человек, обладавший ясным умом, но никакого военного опыта он не имел. Во время первой войны с готами Юстиниан довольно быстро отозвал евнуха из Италии. Зато теперь все его распоряжения сделали бы честь любому профессиональному стратигу. Возможно, как опытный организатор, он максимально эффективно использовал способности своих подчиненных, командовавших отдельными соединениями.

На этот раз основу боевого порядка ромейской армии составляла пехота. В центре развернулись отряды союзников: лангобардов и герулов. Фланги занимали личные дружины старших командиров (вукелларии). Сам Нарсес с «цветом ромейского войска» находился на левом фланге. Для придания позиции устойчивости, главнокомандующий дополнительно выдвинул 500 пехотинцев на холм, господствовавший слева над расположением его частей.

С фронта фалангу прикрывали 8000 пеших лучников. Отличные стрелки могли

Сражение при Тагине. 552 г.

¹Двойное название сражения связано с тем, что лагерь Тотилы находился у Тагина (современный Гуальдо-Тадино), а лагерь Нарсеса у Буста Галлорум.

обрушить смертоносный удар на главные силы врага. Сравнительно небольшой отряд кавалерии (1500 чел.) расположился в два эшелона за левым крылом и составлял тактический резерв. Отборным всадникам предстояло в нужный момент совершить на поле боя стремительный маневр и ударить в тыл неприятельской пехоте. Кроме того, конница была бы незаменима в ходе преследования разбитого противника, хотя из приведенного выше описания следует, что Нарсес изначально готовился к оборонительному бою и предоставил инициативу первого удара Тотиле.

Армия готов уступала византийцам по численности. Королевское войско насчитывало около 20 тысяч человек. В первой линии Тотила поставил конницу, несколько позади нее вторую линию образовала пехота. У короля не оставалось другого выхода, кроме как попытаться стремительной конной атакой прорвать растянувшееся вражеское войско и обратить его в паническое бегство. Не случайно Тотила приказал «не брать другого оружия, кроме копий».

Для начала, король решил овладеть холмом, нависающим над левым флангом ромеев, угрожая противнику выходом в тыл. Несколько раз конница готов устремлялась по узкой дороге к его вершине, но все ее атаки разбились о несокрушимую стену щитов византийской пехоты. Кони натыкались на частокол копий, вставали на дыбы, опрокидывались, подминая всадников. Ромеи умножали хаос во вражеских рядах, на выбор расстреливая варваров из луков. Особо смелые срубали мечами наконечники вражеских копий и в упор поражали ошеломленных неприятельских воинов.

Король отчетливо видел, насколько хладнокровная выучка регулярной пехоты превосходит порыв его воинов. Отведя глаза, Тотила приказал отступить, а пятисот ромейских героев «получили великую славу храбрости».

Тогда известный энергией и отвагой готский воин Кокка верхом на коне приблизился к ромеям, вызывая достойного соперника на поединок. Вызов принял телохранитель Нарсеса по имени Анзала.

Во весь опор помчался германский всадник, а ромей, внешне не торопясь, чуть повернул коня в сторону и, когда Кокка в считанные мгновения оказался рядом, вонзил ему копьё в левый бок. Рухнул на

землю готский герой, и закрылись глаза его, а ромейское войско издало дружный крик восторга.

Но и теперь сражение еще не началось. Сам вождь готов, облаченный в парадные доспехи, щедро украшенные золотом и царским пурпуром, скакал вдоль строя армии, демонстрируя великолепное владение конем и боевым копьём. Тотила тянул время, ожидая подхода своего племянника Тейи, спешившего к месту предстоящей битвы с отрядом из 2000 всадников. Наконец, прибыло и это подкрепление, других ждать не приходилось. Тогда готы отправились в лагерь обедать. Византийцы не сдвинулись с места и ели стоя.

Когда солнце, повисев в зените, начало клониться на запад, оба войска находились на расстоянии двойного полета стрелы друг от друга. Готовясь отразить атаку германцев, Нарсес выдвинул перед флангами армии отряды пеших лучников, придав боевому построению форму полумесяца.

Как и предполагалось, битва началась таранным ударом готской конницы. Тысячи всадников стронули лошадей с места и через минуту земля загудела под копытами. Предполагалось, что бросок окажется настолько стремительным, что снизит до минимума эффективность действий вражеских лучников.

Действительно, в начале казалось, что остановить такую лавину невозможно. Но вот справа и слева стрелки натянули тетивы луков, и в воздух взметнулись восемь тысяч стрел. Они будто зависли в воздухе, затмив яркий свет солнца. При этом темп стрельбы оказался настолько высок, что германская конница оказалась прошита на всю глубину и сразу стала нести чувствительные потери. Падали пораженные лошади, через их головы на землю, под копыта летели всадники. Раненые пытались подняться, но сзади на них валились все новые жертвы. Пестрый ковер из перемешанных конских туш и людских тел рос в высоту.

И все же, даже значительно ослабленный, вал конницы докатился до византийской боевой линии, где Нарсес расположил довольно ненадежные отряды федератов. Обычно вспомогательные части союзных варваров использовались византийцами для лихих кавалерийских набегов. Считалось, что они не пригодны для пешего рукопашного боя. На этот раз случилось невероятное.

Спешенные лангобарды выдержали натиск конницы готов и после яростной сечи отбросили ее назад.

Неудача не обескуражила Тотилу. Отступление и повторные атаки являлись стандартным тактическим приемом остготов, но на этот раз судьба не предоставила им вторую попытку. На обратном пути германцы опять попали под шквал стрел ромейских лучников.

Столь беспощадный разгром поколебал боевой дух готской пехоты. Вместо того, чтобы прикрыть погибающих товарищей и дать им возможность перестроиться, пехотинцы дрогнули и покатались назад, а всадники давили и топтали так и неразомкнувшиеся ряды. На поле боя осталось лежать около шести тысяч трупов германских воинов.

простого воина, но жизнь ему это не спасло. Вождь союзных ромеям гепидов Асбад нагнал Тотилу. Он нанес страшный удар копьем и почти сразу же сам был ранен в ногу королевским телохранителем.

Готы вывезли смертельно раненого короля, но в Капрах (современная Капрара) он умер. Тело его предали земле. Позднее побывал на могиле Тотилы и Нарсес. Чтобы не осталось никаких сомнений в смерти самого опасного и талантливого врага Византии, евнух отправил в Константинополь залитые его кровью плащ и шлем. А еще, по приказу главнокомандующего, казнили несколько тысяч пленных, взятых при Тагине.

«Буста Галлорум» — означает «Галльские погребальные костры». Уже много веков это место напоминало о грозной боевой славе легионов Древнего Рима¹. Воины

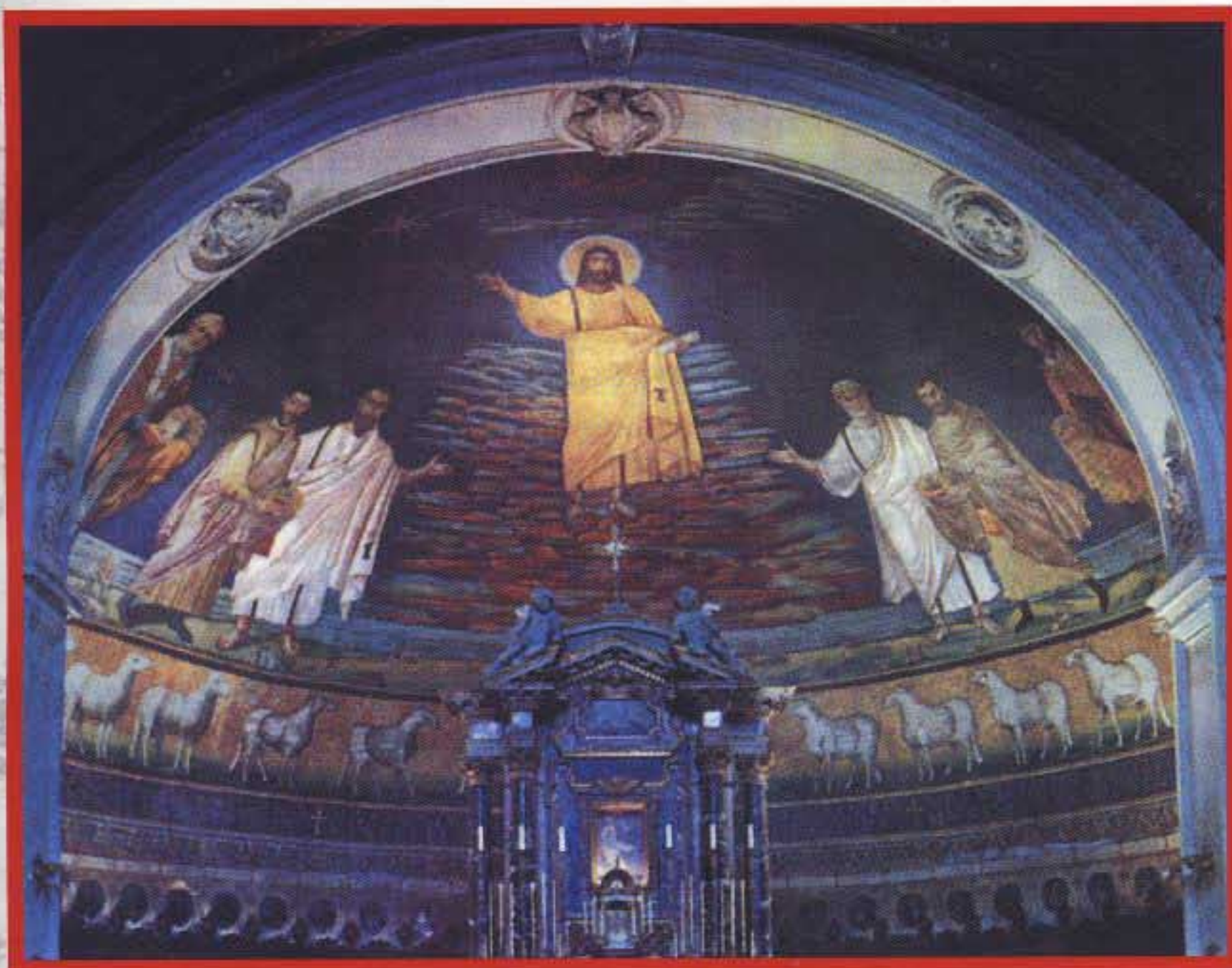
Нарсеса заставили сиять новым блеском память о прежних победах римского оружия, потому что теперь эта земля стала могилой и для готов.

Главным героем последнего акта готской драмы стал племянник Тотилы Тейя. Он избежал гибели у Тагина и добрался в Тичин, где был избран королем. Мстя за поражение и гибель пленных, он велел уничтожить триста римских юношей из знатных семей, взятых в заложники еще Тотилой.

Тейя собирался продолжать борьбу, но он не был ни государственным деятелем, ни талантливым полководцем, а скорее авантюристом, надеющимся на удачу. Его риск не подкреплялся никакими ресурсами. Правда, король начал переговоры о союзе с франками и алеманнами, но ни-

кто не хотел поддерживать готов, безнадежно проигравших войну.

Пользуясь деморализацией противника, Нарсес штурмом взял Рим и отправил в Константинополь ключи от Вечного города. Гарнизоны других крепостей сдавались без боя. Сопrotивление оказали только Тарент и Кумы. В этом городе, расположенном к северу от Неаполя, находилась часть

Мозаика базилики Святых Космы и Дамиана в Риме. Около 520 г.

Тут настало раздолье для византийской резервной кавалерии и вспомогательной союзной конницы. Началось преследование, в ходе которого армия Тотилы была рассеяна.

Король еще в самом начале битвы был ранен. Теперь он не мог управлять обезумевшим от ужаса стадом и бежал вместе со всеми. Перед началом сражения он снял парадные доспехи, заменив их снаряжением

¹В начале IV века до н.э. военачальник Марк Фурий Камилл разгромил здесь огромную орду галлов, вторгшихся в Италию.

королевской сокровищницы, поэтому за овладение Кумами развернулась нешуточная борьба.

Стены Рима. Современное фото

Собрав все вооруженные отряды, какие еще было можно, Тейя совершил стремительный бросок на юг Италии. У подножья Везувия дальнейший путь им преградило войско ромеев. Готы построили сильно укрепленный лагерь и готовились к отражению атак противника на выгодной позиции. Но Нарсес не торопился. Он знал, что время работает против Тейи. Вместо того, чтобы понапрасну терять силы в лобовых атаках, византийцы обстреливали германцев камнями и стрелами из метательных машин. Еще больший эффект принес захват готского флота, котрый попал в руки ромеев благодаря измене.

Через два месяца, стесненные со всех сторон и лишенные подвоза провианта, готы отступили с занимаемых позиций на Молочную гору близ Салерно. Здесь они были обречены умереть от голода или попасть в плен. Развязка наступила в октябре 552 г.

Чтобы избежать позорной участи невольника, Тейя пошел на прорыв. С обеих сторон в бой двинулись только пешие воины. Готы имели определенные шансы на успех, так как двигались вниз по склону и вполне могли прорвать заслоны противника. И все же, их наступление выглядело как акт отчаяния. Ни о каком тактическом руководстве со стороны германцев речь уже не шла. Фактически Тейя один вступил в поединок со всей вражеской армией. Он вышел перед остановившимся строем своих бойцов и, прикрывшись большим щитом, долго оставался неуязвим под градом византийских дротиков и стрел. Если же кто-то из вражеских солдат оказывался

настолько смел, чтобы попытаться поразить вождя ударом копья, то Тейя сам убивал такого храбреца.

И все же в какой-то неувловимый момент, когда Тейя менял утыканный копьями щит на новый, вражеский дротик попал ему в грудь. Единственный меткий удар оказался смертельным.

Мертвому королю отрубили голову и водрузили на пику для устрашения его воинов. Несмотря это, готы сражались еще два дня, давая себе время на сон прямо на поле битвы, заваленном трупами. На третий день даже самым отважным стало ясно, что это конец, и многим уже не хотелось умирать.

Нарсес принял направленных к нему парламентариев. Признавая полное поражение, уцелевшие германцы клялись никогда впредь не поднимать оружие против империи и обещали навсегда уйти из Италии. Теперь ромеи могли быть великодушными. На военном совете высшего командного состава предложения готов были приняты. Им даже позволили забрать с собой семьи и личное имущество.

После заключенной капитуляции гарнизоны крепостей, все еще находившихся в руках готов тоже сдались. Вот так и закончилась долгая Готская война, а с ней и история этого германского народа.

Хитроумный и осторожный, взвешивающий каждый шаг, царедворец Нарсес преподнес Италию Юстиниану. Но автор этих строк безоговорочно отдает свои симпатии магистру Велизарии. Талантливый полководец и храбрый солдат, прямой и великодушный по натуре, он беззаветно преданно служил императору, а в ответ удостоивался не только триумфов, но и попадал в опалу. Вместе с боевыми товарищами Велизарий вынес основную тяжесть двух войн с готами. Солдаты боготворили его, но за неисполнительность подчиненных и равнодушие высших властей, граничившее с предательством, стратиг с лихвой расплачивался нервами и здоровьем и, в конечном итоге, самой карьерой.

Пожалуй, никто из современников не сделал для Византии больше стратига Велизария. Даже тот факт, что этот красивый, мужественный и, в тоже время, очень доверчивый человек побаивался собственной жены, не может не вызывать искреннее сочувствие и расположение к нему. Благодаря

талантливому перу историка, Велизарий остался в людской памяти, как образец преданного слуги, пострадавшего от неблагодарности своего господина.

понять, какой добычей рассчитывали поживиться варвары в краю, опустошенном двадцатилетней войной. Да и могли ли они удержать за собой эти земли? Вполне воз-

можно, что германцы предприняли поход просто потому, что представилась такая возможность.

Движение варваров напоминало миграцию стай саранчи. Они упрямо продвигались на юг, оставляя за собой дотла разоренную, поистине выжженную землю. В то время как главные силы армии Нарсеса на протяжении трех месяцев безуспешно осаждали Кумы, захватчики уничтожили один из его отрядов близ Пармы, а затем нанесли невосполнимый урон оставшимся без защиты Кампании и Лукании, Апулии и Калабрии, т.е. всем южно-итальянским областям. И везде местных жителей истребляли или угоняли в рабство. Не еретики-ариане, а ортодоксальные христиане — франки беспощадно разрушали даже церкви и монастыри. Сицилию спас от незваных гостей только Мессинский пролив

и отсутствие у варваров флота.

Но уже близился час расплаты. Овладев, наконец, Кумами, Нарсес отвел войска на зимние квартиры в Рим, где не жалел средств на пополнение войска и сил на обучение солдат различным боевым навыкам.

Летом 554 г. в бескрайнем таборе диких пришельцев вспыхнули эпидемии, ополовинившие этот муравейник. Осенью в сражении на реке Касулине¹ Нарсес наголову разгромил варваров. Благодаря воинскому искусству и стойкости 18 тысяч ромеев и их союзников уничтожили 30-тысячное неприятельское войско².

Готовясь к битве, Нарсес развернул в центре тяжеловооруженную пехоту, а конницей усилил оба фланга. Легкая пехота

Велизарий в старости.

С картины художника Ж.Л. Давида

Ну а сильной стороной характера Нарсеса было умение окружать себя помощниками-профессионалами и прислушиваться к их советам. Эти качества совсем скоро снова понадобились евнуху в Италии.

Не успели побежденные готы уйти с Апеннинского полуострова, а имперские чиновники освоиться в богатых резиденциях, как Византии опять понадобилось отстаивать только что обретенные владения.

В середине 553 г. 75 тысяч франков и алеманнов обрушились на Северную Италию. Их вожди здраво рассудили, что теперь ни ослабленные войной византийцы, ни, тем более, сошедшие с исторической арены, готы не смогут помешать их захватническим планам. Правда, сейчас трудно

¹Современная река Волтурно близ Капуи.

²Между прочим, византийцам помогло то обстоятельство, что страдавшие от голода варвары накануне сражения «наполняли себя перебродившим вином» (т.е. пытались наестся незрелым виноградом) и от этого так маялись желудком, что многие умерли.

(в основном, лучники) составили вторую боевую линию. Еще два кавалерийских отряда укрылись в лесу в качестве резервных подразделений.

Боевое построение франкского войска выглядело как плотный клин пехотинцев («свиная голова»), вытянутый в сторону противника. Почти никто из франкских воинов не имел защитного вооружения (кроме щитов). Перед сражением вождь Бутилин обратился к воинам с речью, в которой несколькими энергичными фразами обрисовал драматизм сложившейся ситуации. «Или мы будем обладать Италией, ради чего и пришли, — сказал он, — или же бесславно умрем».

Первыми ударили франки, да так сильно, что под ударами их обоюдоострых се-

кир и копий — *ангон* была прорвана первая линия ромеев, а вторая подалась назад. И все же, именно с этой минуты, франки были обречены. В соответствии с классическими римскими военными трактатами, Нарсес растянул оба фланга и приблизил их под углом к противнику. Образовав раскрытые «ножницы», конные лучники повели шквальный обстрел. При этом, стрелы летели через головы варваров, поражая в спину тех, кто сражался в противоположном боевом фланге. Франки погибали, даже не видя, откуда их настигает смерть.

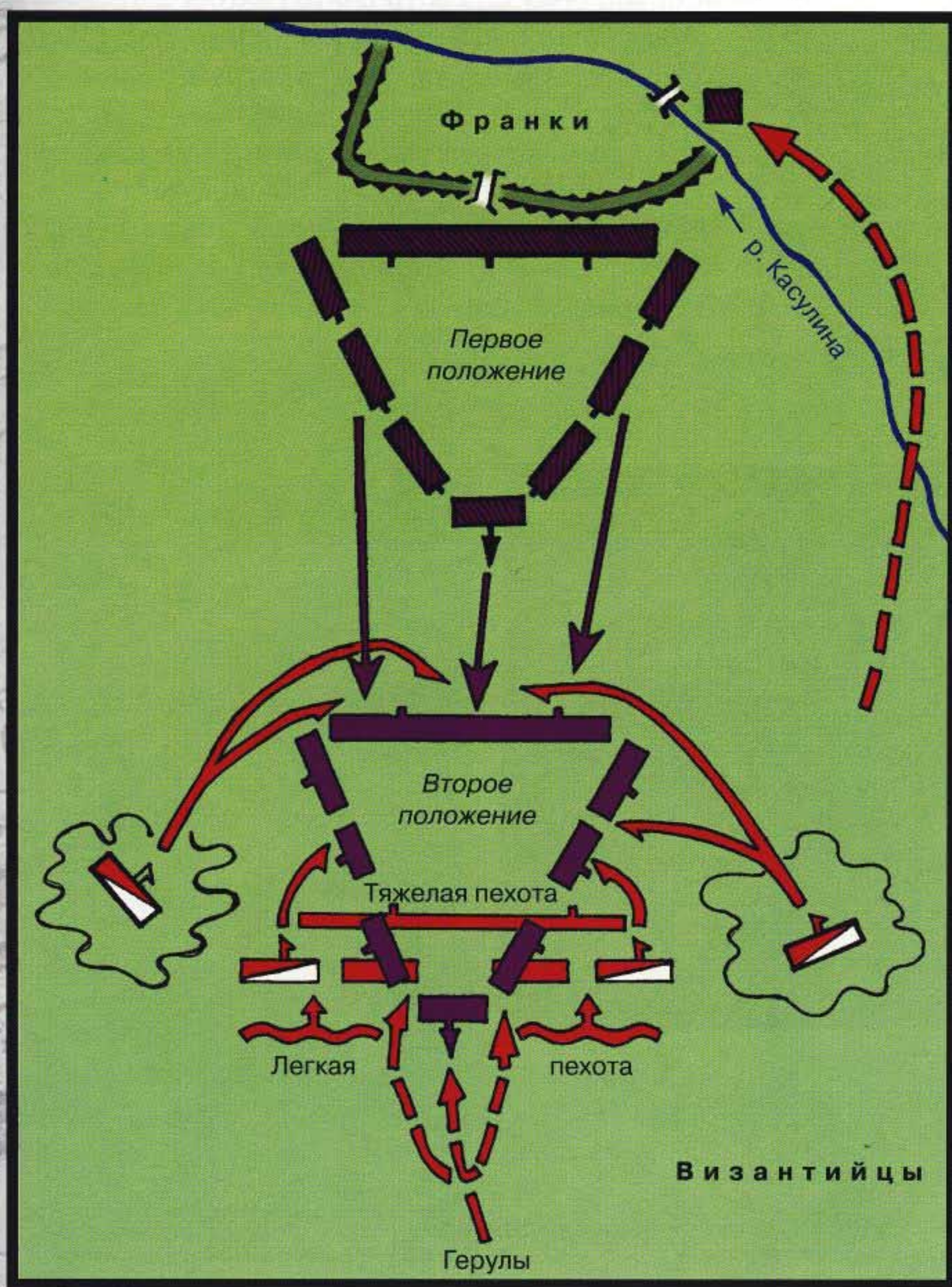
Историк оставил впечатляющее описание действия совершенной машины для убийств: «так как постоянно падали крайние, тотчас открывались спины, стоящих внутри, и так как это происходило непрерывно,

массы врагов весьма быстро стали рассеиваться, истреблялись и уменьшались...».

А ромейские стрелки вообще не несли никакого урона, надежно прикрытые пехотой. Не имевшие на вооружении луков франки безропотно погибали, но какое-то время все же держались, пока их стойкость не сломил вступление в бой отряда союзных ромеям герулов.

Теперь устоять было невозможно. Франки дрогнули, бросились бежать и в тот же миг были атакованы свежими подразделениями кавалерийского резерва. Вероятно, сам того не подозревая, Нарсес почти в точности повторил маневр Ганнибала при Каннах (хотя, наверняка, среди ромейских офицеров имелись люди, знавшие военную историю).

Франки оказались «пойманными в сеть и истреблялись повсеместно». О сопротивлении уже не было и речи. Битва превратилась в бойню. Множество варваров, пытавшихся спастись бегством, тонули в реке, и она вышла из берегов, запруженная трупами. Если верить Агафию

Сражение при Касулине. 554 г.

Миринейскому, «каким-то образом» гибели избежали только пять человек! Конечно, такое утверждение является эмоциональным преувеличением, но не подлежит сомнению, что франкское войско перестало существовать. Из того же источника следует, что потери византийцев не превышали 80 солдат.

Одержав ошеломительную победу, византийцы ограбили тела павших врагов. Обремененные добычей, распевая песни и украсив себя венками, они вернулись в Рим. После этого ромеи развернули новое наступление и очистили от варваров всю Северную Италию. В 555 г. они вынудили капитулировать гарнизон крепости Компса¹. Кого только здесь не было: франки, алеманны, готы — всего около 7000 человек. В 563 г. сдался готский отряд, удерживавший Верону. Считается, что на этом закончилась ромейская реконкиста в Италии. На Апеннинах наступило относительное затишье (правда, как выяснилось, совсем не надолго).

Тяжелейшее военное противостояние с готами потребовало напряжения всех сил империи. Память об этих событиях в Византии получила вполне официальный характер и пережила столетия.

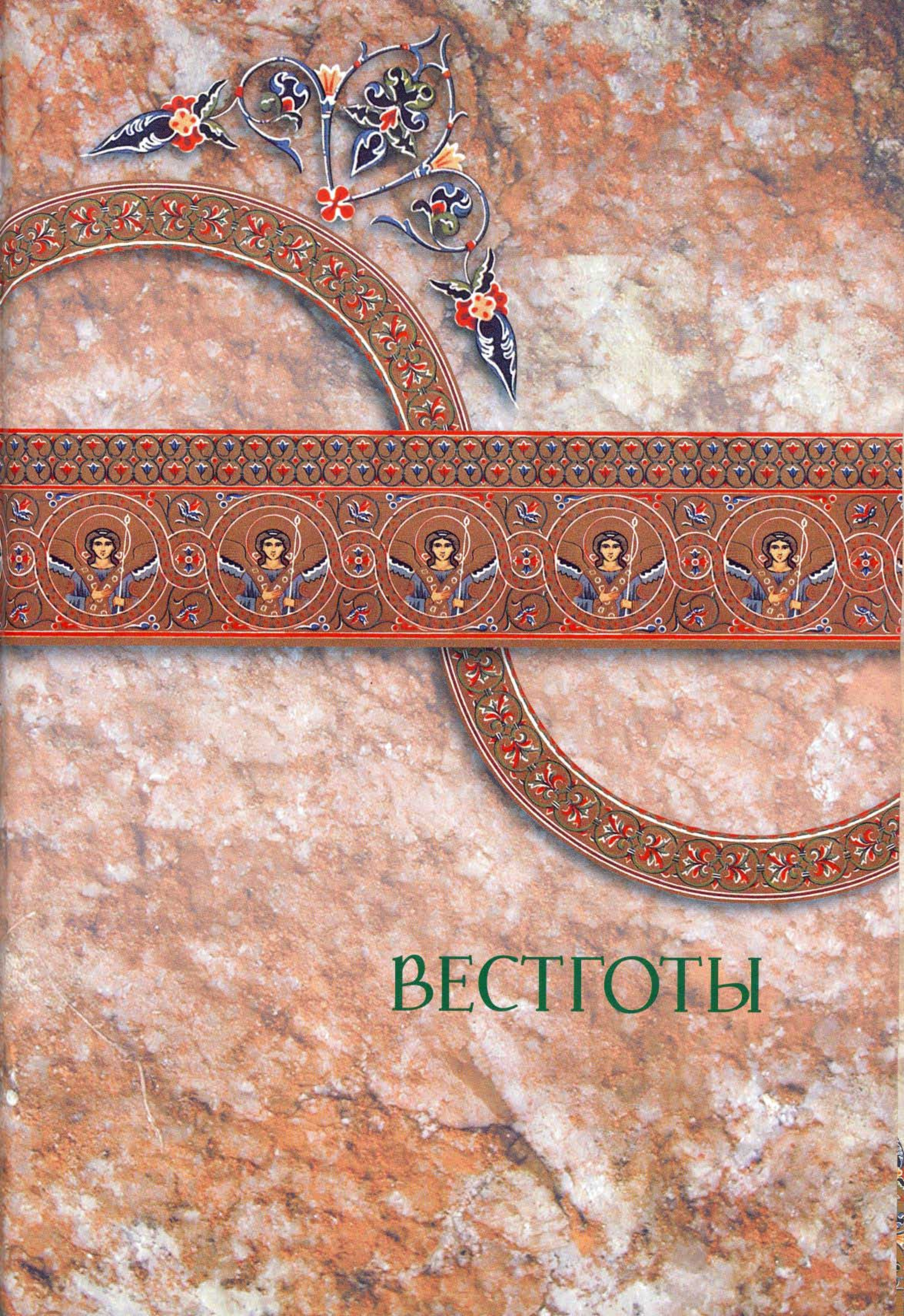
В придворном трактате X века «О церемониях византийского двора» описываются так называемые Готские игры, которые ежегодно устраивались в Константинополе. Для участия в них василевс в ночь на 2 января приглашал во дворец на ужин 12 «друзей» (по числу апостолов). Восемь из них являлись высшими сановниками, а еще по два человека представляли наиболее влиятельные общественные группировки столичного населения — так называемые «партии ипподрома»: венетов и прасинов («голубых» и «зеленых»).

Пока Император и его вельможи насыщались изысканными яствами, вожди цирковых партий — димов, надев маски и вооружившись щитами, «превращались» в готов и начинали танцевать вокруг стола автократора. Специальными палочками танцоры отбивали по щитам ритм стремительной пляски и распевали «готские песни». Когда-то их текст звучал на латинском языке, но за прошедшие века он изменился до неузнаваемости, и теперь смысла никто не понимал. Так Ромейское царство вспоминало о давних страницах своей военной славы².

¹Современная Конца-делла-Кампания к северо-востоку от Салерно.

²Только представим себе, как в мае 2445 г. лидеры фракций Государственной Думы (если, конечно, такое учреждение сохранится), приглашенные в Кремль на праздничный прием по случаю Дня Победы, будут подобным образом плясать и петь вокруг главы Российского государства!

ВЕСТГОТЫ

*Еще одной жемчужиной бесценной
Украсится корона Византии.*

Н. Гумилёв

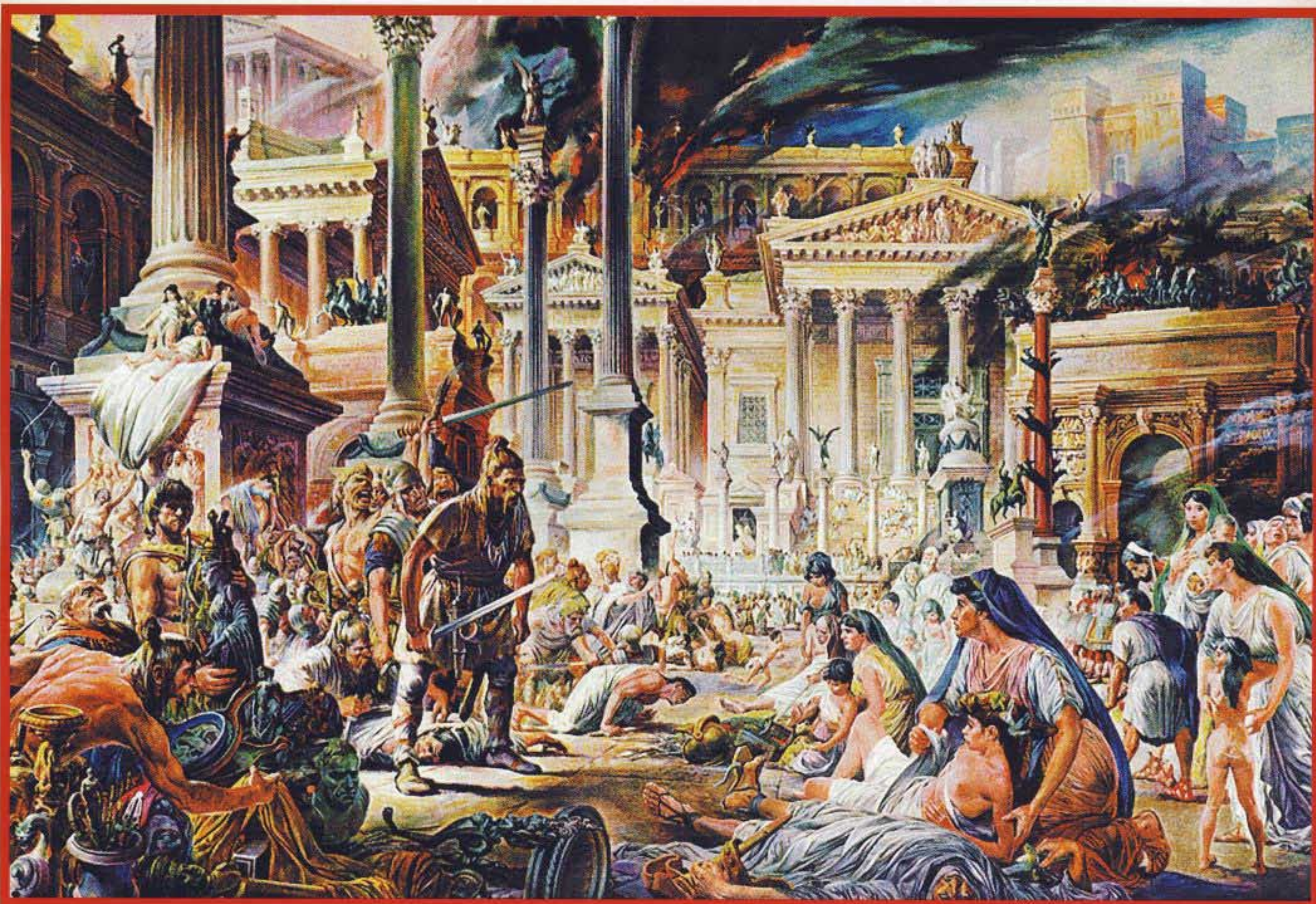

Вполне возможно, что именно так рассуждал император Юстиниан, направляя войска на Иберийский полуостров. К вестготам у Византии имелся давний и немалый счет. В 378 г. предки этих варваров уничтожили римскую армию в битве при Адрианополе. После этого готы безнаказанно опустошали Фракию и Элладу, а у империи не было сил, чтобы противостоять их разбою. Занявший престол после адрианопольского погрома Феодосий стал принимать отряды вестготов на военную службу. Теперь они составляли значительную часть гарнизонов столицы и других городов. Пока был жив Феодосий — опытный военачальник и искушенный политик, он ещё сдерживал эту вольницу, но когда императором

Востока стал его семнадцатилетний сын Аркадий, судьба державы повисла на волоске.

В 400 г. командовавший готами военачальник Гайна поднял в столице мятеж. Неизвестно, был ли у него свой кандидат на трон, но на этот раз варварам сильно не повезло. В Константинополе германцев ненавидели, и против них поднялось все население города. Произошел ряд боев, в результате которых готов изгнали из города. Часть варваров, укрывшихся в церкви, озверевшая толпа сожгла прямо в храме. Гайна безуспешно пытался переправиться в Азию, а затем, потеряв много людей, с большим трудом едва ушел за Дунай¹.

Теперь готов убивали по всей империи, но погромы еще не означали окончательного решения готской проблемы. Угроза, исходившая от этого племени исчезла лишь тогда, когда войско неистового Алариха покинуло разоренную Македонию, Константинополь хладнокровно принес в жертву Западную империю. Не исключено, что именно придворные интриганы, вершившие

Готы Алариха грабят Рим

¹Здесь он был убит гуннами. Их вождь, желая сделать императору приятное, послал Аркадию в подарок засоленную голову Гайны.

политику при слабовольном Аркадии, подтолкнули Алариха к походу в Италию.

В 410 г. вестготы взяли и разграбили Рим. Морально-психологический эффект этого события трудно переоценить, но обладание Вечным городом не принесло германцам реальной пользы. Пришельцы с удивлением обнаружили, что Италия не может прокормить их. Приходилось покидать Апеннинский полуостров. Новый король вестготов, Атаульф¹ добился от западно-римского императора Гонория выделения земель для поселения в Аквитании, на юго-западе Галлии. Но и здесь воинственные германцы не желали заниматься презренным для мужчин и воинов занятием — земледелием. В то же время римляне прекратили поставки зерна, предусмотренные ранее заключенным договором. В поисках лучшей доли Атаульф повел свой народ в Испанию. Здесь, уже в качестве союзника Рима, он нанес тяжелое поражение вандалам. Затем, около 418 г., вестготы вернулись в Галлию. Столицей их королевства стала Тулуза.

Формально вестготы продолжали считаться федератами империи. На деле их зависимость от Рима являлась фикцией. Два государства воевали друг с другом и редко объединяли силы против общих врагов. С падением в 476 г. Западной империи вестготы прибрали к рукам Прованс и вели успешную экспансию к югу от Пиренеев в Испании. В этот период их главным врагом стали франки. В конце лета 507 г. в сражении близ Пуатье многочисленная пехота франков выдержала удар готской конницы, а затем перешла в контратаку и нанесла противнику решающее поражение. Из источников следует, что вождь франков Хлодвиг лично убил короля Алариха II. Вслед за этим франки овладели Тулузой.

Эта катастрофа привела к изгнанию вестготов из Галлии. Теперь их владения к северу от Пиренеев ограничивались узкой полосой земель вдоль побережья Средиземного моря в Провансе. Кроме того, против побежденных выступили их ближайшие сородичи — остготы во главе с Теодорихом Великим. Выиграв войну, он соединил под своей властью обе ветви готов. Существование этой сверхдержавы продолжалось до 526 г., когда королем вестготов был избран внук Теодориха Амаларих (526—531 гг.). Женатый на дочери Хлодвига, он, тем не менее, также погиб в борьбе с франками.

Позднее война между двумя народами периодически возобновлялась, но никто из противников так и не смог оставить у себя за спиной линию Пиренеев. Обезопасив себя с севера, вестготы возобновили продвижение в Южной Испании. Подчинив земли до Геракловых столпов, они столкнулись со сферой государственных интересов Византии.

Вид Толедо. Современное фото.
С середины VI в. город являлся столицей королевства вестготов и за века своей истории стал памятником различных культур и народов: римлян, мавров, а позднее и христиан-католиков.

После покорения вандалов, Юстиниан обдумывал планы возвращения пиренейских провинций империи. Он держал сильный гарнизон в Септеме на северном побережье Африки. Базировавшиеся здесь дромоны контролировали ситуацию в Западном Средиземноморье и незамедлительно информировали столицу обо всех значимых событиях у вестготов и франков. В тех же целях византийский флот занял Балеарские острова, ранее принадлежавшие вандалам.

Королю вестготов Теоде (531—548 гг.) очень не понравилась столь явная демонстрация мускулов. В 547 г. он послал войска, чтобы отбить Септем, но этот рейд провалился. Византийцы отразили первый яростный штурм. На следующий день, в воскресенье готы не сражались, а молились. За это они были наказаны по всем правилам тактики. Ромеи атаковали врага, взяв в клещи между крепостью и морем. Варвары были окружены, так что «ни один человек не смог избежать последующей бойни».

¹Шурин Алариха. По мнению летописца, Атаульф не стал основывать собственное государство в Италии, так как считал, что «готы никоим образом не могут повиноваться законам по причине своей разнузданной дикости».

Исидор Севильский (ок. 560–636 гг.). Средневековая миниатюра. Благодаря этому замечательному человеку и учено- му, до нас дошли многие страницы дра- матической истории государства вестготов

На этом попытки вестготов закрепить- ся в Африке закончились. Следующие не- сколько лет они были заняты междоусобной борьбой в собственном королевстве.

Теода погиб в результате покушения. Прямо во дворце новой столицы Толедо его заколол некий «притворный безумец». Го- ворили, что это кровная месть за несправед- ливые жестокости монарха.

Урок не пошел впрок. Новый король Тевдегизил любил предавать бесчестью жен своих вассалов. Чтобы избежать мести, он задумал казнить ряд знатных вестготов, но опозоренные и разъяренные мужья опере- дили его. Всего через год Тевдегизила за- резали на званом пиру в Севилье¹.

Занявший трон Агила (549–554 гг.) бе- зуспешно пытался покорить Кордову. Коро- левское войско было разбито, а неудачливый полководец бежал. Затем ему пришлось по- давлять мятеж поднятый неким Атанагильд- ом. Так как Агила был арианином, а его противник католиком, то борьба носила оже- сточенный характер. Когда дела претенден- та на престол приняли неблагоприятный

оборот, он обратился за помощью к Визан- тии. Скорее всего, Атанагильд обязался пе- редать императору какие-то территории в об- мен на военную поддержку. Ну а то, что обе стороны преследовали собственные интере- сы и не относились всерьез к принятым обя- зательствам, не очень-то и удивляет чело- века, знакомого с нравами той давней поры.

К этому времени еще не закончилась вой- на в Италии, но Юстиниан решил воспользо- ваться благоприятным случаем для восстано- вления своей власти в Испании. Командование предстоящей экспедицией было поручено крупному административному работнику, но неискующему в военном деле Петру Либе- рию, происходившему из старинного сенатор- ского рода. Когда-то он управлял Галльской префектурой Теодориха Великого. После вторжения византийцев в Италию Либерий примкнул к победителям. Вскоре Юстиниан отправил 90-летнего патриция на покой. Те- перь император вспомнил о проверенном ка- дре, очевидно полагая, что Либерий, который пользовался авторитетом в кругах испанской романизированной и готской знати, сможет привлечь их на сторону Византии.

А что представляли собой военные си- лы вестготов?

Естественно, службу в войске несли, прежде всего, сами готы. Для этого они осво- бождались от уплаты налогов. Даже вступив в тесные контакты с романизированным насе- лением Южной Галлии и Испании, германцы отказывали в праве ношения оружия «римля- нам». Лишь позднее, военная обстановка вы- нудила вестготских королей привлечь мест- ный этнический элемент в ряды вооруженных сил. Представители знатных сенаторских фа- милий принимались на службу вместе с их лич- ными дружинами. Отсутствие опыта морепла- вания также вынуждало назначать потомков римлян на командные должности во флоте.

Верховным главнокомандующим являл- ся король. Своей волей он назначал лично преданных ему людей на офицерские долж- ности *комитов* и *дуксов*. Позднее эти долж- ностные лица возглавляли территориальные военные округа и все чаще командовали ар- миями на театрах военных действий.

Организационная структура войска вестготов строилась на десятичной основе. Сохранились сведения о подразделениях численностью в десять, сто, пятьсот и тыся- чу человек. В военное время они сводились в довольно крупные соединения, подчиняв- шиеся упомянутым комитам и дуксам.

Ядро и главную ударную силу армии составляла конница, но имелись и пехотные части. Зачисление в тот или иной род войск

очевидно происходило по имущественному признаку. Из готского законодательства следует, что часть дружинников за службу наделялись землей и лишались ее при переходе к другому господину. Другие жили в доме начальника и получали от него оружие и питание. Вполне вероятно, что в силу материального достатка, первые несли службу в конном строю, а вторые в пешем. Хотя богатые господа, конечно, могли содержать целиком конные дружины.

Мы не останавливаемся на описании вооружения вестготов, так как, скорее всего, оно кардинально не отличалось от оружия, применявшегося их восточными собратьями.

Теперь, пожалуй, самое время восстановить нить нашего рассказа, прерванную на пороге византийского вторжения в Испанию. В 552 г.¹ флот, вышедший с Балеарских островов, доставил имперские войска, которыми командовал патриций Либерий (точнее, наверное, все-таки, руководил), на юго-восточное побережье Пиренейского полуострова.

Высадка десанта прошла успешно. Местное население встречало ромеев, как освободителей от ига еретиков-ариан. В короткий срок византийцы овладели рядом важных опорных пунктов на побережье от Картахены до Малаги. Наступление вглубь материка происходило не столь успешно. Ромеям

Вестготский и франкский воины. VI в.

Вооружение сражавшегося в пешем строю гота состоит как из позднеримских, так и собственно германских элементов. Так у римлян заимствован склепанный из нескольких частей шлем, а меч и короткие копья издавна использовались самими готами. Помимо меча, на поясе обычно носился еще и кинжал. Обращает на себя внимание почти полное отсутствие защитного снаряжения. В распоряжении воина имеется только большой круглый щит.

Франк оснащен для боя надежнее. На нем надета кольчуга, а шлем дополнительно оснащен нащечниками и назатыльником. Щит украшен металлическими накладками. Франки вели длительные и тяжелые войны с королевством вестготов, но именно так они могли выглядеть в ходе своих вторжений в Италию в середине VI в., где им пришлось иметь дело с византийцами.

Иллюстрация
Е.Ю. Емельянова.
© В.Н. Шиканов

*Емельянов Евгений
2006 год*

¹По другим данным в 554 г.

Емельянов Е. С. 2007 г.

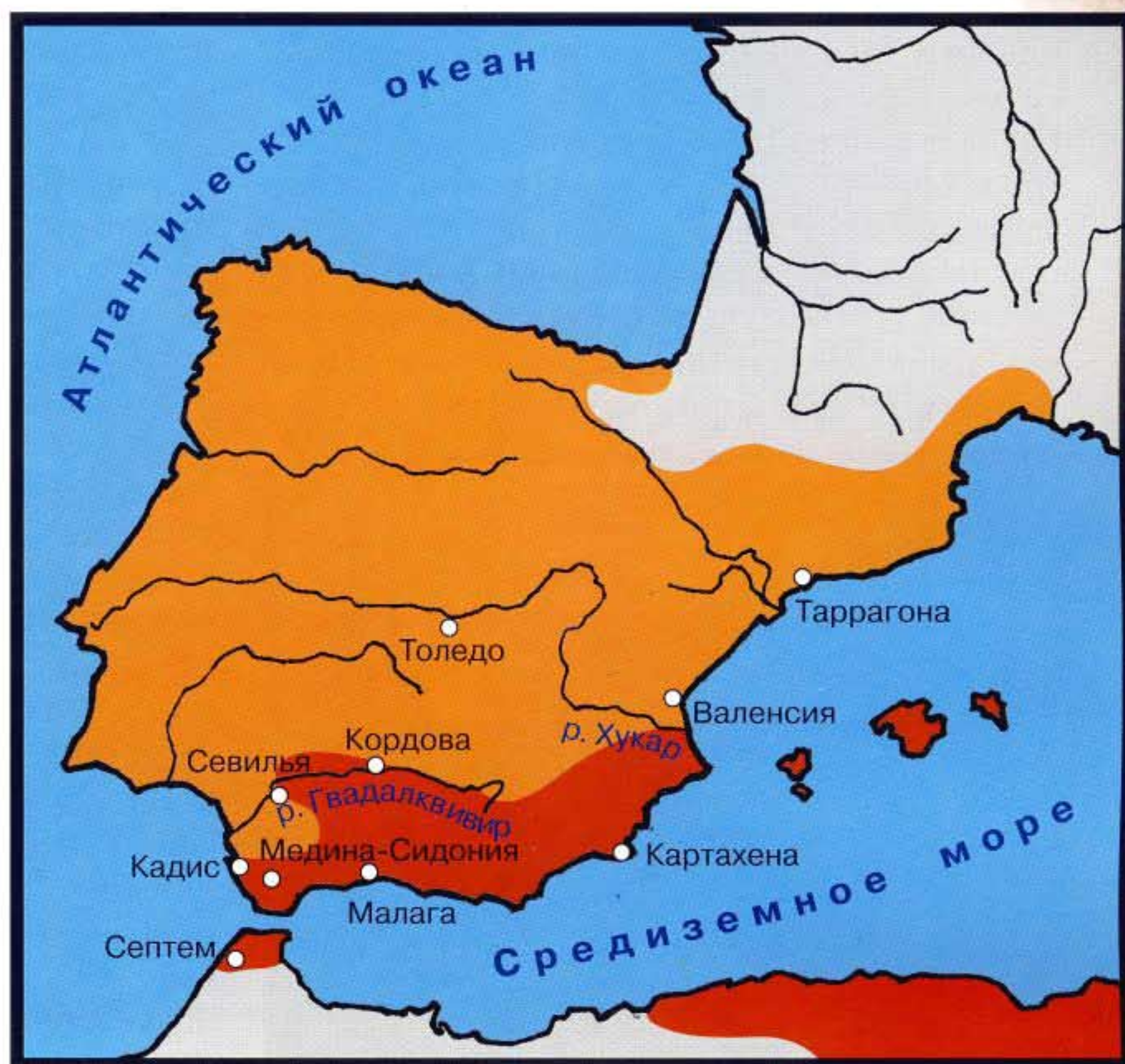

удалось разбить войско Агилы близ Гиспалиса¹, но именно с этой победы начался перелом в кампании. Различные группировки вестготской знати, позабыв о распрях, объединились против общего врага. Придворные убили Агилу и признали королем Атанагильда (554–567 гг.).

Став единоличным монархом, он оказал бывшим союзникам упорное сопротивление. Готы отстояли Севилью, а затем предприняли яростный штурм Кордовы. Византийцы отразили атаку с большим трудом. Бои настолько вымотали противников, что военные действия почти прекратились. Позднее между Юстинианом и Атанагильдом был заключен мирный договор на условии сохранения фактической линии контроля между двумя государствами. Империя вернула юго-восточную часть бывшей римской провинции Бетика и южную часть Тарраконской Испании. Рубежами ее владений стали реки Гвадалquivир и Хукар (таким образом, ромеи прочно удерживали Гибралтарский пролив). С другой стороны, Византии так и не удалось превратить Средиземное море в свое внутреннее озеро.

Ряд историков считают, что к этому времени постаревший Юстиниан утратил интерес к внешним завоеваниям. Думается, что это упрощенное представление. Скорее, император не мог не учитывать, что его многолетние предыдущие войны подорвали военно-экономический потенциал государства. Каждый новый успех давался все труднее. Если разгром вандалов произошел довольно легко, то покорение Италии уже потребовало напряжения всех сил. А ведь еще приходилось воевать с персами и отражать набеги тюрок и славян из-за Дуная. Все это требовало таких больших денег, что даже отлично функционирующее налоговое ведомство империи не успевало пополнять казну.

Произошло резкое сокращение численности армии. В этой ситуации захватить и удержать весь Пиренейский полуостров вообще не представлялось возможным. Королевство вестготов сохранилось на политической карте и накапливало силы для реванша.

Государство вестготов и византийские владения в Испании. Около 600 г.

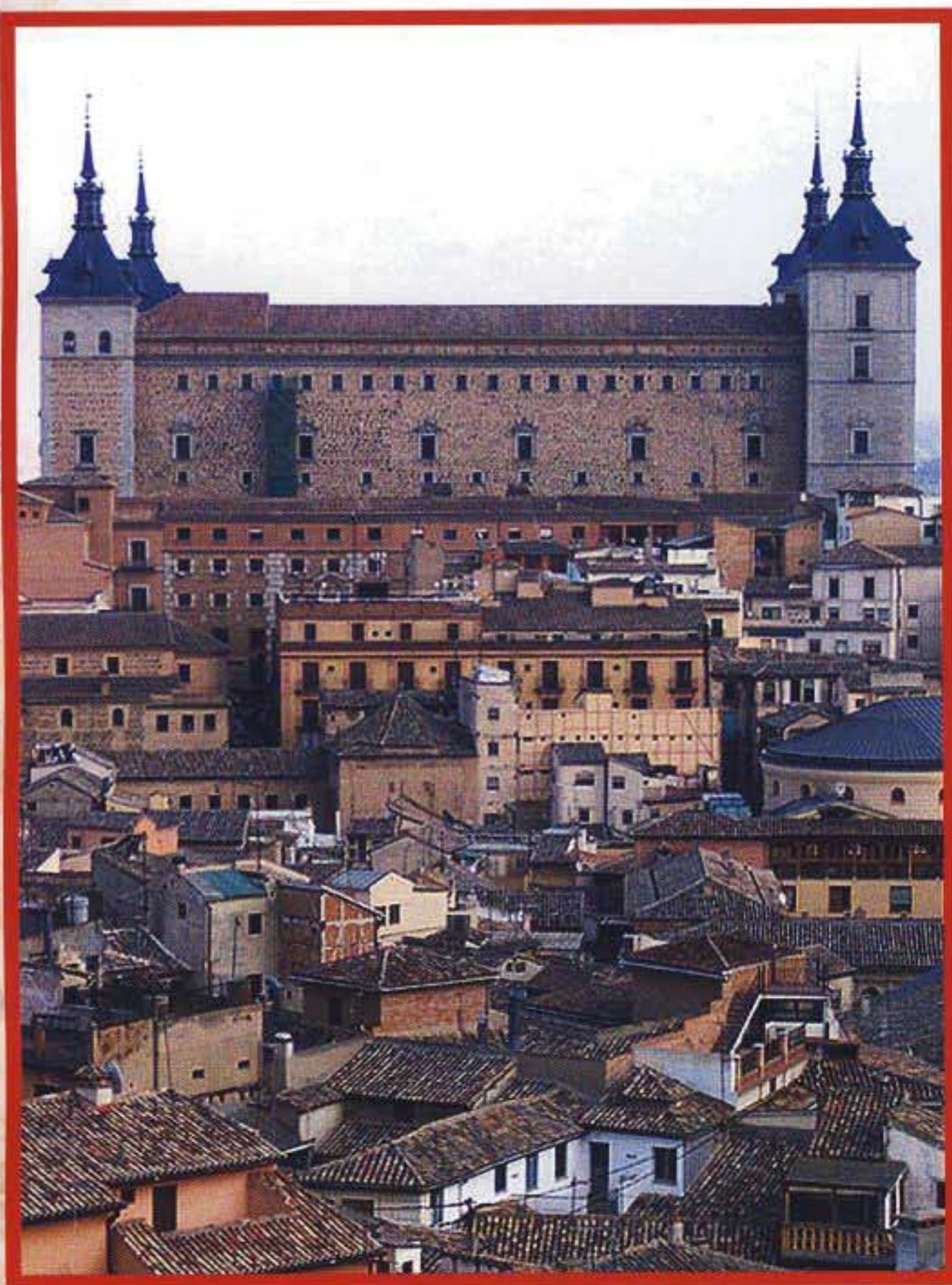
А жизнь в этой державе шла своим чередом. Атанагильд оказался первым королем вестготов, который в VI веке умер своей смертью. Красноречивый факт. Затем, после пятимесячного междоцарствия править Испанией стал Леовигильд (568–586 гг.). Он возобновил войну против империи. В это время началось вторжение лангобардов в Италию. Кроме того Византия вела боевые действия против авар в Паннонии. Далекие иберийские владения остались предоставленными сами себе и не смогли противостоять натиску вестготов.

¹Современная Севилья

В 570 г. Леовигильд опустошил окрестности Малаги, в следующем году захватил Медину-Сидонию близ Кадиса. В 572 г. пала Кордова. На какое-то время внимание короля отвлекли события на северо-западе Пиренейского полуострова. Здесь его власти покорился ряд племен, до сих пор сохранявших независимость. В 577 г. войска Леовигильда захватили земли в верховьях Гвадалквивира, представлявшие собой нейтральную полосу между вестготами и византийцами. Ромеям пришлось откатиться почти до самого побережья. В районе Малаги вестготы вышли к Средиземному морю, разрезав остатки византийских владений на две изолированные части.

Вид города Толедо. Современное фото

Казалось, еще немного, и империя теряет в Испании последние территории. Развязку отсрочило обострение «Готской болезни». Старший сын короля Гермен-

гильд, правивший Севильей, под влиянием своей жены перешел в католичество и поднял мятеж против отца-арианина. Нуждаясь в военной помощи, он заключил союз с византийцами и передал им Кордову. Затем в конфликт вмешались франки, и внутригерманское противостояние приобрело весьма широкий размах. Для Герменгильда оно закончилось печально. Осажденный отцом в Севилье, он бежал под защиту греков в Кордову. Тогда законный король просто подкупил византийского губернатора и вступил в город. Принц-мятежник искал убежища в церкви и покинул ее, лишь когда получил гарантии безопасности. Но что значат какие-то слова в острой политической борьбе. Леовигильд сослал сына сначала в Валенсию, а затем еще дальше — в Таррагону. Здесь Герменгильда и убили.

В правление Леовигильда мощь королевства вестготов необычайно возросла. Он присоединил к своей державе государство свевов на северо-западе Пиренейского полуострова и отразил попытки франков отторгнуть часть земель на северо-востоке. Монолитность страны и народов, ее населения, увеличилась еще больше, когда в 587 г. наследник Леовигильда, Реккаред I (586—601 гг.) перешел из арианства в ортодоксальную веру и его примеру, вольно или вынужденно, последовала основная масса вестготов¹.

Окончательной победе вестготов в Испании помешали их внутренние распри. Сын Реккареда, двадцатилетний Лиува (601—603 гг.) пал жертвой заговора. Узурпатор Виттерих (603—610 гг.) много, но безуспешно воевал против византийцев, пока его не зарубили мечом во время застолья. Затем больше двух лет правил король Гундемар (610—613 гг.). Он тоже сражался с греками, но, по крайней мере, умер своей смертью в Толедо.

На престол взошел Сисебут (612—620 гг.). Человек сильной воли, он заставил испанских евреев переходить в христианство. По этому поводу летописец замечает, что король действовал с усердием, однако без знания, «применяя силу там, где надо применить убеждение». Кроме того, Сисебут не был красноречив, и обделен «знанием букв»

¹Следует признать, что религиозная реформа не везде проходила гладко. Сохранился рассказ о некоем аббате Нанкте, которому Леовигильд пожаловал имение в Лузитании. Рабам очень не понравилось, что их новый господин носит какие-то грязные лохмотья. Охваченные негодованием, и не желая служить «бродяге», они убили священника.

Вид города Толедо. Современное фото

(т.е. неграмотен). Зато воинственный монарх нанес два поражения византийцам и до крайности стеснил остатки их владений.

В это самое время император Ираклий вел многолетнюю тяжелую войну с персами и ничем не мог помочь своему наместнику Цезарию. Последнему пришлось самостоятельно вступать в переговоры с вестготами. Когда мир был заключен, Сисебут позволил себе широкий жест: он выкупил у своих воинов пленных ромеев. Зато Византия потеряла важный морской порт Малагу.

Когда Сисебут скончался, ему наследовал сын Реккаред II, но неожиданно для всех он умер через несколько дней. Королем стал герцог Свинтила (621–631 гг.).

Этот монарх довел антивизантийскую реконкисту до победного конца.

Война шла с крайним ожесточением. Противники не останавливались ни перед чем. Прежде чем окончательно перейти в руки вестготов, приморская Картахена была разрушена. Около 625 г. византийцы лишились Кадиса и были изгнаны из Испании¹. По отзыву современника, Свинтила отпраздновал такой триумф, какого до него не справлял ни один король.

Позднее вестготы воевали против франков и басков. Иногда они свергали и даже убивали своих королей², но в целом внешнее положение державы оставалось стабильным более 80 лет. Эта мирная

¹Ромеи удержали за собой Балеарские острова. В 798 г. этот архипелаг у них отняли арабы.

²В этом отношении интересна история короля Вамбы (672–680 гг.). Придворный интриган подал ему отравленный напиток, от которого монарх впал в кому. Ожидая прихода смерти, его соборовали и обрядили в монашеское одеяние. Через несколько часов Вамба очнулся, но его все равно вынудили отречься от престола и сослать в монастырь, где он прожил еще 12 лет.

жизнь парадоксальным образом сослужила вестготам дурную службу. Их войско начало терять боеспособность. Личная дружина короля была немногочисленной. В то же время знать все активнее саботировала мобилизационные усилия монархов. Дошло до того, что особым королевским указом предписывалось направлять в армию рабов! Такие много не навоюют. Да и сколько-нибудь серьезного флота у вестготов так не появилось.

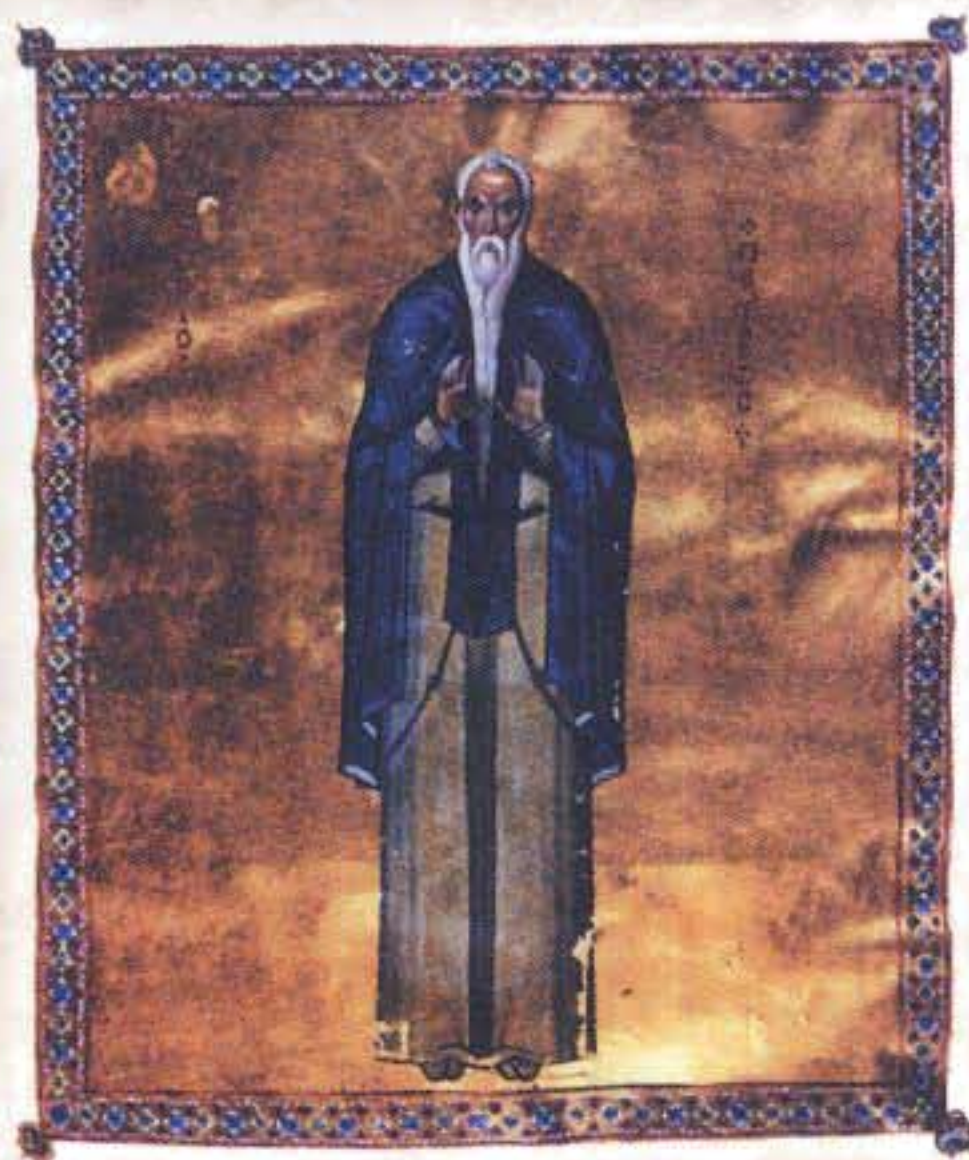
В результате их королевство не выдержало первого же удара извне. Летом 711 г. семитысячный отряд арабского полководца Тарика ибн Сеида, переправившись из Африки в Европу и высадился у подножия высокой скалы, круто вздымающейся над морем¹. От-

Корона короля Реккесвинта (649–672 гг.)

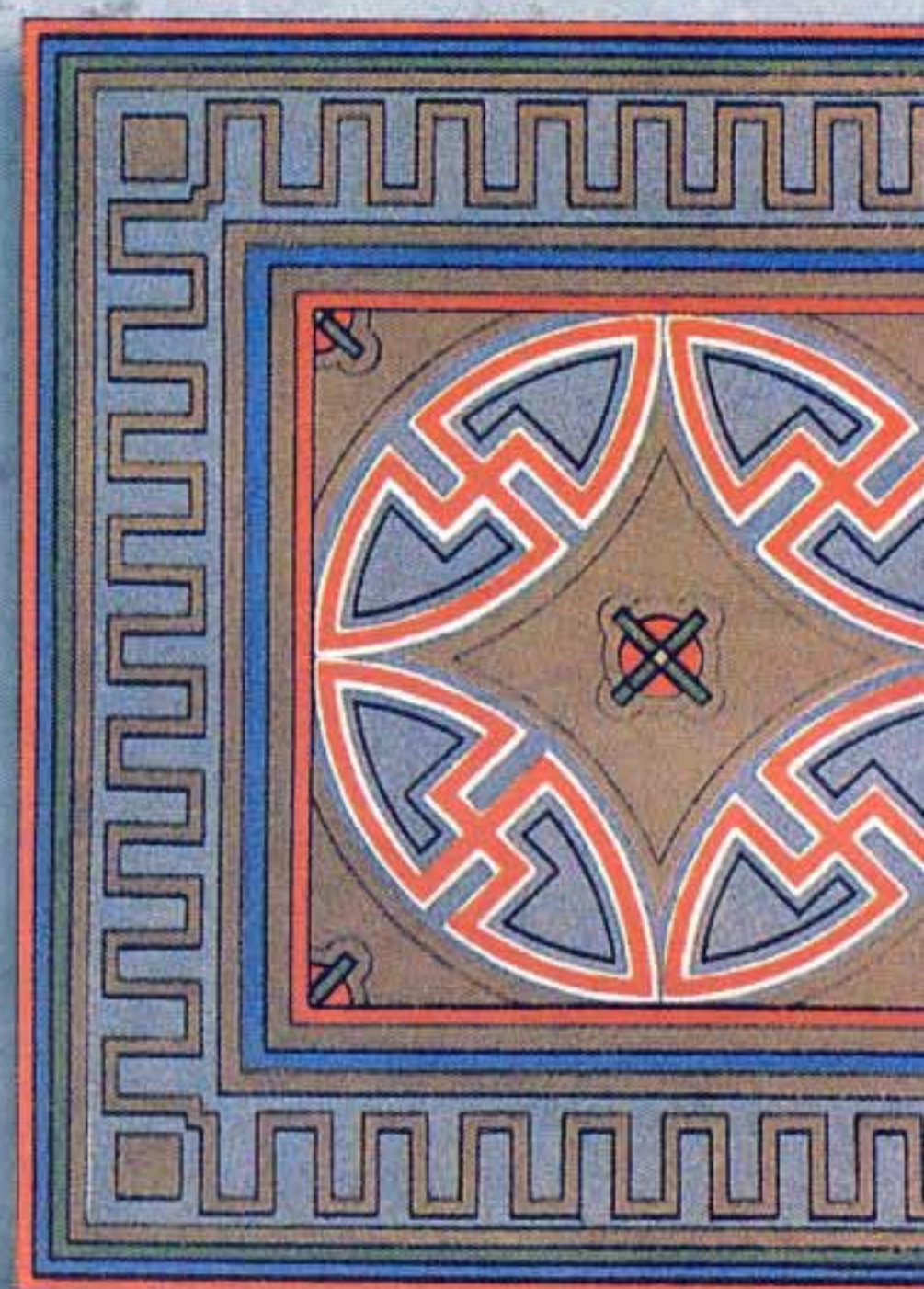
сюда мусульмане двинулись на северо-запад. После семи дней непрерывных боев, 23 июля на реке Гвадалете близ Кадиса они разбили войско вестготов. Король Родерих погиб, а его государство рассыпалось как карточный домик.

Удивительно прихотливыми путями, порой, движутся судьбы стран и народов. Арабам досталась богатая сокровищница вестготских королей. Там хранились ценности, тремя столетиями раньше захваченные Аларихом в Риме. Среди них оказались реликвии, попавшие в Вечный город из Иерусалимского храма. По неисповедимой прихоти судьбы, золотой стол царя Соломона и прочие древности, словно погостив на Западе, через шесть веков вернулись к людям Востока...

¹Позднее за ней закрепилось название Джебель-аль-Тарик — гора Тарика, отсюда современный Гибралтар.

ЛАНГОБАРДЫ

*Италия, раба, скорбей очаг!
В годину бури — судно без кормила
Не госпожа народов, а кабак!*

Данте Алигьери

Истории борьбы между ромеями и лангобардами за Италию отведено в учебниках (да и то, не во всех), в лучшем случае, не более трех строк. Дескать, не успели византийцы покорить готов, как с севера вторглись новые варвары и отняли у империи ее Апеннинские владения. Но и лангобардам не довелось задержаться на этих землях. Их королевство было уничтожено франками Карла Великого.

Что и говорить, немного. Когда события отделены от человека толщей Темных веков, начинает казаться, что они происходили на протяжении всего нескольких лет, одно за другим. На самом деле их разделяют два столетия. В Европе сменилось несколько поколений людей и политических деятелей, которым приходилось жить и принимать важные решения в условиях почти непрекращающейся войны. У них не было выбора, и другой, альтернативной жизни им тоже никто не предлагал. Уже поэтому, герои и статисты той давней драмы заслуживают большего внимания потомков¹.

Автор «Истории лангобардов» Павел Диакон сохранил для потомков полную драматизма легенду об истоках последнего варварского вторжения в Италию. Якобы, император Юстин II (565—578 гг.), недовольный потоком жалоб на корыстолюбие Нарсеса, отозвал его с поста наместника на Апеннинском полуострове. В свою очередь, августа София, словно в издевку над стариком, предложила недавнему победителю остготов присматривать за придворными прядильщицами в гинекее. В ответ евнух пообещал императрице пряхсть так долго, что она до конца жизни не сможет увидеть окончание этой работы. Хотя и в аллегорической форме, но предсказание сбылось. Нарсес скончался в Риме и вернулся в Константинополь только в свинцовом гробу.

Однако перед смертью он призвал в Италию полчища лангобардов.

Все вышесказанное — не более чем легенда. Скорее всего, Юстин II отстранил Нарсеса от занимаемой должности в силу его преклонного возраста (евнух дожил до 90 лет). И хотя царственная чета, в самом деле, не дождалась окончания начавшейся вскоре войны, но вторжение лангобардов в западные провинции Византии, конечно же, имело более сложные причины.

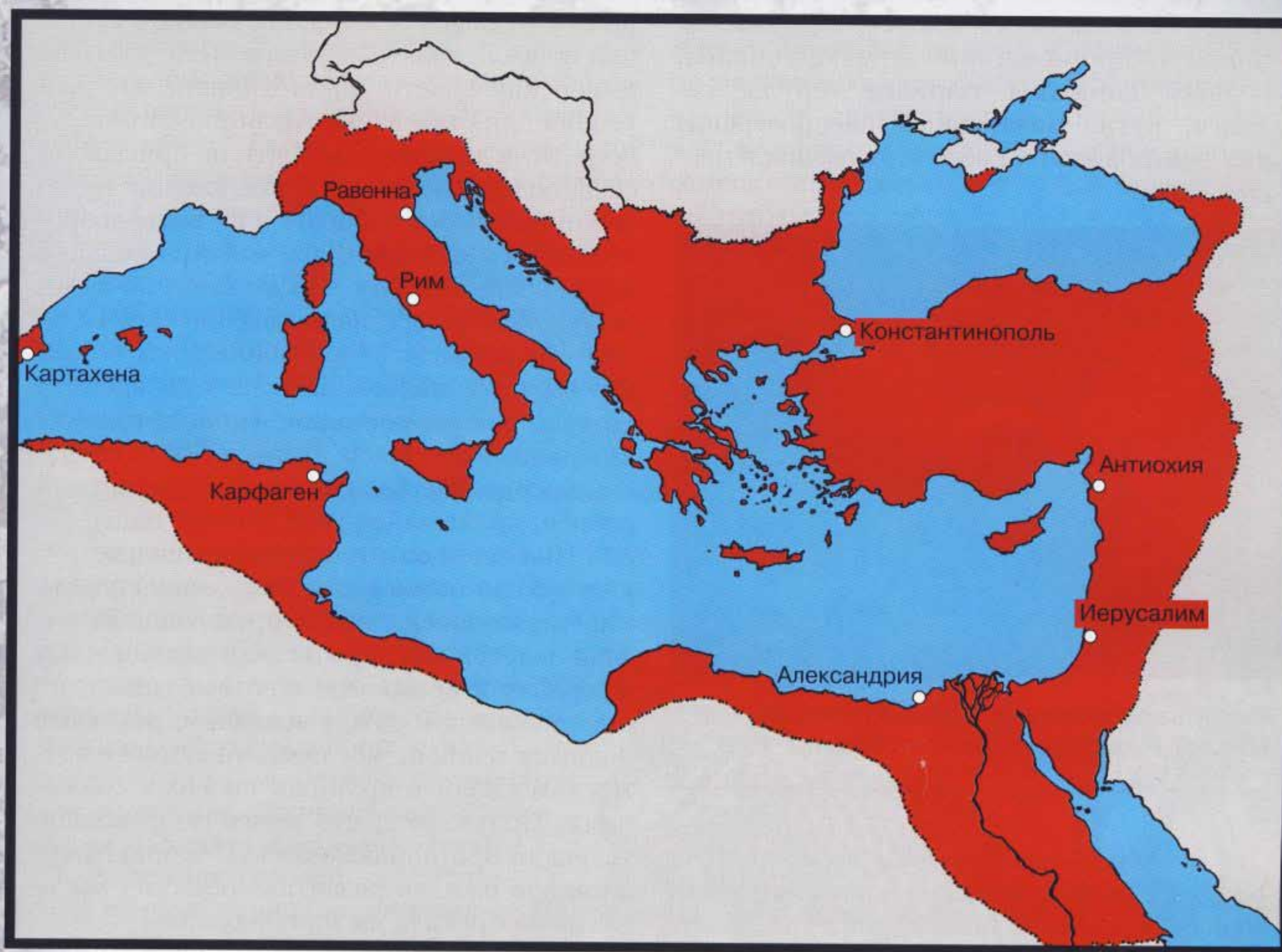
Слово «лангобарды» переводится буквально как «длиннобородые». Этот этноним не означал некую устойчивую общность людей, связанных единым языком, территорией обитания и уж, тем более, культурой. В отличие от гуннов, или более поздних монголов, представлявших европейцам некоей иррациональной силой, явившейся неизвестно откуда, чтобы покарать род человеческий за грехи, лангобарды были хорошо известны в Римской империи.

Когда-то это германское племя проживало в Скандинавии. По этому поводу Павел Диакон оставил любопытное замечание. Оказывается, «чем дальше северная страна удалена от жара солнца и чем холоднее она от снега и льда, тем она здоровее для человеческого тела и благоприятнее для увеличения населения». В соответствии с этой логикой, германцы настолько размножились на берегах Балтийского моря, что им стало тесно. С этого и началось переселение предков лангобардов на юг, хотя, согласно тому же автору, чем ближе полуденные страны к солнцу, «тем больше в них болезней и тем менее они способствуют развитию человека». Переселяться же на восток тогда, по видимому, было не принято.

В начале VI столетия лангобарды появились на Дунае. Храбрые воины поступали на службу империи в качестве военных федератов. В середине века отряды лангобардов в составе византийской армии Нарсеса принимали участие в боевых действиях против готов.

Родо-племенные вожди, одновременно являвшиеся и военачальниками, не понаслышке знали, насколько разорены войной земли к югу от Альп. Вряд ли какие-то итальянские фрукты, якобы посланные Нарсе-

¹Ведь никому же не придет в голову излагать, например, историю Российской империи (1721—1917 гг.) следующим образом: «Создание Петра Великого оказалось настолько нежизнеспособным, что вскоре полностью изжило себя и развалилось»!?

Византийская империя около 565 г.

сом, могли заставить их увести свой народ из междуречья Тиссы и Дуная, где лангобарды осели довольно прочно.

Около 567 г., в союзе с аварами, лангобарды почти истребили племя гепидов. Свирепый король Альбоин велел сделать кубок из черепа гепидского вождя Кунимунда и женился на его дочери.

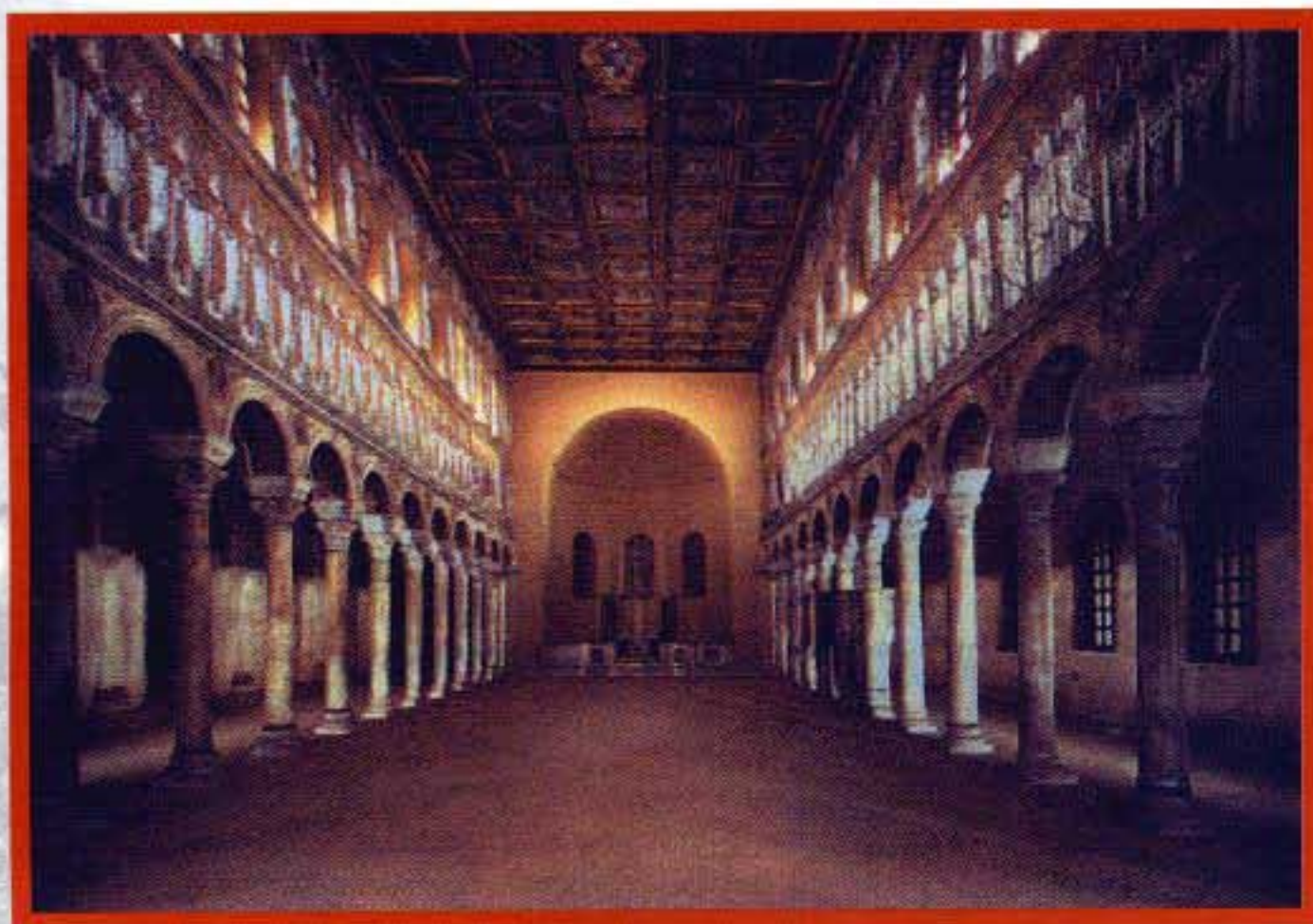
Вообще дикая жестокость лангобардов, их любовь к грабежам и потребность в них неоднократно подчеркиваются в трудах историков раннего Средневековья. Папа Пелагий II называл их «отвратительнейшим народом». «Это дурной народ, — вторит ему Григорий Великий, — люди, которым нельзя доверять, которые никогда не выполняют своих обязательств, разорители церквей и монастырей». Позднее папа Стефан IV, не сдерживая эмоций, пошел еще дальше. «Лангобардов, — подчеркивал понтифик, — никто и никогда и не считали народом, от них происходит какое-то проклятое отродье».

Складывается впечатление, что остатки цивилизованной Европы относились к пришельцам, словно к банде уголовников, живущих по каким-то непонятным законам, и с которыми невозможно ни о чем договориться. А лангобарды, похоже, стремились всячески подтверждать и даже преувеличивать свою неважную репутацию, подобно тому, как озлобленная стая трудных подростков считает, что, чем больше окружающие ее ненавидят, тем сильнее боятся.

Положение воинственного племени оставалось прочным, пока военное счастье сопутствовало ему. С усилением внешнего давления пришлось искать новое место жительства. Союз с аварами оказался непрочным. Чтобы не повторить участь гепидов, король Альбоин на второй день Пасхи 568 г. повел свой народ в дорогу, полную неизвестности.

За ним двинулась внушительная масса людей. Кроме собственно лангобардов (включая женщин и детей), здесь только

саксов было 20 тысяч человек, а еще свевы, сарматы, протоболгары, остатки гепидов, норики, паннонцы, тюринги, герулы, синлинги, руги. Византийцы распространяли имя лангобардов на весь этот разноплеменный табор.

Интерьер базилики Сант Аполлинарио Нуово. Равенна, первая половина VI в.

Альбоин пересек Альпы через перевал Предел¹. Возвышающаяся близ этого места горная вершина с тех пор носит название Королевской горы (Mons Regis). Лангобарды продвигались на запад, не встречая сопротивления, и вскоре вышли в долину реки Пьяве. Чтобы закрепиться на этой территории, войско Альбоина и «сопровождающие его лица» провели здесь зиму. В 569 г. варвары овладели большей частью Лигурии. Крупным успехом лангобардов стало взятие ими 4 сентября Милана.

Кажется странным, что за все это время византийские войска не оказали пришельцам реального сопротивления. На самом деле легкое покорение Альбоином почти всей Северной Италии стало возможным потому, что еще на стадии подготовки к походу, вожди лангобардов и их союзников отчетливо представляли состояние и боеспособность противника на предстоящем театре военных действий.

Регулярные части византийской армии, находившиеся в Италии, состояли из так называемых «нумеров» (лат. — «numeri», или греч. — «ἀριθμοί») — отрядов определенной численности, как правило, от 200 до 500 солдат в каждом. В ходе совсем недав-

но закончившейся затяжной Готской войны они понесли тяжелые потери. Центральные имперские власти, приложившие столько усилий для отвоевания Апеннинского полуострова, в дальнейшем почти не присылали сюда подкреплений. Для пополнения нумеров приходилось набирать в их ряды добровольцев (в основном из числа горожан), служивших за плату. Но и таких, по-видимому, находилось недостаточно для ведения крупномасштабной войны, тем более, что выплата жалованья, как и во времена Готской войны, постоянно (иногда годами) задерживалась. Из-за этого, в 640 г. солдаты даже разграбили в Риме Латеранский дворец, являвшийся резиденцией папы.

По самым оптимистическим подсчетам, уже в ходе боевых действий, численность имперских войск вряд ли превышала 32 тысячи человек. Нумеры стояли гарнизонами в городах и крепостях, почти не меняя места дислокации. Эти, в основном, пехотные подразделения не могли противостоять вражеским силам в крупных полевых сражениях. Получалось, что ромеи добровольно уступали противникам боевую инициативу, пассивно ожидая развития событий. Такая тактика обрекала их на поражение.

Основой лангобардского войска являлась конница. Сражаясь в конном строю, германские всадники действовали мечами. Применялись и небольшие топоры. Наиболее распространенным видом наступательного оружия лангобардов были копья: для нанесения колющих ударов и метательные. Некоторые воины использовали стальные шлемы, кольчуги и латы. Более простым средством защиты считался щит. Изготовленный из дерева, он усиливался по краю металлическими накладками, выдерживая попадания стрел и сильные удары в ходе рукопашного боя.

Костяк организационной структуры войска составляли «фары» — группы семей, связанных кровным родством. Каждая «фара» выставляла довольно крупный отряд взрослых мужчин, сражавшихся плечом к плечу. Защита родича, общее стремление к победе придавали такому отряду высокий боевой дух. Нерадивых строго карали и тоже по-родственному. Недаром самым тяжелым оскорблением среди лангобардов было слово «*arga*» («трус»). За несправедливое

¹К юго-западу от современного австрийского города Филлах в Каринтии.

навешивание такого ярлыка закон предусматривал наложение штрафа.

Главной добродетелью воина считалась настойчивость в стремлении отомстить за любую обиду. Господствующее положение у лангобардов занимала военная аристократия. Их герцоги («дуксы») отличались физической силой, личной храбростью, отвагой и мужеством. С другой стороны, важнейшие государственные акты у лангобардов принимались в присутствии (т.е. с согласия) войска. К таковым относились: оформление

военных союзов, заключение мира или перемирия, прием послов и т.д. Словом, это было типичное общество «военной демократии».

Как и другие варвары, не избалованные комфортом лангобарды с презрением относились к смерти и в любой момент были готовы, как убивать врагов, так и расстаться с собственной жизнью.

В «Стратегиконе» Маврикия лангобарды отнесены к «светловолосым народам» (в отличие от ромеев, которые, в основном, были брюнетами). Автор трактата подчеркивает,

Лангобардские воины. Первая половина VIII в.

Несмотря на длительный опыт ведения войн с сильно вооруженными соседями, сами лангобарды долгое время не придавали особого значения защитным доспехам, предпочитая решать исход сражений одним мощным таранным ударом копейной конницы. В рукопашной схватке они предпочитали действовать мечами или топорами. Поверженных врагов могли добивать длинными ножами. От ударов противника лангобардских воинов защищали деревянные щиты. Позднее повсеместное распространение получили стальные шлемы, а также спускавшиеся ниже пояса пластинчатые и чешуйчатые панцири. Отдельные элементы этих доспехов скреплялись между собой как по вертикали, так и по горизонтали, и, поэтому, могли обходиться без кожаной основы.

Иллюстрация
Е.Ю. Емельянова.
© В.Н. Шиканов

что они «ставят свободу превыше всего, отважны и неустрашимы в войнах, отличаются смелостью и стремительностью; проявление страха и даже малейшее отступление они считают позором и охотно предпочитают этому смерть». Естественно, что при таких исходных качествах, византийцам было нелегко противостоять столь яростным врагам.

Меж тем, с осадой лангобардами Павии в 569 г. в Северной Италии началась активная фаза войны. Альбоин установил контроль над долиной реки По. В его руки перешли такие важные города, как Мантуя и Модена. Овладев Болоньей, в 571 г. лангобарды прорвались через Апеннины и перешли к покорению Умбрии и Тосканы. Все это время Павия держалась, благодаря мужеству гарнизона и местных жителей. Альбоин настолько рассвирепел, что поклялся уничтожить все население, как только возьмет город. Наконец, в 572 г. город капитулировал, исчерпав все ресурсы обороны.

Сохранилась легенда, что во время въезда в Павию королевский конь споткнулся в воротах и не мог встать на ноги. Придворные посоветовали государю отказаться от страшного замысла, и лишь после этого Альбоин смог продолжить путь.

Сложно сказать, насколько правдива эта история. Во всяком случае, трофеем показался Альбоину настолько важным, что он объявил Павию своей столицей. До этого лангобарды никогда не жили в городах,

так что еще неизвестно, нужно ли было королю скопление обезлюдивших зданий?

Прошло совсем немного времени, и Альбоин лишился жизни. Жестокость этого человека сыграла с ним скверную шутку.

По его приказу, на одном из пиров королеве Розамунде, происходившей из династии, правившей племенем гепидов, кравчий поднес вино в кубке, сделанном, как мы помним, из черепа ее отца. Альбоин желал, чтобы его супруга «весело пила со своим отцом». Отказаться от такого тоста — значило подписать себе смертный приговор. Розамунда пригубила напиток, но затаила ненависть, решив любыми средствами извести мужа-изверга. Отныне дни Альбоина были сочтены, а развернувшиеся в королевском дворце события, вполне достойны, чтобы стать сюжетом трагедии шекспировских масштабов.

Прежде всего, Розамунда обзавелась любовником. Ее избранником стал молочный брат Альбоина, некий Гильмехиз. Женщина вовлекла его в заговор, пообещав выйти замуж и возвести на трон, если тот убьет Альбоина. Предложение выглядело заманчиво, но Гильмехиз откровенно трусил. Тогда «сладкая парочка» решила привлечь в качестве непосредственного исполнителя покушения силача Паредео из свиты монарха.

Чтобы сделать Паредео сговорчивее, королева соблазнила и его. Затем ловушка захлопнулась. Паредео предстояло выбрать: убить государя, или самому погибнуть по обвинению в насилии над королевой. Атлет предпочел первое. Он заколол Альбоина в спальне, хотя тот оказал яростное сопротивление, отбиваясь скамейкой.

План заговорщиков рухнул из-за «пустяка». Военная знать лангобардов отказалась возвести на трон Гильмехиза. Любовникам пришлось спасаться бегством во вражеский лагерь. Им предоставил убежище византийский префект претория в Равенне Лонгин. Розамунда вышла замуж за Гильмехиза, но даже теперь мрачная череда убийств не прекратилась.

Лонгин вступил в любовную связь с бывшей королевой и уговорил ее избавиться от супруга. Как-то раз, Гильмехиз,

Павия. Современное фото. Древний Тичин стал столицей королевства лангобардов и долгое время противостоял Равенне, проникнутой «римским духом», даже когда Византия окончательно утратила свои владения в Северной Италии.

Стр. 79. Лангобардское войско перед сражением.

Иллюстрация Е. Ю. Емельянова. © В. Н. Шиканов

Емельянов Е.В. 2007

стремившийся приобщиться к благам цивилизации, славно попарился в бане. Закончив омовение, он припал к кубку с освежающим напитком, поднесенным женой. Увы, питье было отравлено. Тогда Гильмехиз, угрожая жене мечом, заставил ее допить чашу до дна. В результате, оба скончались в один день, а Лонгин посчитав свою спецоперацию выполненной, отправил в Константинополь дочку Альбоина Аревинду и убийцу короля, Паредео. По повелению императора ему, на всякий случай, выкололи глаза. Искушенные в интригах византийцы опасались, как бы со своей могучей силой, атлет «не натворил какого-нибудь зла».

Гибель Альбоина привела к политическому кризису у лангобардов. Сначала королем был избран Клеф. Он подверг суровым репрессиям многих знатных римлян. Но через полтора года Клеф и его жена погибли. Их зарубил мечом придворный раб. После этого наступило междоусобица. Знать решила вообще не избирать нового монарха. Десять лет лангобардами правили герцоги-дуксы. Отголоском этой аристократической вольницы стало отсутствие четкого закона о престолонаследии. Насильственное смещение и убийство избираемых знатью королей были у лангобардов обычным делом. Основанием для избрания королем могла стать даже победа знатного воина в поединке на поле боя.

Тем не менее, феодальная анархия не остановила экспансию лангобардов в Италии. Они продвинулись далеко на юг, а изолированные в крепос-

тях гарнизоны ромеев капитулировали один за другим. Так пали Кремона, Сполето, приморская Анкона и даже Беневент близ Неаполя. С тех пор два герцогства лангобардов на юге Италии — Сполето и Беневент в течение нескольких веков являлись важнейшим фактором, влиявшим на военно-политическую обстановку в данном регионе.

В 575 г.¹ лангобарды разбили войско, присланное Юстином II. Других подкреп-

Италия во второй половине VI века.

- Лангобардское королевство в 568–572 гг.
- Территории, отвоеванные лангобардами у Византии к началу VII в.
- Византийские владения к началу VII в.

¹По другим данным в 573 г.

лений в Италию так и не прибыло. Как раз в это время Византия была вовлечена в очередную тяжелую войну с персами.

Четыре года спустя, Рим избавился от осады ценой 3000 фунтов золота¹. Равенну спасли окружающие этот город болота, но в целом, похоже, у северных пришельцев просто не хватало людей, чтобы установить контроль над всей Италией. Имперские военачальники проявили поразительные растерянность и инертность, так и не сумев объединить силы, чтобы дать отпор варварам.

Как это часто случалось в истории Византии, многое из потерянного на полях сражений, удалось вернуть ромейским дипломатам. В 584 г. император Маврикий (582–602 гг.) заключил союз с франками. Получив субсидию в 50 000 золотых солидов, король Австразии Хильдеберт вторгся в Италию. Многие поселения лангобардов были разграблены.

Конечно, один набег не мог изменить стратегической ситуации. Однако, ромеям удалось внести раскол в стан противника. На их сторону перешел видный военачальник вновь избранного молодого короля лангобардов Аутари² (584–590 гг.), герцог Дроктульф. Этот человек происходил из племени свевов. Ранее он попал в плен к лангобардам и сделал блестящую карьеру, но верность им хранить вовсе не собирался.

Дроктульф захватил крепость Брикселлум к северо-востоку от Пармы и перерезал коммуникации лангобардов между Пармой и Моденой. Формально он передал крепость папе Римскому, фактически она снова подчинилась византийцам. Опираясь на этот плацдарм, ромеи возвратили Модену, Мантую, Парму, Пьяченцу и ряд других городов.

Выступив в поход, Аутари все же отбил Брикселлум, но большего добиться не смог. У империи тоже не хватило сил для продолжения кампании, и в 585 г. стороны заключили перемирие сроком на три года.

К этому времени византийские владения в Северной и Центральной Италии представляли собой две отдельные части. Во-первых, это были земли к северу и югу от Равенны, тянувшиеся вдоль адриатического побережья. Второй крупный кусок составляли территории, прилегающие к Риму.

Главным представителем имперской власти на Апеннинском полуострове являлся экзарх — чиновник высокого ранга, наделенный широчайшим кругом, как гражданских, так и военных полномочий. Его резиденция располагалась в Равенне. В Вечном городе реальной властью (причем не только духовной, но и светской) обладал Папа Римский.

Возобновившиеся в 585 г. военные действия шли с переменным успехом. Лангобарды после шестимесячной осады овладели крепостью Комацина на озере Комо, а Дроктульф (уже в ранге византийского дукса), благодаря специально сооруженному настилу, внезапным броском через болота выбил неприятеля из Классиса — порта Равенны на Адриатическом море.

Помощь Византии снова оказали франки. В 589–590 гг. они дважды вторгались в Северную Италию, опустошая владения лангобардов. В одном из сражений франки потерпели тяжелое поражение, а вспыхнувшая чума безжалостно выкосила войско Хильдеберта, но король Аутари, обеспокоенный за свой тыл, просил о мире.

В последнее десятилетие VI века военные действия между ромеями и лангобардами в Северной Италии почти прекратились, зато на юге и в центре полуострова обстановка заметно обострилась. Король Аутари дошел до Регия на берегу Мессинского пролива. Вглядываясь в морской простор, он коснулся копьем древней колонны и произнес гордые слова: «До этого места должны простираться границы владений лангобардов».

В 592 г. утвердившийся в Сполето герцог Приульф напал на Неаполь. В ответ византийский экзарх предпринял военную

Фрагмент (налобная пластина) шлема короля Агилульфа (591–615 гг.)

¹Вообще-то эти деньги были собраны и отправлены римлянами в Константинополь, чтобы получить помощь центральных властей, но новый император Тиверий II (578–582 гг.) отослал их обратно, посоветовав папе Пелагию II подкупить лангобардских герцогов.

²Сын короля Клефа. Избрание монарха во многом объясняется необходимостью объединения военных сил лангобардов и введения единоначалия в войске, в связи с усилением натиска франков.

экспедицию. Тогда уже сам король Агилульф¹ (591-615 гг.) осадил Вечный город. В обоих случаях положение выправил дипломатический талант папы Григория I Великого. Захватив богатую добычу, лангобарды отступили: сначала от Неаполя, а потом и от Рима. Возможно понтифик смягчал свирепый нрав варвара, действуя через его жену Теоделинду — набожную католичку.

Благодаря настойчивости и политическому такту, Григорию удалось склонить к идее урегулирования застарелого конфликта и экзарха Каллиника. Начавшиеся весной 598 г. переговоры между византийцами и лангобардами шли трудно, но завершились подписанием мирного договора. Условия трактата носили компромиссный характер. Ромеи обеспечили коммуникации между Равенной и Римом, рассекая владения лан-

Папа Григорий I Великий (590–604 гг.)

гобардов. С другой стороны, империя де-факто признала существование варварского королевства на своей территории и неспособность изгнать пришельцев из Италии.

Устойчивости вновь образованной державы германцев способствовала их этническая обособленность. После того, как наиболее многочисленные из союзников Альбоина — саксы ушли из Италии, остальные племена покорились старшему партнеру по коалиции. В дальнейшем этот сплав образует единую лангобардскую народность.

К местному населению пришельцы относились враждебно. Многие римско-латинские роды, пережившие господство готов, были вырезаны. У уцелевших конфисковывали земельные владения, обкладывали тяжелыми натуральными налогами. Во многом это объяснялось ощущением постоянного ожидания реванша со стороны империи. Считалось, что любые заимствования у врага в вопросах государственного строительства, права, экономики или ратного дела лишь подорвут боевой дух новых хозяев Италии, вслед за чем неизбежно последует военное поражение и физическое исчезновение народа и государства.

Границы, установленные договором, оставались почти неизменными до 636 г., несмотря на то и дело возникавшие военные конфликты различного масштаба. Уже в 601 г. экзарх Калиник, совершив смелый рейд в Парму, пленил дочь короля Агилульфа с мужем и удержал их в качестве заложников. В ответ лангобарды осадили Патавий (Падую). Ромеи храбро оборонялись, несмотря на бушевавшие пожары, и Агилульф, в конце концов, позволил гарнизону уйти в Равенну.

602 год. Лангобарды, договорившись с аварами, вторглись в Истрию (у северного побережья Адриатики) и опустошили эту область. В следующем году германцы захватили Кремону и Мантую. Византийский гарнизон был отпущен в Равенну, но новому византийскому экзарху Смарагду пришлось заключать невыгодный мир. Мало того, что он вернул Агилульфу дочь и зятя. Теперь варвары контролировали почти всю долину реки По.

¹К этому времени Аутари погиб — по нехорошей лангобардской «традиции» его отравили. Овдовев, королева Теоделинда вышла замуж за герцога Туринского Агилульфа. Характерно, что при первой встрече с нареченным супругом, подавая Агилульфу кубок с вином, королева сначала сама пригубила напиток.

Церковь Сан Витале в столице Византийской Италии Равенне.

Славится своими прекрасными мозаиками, ставшими настоящим памятником военным победам и могуществу императора Юстиниана

Появились у лангобардов и другие противники. Около 611 г. авары произвели опустошительный набег в пограничную провинцию Фриуле на северо-востоке Италии. Герцог Гизульф был разбит и погиб во главе войска. Его жена Ромильда задумала хитроумный план. Она пообещала аварскому кагану сдать крепость Форум Юлия¹, если он женится на ней. Дальнейшие события напоминают сюжет жуткого триллера, но они весьма характерны для эпохи раннего Средневековья.

По части коварства предводитель авар оказался еще более изощренным. Он ответил герцогине, что сделает так, «чтобы она получила удовольствие» и дал клятву жениться на ней.

Чего стоит аварская клятва, стало ясно, как только ворота замка распахнулись. Форум Юлия был разграблен и сожжен. Жителей погнали в Паннонию и по дороге почти всех перебили. Получила награду и Ромильда. Каган провел с ней ночь, а потом отдал своим воинам, которые пользовались женщиной, сменяя друг друга. И было их двенадцать.

Вторая ночь тянулась бесконечно, но закончилась, наконец, и она. Наутро каган

велел посадить бывшую герцогиню на кол, наставительно заметив: «вот тебе и муж».

Вволю порезвившись, авары убрались из Италии, а лангобарды продолжили свои непростые отношения с ромеями. Словно чувствуя слабость противника, они неоднократно вторгались в имперские владения, а византийцам приходилось откупаться от них и возобновлять мир. При этом обе стороны не верили в его прочность. Не способствовала проведению осмысленной западной политики Византии и смута, случившаяся в империи². Более успешной для Константинополя вновь оказалась политика тайных операций.

Прибывший в Павию императорский посол Евсевий сладкими речами добился того, что король Адальвальд³ (616–625 гг.) всецело подпал под его влияние и признал себя вассалом василевса Ираклия. В источниках сохранилась удивительная история, согласно которой Адальвальд по совету Евсевия намазал себя в бане некоей мазью и после этого не мог делать ничего, кроме того, что внушал ему византиец! В результате хитроумному дипломату удалось добиться, чтобы Адальвальд обрушил репрессии на собственную знать, не одобрявшую провизантийский курс. Впрочем, «византийство» Адальвальда закончилось плохо. Против него вспыхнул мятеж, и королю пришлось принять яд. На престол взошел

Вид города Павии. Современное фото

¹Современный Чивидале-дель-Фриули к северо-западу от Триеста.

²Как раз в это время террористический режим императора Фоки рухнул, и на престол вступил сын карфагенского экзарха Ираклий (610–641 гг.).

³Сын короля Агилульфа, коронованный в качестве соправителя еще при жизни отца, стремившегося таким образом закрепить власть за своим потомством.

своим покойником, Аривальд (625—636 гг.). При нем ромеи продолжали плести сеть интриг.

Однажды король получил донос на свою супругу, Гундипергу. Недоброжелатель обвинял королеву в заговоре с целью захвата власти, в который она вовлекла герцога Тосканы Тасо. Взбешенный государь заключил жену в замок. Через два года «Божий суд»¹ выявил невиновность Гундиперги. Тем не менее, Аривальда продолжали мучить подозрения в отношении намерений герцога Тасо. В конце концов, король тайно обратился к экзарху Исаакию с просьбой организовать убийство Тасо. В результате, все получилось, как нельзя лучше. Герцог поддался на провокацию и угодил в ловушку. По приглашению экзарха он прибыл в Равенну для переговоров о «совместных действиях против Аривальда». Тасо настолько доверился ромеям, что вступил в город без охраны и здесь расстался с жизнью. Аривальд совершенно успокоился и в благодарность уменьшил величину ежегодной дани («подарков»), получаемых от экзарха.

В 636 г. на престол лангобардского королевства взошел Брешианский герцог Ротари (636—652 гг.)². Выдающийся государственный деятель, он прославился кодификацией законов. Но для нашей истории важно, что этот государь возобновил наступление на византийские владения. Лангобарды разбили греков на реке Панаро в Эмилии, а в 640 г. взяли Геную. Византия лишилась последних владений на северо-западе Апеннинского полуострова. На юге герцог Беневента занял Соренто и угрожал Неаполю.

Прошло еще около четверти века. На исторической сцене появились новые действующие лица. Василевсом ромеев стал внук Ираклия Константин II (641—668 гг.). Человек способный, но вспыльчивый и жестокий, он довольно быстро испортил отношения не только с ненадежными соседями, но и с верными союзниками.

В 652 г., по приказу императора, в Риме арестовали папу Мартина I, не разделявшего царские суждения по вопросам веры. Понтифика заковали в цепи и отправили в Константинополь, где предали суду. Есте-

ственно, что у такого показательного процесса мог быть только один результат. Мартина сослали в Херсонес Таврический, где он и умер три года спустя.

Еще хуже Константин обошелся с родным братом Феодосием. Страхуясь от попытки государственного переворота, он повелел постричь потенциального кандидата на трон в дьяконы, а затем и вовсе приказал умертвить его. Невинно погубленный Феодосий начал являться к императору во сне, предлагая напиться крови, но Константин так и не раскаялся.

Популярность василевса в народе резко упала. С синклитом (сенатом) он тоже рассорился. Все в Константинополе казалось автократу враждебным. Опасаясь заговоров и мятежей, он решил переехать из столицы в более надежную резиденцию. В этом была определенная логика: Константин считал, что римский император должен жить в Италии, а еще лучше — в Риме. Весной 663 г. василевс взошел на борт царского дромона. Плюнув в сторону Константинополя, он навсегда покинул негостеприимный город и отбыл на запад.

Итальянский проект Константа II задумывался как широкомасштабное мероприятие. Василевс хотел вернуть на землю предков столицу империи, столь странно перенесенную в Византий Константином

Базилика Санта Мария Маджоре, интерьер. Рим, IV-V вв.

¹ Варварский западноевропейский обычай, в соответствии с которым вина или невиновность человека определялись в ходе поединка. В данном случае, рыцарь, отстаивавший честь королевы, вышел из боя победителем, убив клеветника.

² Чтобы узаконить свое право на престол, Ротари женился на вдове Аривальда Гундиперге.

Великим. Во второй половине VII века эта идея уже являлась абсолютной утопией.

После высадки в Таренте императору с самого начала пришлось воевать с лангобардами. Ромеи отбили у них Неаполь, а 5 июля 663 г. состоялся царский въезд Константа в Рим. Василевс пробыл в Вечном городе всего двенадцать дней, и эти неполные две недели показали, что задерживаться здесь он не собирается. По его приказу с Пантеона Агриппы (между прочим, превращенного в христианский собор) содрали покрывавшие его листы из золоченой бронзы. Но этим дело не ограничилось. Уцелевшие античные скульптуры Констант велел перевезти в Сиракузы. Именно здесь он решил устроить свою резиденцию.

Неизвестно, сколько бы еще светлых инициатив, на горе жителям Италии, осенили царскую голову. Планам Константа помешали лангобарды. Император осадил Беневент, но когда к городу подступило войско короля Гримоальда (662–671 гг.)¹, ромеи поспешно отошли, не вступая в сражение. Лангобарды пустились в погоню. У Форино близ Неаполя они внезапно обрушились на лагерь 20-тысячной греческой армии и разгромили ее.

Поражение похоронило мечту Константа о возрождении империи на западе. Не чувствуя себя в безопасности на материке, он удалился в Сиракузы. Но и здесь счастье не повернулось к автократу. Во второй половине 668 г. он погиб совсем не царской смертью. Во время омовения в бане прислужник ударил его шайкой по голове. Оглушенный василевс сполз в воду и захлебнулся. Тело покойного отправили в ненавистный ему Константинополь. Впрочем, Константу было уже все равно...

Немногим лучше оказалась и судьба Гримоальда. Летописец поведал, что когда король пострадал из-за несчастного случая на охоте, врачи лечили его отравленными лекарствами и «окончательно убрали из этой жизни». Как только об этом стало известно принцу Перктариту, в свое время бежавшему от убийц Гримоальда в далекую Британию, брат покойного Годеперта вернулся в Италию и «удалил из королевства»

маленького сына и наследника Гримоальда, чтобы самому занять трон в Павии.

Около 680 г. между империей и Лангобардским королевством был заключен новый мирный договор. Этот компромиссный шаг объясняется взаимным ослаблением противников. Ни один из них не мог добиться решающего военного перевеса. Приходилось учитывать взаимные интересы.

В дальнейшем лангобарды воевали с аварами, славянами и друг с другом. В борьбе за престол представители знати беспощадно убивали и калечили, как аристократов, так и простолюдинов. Особенно доставалось женщинам. Чтобы принцессы никогда не могли восседать на троне, им уродовали лица.

Юстиниан II
(685–695
и 705–711 гг.).
Золотой солид

А в Константинополе вернулся к власти садист Юстиниан II Ринотмет (705–711 гг.). Как писал летописец, этот василевс приказывал казнить людей так же часто, «как вытирал соплю».

Помимо прочих злодейств, он организовал карательную экспедицию в Равенну. Ранее жители города с одобрением отнеслись к свержению тирана. Теперь наступил час расплаты.

Посланец василевса пригласил знатных горожан на пир. Здесь их арестовали и в колодках отправили в Царьград. Почти всех несчастных казнили, а епископу Равенны Сергию выжгли глаза. После этого в Равенне вспыхнуло восстание, в ходе которого был убит назначенный Юстинианом экзарх Иоанн Ризокоп. В общем, и в Константинополе, и в Италии жилось не скучно.

¹Бывший герцог Беневента. Явившись в Павию, чтобы посвататься к сестре короля Годеперта, он был неприятно поражен, когда обнаружил в ходе встречи на высшем уровне, что на монархе одет панцирь. Оскорбленный подобным недоверием, Гримоальд зарубил Годеперта и захватил престол.

Лев III
(717–741 гг.).
Золотой солид

Новый раунд вооруженного противостояния лангобардов с империей начался в 718 г. К этому времени Византия еще не успела оправиться от внутривосточного кризиса. В Константинополе, один за другим, сменились три василевсы. В конце концов, трон остался за Львом III, основавшим новую, Исаурийскую династию. Император с большим трудом отстоял столицу от арабской осады, но затем ему пришлось подавлять мятеж, поднятый стратигем Сицилии Сергием, отказавшимся признать власть Льва.

Воспользовавшись тем, что ромеи начали уничтожать друг друга, король Лиутпранд (713–744 гг.), жаждавший военной славы, осадил Равенну. На юге герцог Беневента Ромуальд вторгся в Кампанию, а герцог Сполето Фароальд овладел городом Нарни в Умбрии.

Несмотря на внезапность нападения, обстановка начала складываться не в пользу лангобардов. Войско Ромуальда было разбито правителем (дуксом) Неаполя. Равенна упорно оборонялась. Когда восстание на Сицилии было подавлено, Лиутпранд, устрешенный перспективой переброски греческой армии на север, снял осаду и отступил. После этого примерно на девять лет на полуострове вновь наступило затишье.

Обычно василевс Лев III считается дальновидным политиком, но именно его идеологические мероприятия роковым образом сказались на судьбе итальянских владений Византии.

В 20-х годах VIII столетия в Ромейской державе началась решительная борьба с поклонением иконам. Это движение имеет сложные и до наших дней не вполне объяснимые мотивы, но одним из его следствий стало объединение против империи прежде непримиримых противников. Папа Григо-

рий II отверг иконоборческие эдикты, а когда экзарх Павел двинулся на Рим, чтобы арестовать понтифика, лангобарды двинулись на защиту «Святого престола» и вынудили византийцев отступить. Жители Равенны тоже не одобрили странных нововведений. Вспыхнуло восстание, в ходе которого Павел был убит. Отныне территориальную обособленность экзархата усилил религиозный раскол между Римом и Константинополем.

Распятие и поругатели икон — иконоборцы.
Миниатюра из средневековой летописи.

Воспользовавшись ослаблением противников, Лиутпранд в 726 г. опять начал войну. Овладев портом Классис, он отрезал Равенну от моря и взял ее в кольцо осады. Захватить город не удалось, но в течение следующего года лангобарды опустошали оставшуюся территорию экзархата.

В Константинополе решили снова уладить конфликт дипломатическими средствами. Новый экзарх Евтихий предложил Лиутпранду усмирить мятежных герцогов Беневента и Сполето, а взамен потребовал поддержки в борьбе против папы. Похоже, король хорошо усвоил изощренные приемы

Старая гавань в Равенне.
Мозаика, первая половина VI в.

византийской политики. Воспользовавшись помощью греков, он привел к покорности вассалов, но от конфликта с Папой отказался.

Зато в 732 г. он нанес отнюдь не дружественный визит несостоявшимся союзникам. Лангобарды вторглись на земли экзархата и внезапным ударом овладели Равенной.

Ромеи оказались неспособны дать отпор врагу. Византии помог новый папа Григорий III. Стремясь поддерживать с империей ровные отношения, он привлек венецианцев для борьбы против захватчиков. В 734 г., атакованные с тыла, лангобарды поспешно очистили город. В то же время, когда ромеи попытались взять Болонью, они потерпели поражение.

К этому времени расклад политических сил в Италии изменился. Когда Лиутпранд собрался наказать понтифика, Григорий III обратился за помощью не к экзарху, а к королю франков. В 742 г. лангобарды заключили с Папским престолом мир. При этом, римский первосвященник выступал не как представитель Византийской империи, но в качестве главы самостоятельного государства.

В 743 г. Лиутпранд в очередной раз подступил к Равенне. Теперь уже экзарх умолял Папу о посредничестве и защите. Этот шаг отсрочил неизбежную развязку на несколько лет, пока точку в многолетнем споре не поставил король Айстульф (749–756 гг.).

Этот монарх провел серьезную военную реформу. Ее суть сводилась к введению всеобщей воинской повинности. Ранее герцоги и другие вассалы могли проигнорировать участие в походах короля. С другой

стороны, беднота также устранялась от службы в армии, так как считалось, что плохо вооруженные и необученные люди не могут принести пользу на войне.

С середины VIII столетия положение изменилось. Знати официально запрещалось уклоняться от несения службы во время военных кампаний. Отсрочка от взыскания долгов с призывников привлекала в армию неимущих и малоимущих. Проблема качества боевого контингента решалась за счет введения имущественного ценза воинов.

Главным богатством тогда считалась земля. Поэтому владельцы самых крупных имений служили в тяжелой кавалерии, выступая в поход в полном комплекте вооружения. Средние землевладельцы тоже служили в коннице. Но, как правило, не имели защитного вооружения (панциря). Простые крестьяне зачислялись в пехоту.

Предпринятые Айстульфом меры позволили увеличить военную мощь королевства, что повернуло стратегическую обстановку в Северной Италии в пользу лангобардов.

Процессия мучеников.
Фрагмент мозаики базилики Сант Аполлинарио Нуово. Равенна, середина VI в.

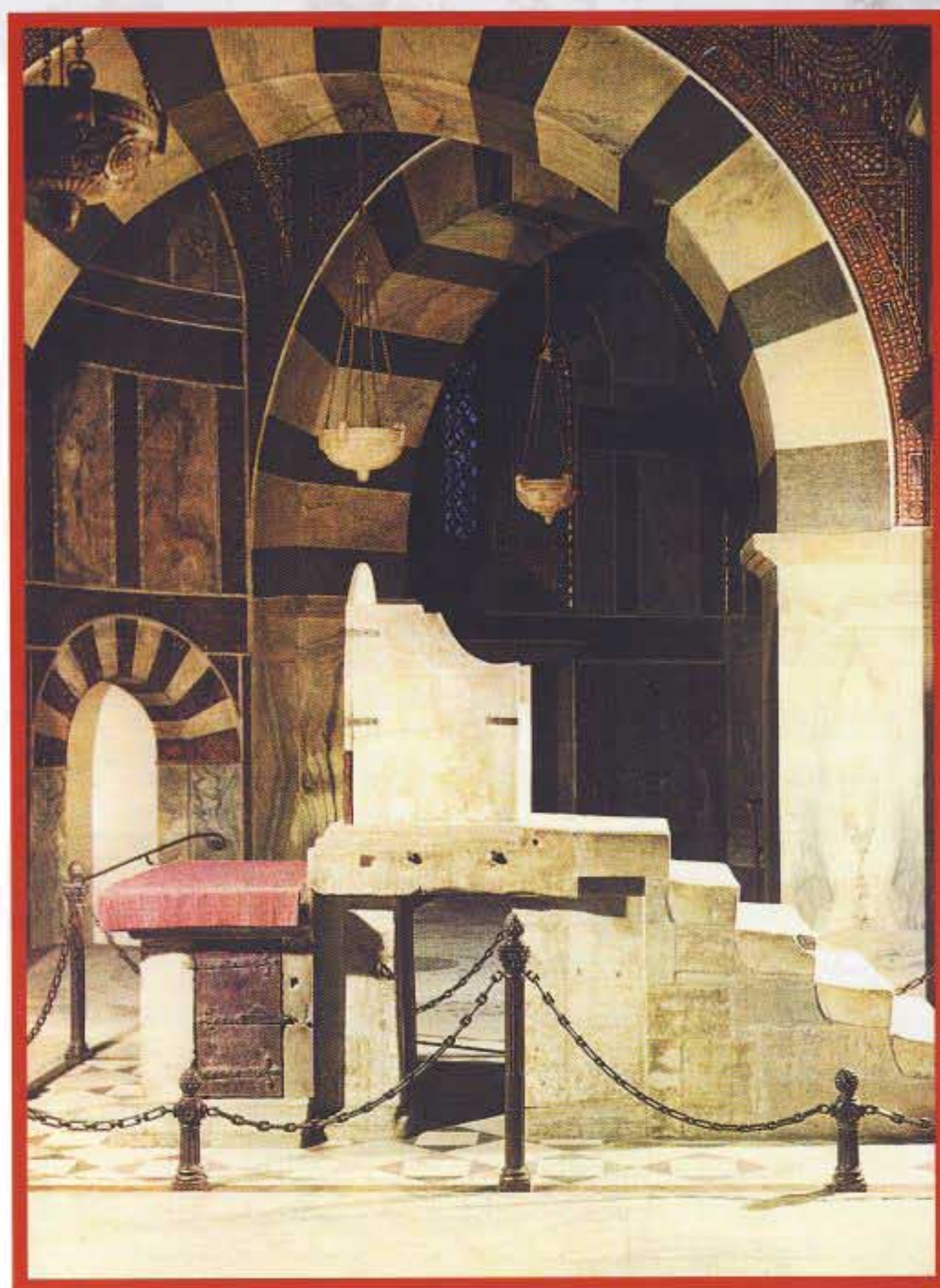
В 751 г. они вступили в Равенну и вскоре установили контроль над всей территорией бывшего экзархата. Реальная власть Византии осталась только на Сицилии и в некоторых областях на юге Италии. Неаполь, формально признавая сюзеренитет империи, добился значительной автономии. Власть дукса здесь стала передаваться по наследству, от отца к сыну.

Казалось, после этого триумфа мощь Лангобардского королевства будет лишь возрастать. На самом деле государство-хи-мера стояло на пороге гибели. Обладавшие почти бесконтрольной властью на местах, лангобардские герцоги все меньше зависели от короля. Их титулы становились наследственными, а не жаловались за службу. Имея почти неограниченные полномочия при комплектовании воинских контингентов, дуксы использовали в своих целях людской потенциал контролируемых ими вотчин. Свободные крестьяне привлекались для отработок и несения других повинностей в интересах местных феодалов. Таким образом, политика королей, нацеленная на усиление государства, неуклонно ослабляла его. Ее неэффективность в полной мере проявилась при очередном столкновении лангобардов с внешними врагами.

Ослепленные победой над Византией государи, занимавшие престол в Павии, вознамерились подчинить своей воле и римского первосвященника. В 755 г. Айстульф в течение 55 дней осаждал Вечный город. Папа Стефан III, а затем и его преемники уповали на защиту франков. Действительно, Папа помазал на царствие майордома франкских королей Пипина, а новоиспеченный монарх вступил с войском в Италию и разбил лангобардов. Более того, он передал Папе отвоеванные им земли бывшего Равеннского экзархата Византии. Таким образом, римский первосвященник становился теперь и светским государем.

Чтобы лишить Рим прикрытия, избранный королем лангобардов герцог Тусции Дезидерий (757–774 гг.) попытался посадить на трон франкского королевства своего ставленника, но явно переоценил силы и привел собственную державу к краху.

Сын Пипина и новый король франков Карл¹, перейдя через Альпы, окончательно сокрушил державу лангобардов. Летом 774 г. Павия капитулировала после длительной осады. Дезидерий, заключенный в монастырь, умер в плену, а его сын Адельхиз бежал и нашел приют в Константинополе. Как это не раз случалось, Византия укры-

Трон Карла Великого.
Слоновая кость, Ахен

вала у себя бывших врагов, надеясь в дальнейшем использовать их в политической борьбе. Правда, на сей раз подобные расчеты не оправдались. Когда Адельхиз во главе греческого войска высадился на юге Италии, франки разбили его. 4000 ромеев были убиты, еще 1000 попала в плен.

Карл короновался королем лангобардов, но фактически присоединил бывшее королевство к державе франков. На юге Апеннинского полуострова лангобардский герцог Сполето признал себя вассалом Карла. Беневент сохранил независимость. Это государство просуществовало еще триста лет.

Память о некогда могущественной державе, как мы уже говорили, свелась к нескольким строчкам в учебнике истории и сохранилась в названии северо-итальянской

¹Будущий император Карл Великий был женат на дочери Дезидерия и, таким образом, приходился ему зятем. Папа Стефан IV был возмущен тем, что из-за этого брака «знаменитый народ франков смешивается с вероломным и паршивым племенем лангобардов!» Впрочем, Карл женился по настоянию матери и к супруге быстро охладел. Они прожили в браке около года.

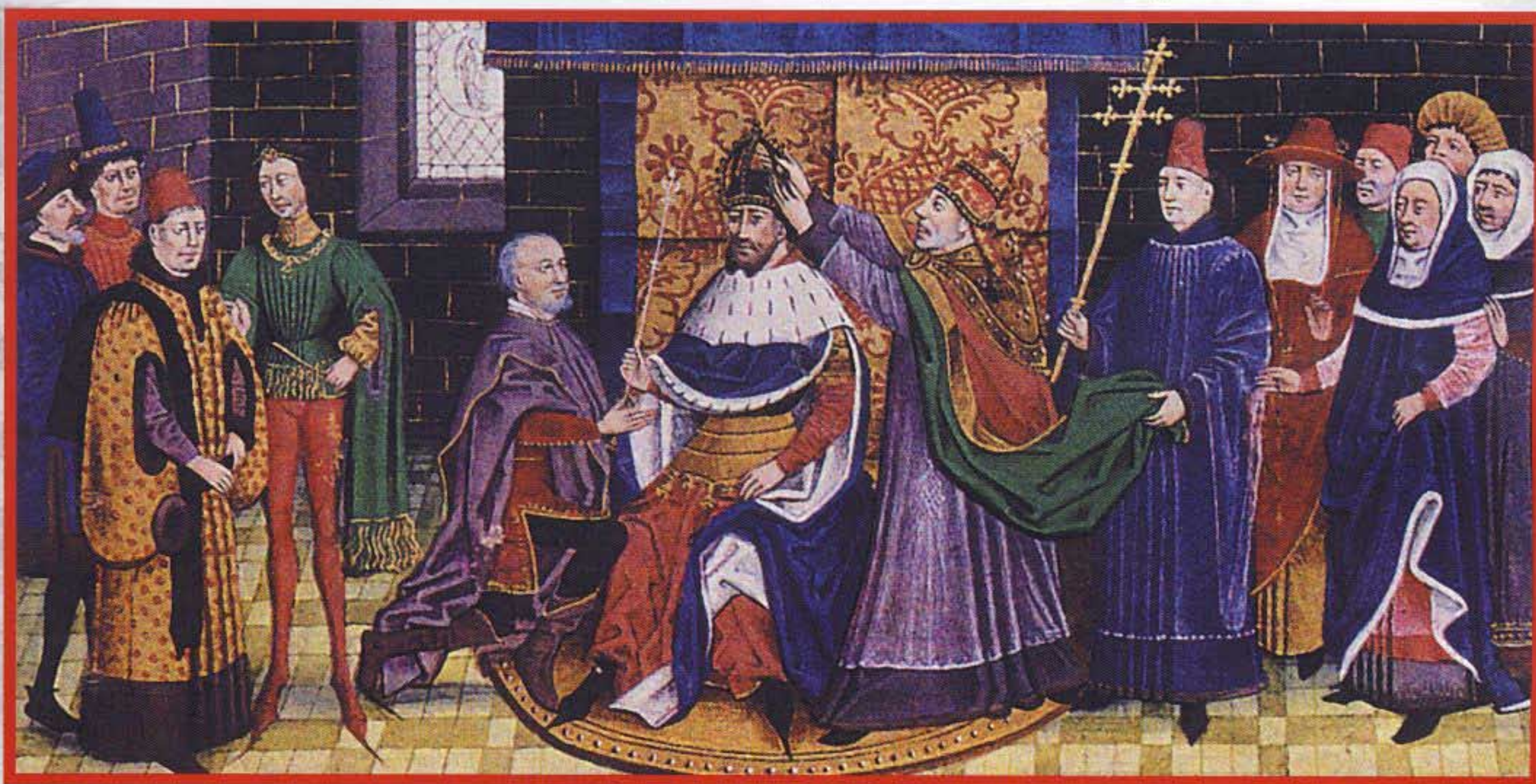
провинции — Ломбардии. Лангобарды исчезли, но как-то не хочется жалеть это кровавое племя убийц.

«Каролингское возрождение»

Обычно историки используют этот термин, характеризуя довольно необычный для раннего средневековья культурный подъем в государстве, созданном Карлом Великим. Все это верно, но для нас более важно, что в результате сложной политической интриги на западе Европы появился государь, претендующий на преемственность политической власти от империи Древнего Рима, минуя каких-то там греков.

шая и ослепившая собственного сына. «Женщина не может быть императором» — такой постулат выглядел бесспорно, и значит императорский трон мог считаться вакантным. Византия находилась не в том положении, чтобы силой восстановить монополию на верховную власть в христианском мире, а Карл теперь должен был защищать главу католической церкви, который облек его столь высоким достоинством.

Ромеям оставалось лишь с презрением отвергать претензии варвара на обладание императорским титулом. Казалось, ничто не заставит их примириться со столь вопиющим попранием многовековых традиций. Карл хотел уладить конфликт дипломатическими средствами. Послы, прибывшие в Констан-

Коронация Карла Великого. Средневековая миниатюра

После гибели королевства лангобардов римские понтифики не без оснований считали своим единственным защитником от многочисленных врагов короля франков Карла. Когда весной 799 г. в Риме вспыхнуло восстание, Лев III бежал и укрылся у своего покровителя. Год спустя, он под охраной франкских войск вернулся в Вечный город и возложил на голову благодетеля императорскую корону. Поступок беспрецедентный! Впрочем, хитрый Лев действовал вполне обдуманно. Он воспользовался тем, что в это время трон василевсов в Константинополе занимала царица Ирина, свергнув-

тинополь, от его имени предложили Ирине вступить в брак со своим государем и «соединить восточные и западные области». Вряд ли такая перспектива устраивала византийских царедворцев, и вскоре в Священном дворце случились большие перемены.

Ирина была свергнута и отправлена в ссылку, а пришедший к власти логофет геникона (министр финансов) Никифор (802—811 гг.) не видел никаких оснований обсуждать вопрос о возможности существования двух императоров. Единственным настоящим василевсом он, конечно же, считал только себя.

Карл попытался оказать на греков политическое давление. Он поддержал стремление правящих кругов Венеции отделиться от Византии и принял от них ленную присягу. Император передал управление над Венецией, Истрией и Далмацией, своему сыну Пипину, правившему в Северной Италии с титулом короля.

Реакция Константинополя не заставила себя ждать. Никифор направил в Адриатику сильную эскадру, которая восстановила контроль империи над этими территориями. А у Карла были связаны руки. В это время он воевал в Испании. Немало забот доставляли императору Запада и недавно покоренные саксы. Зато его сын Пипин принудил к капитуляции венецианцев. Крупномасштабная война между двумя империями становилась неизбежной, но василевс Никифор опередил развитие событий. В 810 г. он направил к франкам посольство для начала мирных переговоров.

Карл оказался не только талантливым полководцем, но и незаурядным политиком. Он дал понять грекам, что может вернуть им все утраченные владения на северо-восточном побережье Адриатики. Взамен он требовал признать свой императорский титул. Момент для предъявления такого требования был выбран весьма удачно. Византия терпела тяжелые поражения в войне с болгарами. В одном из них погиб автократор Никифор. Новый василевс Михаил (811–813 гг.) был человеком слабым (по выражению летописца: «без царя в голове в государственных делах») и предпочитал улаживать все конфликты мирным путем. Его покладистость привела к подпи-

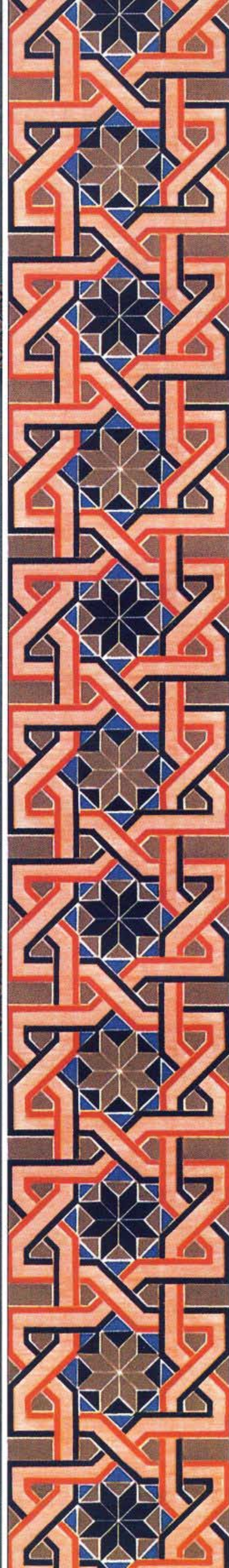
Император Карл Великий (800–814 гг.)

санию в 812 г. договора, который удовлетворил обе стороны. Византия признавала Карла императором, а франки возвращали под ее суверенитет земли на Адриатике.

Такое решение оказалось вынужденным и недолгим компромиссом. В дальнейшем константинопольские автократы никогда не будут титуловать потомков Карла императорами, а усилившаяся Венеция, станет одним из самых опасных врагов Римейского царства.

ЯРОСТЬ НОРМАННОВ

*Я пью за варягов, за дедов лихих,
Кем русская слава подъята.
За синее море, которое их,
Шумя принесло от заката.*

А. К. Толстой

Викинги, норманны, варяги — звуки этих слов наводили ужас на жителей средневековой Европы. Голод, эпидемии и постоянные распри между знатными сеньорами превращали существование людей в зловещую игру со смертью. Каждый день мог стать последним днем жизни. Крестьяне и горожане молились Богу, прося хоть немного облегчить их судьбу, но небо посылало все новые беды и напасти.

Однажды в предутреннем тумане или ярким солнечным днем из свинцовой дали моря возникали длинные узкие силуэты кораблей. Они быстро увеличивались в размерах, приближались, скользили, подгоняемые дружными ударами весел. На носу над просмоленными бортами круто вздымались вырезанные из дерева головы невиданных чудовищ, и их оскаленные морды не предвещали ничего хорошего.

Выйдя на мелководье, суда останавливались. А затем прямо в воду с них прыгали, вооруженные до зубов, здоровенные бородастые дядьки. Часто это зрелище оказывалось последним в жизни крестьян прибрежных деревень. Потому что свирепые пришельцы не давали пощады никому. Людей рассекали на части мощными ударами клинков, сажали на врытые в землю колья, или уничтожали другими, не менее изощренными способами. Жалкий скарб поселян уносили на корабли, а жилища предавали огню.

Насладившись убийствами, косматые пришельцы бесследно исчезали в море на своих плавучих драконах. Если страшные бури, столь обычные в этих местах, не топили разбойников в серых волнах, то через несколько дней или недель они высаживались на круто уходящих ввысь склонах норвежских фьордов или на золотистом песке Ютландских дюн.

В родных местах лихие парни весело проводили время в хмельных пирушках. Крепкие зубы жадно рвали мясо лосей и кабанов, целиком зажаренных на вертелах, а глотки пропускали через себя бес-

конечное количество мутной браги. Скандинавы благодарили могучего Одина, свирепого Тора и других, столь же воинственных богов за счастье проводить жизнь в битвах. Хмель все сильнее дурил головы, искажал окружающий мир. Размеренные голоса поэтов-скальдов, воспевавших героев былых походов, становились глуше, ускользали от помраченного сознания. Мужчины тупо глядели в высокое пламя костров. Воинам снова казалось, что их окружают враги, и тогда там и тут вспыхивали пьяные драки. Для некоторых пирушка на этом и заканчивалась. Другие, легко расставшись с награбленной добычей, через некоторое время вновь отправлялись за море за подвигами и боевой славой. По меткому замечанию современного историка, война была самым подходящим занятием для хорошей погоды, а попойки — для скверной.

Бог грома, бури и плодородия Тор — один из главных персонажей скандинавского пантеона. Вооруженный страшным боевым молотом, он считался главным защитником людей от великанов и злобных чудовищ

Редко кто из скандинавов доживал до старости. Но такой судьбы они и не желали. Кончина в постели — удел женщин и трусов (т.е. тоже не мужчин). Высшее счастье для настоящего воина — гибель в бою, с оружием в руках.

Вот так, или примерно так начинались набеги викингов. Позднее они приняли еще более масштабный характер. Драккары с навешенными вдоль бортов щитами уходили все дальше. Не ограничиваясь опустошением прибрежных территорий, они заплывали в устья рек, смело шли вглубь континента. На востоке викингов называли *варягами*, на западе *норманнами* (т.е. северными людьми). Они разорили Руан, Гамбург, Бордо. Поднявшись вверх по Рейну, сожгли Кельн и Ахен. В 885–886 гг. десятимесячную осаду

норманнов с трудом выдержал Париж. Дошло до того, что в католических храмах христиане возносили Господу специальную молитву «Об избавлении от ярости норманнов». Впрочем, помогало это далеко не всегда.

В 911 г. французский король Карл III Простоватый был вынужден признать одного из предводителей норманнов — Роллона хозяином владений на северо-западе страны с титулом герцога.

Всякие тонкие рыцарские штучки оставались для викингов непонятными и даже оскорбительными. Принося ленную присягу Карлу, Роллон отказался преклонить колено и поцеловать королю ногу. Эту малоприятную процедуру новоиспеченный герцог поручил проделать одному из своих воинов. Но и тот, не долго думая, вместо

Осада норманнами Парижа в 885–886 гг. Полотно, находящееся в Галерее битв Версальского дворца, отражает одну из славных страниц французской истории. Недаром руководивший обороной города граф Эд Парижский в 887 г. был избран королем Западно-франкского государства.

того, чтобы встать на колени, задрал ногу Карла до уровня своих губ. Королевская свита была шокирована, зато норманны встретили поступок товарища шумными возгласами, выражавшими одобрение, восхищение и эстетическое удовлетворение.

Так было положено начало Нормандии.

Дикие пришельцы довольно быстро освоились на новых местах. Забыв свой язык, они растворились среди коренного населения. Однако превращение вожаков разбойничьих ватаг в аристократов шло с большим трудом. Еще очень долго герцоги Нормандии носили прозвища, напоминавшие бандитские клички. Самого Роллона именовали «Пешеход», потому что его грузное тело не могла выдержать ни одна лошадь. Сына Роллона за его излюбленный «рабочий инструмент» прозвали Вильгельм «Длинный меч», а внук, из-за пристрастия к морским налетам, остался в истории как Ричард «Пиратский вождь». Даже знаменитый герцог Вильгельм Завоеватель до своей победы при Гастингсе носил куда менее почетную приставку к имени — «Незаконно-рожденный».

Потомкам морских бродяг не сиделось на новой родине. Они снова и снова совершали дальние походы на кораблях. При этом парии Европы боролись за выживание тем ожесточеннее, чем сильнее цивилизованный мир отторгал их. Прошли годы, и нормандцы положили начало двум сильным государствам. В 1066 г. они вторглись в Англию, но еще более интересно, что примерно в это же время, рыжеволосые и голубоглазые северяне основали собственную державу в Средиземноморье, превратившуюся в великолепное «Королевство под солнцем». Этой державе суждено сыграть огромную роль в исторических судьбах столь близкой нам Византии.

Очень долго лихие рубаки из Скандинавии прибывали в Ромейскую державу не с запада, а с севера. Продолав долгий и полный опасностей путь по неспешным рекам Восточно-Европейской равнины, а затем вдоль берега Черного моря, они попадали в столицу мира — Константинополь. Здесь отважные воины, как правило, зачислялись в отборное подразделение Императорской гвардии — *Варангу* и звались они варягами (*Βάρανγοι*). Позднее этнический состав

Варанги изменился. В ней служили не только скандинавы, но также англичане (англы, покинувшие Родину после завоевания ее норманнами) и русичи.

Корабль норманнов

Излюбленным оружием варягов была большая секира. Они отличались беспримерной храбростью в бою, жестокостью и... склонностью к пьянству. Варяжская гвардия не раз сходилась в битвах с норманнами, причем победа доставалась то одной, то другой стороне.

В те давние времена, о которых мы ведем рассказ, полем боя между византийцами и норманнами стала Южная Италия. На рубеже X—XI веков эти земли представляли собой довольно сложный конгломерат различных владений. Ромеи, хотя и были вытеснены с Сицилии мусульманами, удерживали фемы Калаврия и Лонгивардия на самом юге Апеннинского «сапога» (современные Калабрия и Апулия). Севернее располагались несколько княжеств, в которых правили династии лангобардского проис-

хождения. Все эти Пандульфы, Ландульфы, Гвемары и прочие властители лишь номинально признавали власть Константинополя, но вассалами они являлись весьма ненадежными.

Кроме того, приходилось опасаться и еще более отдаленных северных соседей, обладавших большими амбициями. Периодически усиливаясь, их вожди претендовали на совершенно особое положение в иерархии европейских государей, а иногда даже на высший, императорский титул.

Немецкая интерлюдия

Не просуществовав и полувека, держава Карла Великого развалилась. Его наследие еще долго делили потомки — реальные и мнимые. В это время политическая история Италии представляла собой «быструю и неясную фантасмагорию».

У Византии существовали с правителями Апеннинского полуострова довольно сложные отношения. Так в 935 г. сюда прибыла ромейская эскадра, чтобы заключить союз с королем Гуго из боковой ветви Каролингов для совместных действий против лангобардских князей на юге Италии. Правивший эфемерным Итальянским королевством Гуго не мог оказать империи реальной помощи, так что эти переговоры не имели никаких последствий. К тому же, Гуго больше беспокоили арабские пираты, хозяйничавшие в Лигурийском море. Против них была организована совместная византийско-итальянская экспедиция, и «огненосные» корабли ромеев выжгли гнездо этих разбойников во Фраксинете¹. Двадцать лет спустя, при василевсе Константине Багрянородном, войска фракийских и македонских фем с трудом подавили восстание, вспыхнувшее в Неаполе, «обуздав дерзость и сумасбродство неаполитанцев военными судами, снабженными жидким огнем».

Затем немецкий король Оттон (936–973 гг.) вмешался в борьбу за обладание северо-итальянскими землями, некогда входившими в состав империи Карла Великого. Военно-политические успехи вскружили ему голову. Как уже упоминалось в самом начале этой книги, в 962 г. от Рож-

дства Христова Оттон получил из рук римского Папы императорскую корону. Но единственный законный трон василевсов находился в Константинополе, и ничто не могло заставить византийцев признать столь священный титул за немцем. Ведь *Империя* была не просто способом государственного устройства, а синонимом цивилизованного человеческого общества, центром разумного мироздания. Такой центр ни при каких обстоятельствах не мог находиться на периферии — в дикой Германии.

Оттон I. Германский король, первый государь (962–973 гг.) воссозданной на Западе Европы Священной Римской империи.

Портрет работы Лукаса Кранаха Старшего

Ничего не изменилось даже когда Оттон во главе войска двинулся на юг Италии и занял Рим. Для ромеев это означало

¹Современный Фрежюс на юге Франции.

лишь, что очередные варвары вторглись и временно захватили их прежние владения. Политического компромисса в таких случаях империя не допускала.

Ситуация особенно обострилась, когда Оттон, являвшийся еще и королем Италии, решил установить контроль над всем Апеннинским полуостровом. Для этого ему пришлось бы отобрать у Византии ее владения в Апулии и Калабрии.

В марте 968 г. Оттон подошел к стенам Бари, но, не имея флота, не решился ни штурмовать крепость, ни взять ее измором. Пришлось отступить. Следующая попытка немцев закрепиться на юге носила более тонкий, дипломатический характер. Оттон направил в Константинополь посольство для заключения военно-политического союза между двумя империями. Основой этого альянса должен был стать брак между его сыном и дочерью императора Романа II принцессой Феофано. Однако, как мы уже знаем, возглавлявший миссию епископ Лиутпранд не преуспел в выполнении возложенных на него поручений.

Взбешенный Оттон осенью того же года двинулся в Апулию, чтобы «воссоединить с нашим итальянским королевством эту страну, отнятую греками». Ромейские силы в Лонгивардии были весьма слабы, но из Византии вовремя прибыли подкрепления. В 969 г. они разбили немцев при Бовино (к северо-востоку от Беневента), а выступивший на стороне Оттона герцог Капуи и Беневента Пандульф попал в плен. Закованного в кандалы его отправили в Константинополь.

После одержанной победы византийцы перешли в наступление и осадили Капую. Устрашенные успехами имперских войск, герцог Неаполя и князь Салерно вновь признали себя вассалами автократора Никифора II Фоки. Правда, в 970 г. Оттон попытался вторгнуться в Апулию, но все у того же злосчастного Бовино его продвижение захлебнулось в бесплодной осаде.

И все же ситуация изменилась. К этому времени трон в Константинополе занял племянник Никифора Иоанн Цимисхий. Гораздо больше вялотекущей борьбы в Италии его занимало обострение обстановки в Сирии, где возобновились боевые действия против мусульман. Возможно поэтому, на этот раз василевс сам выступил инициатором возобновления переговоров с Оттоном.

Иоанн Цимисхий
(969–976 гг.).

Золотой гистаменон

Чтобы заставить немцев убраться из своих итальянских владений, он дал согласие на брак сына Оттона с принцессой Феофано, находившейся под опекой василевса. В результате сложных дипломатических маневров (обе стороны старались сохранить лицо), в конце лета германское войско сняло осаду Бовино и ушло на север.

Формально между двумя империями установился мир и даже союз. Поэтому предпринятый в 981 г. молодым Оттоном II (973–983 гг.) поход в Южную Италию осуществлялся в общих интересах. Немцы намеревались положить конец арабской экспансии и изгнать мусульман с континента. С другой стороны, сохранились недвусмысленные свидетельства, что если бы двадцатисемилетнему кайзеру удалось одержать победу в этой кампании, то он, скорее всего, распространил бы свое господство и на Калабрию с Лонгивардией, объявив их приданым своей жены Феофано.

У ромеев не было никакого резона помогать столь странным союзникам. Они спокойно дождались, пока 13 июля 982 г. у Котрона войско эмира Абуль Касима уничтожило изнуренную долгим маршем под палящим солнцем германскую армию. Оттон II с превеликим трудом спасся, вплавь добравшись до корабля, стоявшего на якоре.

Обескураженный неудачей кайзер начал подготовку к новому походу, но в декабре того же года он умер в Риме. После этого Германия надолго потеряла интерес к вмешательству в итальянские дела. Тем более, что регентшей при малолетнем наследнике престола Оттоне III осталась его мать — византийка Феофано. В 1002 г., в возрасте всего 22 лет он также скончался, так и не осуществив свою мечту о возрожденном Orbis romanus¹. Но неприятности ромеев в Южной Италии только начинались.

¹лат. - Римская держава.

Италия и прилегающие территории
около 1000 г.

В мае 1009 г. в Бари некий Мелес, происходивший из знатного лангобардского рода, поднял мятеж против имперского господства. Хронист отметил, что «апулийцы восстали, так как не могли больше терпеть превосходство и заносчивость греков». По-видимому, за этой формулировкой скрывается возмущение злоупотреблениями византийских чиновников, однако не исключено, что от ненависти этой пострадали вообще все местные греки.

Довольно быстро бунт распространился по Лонгивардии. Бои затянулись и шли с переменным успехом, так как для подавления восстания у ромейских наместников

не хватало сил. Сначала мятежники заняли несколько городов и укрепленных замков. Возможно, это произошло потому, что византийский катепан (наместник) Куркуас скоропостижно скончался, а подчиненные ему силы оказались дезорганизованы.

Ситуация изменилась в марте следующего 1010 г., когда в Италию прибыли имперские подкрепления во главе с новым катепаном Василием Аргиром. Почти сразу же ромеи осадили город Бари, в котором находилась стратегически важная гавань. Обладание этим портом позволяло уверенно контролировать всю Апулию. Через два месяца ворота Бари распахнулись перед византийцами. Поговаривали, что это случилось из-за измены части местных жителей, вступивших в тайные переговоры с Аргиром. Победитель отправил жену и сына Мелеса в Константино-

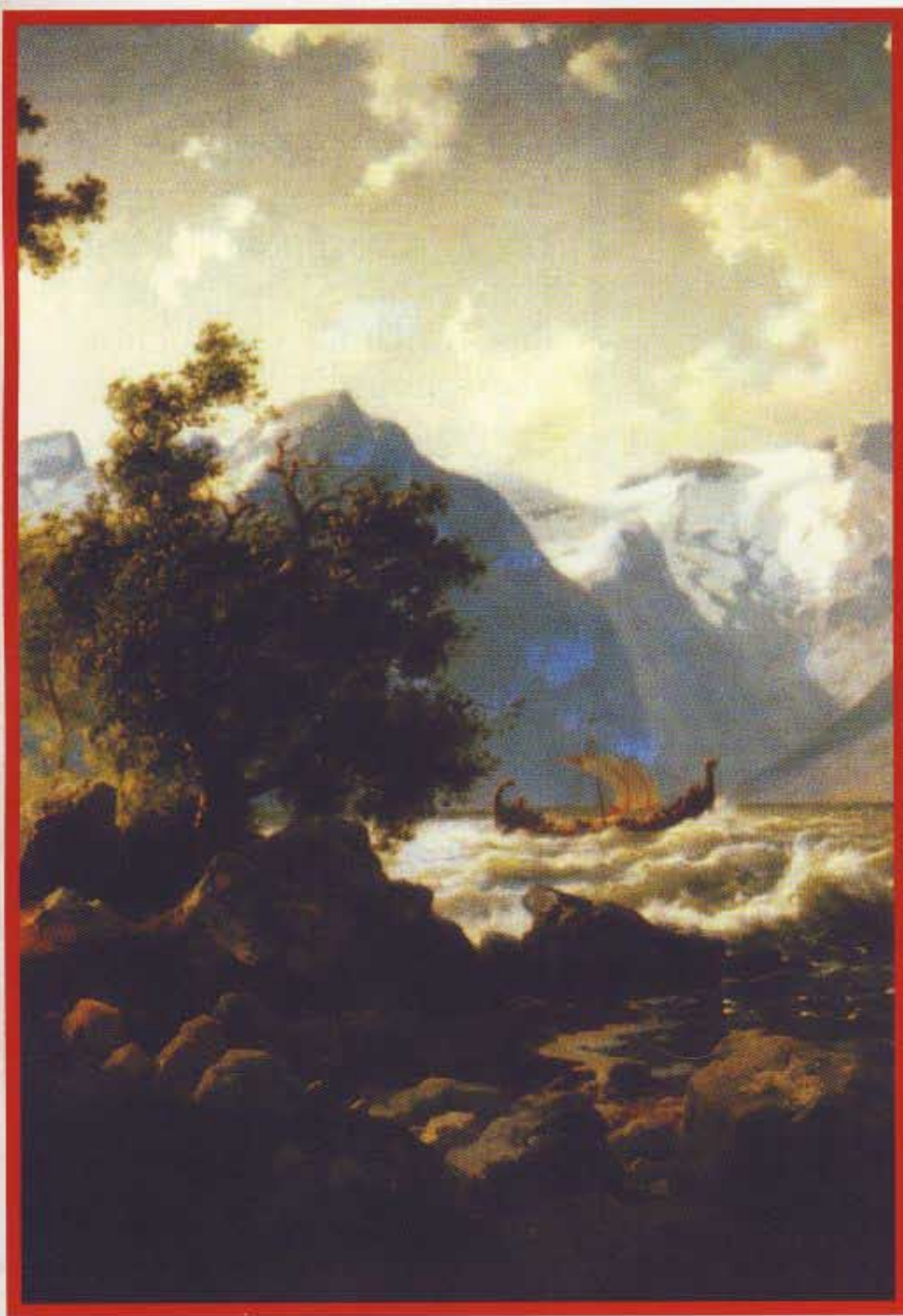
поль, но сам главарь бунтовщиков бежал и следующие несколько лет провел в скитаниях по Италии, тщетно пытаясь обрести союзников. В сложившейся, крайне запутанной обстановке появление на Апеннинском полуострове выходцев из Нормандии пришлось для сепаратистов, как нельзя более кстати...

1016–1045 гг.

Имеющиеся в исторических источниках версии вступления норманнов в политическую борьбу в Византийской Италии крайне противоречивы. Первая из них — прозаическая. Согласно ей, во время своих скитаний Мелес повстречал вооруженную банду пришельцев из далекого края. Всего сорок человек, зато все, как на подбор, «крепкие,

хорошо сложенные и очень искусные в обращении с оружием». Они бежали от гнева нормандского герцога и искали случая поступить к кому-нибудь на военную службу.

Мелеса настолько восхитили бравый вид и воинственность норманнов, что он не преминул заметить, что, имея лишь сотню таких ребят, он освободил бы от греков всю Южную Италию. Некоторые средневековые авторы идут еще дальше, утверждая, что проблемами трудоустройства северян занялся лично папа Бенедикт VIII. Якобы он лично послал этот отряд для завоевания Капуи¹, и уже там норманны встретили Мелеса.

Корабль норманнов

Правда здесь возникает вопрос: а почему, собственно, норманнам пришлось бежать именно в Италию? Неужели храбрые бойцы с острыми мечами негодились бы где-нибудь поближе: например, в Англии или во Франции?

Вероятно, еще во времена, близкие к тем легендарным событиям, историки задумывались над столь странным обстоятельством, так что вскоре появилась и еще одна версия — на этот раз откровенно романтическая. Оказывается, норманны были вовсе не разбойниками, а благочестивыми пилигримами, возвращавшимися морем из паломничества в Святую землю. Высадившись на восточном побережье Италии, они нанесли визит в пользовавшийся большим уважением у христиан монастырь Святого Михаила — предводителя всего небесного воинства и покровителя рыцарей. Вот здесь и состоялась встреча Мелеса с норманнами. Причем, как люди благородные, последние не могли не откликнуться на призыв включиться в истинно богоугодное дело — освобождение юга Италии от схизматиков-греков.

Так это было, или все же речь шла о группе авантюристов, промышлявших насилием и грабежами, теперь утверждать наверняка невозможно. Для нас важно другое: лишившийся войска Мелес и норманны, истосковавшиеся по настоящему мужскому делу, объединили свои усилия. Но даже сорока храбрых воинов (вряд ли все норманны являлись рыцарями в точном смысле этого слова) все же недостаточно, чтобы выиграть тяжелую военную кампанию. Скорее всего, Мелесу оказали поддержку Папа Римский и лангобардские государи Южной Италии, стремившиеся избавиться от вассальной зависимости по отношению к Византии. Произошло это примерно в 1016 году от Рождества Христова.

По-видимому, Мелесу удалось набрать достаточно сильное войско. Следующей весной он вторгся в имперские владения в Апулии и близ местечка Аренуле на берегу реки Форторе столкнулся с ромеями. Первый бой не имел решающего значения, но византийскому военачальнику пришлось отступить, а Мелес смог продвинуться вглубь вражеской территории.

На этот раз новый византийский катепан протоспафарий Торникий Контолеон лично возглавил войска, но 22 июня мятежники разбили его при Чивитате. Еще одно поражение греки потерпели у Виккаричии, после чего отряды Мелеса заняли все земли вплоть до города Трани.

¹Сохранился также рассказ, что к этому времени отряд норманнов успел отличиться при обороне Салерно от арабов.

В сентябре Контолеона отозвали в Константинополь, а на должность катепана прибыл Василий Воиоанн. У очередного наместника не оставалось времени на раскачку. Воссоздавать армию и бороться с бунтовщиками — все приходилось делать одновременно. В 1018 г. ромеи беспощадно расправились с попыткой мятежа в Трани. Затем обстановка опять обострилась из-за того, что князь Салерно отправил к Мелесу новые подкрепления. В свою очередь, византийцам тоже пришла помощь из-за моря. Император Василий II завершил покорение Болгарии и начал перебрасывать воинские контингенты в Южную Италию. Основу их боевой мощи составляли ударные отряды русских и варяжских воинов, отличавшихся особым бесстрашием.

В октябре катепан Воиоанн навязал противнику сражение на равнине при Каннах (да, да — тех самых). При этом, «гре-

ки роились на поле, как пчелы, вылетающие из улья, а их копья напоминали заросли тростника». Славы Ганнибала стратиг не удостоился, но битва на правом берегу реки Офанто завершилась полным поражением мятежников.

Мелес отступил во владения герцога Беневента и тщетно просил его о помощи. Теперь лангобардские правители искали примирения с империей. Норманны, ранее входившие в состав войска Мелеса, вернулись на службу в Капую, Салерно и другие города, а Мелес бежал в Германию. Император Генрих II пожаловал его титулом герцога Апулии, но реальной власти это красивое словосочетание не принесло. В 1020 г. Мелес так и умер на чужбине.

А Василий Воиоанн не собирался останавливаться на достигнутом. Построив или восстановив целую сеть укрепленных

Тяжеловооруженные византийские воины. Середина XI в.

Пехотинец-скутат снабжен довольно коротким, но толстым копьем, позволявшим в плотно сомкнутом строю встречать даже атаки вражеской кавалерии. Самого воина при этом надежно защищал пластинчатый доспех и стальной шлем, а также меч и большой щит каплевидной формы, подобный тому, на который опирается стоящий рядом кавалерийский офицер. Считается, что такие щиты византийцы позаимствовали у своих врагов норманнов.

Вооружение кавалериста выглядит еще более внушительно. Кроме меча на плечевой портупее, у него на поясе имеется обоюдоострый кинжал. Шлем снабжен подшлемником, искусно сплетенным из стальных колец, а под панцирем надета кольчуга. Предплечья и голени прикрыты металлическими пластинами. Цветные перья на шлеме и плечах воина служили отличительным знаком принадлежности к определенной войсковой части.

Иллюстрация Е. Ю. Емельянова.
© В. Н. Шиканов

пунктов на границе провинции, он двинулся с войсками на север. В Кампании ромей овладели сильным замком Гарильяно, который защищал шурин Мелеса, некий Датто. Этого ценного пленника доставили в Бари, где и подвергли мучительной казни. Датто зашили в мешок, дав ему в кампанию петуха, обезьяну и змею, а затем бросили в изумительной красоты сине-зеленые волны Адриатики.

Успехи византийцев встревожили папу Бенедикта VIII. Наверняка верховный понтифик знал о судьбе своих предшественников, которых василевсы в прошлом не раз смещали с занимаемой должности, как простых дворцовых чиновников, отправляли в ссылку или даже казнили. Конечно, и в Италии у папского престола было немало врагов, но за минувшие столетия, наследники Святого Петра в совершенстве научились лавировать между различными политическими силами, оставаясь при этом независимыми от любого из сильных мира сего. Вот и сейчас Бенедикт VIII лично отправился в Германию, чтобы убедить Генриха II положить предел экспансии греков в законных владениях императора.

Расчет оказался верным. Еще в 1014 г. Генрих короновался в Риме и теперь никому не собирался уступать *свою* Италию.

В конце 1021 г. 60-тысячное немецкое войско перевалило через Альпы и вышло к Равенне. Дальнейшее наступление имперской армии осуществлялось тремя колоннами. Две из них, продвигавшиеся через

Рим-Капую и в центре Апеннинского полуострова возглавляли архиепископы Кельна и Аквилеи, а третью вел вдоль побережья Адриатики сам кайзер.

В целом кампания Папы и императора осуществлялась успешно. Один за другим, города открывали перед ними ворота. Забыв о вассальной верности василевсу, на сторону немцев перешли Неаполь и Беневент. Только Салерно оборонялся сорок дней, но затем капитулировал и он.

Осада Трои на северной границе византийских владений затянулась на три месяца, пока голод не сломил мужество ее защитников. Генрих II лично принимал сдачу крепости. Неизвестно, как собирался поступить кайзер со столь упорными противниками, но когда городские ворота распахнулись, душа воина, давно уже нечувствительная к человеческим страданиям была немало смущена.

Первым к победителям вышел изможденный монах в старой рясе и с поднятым над головой крестом. За ним опасливо семенили маленькие и очень напуганные дети, а потом тянулась вся скорбно-длинная колонна взрослых горожан. Люди протяжно распевали «Господи, помилуй!» и, казалось, были готовы к любой участи. Генрих был тронут беззащитностью побежденных и ушел, так и не вступив в город¹.

Катепан Воиоанн не смог оказать Трое никакой помощи. Зато два года спустя он даровал городу особую грамоту, пожаловав жителей некоторыми привилегиями за проявленные стойкость и неколебимую верность ромейским властям.

Поход императора Генриха II в Италию привел к подчинению лангобардских герцогов на юге полуострова, но захватить греческие владения он не сумел. В 1022 г. в войске кайзера вспыхнула чума и ему пришлось возвращаться в Германию. Два года спустя Генрих умер, а его преемники снова и снова совершали походы за Альпы, чтобы напоминать о притязаниях на эти земли. Реальной же властью в Италии германские императоры почти не обладали.

После кончины Генриха правители Капуи, Неаполя и Беневента вновь обрели самостоятельность. Примерно в это же время произошли существенные изменения в по-

Христос коронуется императора Генриха II Германского (1002–1024 гг.).
Средневековая миниатюра

¹Это немецкая версия событий. Южно-итальянские источники утверждают, что императорское войско косила малярия, и Генрих бесславно отступил от Трои, так и не взяв ее.

ложении норманнских отрядов, состоявших на службе у этих сеньоров. В 1029—1030 гг. неаполитанский герцог Серджио IV (кто сейчас помнит о таком?) даровал своему зятю, Райнульфу Нормандцу в качестве лена замок Аверса. Расположенная к северу от Неаполя, Аверса с прилегающими к ней землями стала первым постоянным владением норманнов в Южной Италии. Отсюда началось восхождение их предводителей из главарей разбойничьих шаяк к коронам наследственной аристократии, а Райнульф сумел подняться от обычного бандитизма до государственного (хотя и средневекового) подхода к ведению своих дел.

Высадка норманнов с кораблей на берег. Средневековая миниатюра

Его женитьбу на сестре герцога, наверняка, нельзя считать единичным примером. Норманнам приходилось брать в супруги местных женщин, но они, по-прежнему, оставались чужаками для окружающего населения. Особых перспектив у таких

«атомарных» государств нет. Рано или поздно их завоюют или мирно ассимилируют соседи. Тем более, что отношения пришельцев с коренными жителями оставались совсем не дружественными. Хронист Гауфред Малатерра писал о норманнах, что это «хитрый и мстительный народ. Красноречие и скрытность представляются их наследственными качествами... Оружие и лошади, роскошь одеяний, охота верховая и соколиная — всё это улады норманнов, но при стесненных обстоятельствах они могут с невероятным терпением переносить суровость любого климата и тяготы и лишения военной жизни». Словом, хотя у такого народа и есть сильные стороны натуры, но относиться к нему необходимо с опаской, а держаться лучше подальше.

Похоже, что друзей у норманнов в Италии едва ли было много. Зато, к чести их правителей, ими был найден выход из столь щекотливой ситуации.

Через какое-то время посланцы отправились из Аверсы и других городов в Нормандию, чтобы организовать приток переселенцев в Италию. И они поехали через всю Европу. Целыми семьями, с женами и детьми, оруженосцами и слугами. Были среди них и двенадцать (!) сыновей нормандского рыцаря Танкреда д'Отвиля. Некоторым из них предстоит стать центральными фигурами нашего повествования. Но о них мы расскажем чуть позже, а сейчас продолжим хронологическую нить развернувшихся событий.

Когда в 1033 г. в Южную Италию прибыли византийские войска, которым предстояло отвоевать у мусульман Сицилию, лангобардским герцогам пришлось признать свой вассалитет по отношению к Константинополю и выделить воинские контингенты (включавшие отряды норманнов) в распоряжение стратига Георгия Маниака. С другой стороны, под его командованием находились и собственно «византийские» варяги, которых возглавлял легендарный Гаральд Гардрада. Происходивший из знатного норвежского рода, он был воином исключительной отваги. Гаральд служил киевскому князю Ярославу, а затем отправился в Константинополь, где быстро возвысился, благодаря своим военным подвигам. Командуя отборной варяжской дружиной, он не раз отличался в многочисленных походах и битвах. Позднее, неслыханно обогатившись,

он вернулся на родину и стал королем Норвегии. Память о Гаральде увековечена в скандинавских сагах. Писал об этом удивительном человеке и наш соотечественник:

*Прибрежья, где черный мой стяг прошумел,
Сицилия, Понт и Эллада,
Вовек не забудут Гаральдовых дел,
Набегов Гаральда Гардрада!*

Командующий экспедиционной армией ромеев Георгий Маниак, без сомнения, был честолюбивым, властным человеком. Возможно, именно его не сложились отношения с норманнскими наемными отрядами тоже повлияли на судьбу Византийской Италии.

Согласно тому же Гауфреду Малатерре, в одном из сражений с мусульманами норманны могучим ударом обратили противника в бегство и настойчиво преследовали его. В это время лукавые греки, не принимавшие участия в битве, «разграбили добычу, разделив ее между собой, и никакой части не оставили нашим».

Храбрым норманнам показалось очень обидным такое распределение обязанностей между союзниками, и они тут же решили выяснить отношения с Маниаком. На переговоры со стратиготом отправился некий Ардуен, который тоже «был из наших». На самом деле этот человек являлся командиром лангобардского отряда, предоставленного в распоряжение византийцев князем Салерно Гвемаром для высадки на Сицилию.

Но даже такой храбрец не произвел никакого впечатления на Георгия Маниака. Ромейский полководец и сам обладал гигантским ростом, львиной силой и громopodobным голосом. На поле боя он внушал ужас неприятелям и не раз своим острым мечом надвое рассекал вражеских воинов. Так вот, этот Маниак велел ударами палок прогнать через весь лагерь дерзкого «западного варвара». После этого Ардуен хитростью получил у главнокомандующего разрешение вернуться в Италию и в сопровождении норманнов отбыл с острова на материк.

В дальнейшем, пока Маниак отвоевывал Сицилию у сарацин, люди Ардуена опустошали византийские владения в Апулии. Весьма кстати для них на этих землях опять вспыхнул мятеж против власти ромеев. Его возглавил Аргир — сын вождя предыдущего бунта Мелеса. Новый катепан Италии, Михаил Докеян с трудом удерживал основные населенные пункты подведомственной ему территории. А тут еще обиженные норманны приняли в восстании самое непосредственное участие.

Вышеупомянутый владелец Аверсы Райнульф¹ тайно направил на помощь повстанцам банду из трехсот головорезов. Предполагалось, что после победы над греками этот союз позволит Райнульфу расширить свои владения. Кроме того, на стороне мятежников выступил князь Гвемар.

Итальянский летописец с восторгом сообщает,

Сражение норманнов с мусульманами

¹В 1038 г., германский император Конрад II, усмирявший в Италии непокорных вассалов, по ходатайству Гвемара, пожаловал Райнульфу титул графа.

Вожди норманнов: Танкред д'Отвиль и его сын Вильгельм Железная рука. Скульптурные изображения из собора в Кутансе, Нормандия

что когда накануне битвы с византийцами к восставшим прибыл греческий парламентар с предложением вступить в бой, или навсегда уйти из владений империи, норманнский воин Гуго с характерным прозвищем Быкобой, с такой силой хватил громадным кулачком коня ромея между глаз, что тот рухнул замертво. Самого посла норманны отпустили, и его рассказ произвел на византийское командование нехорошее впечатление.

17 марта 1041 г. войско Докеяна сошлось в жарком бою с норманнами и лангобардами на берегу реки Оливенто. Если верить Малатерре, писавшему по заказу норманнского графа Сицилии, на каждого норманна приходилось 120 греков. Соотношение маловероятное, даже если учесть, что со стороны норманнов упомянуты только рыцари, а катепан ромеев мобилизовал в свою

армию всех боеспособных мужчин, проживавших на данной территории. Вероятно Малатерре просто хотелось приукрасить героизм подвига своих покровителей, сразившихся с несметным количеством врагов.

Как бы то ни было, но столкновение при Оливенто действительно закончилось бегством ромейского воинства. Причем многие византийцы утонули в реке. А у норманнов особенно отличились сыновья Танкреда д'Отвиля: Вильгельм Железная рука¹ и его брат Дрогон.

4 мая у Монтемаджоре, на берегу реки Офанто, произошло еще более крупное столкновение. На этот раз боевую линию ромеев составляли различные рода войск: фемные части из Опсикия и Фракия, наемники-русы, а также незначительные отряды пока еще верных итальянских вассалов-союзников. Всех их одолела стальная норманнская конница. Пришельцы Вильгельма Железнорукого наглядно продемонстрировали, что в Италии нет бойцов, им равных!

Малатерра писал, что норманны ринулись в схватку с удовольствием, но затем «утомились от резни». На самом деле, такая формулировка, скорее всего, означает, что с обеих сторон бой велся с большим упорством и ожесточением. Тот же автор признает, что наступил момент, когда энергия норманнов ослабла и они почти перестали атаковать. В этот момент положение спас Вильгельм Железная рука. Он страдал от тяжелой лихорадки и не принимал участия в сражении, но увидев, что усилия соратников не приносят желанного результата, схватил оружие и, «словно разъяренный лев», бросился в гущу врагов. Не выдержав нового натиска, фронт ромеев рухнул, и они обратились в паническое бегство.

¹Это прозвище нормандец получил, прославившись огромной физической силой во время византийской экспедиции на Сицилию, в которой он принимал участие.

Спасшийся с поля битвы Докеян с большим трудом добрался до Бари. Поражение оказалось настолько тяжелым, что Константинополь счел нужным заменить его на посту катепана. Из Византии прибыл новый наместник — Воиоанн являвшийся сыном военачальника, уже занимавшего ранее этот пост. Вот только повезло ему гораздо меньше, чем отцу.

3 сентября, в сражении у горы Монтепелозо, греков ждала новая неудача. Летописец утверждает, что их предводитель «был зарезан, словно бык». На самом деле Воиоанн попал в плен. Привязанного к лошади, его провезли по улицам Беневента. После такого разгрома почти все города Апулии примкнули к мятежникам, а Византия практически утратила контроль над своими итальянскими владениями.

Амазонки.
Византийская шелковая ткань. IX в.

Положение осложнялось тем, что высшие власти империи в это время были заняты совсем другими заботами. В Константинополе шла ожесточенная борьба между выскочкой на троне Михаилом V и законной представительницей Македонской династии императрицей Зоей. Когда из столицы, наконец, прибыл новый катепан Синодиан, то у него просто не оказалось

войск, чтобы справиться с повстанцами. Его правление оказалось весьма кратковременным. В апреле 1042 г. василевса Михаила Калафата свергли с престола и ослепили¹. Закрепившая за собой власть Зоя отозвала Синодиана и назначила на его место волевого и жестокого Георгия Маниака.

Стратиг прекрасно разбирался в обстановке на этом театре военных действий. Он перешел в наступление и, двигаясь вдоль побережья Апулии, сжигал целые города и уничтожал их жителей. Ромеи не щадили ни мужчин, ни женщин, ни стариков, ни детей, ни лиц духовного звания. Придорожные деревья сгибались под тяжестью повешенных. Действуя террором, Маниак заставил большинство южно-итальянских городов признать власть империи. Возможно, стратигу удалось бы удержать в руках все эти земли, но ему нанесли удар в спину.

В то смутное время ромейским царством, сменяя один другого, правили случайные люди. Эти малоинтересные персонажи боялись собственных талантливых полководцев гораздо больше, чем внешних врагов. Интриганы в Константинополе оклеветали Маниака перед новым мужем Зои — императором Константином IX Мономахом. В результате, василевс отстранил стратига от командования и повелел ему вернуться в столицу.

Георгий и сам был истинным византийцем, так что он не тешил себя иллюзиями относительно уготованной ему участи. Ослепление представлялось самой мягкой царской «благодарностью» за совершенные военные подвиги. Маниаку нечего было терять. Он поднял мятеж и, переправившись с войском на Балканский полуостров, развернул наступление на Константинополь. Овладеть столицей ему помешала нелепая случайность. Близ Фессалоники он вступил в сражение с правительственной армией и уже почти одолел противника, но был тяжело ранен меткой стрелой врага. Выпавшему из седла Маниаку отрубили голову, а его солдаты, оставшиеся без командира, рассеялись.

Константин Мономах сохранил корону василевса, но защищать его итальянские

¹В скандинавских сагах реальные события в византийской столице причудливо преобразились. Норвежские скальды с гордостью рассказывали, что именно их знаменитый земляк Гаральд Гардрада перед тем как вернуться из Миклегарда (т.е. города Михаила — так они называли Константинополь) ослепил императора.

владения теперь оказалось некому. К 1045 г. в руках ромеев оставалась буквально горстка приморских городов: Отранто, Бари, Бриндизи и Тарент. Однако даже теперь, история византийской Италии еще не закончилась.

Дело в том, что в рядах мятежников произошел раскол. Один из их вождей — Аргир перешел на сторону ромеев. Среди норманнов также не было единства. Некоторые отряды вступили в ряды византийского войска, другие избрали своим предводителем Вильгельма Железная рука и продолжали борьбу. Дальше всех пошел князь Салерно Гвемар. Он разорвал вассальные отношения с империей и провозгласил себя герцогом Апулии и Калабрии, открыто заявив претензии на управление всеми византийскими владениями на юге Италии. Стремясь привлечь в свое войско великолепных норманнских бойцов, Гвемар щедро раздавал их предводителям земли, замки и города. Вильгельм Железная рука признал себя его вассалом и получил титул графа Апулии. Именно его конные рыцари составили основную ударную силу армии Гвемара.

В дальнейшем борьба шла с переменным успехом. Новообретенный ромейский наместник Аргир сумел отстоять от норманнов Тарент. Провалом закончилась и их попытка захватить Бари. После этих неудач вожди некоторых норманнских дружин обратили оружие против Гвемара и отняли у него большую часть владений. Но их действия не оказали решающего влияния на

ход борьбы. На рубеже 1045—1046 закончил свою беспокойную жизнь Вильгельм Железная рука. Его брат и преемник Дрогон погиб от руки убийцы прямо в церкви (норманны были уверены, что здесь не обошлось без коварства греков). Его сменил младший брат Гумфрид, но в стане норманнов начались усобицы. Их новое объединение и военные успехи в ближайшем будущем связаны с именами совсем других людей.

1045—1071 гг.

Как раз в середине 40-х годов XI столетия снова возросла эмиграция из Нормандии в Южную Италию. Сейчас сложно сказать, что послужило причиной дальних путешествий пришельцев с севера. Возможно, их друзья и родственники, подрастерявшие свои дружины в бесконечных войнах с греками, лангобардами, да и просто между собой, приглашали знакомых рыцарей, чтобы, добившись военного перевеса, с новыми силами возобновить борьбу. Не исключено также, что и в самой Нормандии к этому времени внутривластительская обстановка тоже изменилась. В 1035 г. герцогом стал Вильгельм. Он жестко начал приводить к покорности вассалов, так что разбойничья вольница для них довольно скоро закончилась, а до завоевания Англии, где можно было вволю расслабиться за счет местного населения, оставалось еще более тридцати лет. В общем, скоро разудалой жизни рыцарей пришел конец. Вряд ли все

Флот норманнов

эти знатные мессеры знали, насколько далеко Неаполь отстоит от Рима, а названия других городов оставались чисто абстрактными понятиями. Зато они не сомневались, что в тех далеких краях можно добыть новую ратную славу, сражаясь против неверных сарацин и схизматиков греков. А еще там по мощеным камнем (!) дорогам постоянно путешествуют богатые купцы, которые долгие годы копят богатства, чтобы когда-нибудь ими с помощью честного меча овладели доблестные воины. Добавим сюда ярко-синее теплое море, залитые солнцем луга, где так удобно пасти лошадей, и сказочную ягоду виноград, из которой получается вино. Ясно, что на таком фоне сумрачная и довольно бедная Нормандия, с ее туманами и сырыми зимами, сильно проигрывает. Нужно немедленно собираться (благо у настоящего рыцаря кроме оружия и боевого коня, и пожитков-то нет никаких) и отправляться в дальний путь на юг.

Именно в это время в Италии появился человек, одно имя которого (не говоря уже о делах) будет наводить ужас на ромеев. Роберт Гвискар — старший сын Танкреда д'Отвиля от второго брака. Сохранившиеся описания рисуют его внешность чрезвычайно привлекательно. Высокого роста («выше всех в армии»), прекрасно сложенный, с белокурыми волосами, сверкающими глазами и румянцем на щеках. В то же время он был грозен в бою. Громоподобный голос Роберта перекрывал шум битвы, внушая повиновение подчи-

ненным и страх врагам. Умелый воин, он одинаково ловко владел мечом и копьем. Вместе с тем, этот герой с безграничным честолюбием не стеснялся в выборе средств для достижения поставленных целей. Личность абсолютно беспринципная, настоящий бандит.

Под стать предводителю были и ратные люди его дружины. Прежде чем вселиться в захваченные (или пожалованные устрашенными союзниками) замки и города, они, как дикие звери, обитали в пещерах, откуда, подобно хищникам, выходили за добычей. Трудно представить, что всего через несколько лет Папа Римский будет называть Роберта «нашим великолепным сыном» и дарует ему герцогский титул.

О Гвискаре рассказывали страшные вещи. Например, будто однажды к стенам сильно укрепленного монастыря подошла процессия необычно смиренных норманнов. И неудивительно — они несли гроб с телом своего предводителя и, как набожные христиане, хотели отпеть его в церкви. Никому и в голову не могло придти, что за подобным благочестивым желанием может скрываться кощунство. Как только ворота распахнулись, набожные просители превратились в свирепых разбойников. Тут же ожил и «покойник». Его подельники расхватили спрятанное в гробу оружие и споро перебили монахов. Обитель подверглась тотальному разгрому, а норманны еще долго со смехом вспоминали, как ловко они провели глупых святош.

Не лучше Гвискар относился и к грекам. Пригласив на переговоры ромейского правителя городка Бизиньяно, он дружески обнял его. Воистину, это были удушающие объятия. Норманн сбросил своего гостя с коня и объявил пленником. Остальных греков воины Роберта обратили в бегство. Византийского наместника они позднее освободили за большой выкуп. Словом, недаром Гвискар означает «Коварный».

Роберт Гвискар (ок. 1015–1085 гг.).

Статуя из музея в Нормандии. Безумно храбрый и неразборчивый при выборе средств в достижении поставленных целей, этот человек заложил основу могущества норманнов в Южной Италии и в течение долгого времени являлся одним из наиболее опасных врагов Византии

Не брезговал он и откровенным разбоем на дорогах, захватывая оружие и коней у проезжающих путешественников и пополняя казну за счет состоятельных горожан и купцов, которых он брал в плен и вымогал затем деньги за их освобождение¹. Часто по его приказу пленников жестоко пытали, чтобы выведать, где они прячут сбережения. Впрочем, дела такого рода наш герой рассматривал не как воинские подвиги. Скорее, он относился к ним, как к коммерческим предприятиям. Таким образом будущий правитель Южной Италии зарабатывал на жизнь.

Поступив на службу к князю Капуи Пандульф, Роберт вскоре рассорился с сюзереном. Зато от обосновавшегося раньше в Италии родного брата Гумфрида он получил в ленное владение небольшой замок, откуда и совершал в дальнейшем свои налеты.

Неудивительно, что у человека с такой репутацией не могло быть союзников. Норманнские графы являлись вассалами лангобардских правителей, но потом, почувствовав силу, отобрали у них многие владения. При этом Аверса и Мельфи превратились в настоящие склады награбленной добычи.

Ромеи вообще не отводили места на южно-итальянских землях наглым пришельцам, считая все эти территории давними владениями империи. Норманны платили грекам столь же сильной ненавистью, да еще, пожалуй, презрением, так как не верили в способность византийцев сражаться. Даже Папа Римский Лев IX, недавно прибывший в Вечный город из Германии, был ошеломлен количеством жалоб на норманнов, которые непрерывным потоком шли с юга Италии от клириков и светских лиц.

По зрелому размышлению, Папа пришел к выводу о необходимости ликвидации опасного осинового гнезда. Римский первосвященник даже был готов пойти на союз с греками. В связи с этим, он обратился с тревожным посланием к василевсу Константину IX Мономаху, в котором обосновывал свои намерения. И вот что там говорилось:

«Рассматривая неповиновение норманнской нации, ее злость и их нечестивость более чем у язычников, я решил освободить Италию от тирании этих пришельцев. В ярости норманны ничего не

уважают, они режут христиан, подвергают их самым страшным пыткам. Бесчувственные к гуманизму, они не щадят ни возраст, ни пол, грабят святыни церкви, поджигают и разрушают их. Все становится добычей их алчности. Много раз я упрекал их за порочность, я их предупреждал, умолял, надоедал своими просьбами, грозил мстью Бога; но, как говорят мудрые, кого покинул Бог, тот всегда остается скверным и глупость не исправляется с помощью слов. Поскольку это необходимо, я решил начать войну против этих иностранцев, ставших ненавистными всем, войну священную и законную, ибо я ее предприму только для защиты населения и церкви».

Страшный суд. Фрагмент мозаики из храма в Торчелло, Сицилия

Ответа из Константинополя Лев IX так и не получил. Тогда он задумал заключить союз с греками на местном уровне, обратившись к византийскому наместнику в Италии.

Вообще-то катепан Аргир имел инструкции, богатыми дарами (проще говоря, подкупом) привлечь норманнов для борьбы с арабами, но шайки Гвискара и ему подобных причиняли владениям империи настолько большой урон, что Аргир вознамерился объединить усилия с Папой, чтобы навсегда избавиться от опасности, исходившей от этих разбойников.

Дело оставалось за малым: вооруженной силой принудить пришельцев к соблюдению правил и норм «человеческого общежития». Но как раз тут безупречные в логическом отношении умозаключения опытных политиков доказали полную несостоятельность

¹Даже Рожер Великий граф Сицилии, о котором речь пойдет ниже, «считая бедность неприятной», в молодости жил исключительно грабежами.

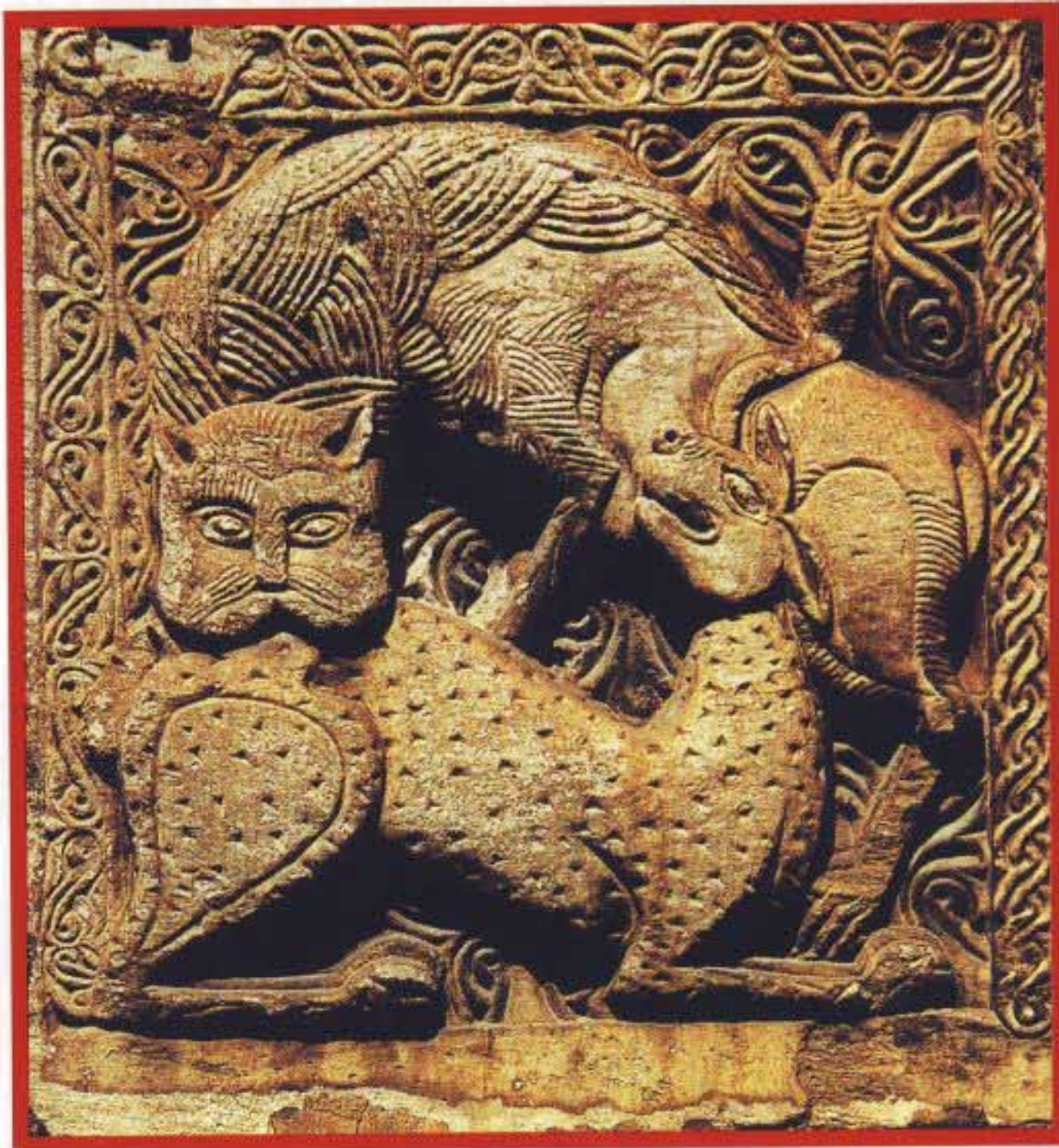
в столкновении с беспредельной решимостью норманнов отстоять для себя место под солнцем.

Каким-то звериным чутьем их вожди выбрали наиболее верную тактику борьбы. Гумфрид Апулийский, его брат Роберт Гвискар и граф Аверсы Ричард по прозвищу «Волк»¹ объединили свои силы, зато неприятеля они решили разбить по частям. Одержав победу над греками в Северной Апулии, норманны двинулись навстречу наемному войску, набранному Папой.

Встреча противников состоялась 18 июня 1053 г. на берегу реки Форторе близ Чивитате, к западу от горы Гаргано в Апулии. Войско Льва IX выглядело довольно разношерстно. Его составляли отдельные итальянские и немецкие отряды. Едва началась битва, как таранный удар конницы графа Ричарда на правом фланге опрокинул итальянцев и лангобардов. Как нож сквозь масло, прошел он через этот сброд, обратив в паническое бегство. В центре бой с обеих сторон сначала вели лучники. Затем Гумфрид двинулся в атаку и почти сразу увяз в упорной схватке со швабскими наемниками Папы, сражавшимися длинными двуручными мечами. Тогда на помощь брату пришел Гвискар, возглавлявший левый фланг норманнов. «Копье его гибель несло, и падали головы в сече», — оставил поэтический образ хронист. Тем не менее, выстроив сплошную стену щитов, немцы отразили несколько атак. Роберт Гвискар трижды был выбит из седла, но снова и снова неутомимо бросался в бой.

Неизвестно, как бы могли развернуться события, но положение спас Ричард Волк. Он не позволил своим воинам втянуться в преследование откатывающихся итальянцев, а перенацелил их против немцев. Вот тут-то и произошла катастрофа. Швабов окружили и перебили почти всех. Папа с трудом укрылся за стенами Чивитате, но здесь его положение сделалось безнадёжным. Ждать помощи было неоткуда. Лев IX направил к норманнам парламентеров и, очевидно оговорив какие-то условия, сдался на милость победителей.

А дальше произошло самое удивительное. Папа простил еретиков, которых ранее отлучил от церкви, а норманны, встав на колени, трепетно приняли его благословение. И все же благополучной дальнейшую судьбу наместника святого Петра не назовешь. Льва IX под конвоем отправили в Беневент, где полгода «почтительно и любезно» содержали под домашним арестом, на положении почетного пленника.

Лев, терзающий лань. Резьба по камню

Судя по всему, об этом периоде у Папы остались не самые лучшие впечатления. Получив свободу за большой выкуп, он снова писал василевсу Константину IX письма, полные грозных инвектив в адрес северных пришельцев. Оказывается, «их злодеяния хуже, чем злодейства сарацин. Они не жалеют ни женщин, насилуя их, ни стариков, предавая их мечу. Они не щадят даже детей». Заметим, что все это пишется о христианах и отражает реальные дела норманнов.

По-видимому боль, гнев, обида и, самое главное, бессилие что-либо исправить, настолько переполняли Папу, что через ме-

¹Еще одна колоритная личность. Сначала он был опекуном малолетнего наследника графа Райнульфа, Германа, но после его подозрительно скорой смерти добился того, что князь Салерно передал все права на Аверсу ему — Ричарду.

сяц он умер, на смертном одре прокляв унизивших его врагов. «Чертовы нормандцы» — такое малопочтенное прозвище сохранилось за ними в итальянских церковных источниках. Современников особенно возмущало, что эти разбойники, подобно саранче, систематически истребляли урожай. Так что голод и чума неотступно сопровождали их отряды.

Папское проклятие не произвело на Гвискара и его поделщиков никакого впечатления. Наоборот, они приступили к еще более масштабным захватам. Гвискар осадил Беневент, а в 1055 г. овладел Отранто. Кроме того, он вел боевые действия против Аверсы, Капуи и Гаэты. После смерти Гумфрида Гвискар стал опекуном его детей, но вскоре лишил их наследственного владения, инспирировав собственное провозглашение графом Апулии. И это было только начало.

Прошло не так много времени, и папский престол в Риме занял Николай II, но реально политика Ватикана на протяжении почти двадцати лет определялась кардиналом Гильдебрандом. Будущий папа Григорий VIII считал важнейшей задачей церкви подчинение светских государей власти духовной. Для этого он готов был конфликтовать с кем угодно. Унизительное стояние германского императора на коленях перед закрытыми воротами папского замка в Каноссе еще впереди, а пока предстояло развернуть непримиримую борьбу против открытых врагов католичества. Таковыми считались господствовавшие в Сицилии мусульмане и схизматики-греки. Ведь совсем недавно догматические споры с Константинопольским патриархом завершились проклятиями и скандальным разрывом межцерковных отношений.

Вполне возможно, что именно по совету Гильдебранда папа Николай II подошел к решению стоявших перед святым престолом задач во всем блеске искушенного диалектика. Он решил бороться с врагами церкви силами, как бы это выразиться, тоже не совсем ее друзей. Чтобы утвердиться в Риме, Николай обратился к норманнам за вооруженной помощью, а затем щедро вознаградил их.

В 1059 г. в Мельфи вожди норманнов принесли клятвы, признавая себя вассалами апостольской столицы, а Папа передал им все ранее завоеванные ими на юге Ита-

лии земли. Гвискар получил от Папы титул герцога Апулии и Калабрии «милостью Божьей и Святого Петра, и в будущем, с их помощью герцога Сицилии». Из этого прямо следовало, что отвоевание острова у мусульман открыто объявлялось программной целью и задачей Роберта Гвискара.

Бряд ли норманны воспринимали предстоящую миссию только как богоугодное дело. Наверняка многие из них мечтали о славных подвигах и богатой добыче. В такой ситуации благословение Папы лишь добавляло им уверенности в правоте своих действий, но, по большому счету, они вполне могли обойтись и без него.

Война началась почти сразу после заключения договора. При этом норманны разделили свои силы. Роберт Гвискар начал прибирать к рукам владения византийцев в Калабрии, а его брат Рожер предпринял

Высадка норманнов на Сицилии

экспедицию против мусульман на Сицилию.

Пока происходили эти события, на материке к концу 1059 года ромеи едва держались в Реджио. Наступившая зима ненадолго оттянула развязку. В мае следующего 1060 г. Гвискар взял Тарент и Бриндизи в Апулии. Тогда же, действуя с помощью осадных машин, норманны принудили к капитуляции Реджио. Ромеи навсегда потеряли Калабрию.

Ситуация несколько изменилась, когда из Византии в помощь местным гарнизонам

прибыли военные подкрепления. Ромеи смогли отбить у норманнов Бриндизи, Тарент, Отранто и осадили Мельфи.

Наверное, Гвискар мог бы парировать этот удар, но ему приходилось распылять силы. Ведь к этому времени у него, как и любого крупного сеньора, появились вассалы, и теперь они подняли мятеж у него в тылу. Греки всячески поддерживали раскол в лагере противника и прикармливали повстанцев тяжелым ромейским золотом. Дело дошло до того, что против Роберта выступили его собственные племянники. Все это затянуло борьбу, но в целом ее исход был предопределен.

В 1062 г. норманны вновь овладели Бриндизи. При этом командовавший византийским контингентом военачальник в ранге мерарха¹ попал в плен. Четыре года спустя имперские войска опять высадились в Бари. На этот раз основу экспедиционного корпуса составляли варяги. Эти отборные отряды выбили неприятеля из Бриндизи, но так и не смогли оказать поддержку восстанию в тылу у Гвискара. В 1068 г. он беспощадно подавил мятеж, подвергнув террору целые города, поддерживавшие бунтовщиков.

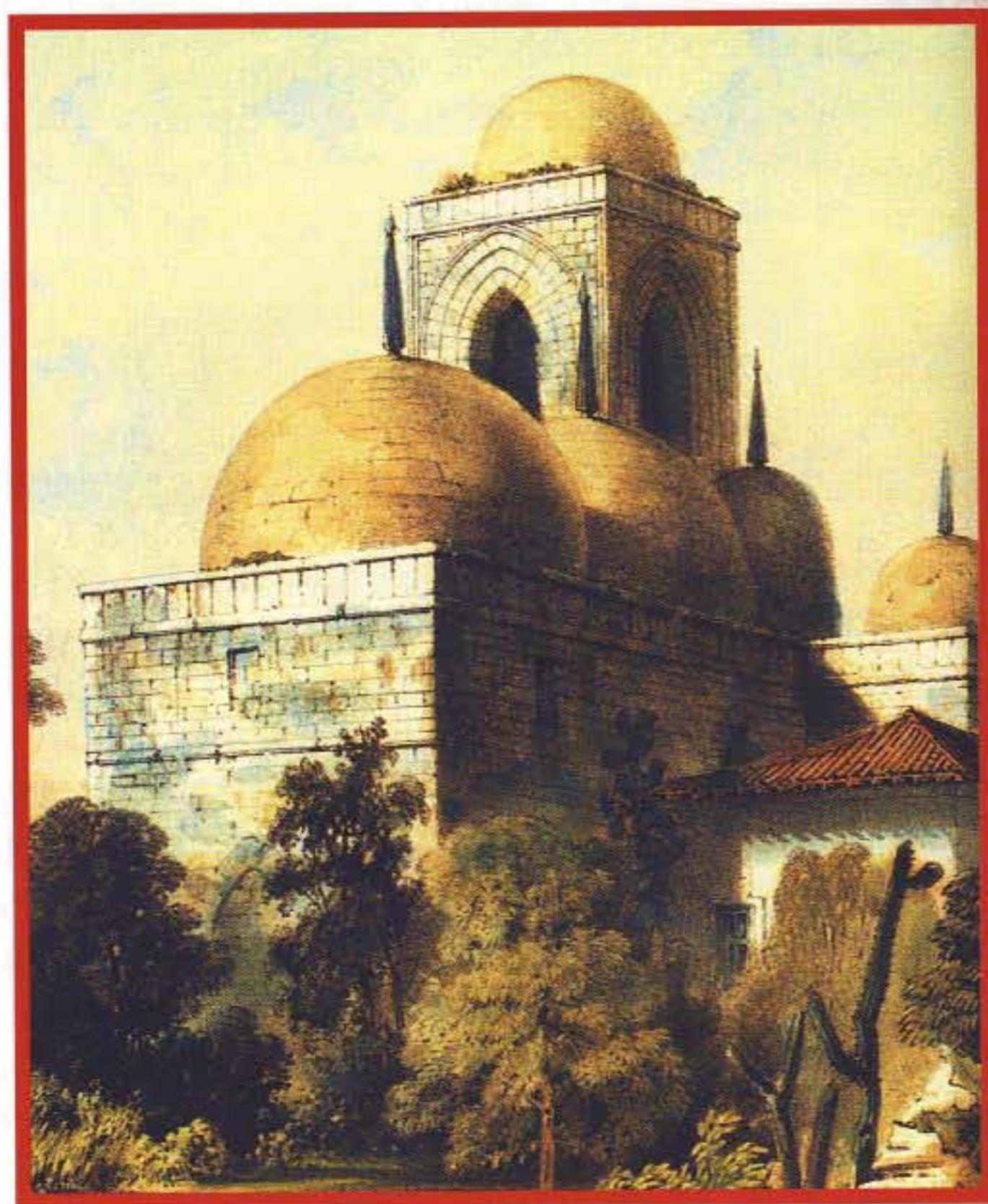
В это время в Империи началась очередная смута. После смерти василевса Константина X регентшей при его сыновьях осталась безутешная вдова Евдокия. Реальной же властью обладали искушенные в придворных интригах царедворцы, которые принялись решать, кому с наибольшей выгодой для себя следует передать трон.

Все их расчеты разбились в прах при столкновении с непредсказуемой женской логикой. Евдокия отдала свое сердце бывшему наместнику Сердики² Роману Диогену, который к этому времени находился в ссылке по обвинению в попытке государственного переворота с целью захвата власти. Роман был младше Евдокии на одиннадцать лет, красив собой и отличался храбростью перед лицом опасности. Кроме того, его кандидатуру поддерживали высшие военные круги империи. Эти аргументы оказались достаточными, чтобы Евдокия вышла замуж за Диогена и сделала из заговорщика императора.

Придворных интриганов никак не устраивал солдафон на престоле, так что они считали его гораздо более опасным врагом, чем турок-сельджуков, которые все более агрессивно действовали на восточных рубежах Византии.

В 1068 г. василевс Роман IV (1068—1071 гг.) отправился в поход против сельджуков. Эта война закончится для ромеев катастрофой при Манцикерте (1071 г.). Но и без того, империя уже давно не могла сражаться на нескольких фронтах, поэтому судьба византийских владений в Италии была предрешена.

В том же году, когда Роман Диоген переправился во главе армии в Малую Азию, Роберт Гвискар нанес грекам в Южной Италии ряд поражений и овладел несколькими важными пунктами. 5 августа норманны осадили главную опорную базу ромеев в Лонгивардии — порт Бари. Осада этой

Церковь Святого Иоанна, построенная в арабо-норманнском стиле по приказу короля Рожера II в Палермо. 1143–1148 гг.

¹Обычно в подчинении у должностного лица такого ранга находилось около 3000 чел. Исходя из этого, можно приблизительно оценить силу византийского контингента, переброшенного в Италию.

²Современная София — столица Болгарии.

крепости стала кульминационным пунктом кампании. Обе стороны понимали, что судьба города решится на море, так как без надежной морской блокады упорство гарнизона будет сломить очень тяжело.

Готовясь к экспедиции против мусульманской Сицилии, норманны уже обзавелись достаточно сильным флотом. При этом экипажи их боевых судов были набраны из местных жителей — калабрийцев.

Византийцы также предпринимали отчаянные усилия, чтобы обеспечить надежные коммуникации города с метрополией. Командовавший ромейскими силами за пределами блокадного кольца Стефан Потеран дважды смог провести свои суда в Бари, но противодействие норманнов постоянно росло. Так если в первый раз византийцы потопили два вражеских корабля и еще двум нанесли тяжелые повреждения, то позднее, для того чтобы прорваться в порт, грекам пришлось выдержать ожесточенный морской бой у Монополи. При этом они потеряли несколько транспортных судов.

В течение всего 1069 г. активные боевые действия велись и на суше. Норманны строили тяжелые осадные машины, а византийцы уничтожали их огнем. Гарнизон защищался очень стойко, и их противники все больше сомневались в конечном успехе предпринятой операции.

В начале 1070 г. Гвискар оставил у Бари небольшой заслон и перевел главные силы войска к Бриндизи, который с моря блокировала норманнская эскадра. Но и здесь византийский флот оказался сильнее. Стратиг Маврика разбил врага в морском бою, а около сотни отрубленных голов отправил в Константинополь, как доказательство одержанной победы. После этого Гвискару пришлось возвращаться к Бари.

Здесь агент греков едва не заколол его отравленным

дротиком. Военная неудача под Бриндизи и смерть, прошедшая совсем рядом, не сломили волю Роберта, но лишь озлобили его. В конце концов, врожденное упорство и железная воля позволили ему одержать победу.

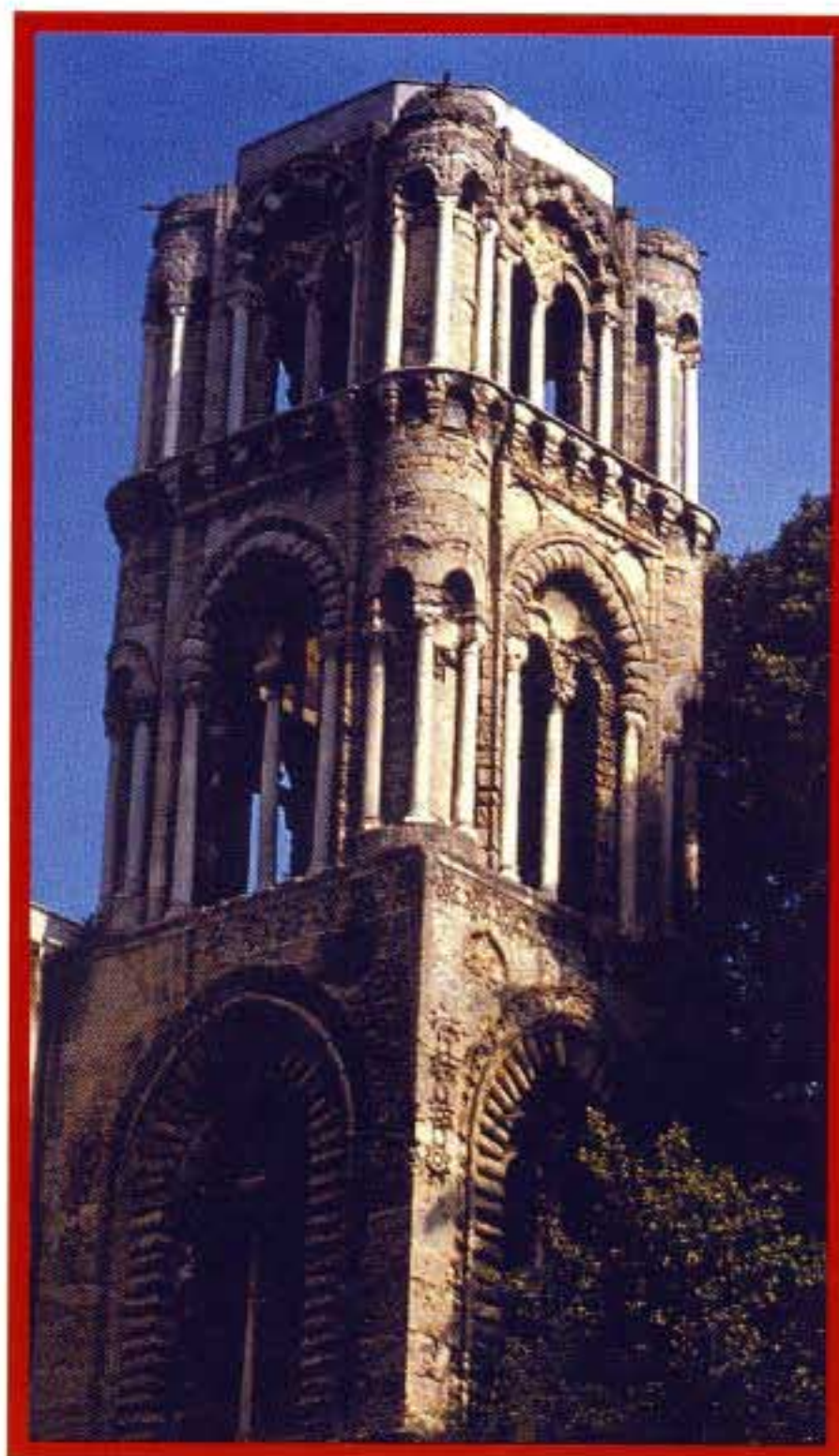
Блокада Бари с моря значительно усилилась, когда брат Роберта Рожер, возвращавшийся из похода на Сицилию, привел ему на помощь новую эскадру. Теперь византийские хеландии могли пробираться в порт только по ночам. Однако на этот раз разведка норманнов оказалась на высоте. Роберт получил надежные сведения о предстоящей попытке прорыва греческих судов в гавань и подготовился к их встрече. Конвой ромеев был перехвачен в открытом море и полностью разгромлен. Девять кораблей были потоплены, остальные бежали, так и не прорвавшись в Бари¹.

После этого дух осажденных и их решимость сражаться резко упали. Все слышнее становились голоса сторонников капитуляции. Военный комендант Бари Аргириз больше не надеялся на получение подкреплений. Стремясь предотвратить грабежи и другие неистовства противника при неизбежном

штурме города, 16 апреля 1071 г. он принял решение о прекращении обороны.

Вступив в Бари победителем, Гвискар был так доволен успехом, что проявил несвойственное ему великодушие. Граф Роберт распорядился вернуть состоятельным жителям горожанам их пригородные имения. Бари стал центром норманнских владений в Италии, а его покоритель строил новые, еще более грандиозные планы.

Однако здесь мы прервем рассказ о ратных делах Роберта Гвискара. Потому что, в то самое время, пока он воевал против греков в Апулии, его младший брат Рожер, человек «веселого и открытого нрава», вершил подвиг веры, сражаясь с мусульманами в Сицилии.

Колокольня собора Санта Мария дельи Амिरальи.
Сицилия

¹Норманны тоже понесли немалый урон. Один из их кораблей перевернулся, когда в ходе боя около 150 тяжеловооруженных воинов столпились у одного борта. Все они утонули.

Сицилианская партия. 1060–1091 гг.

Свою первую экспедицию на остров Рожер провел еще осенью 1060 г. Разграбив окрестности Мессины, норманны беспрепятственно вернулись на материк. Лишь в 1063 г. Рожер приступил к покорению центральной части острова. Правда, даже пять лет спустя, у него не хватило сил для овладения крупнейшим городом Сицилии — Палермо. После этого боевые действия затихли. За это время Рожер помог Роберту Гвискару захватить Бари. И лишь после падения последнего оплота византийцев на материковой части Италии братья объединили усилия для установления полного контроля над Сицилией.

В августе 1071 г. их эскадра из 58 отлично оснащенных кораблей прибыла в порт Катании, а высадившееся на берег войско двинулось на Палермо. Рожер шел сухопутным путем, а Роберт вел флот вдоль берега.

Применяя тактику, уже оправдавшую себя при осаде Бари, норманны надежно блокировали Палермо с суши и с моря, и скоро голод начал подтачивать силы осажденных. Вместе с тем, воинственные братья не считали возможным пассивно ждать капитуляции противника. Добыть победу в бою,

что может быть славнее для настоящего рыцаря. Поэтому 5 января 1072 г. они повели воинов на приступ.

В ходе отчаянного штурма Рожер ворвался в верхнюю часть Палермо. Его воины вели на улицах рукопашные бои и неуклонно продвигались к центру города. В то же время, воспользовавшись отвлечением главных сил противника, отряд Роберта Гвискара практически беспрепятственно проник за прибрежные крепостные укрепления и вышел сарацинам в тыл. Немногим мусульманам удалось укрыться в цитадели, где 10 января они и капитулировали.

Для окончательного покорения острова (ведь значительная его часть еще принадлежала мусульманам) норманнам требовались силы и время. Роберт Гвискар вернулся на континент (его вассалы подняли новый мятеж), а Рожеру, ставшему первым графом Сицилии, пришлось проявить максимум смекалки и настойчивости, чтобы довести до конца столь смелое предприятие.

За этот период города и крепости неоднократно переходили из рук в руки. Число погибших и искалеченных людей неуклонно росло, а Сицилия, и так уже ранее тяжело пострадавшая во время арабо-византийских войн, дошла до крайних пределов опустошения.

Вступление норманнов в Палермо

Кроме того, Рожеру приходилось помогать брату в Италии, а эмир Сиракуз Ибн-аль-Верд (в европейских источниках — *Бенарвет*), пользуясь ослаблением сил христиан, переправлялся через Мессинский пролив и наносил удары в Калабрии. Однажды, разорив монастырь в Реджио, он, в качестве особо ценного трофея, отправил в свой гарем несколько монахинь¹.

Роберт Гвискар и Великий граф Рожер.
Гравюра XIX века

Только в 1085 г., построив новый флот, Рожер предпринял комбинированное наступление на Сиракузы с суши и с моря. Осада длилась несколько месяцев, пока в октябре город не перешел в руки норманнов. Два года спустя им сдалась важнейшая горная крепость Кастроджованни. В 1090 г. флот норманнов занял Мальту, а в феврале следующего, 1091 г. Великому графу² Рожеру окончательно покорилась вся Сицилия.

Впереди у норманнских дружин лежали еще более славные походы. Кто же одер-

живал все эти громкие победы? Пришло время подробнее рассказать о витязях, наводивших ужас на половину Европы.

Норманнский воин

К счастью, сохранившиеся источники позволяют восстановить его облик. Главный из них — знаменитый «Ковер из Байе», посвященный герцогу Вильгельму Завоевателю и его походу в Англию. Созданное по горячим следам событий, это масштабное историческое полотно довольно точно передает оружие и снаряжение, применявшиеся норманнами на войне. Большинство ученых сходятся во мнении, что во время создания ковра (70-е годы XI столетия) вооружение норманнов на севере и на юге Европы различалось не слишком сильно. Таким образом, сведения данного материального памятника можно экстраполировать и на войско неугомонных потомков Танкреда д'Отвиля, обособившихся в Южной Италии.

Итак:

Защитным головным убором норманнов являлся конический стальной **шлем**. Встречались шлемы, как выкованные из одного куска металла, так и составные, склепанные из нескольких частей. Дополнительную защиту его владельцу давал накладной наносник. Возможно, что при этом использовался также кожаный или кольчужный подшлемник.

Основную защиту воину в бою обеспечивала **кольчуга**. Изготовление такого доспеха было довольно трудоемким делом. Собранный из стальных колец, кольчуга весила примерно 10-15 кг. Чтобы облегчить нагрузку на плечи и спину воина поверх кольчуги дополнительно носились поясные ремни, которые имеются на изображениях той эпохи. На этих же рисунках видно, что рукава такой «стальной рубахи» доходят до локтей (иногда до запястий), а общая длина кольчуги достигает колен воина. Кроме того, обращают на себя внимание любопытные конструктивные особенности кольчуги. Во-первых, это небольшое отверстие

¹Учитывая популярный характер данной книги, мы благоразумно умолчим о еще более смелых религиозно-эротических экспериментах, практиковавшихся мусульманскими владыками в ходе войн против христиан в этом регионе.

²Это его официальный титул, чтобы отличаться от прочих, «обыкновенных» графов.

слева на уровне пояса, через которое меч помещался в ножны. Во-вторых, в верхней части груди предусматривался небольшой прямоугольный клапан. Он обладал некоторой подвижностью и в бою мог приподниматься вверх, чтобы защищать шею и нижнюю часть лица. Кольчуга всегда была дорогим видом вооружения. После боя эти доспехи обязательно снимали с погибших, как весьма ценные трофеи.

вым же таранным ударом **копий**, который наносился монолитным строем всадников. Копья (с железными наконечниками на дубовых или ясеневых древках) применялись не только для нанесения колющих ударов, но и для метания.

Лук не считался рыцарским оружием. Лучники были вспомогательным видом войск. Тем не менее, военная практика выявила высокую эффективность их применения.

Норманнские воины переносят боевые кольчуги. Ковер из Байе, фрагмент. XI в.

Кроме кольчужных, применялись и стеганые защитные одеяния. Они могли носиться и одновременно (стеганые под стальными). В ходе боевого противостояния Византийской империи и норманнов в бассейне Средиземного моря, последние переняли у ромеев некоторые образцы греческого защитного вооружения. К таковым относятся использовавшиеся византийцами доспехи, составленные из соединенных между собой металлических пластин.

Дополнительную защиту норманнам давал **щит**, как правило, характерной каплевидной формы. Он изготавливался из дерева и обтягивался тканью или кожей.

Главным наступательным оружием норманнов для ближнего боя являлись **меч** и, в меньшей степени, **булава** и **топор**. Вместе с тем, часто исход схватки решался пер-

Прошло не так много времени, и ромеи на себе ощутили сколь грозным оружием являются появившиеся у норманнов к концу XI века арбалеты (*цангры* византийских источников).

Мощную ударную силу войска норманнов составляла кавалерия. Большинство их военных триумфов — победы конницы над пехотой. Типичный норманнский воин — это тяжеловооруженный всадник. При этом сама конструкция седла, а также наличие стремян позволяли шеренгам кавалеристов наносить сокрушающие удары копьями и мечами и уверенно чувствовать себя в поединках в ходе ближнего боя.

Пехота представляла второстепенный род войск. В нее набирали по найму жителей подвластных норманнам территорий (калабрийцев, апулийцев и т.д.). Во время

военных действий под знамена Роберта Гвискара и его преемников вставали ополчения, формируемые их союзниками из южно-итальянских городов. После завоевания Сицилии, с ее полиэтническим населением, в армии норманнских королей служили многие мусульмане.

В бою пехотинцы прикрывали рыцарскую кавалерию с флангов. Важна была роль пехоты и во время осад крепостей.

Географическое положение владений норманнов, зажатых на юге Апеннинского полуострова, придавало особое значение в реализации их стратегических планов военному флоту. Без него были бы просто невозможны ведение боевых действий в Сицилии, такая смелая операция, как завоевание Мальты и заморские походы на Балканский полуостров. В XI веке флот норманнов мог считаться сильнейшим в Европе и во всем Средиземноморском бассейне.

Необходимость удерживать обширные захваченные территории относительно небольшими силами заставляла норманнов уделять внимание искусству фортификации. Они размещали гарнизоны в уже существовавших замках и строили новые. С другой стороны, норманны умели осаждать и брать (штурмом или измором) вражеские крепости.

Важную роль в достижении побед, одержанных норманнами, играли их предводители: талантливые, храбрые, волевые и беспощадные. О моральных качествах многих из них мы уже говорили выше.

Чтобы нацелить воинов на достижение успеха, полководцы придавали большое значение идеологической обработке войск. В описываемую эпоху ее главным инструментом являлась религия.

Норманны шли в бой, распевая христианские гимны. Католические летописцы смело декларировали, что все победы Роберту Гвискару гарантировал лично Иисус Христос. Кроме того, он находился под особым покровительством девы Марии. А в поход против византийцев на Диррахий Гвискар взял с собой «руку святого Матфея».

Норманнские воины из Южной Италии, Вторая половина XII в.

Главное оружие знатного норманнского рыцаря — его длинный прямой меч, носимый в ножнах на поясной портуpee. От вражеских ударов его укрывает шлем с лицевой маской-личиной, щит, близкой к каплевидной, формы и кольчуга. Ноги рыцаря также прикрыты кольчужными чулками, а обувь еще дополнительными чешуйчатыми стальными накладками.

Воин-арбалетчик вооружен более коротким мечом, Зато его голова и плечи гораздо надежнее защищены подшлемником с оплечьем, изготовленными из стали, а не из кожи.

Иллюстрация
Е. Ю. Емельянова.
© В. Н. Шиканов

*Емельянов Евгений
2006 год*

Впрочем, как уже отмечалось, в войске норманнов были отряды, целиком состоявшие из мусульман. Прагматичный Роберт Гвискар запрещал проповедовать среди них христианство.

Современному человеку, а возможно и людям Средневековья, кажется диким и кощунственным покровительство высших небесных сил разбойным хищникам, каковыми по сути и являлись норманны. Ведь недаром Папа Римский отлучал их вождей от церкви. Однако норманны шли от победы к победе, а победителей, как известно, не судят.

Ну а теперь, пожалуй, самое время продолжить рассказ о ходе военного противостояния норманнов и Византии.

1081—1085 гг.

Победы Роберта Гвискара, лишившего в 70-х годах Византию ее южно-итальянских владений, заставили империю считаться с агрессивным соседом. Как не раз бывало, Константинополь, не сумев справиться с грубым варваром на поле боя, решил купить его лояльность изощренной лаской. Тем более, что в Ромейской державе продолжалась ожесточенная борьба за власть, и такой воинственный союзник мог пригодиться многочисленным претендентам на трон василевсов.

Непрочно державшийся на престоле из-за постоянных военных мятежей в провинциях царь Михаил VII Дука (1071—1078 гг.) сосватал своему сыну и наследнику Константину дочь Гвискара Елену. Увы, предполагаемый брачный союз не помог императору. В конце марта 1078 г. группа высших должностных лиц государства свергла Михаила с престола. Даже не пытаясь оказать сопротивление, он принял монашеский постриг. Новым автократом был провозглашен старый полководец Никифор Вотаниат (1078—1081 гг.). Никакими достижениями его царствование не отмечено, три года спустя его постигла судьба предшественника.

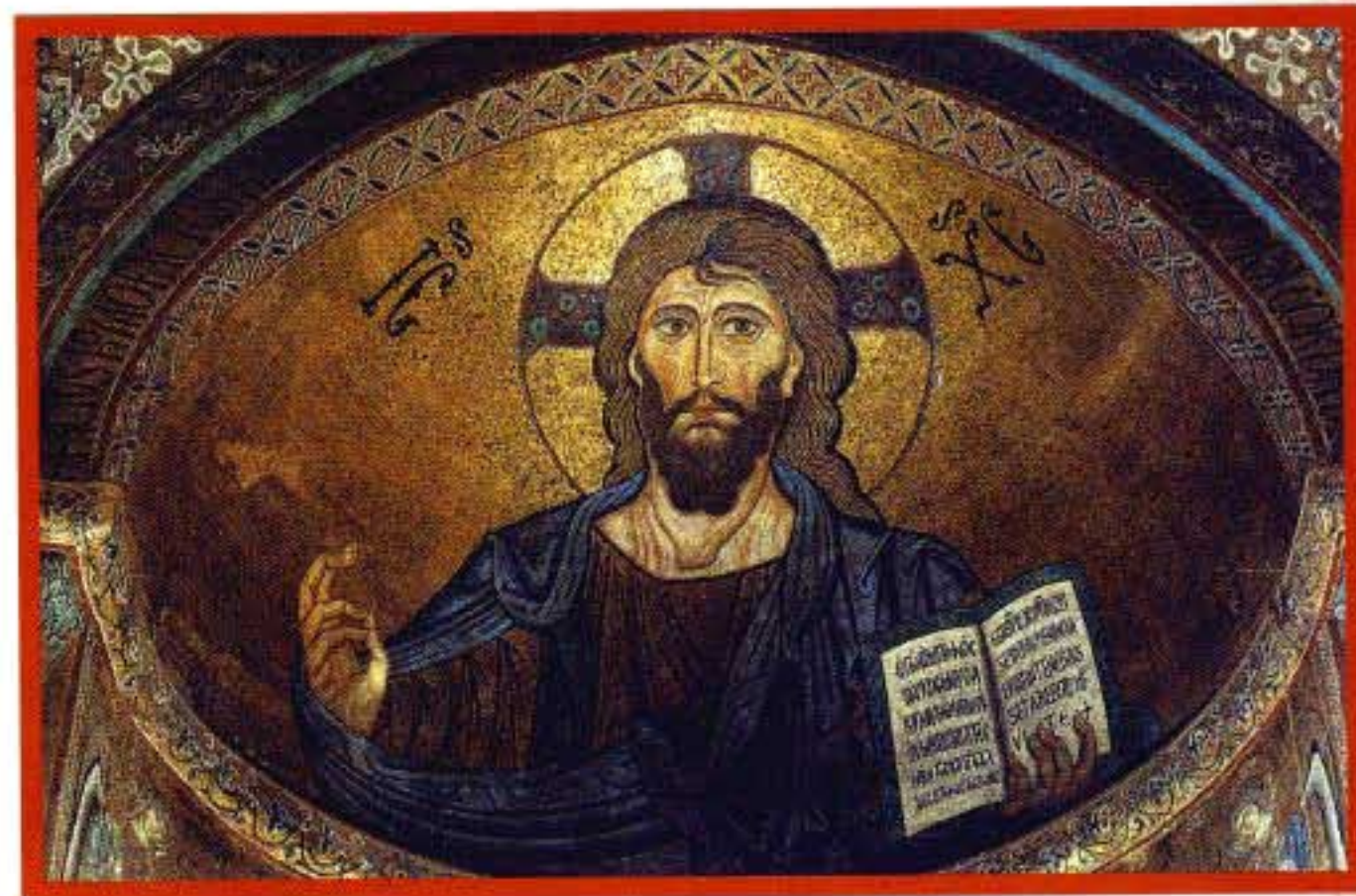
Военный мятеж лишил Никифора трона. На престол взошел волевой Алексей I Комнин (1081—1118 гг.), основавший новую династию. Но больше всех от смуты в Византии выиграл именно Роберт Гвискар.

Еще летом 1080 г. при дворе герцога Апулии появился некий грек, который во

всеуслышание заявлял, что является свергнутым императором Михаилом, бежавшим из монастыря. При других обстоятельствах судьба самозванца мало кого могла заинтересовать, но Гвискар решил воспользоваться поводом для защиты почти что «родственника», чтобы расширить свои владения на материке. Ведь после того как «сват» Михаил будет восстановлен на престоле, а Елена, наконец, станет женой его наследника, не откажется же император в благодарность за оказанную помощь передать парочку провинций своему другу и избавителю.

Поддержал предстоящую авантюру и папа Григорий VII. По его мнению, если свергнутый Михаил Дука был сыном ранее царствовавшего законного императора Константина X, то ни Никифор, ни Алексей вообще не имели на трон никаких прав. На Западе их считали узурпаторами. Кроме того, понтифика, по-прежнему, волновало, что «Восточная церковь отпала от веры и со всех сторон одолевается неверными».

Вот почему Папа официально разрешил «верным сынам Церкви» идти на помощь лже-Михаилу под знаменами герцога Роберта. Окрыленный благословением наместника святого Петра, Гвискар начал деятельно готовиться к военной экспедиции против империи. Герцога не остановило даже то, что его дочь, просватанная в Византию, оказалась у греков на положении заложницы. Еще меньшее значение для Роберта имело сообщение от собственного посла в Константинополе, который видел живого Михаила Дуку в Студийском монастыре. 1 мая 1081 г. флот Гвискара из 150 судов вышел из гавани Бриндизи и, сохраняя

Христос Пантократор. Мозаика в абсиде собора в Чефалу, Сицилия

строй, взял курс на восток. На каждом судне помещалось более ста человек в полном вооружении, лошади и различного рода припасы. Кроме того, зная о губительном действии «греческого огня», Роберт распорядился соорудить на судах башни, обшитые кожей. Он полагал, что если их поливать водой, то в бою противник не сможет поджечь корабли. Главную ударную мощь экспедиции составляли 1300 норманнских воинов. Еще 15000 человек составили союзные и наемные отряды, сформированные из жителей Южной Италии. Во время стокилометрового перехода флотилия жестоко пострадала от внезапно налетевшей бури. Некоторые корабли погибли вместе с находившимся на них десантом, но и уцелевшие представляли грозную боевую силу.

Во время этого похода начиналась военная слава сына Роберта Гвискара и будущего непримиримого врага Византии — Боэмунда Тарентского. Его пятнадцать боевых кораблей, шедших в авангарде эскадры, заняли три города на Эпирском побережье Адриатики и обеспечили успешную высадку всей армии Роберта. Закрепившись на берегу, Гвискар двинулся к Корфу и овладел этим важным опорным пунктом, представлявшим естественную неприступную крепость под боком у Византии. Следующей целью норманнов стал порт Диррахий, откуда древняя (еще римская) дорога Via Egnatia вела прямо в Константинополь.

У стен этого города военное счастье на некоторое время отвернулось от Роберта. Осенью на помощь ромеям прибыли 59 кораблей союзной венецианской эскадры¹. Связав свои суда канатами, они превратили их в плавучую морскую крепость. Боэмунд пытался атаковать, но потерпел тяжелое поражение. Его корабль был потоплен, а остальные обратились в бегство.

Неудача на море заставила Гвискара снять морскую блокаду с Диррахия. А венецианцы прервали его сообщения с Италией, лишив возможности перебрасывать подкрепления и подвозить припасы. Зимой в армии норманнов начался настоящий голод, так что погибло много людей и лошадей, но сухопутная осада все равно продолжалась.

Ромейский гарнизон крепости во главе со стратигом Георгием Палеологом упорно оборонялся. Византийцы сумели провести несколько успешных вылазок и нанесли противнику ощутимый урон. В ходе одной из них смелый комендант крепости был опасно ранен стрелой в голову, но его воины сожгли и разрушили тяжкими молотами огромную осадную башню норманнов — гелеполу.

Главный неф кафедрального собора в Монреале, Сицилия

Как знать, возможно, неспешная византийская тактика вынудила бы импульсивных норманнов отказаться от наступательных планов. Уж очень не хотелось Роберту затягивать кампанию. Но на его счастье греками командовал не какой-нибудь евнух, или руководитель почтового ведомства, а столь же профессиональный военный. Василевс Алексей Комнин считал своей кровной обязанностью с мечом в руке защищать вверенное ему Богом царство от агрессии варваров.

В октябре 1081 г. автократор привел к Диррахию 70-тысячную армию. В ее рядах находились гвардейцы эскувиты, вестияриты, франкские наемники, «манихеи» (очевидно переселенцы из Малой Азии), стратиоты из Македонии и Фессалии, а также расселенные ранее в империи пленные венгры и турки. Вот только меч василевса оказался совсем не таким острым, как у его беспощадного противника. Георгий

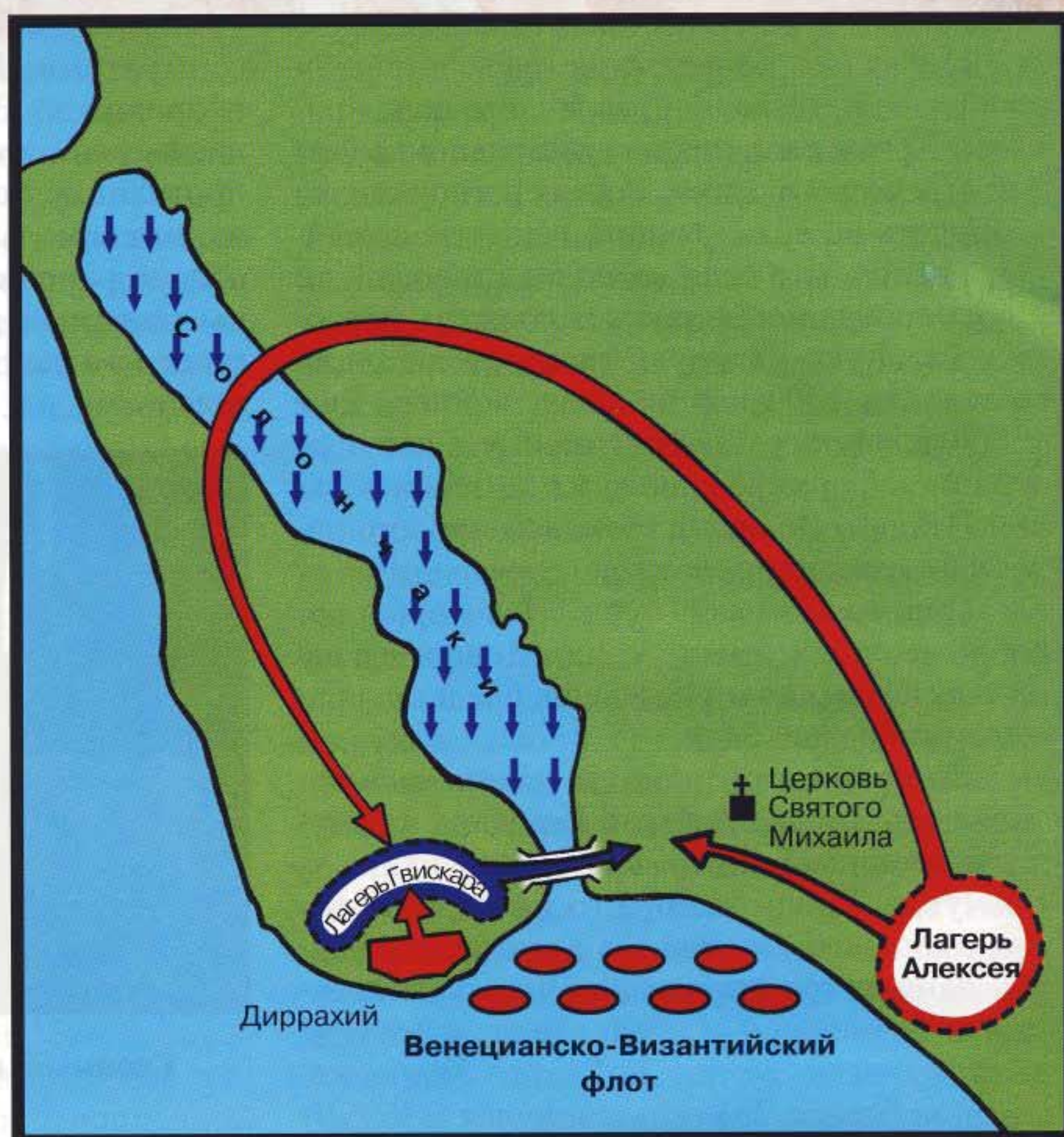
¹Венецианцы выступили на стороне Византии, так как опасались, что установив контроль над обоими берегами Адриатики, норманны парализуют морскую торговлю Венеции — главный источник ее благосостояния и могущества.

Палеолог отговаривал Алексея вступать в решающее сражение, но царь ничего не хотел слушать. Поддержали его и молодые аристократы, состоявшие при ставке. Правда, император все-таки направил послов в неприятельский лагерь, но Гвискар выдвинул неприемлемые условия для прекращения военных действий (он, по-прежнему, отстаивал права лже-Михаила). В результате василевс поступил по-своему, и 18 октября 1081 г. империя получила сильнейший удар, от которого долго не могла оправиться.

Накануне сражения Роберт провел военный совет. Все его участники предоставили герцогу полномочия верховного главнокомандующего. Тогда Гвискар, желая подчеркнуть решающий характер предстоящего сражения, приказал сжечь еще оставшиеся у норманнов суда. Теперь воинам предстояло одержать победу или погибнуть.

По признанию дочери императора Алексея, принцессы Анны Комниной, вид и строй норманнского войска вызывали страх. Возможно поэтому, василевс решил прибегнуть к хитрости. Сначала ромеи расположились в боевом порядке на окружающих Диррахий холмах (автор «Деяний Роберта Гвискара» Вильгельм Апулийский писал, что греки «горы и доли собою покрыли как саранча»). Затем Алексей предпринял сложный маневр по окружению противника.

Направив один из отрядов в обход левого фланга норманнов, император решил атаковать врага отборной дружиной варягов¹ с фронта. В то же время осажденный

Сражение при Диррахии 18 октября 1081 г.

гарнизон Диррахия должен был нанести удар в тыл неприятелю. Таким образом, опасность угрожала Роберту со всех сторон, и он стянул все силы в единый кулак.

Сначала план ромеев осуществлялся довольно успешно. Обходная колонна, составленная из союзных войск, преодолела солончаки и одновременно с вылазкой гарнизона Георгия Палеолога напала на стан «кельтов». Не встретив особого сопротивления (Гвискар заранее вывел из лагеря войска), ромеи занялись грабежами, так что эта часть их армии выбыла из дальнейшего участия в сражении.

В это время Роберт приказал своему вассалу графу Амиго из Джовинацо в конном

¹В то время основу Варяжской гвардии составляли англо-саксы, покинувшие Родину после норманнского завоевания острова в 1066 г. Стоит ли говорить, что они люто ненавидели Роберта и его воинство. С другой стороны, говоря об этих отборных воинах византийского императора, принцесса Анна все равно называет их «варварами».

Емельянов Е. 2006

строю атаковать неприятельскую фалангу, наступавшую с фронта. Из этого ничего не вышло. Итальянцы были обстреляны следовавшими за варягами лучниками, а затем разбились о монолитный строй Варанги. Здесь роизошел редкий случай: рубившиеся огромными секирами пешие «царские варяги» опрокинули конницу.

Оказанный гвардейцами отпор оказался настолько болезненным, что отряды графа Амико откатились до самого моря и, зайдя в воду по шею, просили венецианских и ромейских матросов забрать их на корабли. В спасении им было отказано. А дальше положение дел изменила женщина, поскольку, согласно источникам, в походе Роберта сопровождала его жена Гаита.

Увидев беглецов, она бросилась им наперерез с копьем в руках. Оглушительным голосом (и, видимо, в сильных выражениях) пристыдив паникеров, она сумела вернуть их в бой.

Справедливости ради, следует сказать, что к этому времени ситуация, на самом деле, изменилась. Хотя совсем по другой причине.

Дело в том, что царским варягам, преследовавшим откатывавшихся врагов, пришлось продвигаться настолько быстро, что они оторвались от главных сил ромейского войска и выдохлись под тяжестью облекавших их тяжелых стальных доспехов. Вот тут и наступила расплата.

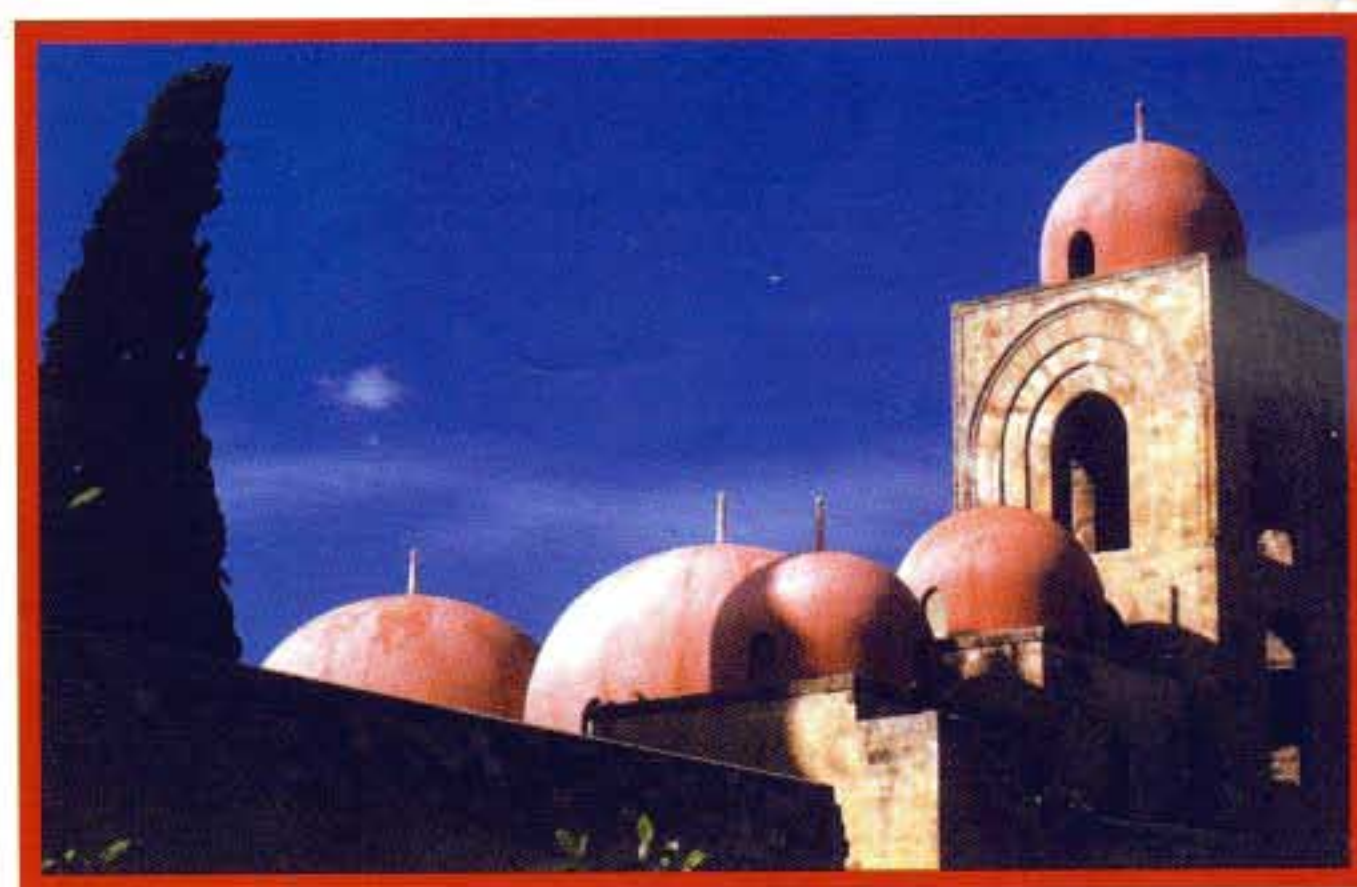
Верно определив момент, Роберт бросил в контратаку свежий отряд из 800 отборных кавалеристов. Противостоять их натиску оказалось выше сил человеческих. Большинство варягов погибло на месте. Их расстреляли из луков. Некоторые из последних сил бросились к стоявшей неподалеку церкви Архангела Михаила. Не поместившись внутри церкви, они вскарабкались на крышу. Но и храм Божий не спас царских воинов. Норманны подожгли набитое людьми здание, и в жарком пламени все беглецы погибли. Эта трагедия разыгралась на глазах у «Кириялакса»¹, и император не мог помочь своим гвардейцам.

Теперь все было кончено. Роберт двинул все силы в наступление против центра вражеской армии. Не отличавшаяся ни самоотверженностью, ни дисциплиной, фаланга ромеев была рассечена на несколько

частей и опрокинута. Первыми не выдержали вспомогательные отряды турок. Тот кто не был зарублен или пронзен копьем, спасался бегством. Сербский князь Константин Бодин вообще не вступил в сражение, бросив союзников на произвол судьбы.

Если верить Анне Комниной (а она могла слышать рассказы о битве от ее непосредственных участников), на василевса Алексея бросились сразу три норманна. Одному из нападавших царь отсек руку, но затем и сам был ранен в голову ударом меча. Кровь залила лицо императора, и, оказавшись беспомощным, он также «поворотил своего коня». Из этой красивой фразы следует, что автократу ромеев пришлось бежать, уповав на выносливость царского скакуна.

В конце концов, девять норманнов загнали Алексея к подножию отвесной скалы. Автократор получил несколько ударов копьями, хотя и не очень сильных. Все дело в том, что Гвискар приказал захватить вражеского полководца живым, так что его хотели просто выбить из седла. И пришлось бы государю совсем плохо, если бы не верный конь по кличке Сгуриц. Он совершил немыслимый прыжок и вознес всадника на скалу. На некоторое время норманны застыли в изумлении, а затем попытались продолжить погоню. Но скакун как будто совсем не устал. Скоро он оставил преследователей далеко позади, а одного из них царь, обернувшись, пронзил копьем. Принцесса Анна очень любила отца, поэтому мы не можем проверить, дей-

Норманнская колокольня церкви Святого Иоанна, Палермо, Сицилия

¹Искаженное греческое «Кир Алексиос» («государь Алексей»). Так варяги называли императора Алексея Комнина.

ствительно ли Алексей совершил во время бегства все эти подвиги (она утверждает даже, что царь один пробился через целый вражеский отряд). Ясно одно: василевсу удалось спастись, но его войско было разбито. По некоторым данным, общие потери византийской армии в сражении при Диррахии составили 6000 человек. Среди погибших оказалось немало знатных военачальников, включая родственников василевса. Победителям, в качестве добычи, достался весь византийский лагерь, включая и личные вещи императора. Согласно западным источникам, битва при Диррахии стоила норманнам 30 погибших рыцарей и большого количества перебитых итальянских пехотинцев. В любом случае, потери сторон несопоставимы.

8 февраля 1082 г. капитулировали измученные осадой остатки гарнизона Диррахии. Норманны одержали важную победу. Теперь они контролировали большую часть Эпира. Следовало ожидать, что Гвискар поведет войско на Константинополь. Можно ли будет ему противостоять? В те тревожные дни никто в Византии не мог ответить на этот вопрос.

Император Алексей спешно стягивал в Фессалонику рассеявшиеся остатки армии. Туда же направлялись вновь набираемые новобранцы. Но у василевса язык не поворачивался называть воинами эту многочисленную, но абсолютно небоеспособную толпу. Больше пользы могла бы принести вербовка наемников из числа союзных «варваров». Но все эти бывшие и будущие герои требовали денег и подарков, а государственная казна была опустошена.

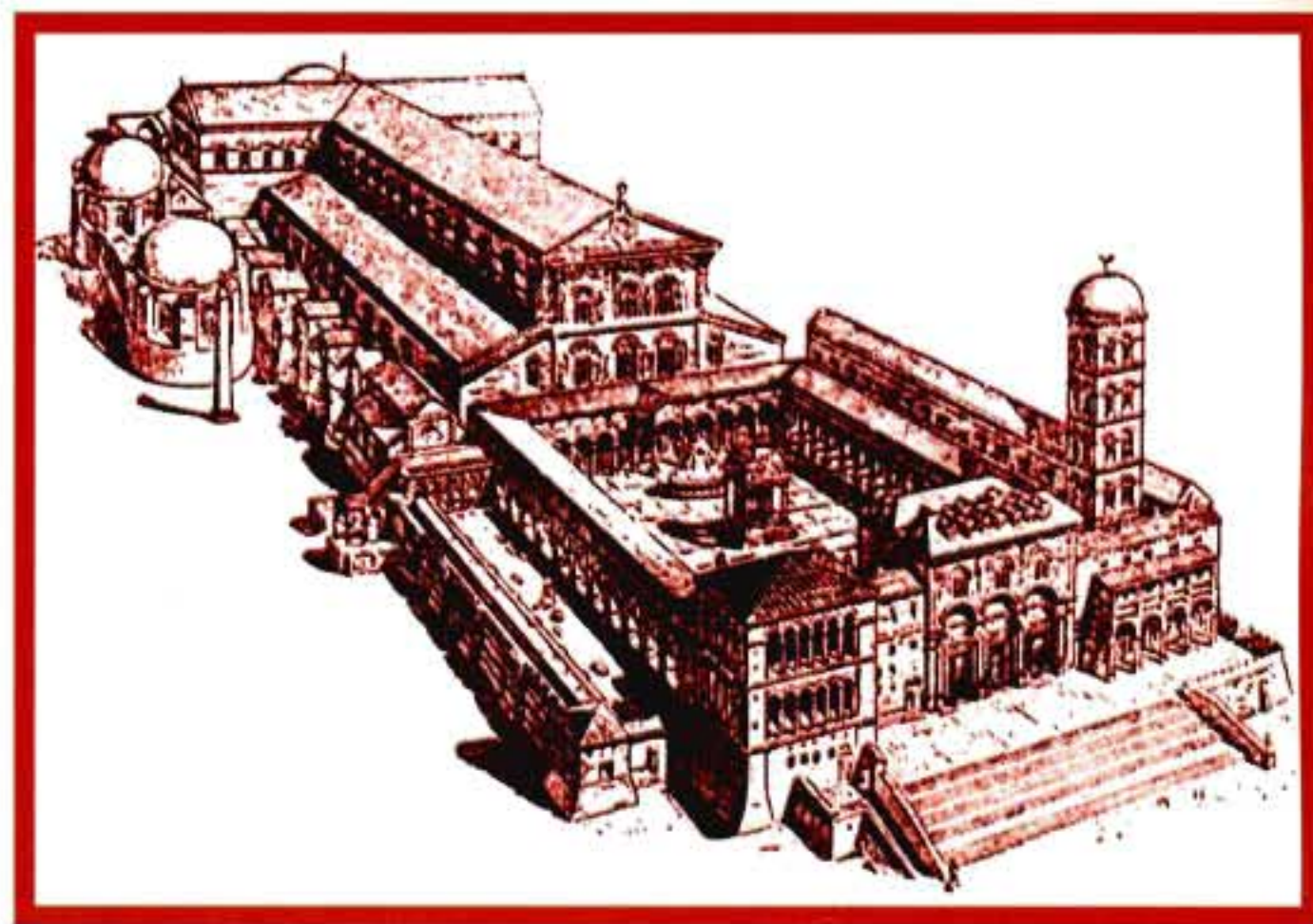
Царь обратился к ближайшим родственникам с просьбой оказать помощь, и семейство Комнинов отправило на монетный двор фамильное золото и серебро. Но и этого оказалось мало. Тогда, неслыханное дело, государь потребовал изъять для военных нужд драгоценную церковную утварь. Среди провинциального клира начались разговоры о святотатстве. Но речь шла о существовании государства, поэтому автократ не остановился перед репрессиями. Наиболее упорного противника конфискаций, Халкидонского епископа Льва лишили сана, а затем сослали.

В обстановки смуты у Алексея не было никакой уверенности в возможности одержать победу над норманнами. В тот раз им-

перую спасло неожиданное развитие событий на Апеннинском полуострове.

Споры о главенстве светской и духовной власти привели к тому, что в 1082 г. германский император Генрих IV вторгся с войском в Италию и отстранил от власти гордого своим священством папу Григория VII. Надо сказать, что и римляне не жаловали наместника Святого Петра. Поэтому упрямый понтифик укрылся в римском замке Святого Ангела и из осады призвал на помощь «своего великолепного сына» — герцога Роберта.

Весной 1082 г. Гвискар, поклявшись душой отца, что «не будет мыться и бриться пока не вернется в Грецию» и передав командование армией Боэмунду, отплыл в Салерно. В Апулии ему пришлось, прежде всего, заняться подавлением восстания вассалов, недовольных размером собираемых податей. Герцог Роберт осадил Канны, а когда взял этот город, «сделал его не выше земли». Беспощадному наказанию подверглись и другие мятежники. Людей карали отсечением различных частей тела. Даже от простого перечисления этих изуверских казней берет оторопь.

Собор Святого Петра в Риме.
Прежде чем Вечный город украсился бессмертным творением Микеланджело, главный храм католической церкви выглядел гораздо скромнее

В 1084 г., набрав новое войско (среди наемников у Роберта были и отряды сарацин), Гвискар повел 36-тысячную армию на Вечный город. Перед этой ордой никто не мог устоять.

Дальнейший ход событий вызывает у историков ассоциации со временами нашествий

готов и вандалов. 27 мая Роберт штурмом взял столицу христианского мира, и римляне на собственной шкуре испытали все прелести помощи паских союзников. Пробиваясь к замку Святого Ангела, ударные отряды норманнов поджигали целые кварталы. Они грабили дома, насиловали женщин, убивали всех, кто пытался оказать малейшее сопротивление. Говоря современным языком, это были настоящие военные преступления. Солдатня Гвискара причинила Риму больше разрушений, чем вандалы. В некоторых местах их следы видны до сих пор. Рассказывали даже, что мусульманские союзники норманнов совершили намаз в храме Святого Петра!

Беспощадно подавив сопротивление и освободив Григория VII из осады, Роберт вместе с папой вернулся в Салерно. Подвиги неразлучной парочки подходили к концу. 25 мая 1085 г. Григорий Гильдебранд умер. Герцог Роберт пережил его ненадолго, но прежде он успел снова отправиться на войну.

Как мы помним, оставшимся на Балканском полуострове норманнами командовал Боэмунд Тарентский. Он укрепился в Янине и проявил недюжинный талант дипломата, привлекая на свою сторону вождей местных племен. Когда летом 1082 г. Алексей подошел к городу со вновь набранным войском, то выяснилось, что силы противника превосходят по численности армию ромеев.

Сражение у стен Янины закончилось для византийцев очередным поражением. Если верить Анне Комниной, ее отец считал себя крупным стратегом, постоянно уделяя внимание проработке вопросов военной теории и их практическому применению. Готовясь к сражению с норманнами, император Алексей, велел соорудить особые колесницы с прилаженными на них шестами. Предполагалось, что когда вражеская конница пойдет в наступление, тяжелооруженные ромейские пехотинцы выкатят ей навстречу повозки, остановят атаку неприятеля, а затем прорвут вражеский фронт.

Сложно сказать, насколько реальной была эта затея, но получилось все совсем наоборот. Боэмунд нанес удар не в центре боевого порядка, а на флангах. Ромеи не выдержали яростного натиска и обратились в бегство, бросив оказавшиеся бесполезными телеги.

Конечно, василевс «как нерушимая башня» стоял под градом вражеских стрел, но, увидев, что строй его войска прорван, Алексей «решил позаботиться и о себе». В общем, как и под Диррахием, царю снова пришлось спасаться бегством.

Добравшись до Охрида, Комнин начал приводить в чувство стекавшие сюда толпы беглецов. Боеспособность их была невелика, но другими войсками царь просто не располагал. В очередной раз выступив навстречу противнику, император придумал новую хитрость, чтобы одолеть Боэмунда.

Твердо усвоив из опыта предыдущих боев, что главной ударной силой норманнов является их конница, Алексей решил вывести ее из строя, даже не вступая в непосредственный контакт на поле сражения. Для этого он велел кузнецам выковать специальные железные шипы — триболы. Соединенные в центре по четыре штуки, они представляли страшное оружие против кавалерии. Впиваясь в ноги лошадей, такое устройство страшно калечило их и, почти наверняка, делало уязвимым и всадника.

Готовясь к битве, Алексей с вечера приказал разбросать триболы в траве на том участке, где, как он предполагал «кельты» завтра предпримут атаку конницы. Царь надеялся, что наткнувшись на невидимое

Император Алексей Комнин перед Христом. Византийская миниатюра

препятствие, норманны придут в замешательство. В это же время лучники с безопасного расстояния подвергнут врагов интенсивному обстрелу, а ромейские части, стоящие на флангах, перейдут в наступление и довершат разгром неприятеля.

И вновь Боэмунд перехитрил василевса. На следующий день, под прикрытием утреннего тумана, он начал атаку не в центре, а на флангах. Византийцы опять не выдержали ярости норманнов и сломали строй. Алексей некоторое время держался в центре, но затем из-за угрозы окружения «решил не подвергать себя опасности». Одержав победу, Боэмунд настойчиво преследовал разбитого врага и вскоре осадил крепость Лариса в Фесса-

лии. В случае ее падения серьезная опасность угрожала Фессалонике, а отсюда войско «кельтов» могло двинуться на Константинополь.

И все-таки военно-экономические ресурсы противников оказались несопоставимы. Византийская империя, по-прежнему, оставалась мощным централизованным государством с большим мобилизационным потенциалом. Даже разбитые, ромейские армии возрождались из пепла, как сказочная птица феникс, а норманны вообще не имели прочного тыла.

Весной 1083 г. император Алексей во главе очередного войска выступил из Константинополя к Ларисе. В дороге он получил тревожное известие от начальника

Балканский театр Норманнско-византийских войн XI–XII вв.

гарнизона крепости, Льва Кефалы. Стратиг сообщал, что «враги теснят и буквально душат нас».

К этому времени осада длилась уже около шести месяцев, так что людям приходилось довольствоваться пищей, «недостойной христиан», но и той уже не оставалось. Кефала просил василевса поторопиться, иначе крепость придется сдавать. Причем комендант прямо заявил, что в этом случае, вся вина падет на царские плечи и ему не избежать обвинений в предательстве.

Комнин понимал, что только крайнее отчаяние вынудило Льва Кефалу доверить письму столь дерзкие мысли. Поэтому гневаться не приходилось. Нужно было думать, как помочь осажденному гарнизону. С другой стороны, имея за плечами ряд тяжелых поражений от норманнов, автократор не решился вступить с ними в открытый бой.

Тогда Алексей измыслил очередную военную хитрость. Передав командование армией ближайшим помощникам, он приказал им под императорскими штандартами произвести демонстративную атаку на врага, а затем начать отступать. Таким образом царь надеялся выиграть время, чтобы во главе отборного отряда совершить обходной маневр, выйти противнику в тыл и нанести ему решающее поражение.

На этот раз расчет василевса оказался более точным. Утром Боэмунд увидел над греческим войском царские знамена и двинулся вперед. «Как ястреб на жаворонков, набросился на объятых страхом врагов и погнал их». В это время сам Алексей повел в бой личный отряд и ворвался в лагерь норманнов. Ромеи перебили незначительную охрану и овладели богатой добычей. Правда, на этом его успехи и закончились. Попытка развить наступление и ударить норманнам в тыл провалилась. Боэмунд развернул конницу и отбросил греков с тяжелым уроном (они потеряли около 500 человек). Через два дня протостратор Михаил Дука во главе элитного отряда кавалерии атаковал Боэмунда, но тоже был разбит.

И все же, после этих боев стратегическая обстановка начала меняться в пользу ромеев. Путем хитрой интриги Алексей вызвал недовольство в ближайшем окружении

Боэмунда. Графы возроптали и потребовали от главнокомандующего плату за все годы войны. Такими средствами он не располагал. Кроме того, уничтожение византийцами норманнского лагеря со всеми его запасами привело к острой нехватке продовольствия в армии. В результате, летом 1083 г. Боэмунд снял осаду с Ларисы и отступил.

Теперь Алексей перешел к более активным действиям. Осенью он осадил крепость Кастория¹. Норманны защищались очень упорно, несмотря на брешь, пробитую в стене осадными машинами, но когда византийцы предприняли одновременную атаку не только с суши, но и со стороны озера, положение гарнизона сделалось безнадежным. Руководивший обороной Кастории коннетабль Бриен капитулировал с правом свободного выхода, но некоторые его графы со своими отрядами перешли на службу к императору Алексею.

Взятие Кастории — первый серьезный успех византийцев в Балканской войне против латинян. Вторым стало занятие острова Корфу союзным греко-венецианским флотом². Планы норманнов расширить свои владения рушились, но и отказываться от них совсем тоже не хотелось.

Весной 1084 г. Боэмунд отправился в Салерно, чтобы обсудить с отцом планы дальнейших действий. Как мы уже знаем, в это время Роберт Гвискар помогал папе Григорию VII восстановить контроль над Римом, а затем приводил к покорности вассалов. Поэтому подготовка к новой кампании против греков затянулась. Только осенью 120 боевых кораблей норманнов вышли из Бриндизи. Герцог Роберт овладел рядом опорных пунктов на побережье Эпира и начал подготовку к отвоеванию Корфу.

Судьба острова решилась в морском сражении. Сын герцога Рожер с пятью кораблями напал на греческие хеландии и обратил их в бегство. Самому Гвискару пришлось тяжелее. Ему противостояли девять высокобортных венецианских «трирем». Связанные между собой канатами, они выглядели крепостью на воде. Когда норманны пошли на штурм, венецианцы обрушили на их легкие суда ливень стрел и метали тяжелые метал-

¹Близ современной греческо-албанской границы.

²До этого они внезапным налетом овладели Диррахием, но, не сумев одолеть укрывшийся в цитадели норманнский гарнизон, через пятнадцать дней отплыли на Корфу.

Венецианский флот

лические болванки, не позволяя приблизиться. Казалось, не было никакой возможности взять такую твердыню.

Венецианцев погубило пренебрежение законами физики. Неотяжеленные балластом, их корабли оказались недостаточно устойчивыми. Поэтому, когда воины, отражавшие атаку, сгруппировались на одном борту, галеры просто перевернулись и затонули.

Поражение союзников оказалось полным. Принцесса Анна говорит о 13 тысячах погибших, около двух тысяч попали в плен. Кроме того, норманны захватили два венецианских и семь греческих судов.

Гвискар сурово отнесся к побежденным. По его приказу пленников безжалостно изуродовали. Людей ослепляли, им резали носы, отрубали руки и ноги. Даже совсем не сентиментальных византийцев такая жестокость повергла в ужас.

Не сила оружия, а антисанитария одолела войско Гвискара. Зимой в его лагере вспыхнула эпидемия брюшного тифа. Меньше чем за три месяца болезнь унесла около 15 тысяч жизней. Выбывшего из строя Боэмунда Тарентского вовремя отправили в Италию. Благодаря этому, он поправится и еще причинит византийцам немало неприятностей. Его отца ожидал более печальный удел.

Отплыв на остров Кефалинию, где действовал его сын Рожер, герцог Роберт тяжело заболел. Гвискар еще успел проститься с встречавшей его женой. 17 июля 1085 г. он скончался в возрасте 70 лет, «жизнь завершив во всеобщей любви». Вряд ли это чувство испытывали ромеи. Скорее, они вздохнули с облегчением.

Тело герцога отправили для погребения в Итальянский городок Веноса в Апулии. «Здесь лежит Гвискар, ужас мира...» — высечено на его саркофаге. В Салерно даже после смерти этот человек продолжает нести службу. Его статуя охраняет могилу папы Григория VII. Великодушный Данте в «Божественной комедии» отвел место герцогу в райских кущах, вместе с Карлом Великим.

Со смертью Гвискара Византия избавилась от опаснейшего врага, а война против норманнов благополучно закончилась. Преемник покойного, его сын Рожер Борса¹ (1085—1111 гг.) не обладал серьезным авторитетом. Графы принесли ему вассальную присягу, но не верили в успешное продолжение кампании и требовали возвращения домой. Воинственный Боэмунд мог бы сломить их глухое сопротивление, но в это время он сам лежал в лихорадке, между жизнью и смертью.

Христос Пантократор.
Мозаика собора в Монреале, Сицилия

¹Это прозвище означает «кошелёк».

В лагере норманнов вспыхнула настоящая паника, и герцог Рожер уступил. Погрузив остатки поредевшего воинства на корабли, он отплыл в Италию. В пути сильная буря разметала флотилию, погубив несколько кораблей и всех находившихся на них людей. Тем, кому при отплытии не хватило места на судах, повезло больше. Они перешли на сторону греков, поступив на службу к императору Алексею. Вскоре последний опорный пункт норманнов — Диррахий открыл свои ворота византийцам.

Вот так, довольно неожиданно, Ромейское царство избавилось от смертельной опасности и изгнало заносчивых «кельтских» варваров из своих пределов.

Начало крестовых походов

Благородная идея освобождения Гроба Господня могла бы стать основой для сближения христиан Востока и Запада. К сожалению, этого не произошло. Наоборот, пропасть между ними разверзлась еще шире, так что через нее уже было невозможно перебросить какие-либо мосты. Начало священного похода против неверных через двести лет обернулось осквернением великих храмов Константинополя и массовым расхищением православных святынь¹.

Мы затрагиваем эту тему в рассказе о «ярости норманнов», потому что в ряду основных действующих лиц Первого Крестового похода в глаза сразу бросается колоритная фигура Боэмунда Тарентского.

Как уже говорилось, после смерти Роберта Гвискара герцогом Апулии стал его старший сын Рожер, а Боэмунд правил небольшим Тарентом. Столь скромное положение совершенно не соответствовало непомерным амбициям природного смельчака и авантюриста.

Он поднял мятеж против сводного брата, но Рожеру пришел на помощь его дядя и тезка — великий граф Сицилии Рожер I. Вместе они заставили наглеца считаться с законами престолонаследия, но не могли уменьшить его безграничную жажду власти.

Латинская капелла в Палермо

В этой обстановке Первый Крестовый поход явился для Боэмунда настоящим подарком. Он привлек на свою сторону французских рыцарей, собравшихся в Южной Италии для последующей переправы на Балканы, и во главе значительного войска отправился на восток, твердо рассчитывая создать на землях, освобожденных от мусульман, достойное себя государство.

О пребывании Боэмунда в столице Византийской империи сохранились яркие строки в сочинении Анны Комниной. По видимому, его мужская стать произвела на принцессу неизгладимое впечатление. Очень высокого роста, стройный («живот у него был подтянут»), он обладал совершенным телом, как будто «изваянным по закону Поликлета». Понравились царской дочери и руки варвара («сильные», «могучие» —

¹Еще в 1087 г. возвращавшиеся из Антиохии норманны с оружием в руках явились в храм в Мирах Ликийских и, связав монахов-сторожей, похитили останки Святого Николая Чудотворца, а затем перевезли их в Бари. Сейчас, когда бывшие страсти улеглись, это событие официально именуется Православной церковью «перенесением мощей» (празднуется 9 мая по старому стилю). В конце XI века такое деяние вызвало крупный международный скандал и едва не привело к новой войне между Византией и норманнами.

дважды подчеркнула она). Смуглолицая южанка обратила внимание на то, что кожа его была молочно-белой, зато с румянцем на чисто выбритом лице. А светлые, коротко стриженные волосы, похоже, вообще произвели фурор! Вот так же римские матроны ценили рабов-германцев, да и себе заказывали белокурые парики. Столь эффектный портрет довершали голубые глаза, выражавшие волю и достоинство. Казалось, такой человек уже рожден для того, чтобы повелевать другими.

Историкам пребывание Боэмунда в Константинополе запомнилось, главным образом двумя событиями. Будучи яростным противником василевса Алексея, он трезво полагал, что и царь вряд ли испытывает к нему добрые чувства. Поэтому, проживая во дворце, Боэмунд сначала отказался от предлагаемых ему яств и скормил их своим рыцарям. Похоже, норманна немало удивило, когда на вопрос о самочувствии его спутники ответили, что чувствуют себя прекрасно. Вот тут Боэмунд и признался простодушно, что опасался, как бы император его не отравил и решил проверить свою догадку на спутниках.

В другой раз, когда по приказанию Комнина норманну показали кладовую заваленную горами золота и серебра, Боэмунд, уже не сдерживаясь, воскликнул: «Если бы мне владеть такими богатствами, то давно бы я повелевал многими землями». Делая широкий жест, Алексей тотчас подарил ему сокровища. Боэмунд гордо отверг дары, но зависть и алчность охватили его еще больше. Он не понимал, почему столь ничтожному народу, как греки, и их, ничтожно лишенному воинского мужества, повелителю принадлежат такие богатства?

Правда, отправляясь в поход, Боэмунд принес ленную присягу императору, но дальнейшие события показали, что он не придавал этой клятве никакого значения.

После длительной осады, в ночь со 2 на 3 июня 1098 г. отряд Боэмунда Тарентского проник в Антиохию — «столицу Востока». Приняв княжеский титул, он стал правителем города. Новый государь немедленно забыл об обязательствах перед василевсом. Крестоносцы не собирались возвращать империи ее бывшие владения, отвоеванные у мусульман, а у Алексея не было реальных сил, чтобы принудить «союзников» к покорности.

Противники обменялись воинственными письмами. Комнин обвинил Боэмунда в нарушении клятвы и потребовал уйти из Антиохии и из всех других городов, «как требует справедливость». В свою очередь норманн заявил, что император сам виноват в случившемся, потому что не оказал крестоносцам оговоренной военной помощи. Из его слов следовало, что царь вступил в сговор с турками — злейшими врагами христиан. Так «справедливо ли, чтобы мы так легко оставили то, что добыто нашим потом и страданиями?» После этого давние противники открыто начали готовиться к войне.

Взятие Антиохии крестоносцами.
Средневековая миниатюра

В 1099 г. автократор ромеев двинул к восточным рубежам Малой Азии войско стратига Мануила Вотумита. Однако, пока длинные колонны ромейской пехоты тянулись на восток, норманны успели заключить военный союз с армянскими правителями Киликии. Вотумит не отважился вступить в борьбу с объединенными неприятельскими силами. Он обошел Киликию с северо-востока, но затем и вовсе вернулся в Константинополь.

Вскоре в императорский дворец пришло еще более тревожное известие. Большой флот архиепископа Пизанского разграбил Ионические острова, принадлежавшие Византии, и направился в восточную часть Средиземного моря на помощь

крестоносцам. Чтобы нейтрализовать эту угрозу, автократор Алексей приказал строить корабли «во всех областях Ромейского царства». Все они были оснащены сифонами для метания «жидкого огня» и представляли мощную боевую силу.

Имперская эскадра вступила в бой с пизанцами у Родоса. Почти сразу же четыре больших итальянских корабля были охвачены жарким пламенем, а поднявшийся свежий ветер грозил превратить в огромный костер всю западную армаду. Уцелевшие суда обратились в бегство, а взятых пленных византийцы перебили. Правда, победителям тоже вскоре не повезло. На обратном пути буря выбросила много греческих дромонов на берег.

Зато предусмотрительный император сумел установить контроль над двумя важными киликийскими крепостями. Он ввел гарнизоны в приморский Курик и расположенную поблизости Селевкию, лишив таким образом Боэмунда возможности получать подкрепления из Западной Европы по морю.

С этого времени дела у князя Антиохии пошли все хуже и хуже. Государство Боэмунда оставались островком, затерянным в бескрайнем море мусульманских эмиратов. И против всех их ему приходилось воевать. Совершенно очевидно, что ресурсов крестоносцев не хватило бы, чтобы одолеть бесчисленных противников.

В 1101 г. войско из Антиохии выступило против Малика Гази, мусульманского эмира Сиваса. На этот раз храбрость Боэмунда не принесла крестоносцам успеха. Он был разбит и вместе с многими рыцарями попал в плен. Не сумев одержать победу на поле боя, князь проявил способности искусного дипломата. Когда автократор ромеев предложил Гази за пленника большой выкуп, Боэмунд трезво рассудил, что ничего хорошего от такой сделки ему ждать не приходится. Князь сумел убедить эмира, что, избавившись от столь опасного противника, греки все свои силы обратят против мусульман. Боэмунд пообещал, что выкуп

Сошествие во Ад. Византийская мозаика

за него внесут другие христианские государи. Мало того, он даже привлек на свою сторону и византийского посланника Георгия Таронита, так что последний ничего не сообщил о ходе переговоров в Константинополь.

В конце концов, Боэмунд в мае 1103 г. получил свободу за деньги, внесенные одним армянским князем, и открыто объявил себя врагом Византии. Еще раньше его племянник и наместник Антиохии Танкред отбил у греков важный порт Лаодикею¹, но потом ситуация снова резко изменилась. В 1104 г. флот ромеев блокировал Лаодикею с моря и после упорной осады овладел ею. Кроме того, ромеи закрепились в ряде прибрежных пунктов Северной Сирии вплоть до Триполи. Примерно в это же время в Киликии началось восстание против норманнов. Жители изгнали их гарнизоны и призвали на помощь византийцев.

А Боэмунду снова не повезло. Он ввязался в очередную авантюру, отправившись в поход против эмира Мосула и Алеппо, и в 1104 г. был разбит мусульманами при Харране (к югу от Эдессы). Но и это поражение не отрезвило неугомонного князя. Теперь он решил возглавить силы Западной Европы в борьбе против Византии.

Природная хитрость и на этот раз помогла ему выбраться из, казалось бы, безнадежной ситуации. Оставив в Антиохии

¹Современная Латакия в Северной Сирии.

Танкреда, он распустил слух о собственной смерти. Затем его в простом деревянном гробу перенесли на корабль, который поднял паруса и, не мешкая, вышел в море¹. Только достигнув острова Корфу, «покойник» ожил.

В январе 1105 г. Боэмунд вернулся в Италию. Он немедленно приступил к формированию антивизантийской коалиции и немало преуспел в этом. Беглый князь легко убедил папу Пасхалия II в том, что схизматики-греки предательски сорвали Священную войну против неверных. Заручившись рекомендательными письмами понтифика, Боэмунд отбыл в Ломбардию и далее, в сопровождении папского легата, во Францию. Везде он называл царя Алексея «язычником и врагом христиан».

Постепенно против греков начал складываться сильный альянс Западной Европы. Король Франции Филипп I выдал за Боэмунда замуж свою дочь Констанцию, а ее младшую сестру Цецилию, в качестве невесты Танкреда, послал в Антиохию. Встретился Боэмунд и с английским королем Генрихом I. К нему начали прибывать рыцари из Германии и Англии. Были там и «кельтиберы» (испанцы). Весною 1107 г. в Южной Италии собралось более чем 30-тысячное войско² новых крестоносцев, ядро которых составляли норманнские отряды. Давние враги Византии: Генуя, Венеция и Пиза предоставили корабли, и Запад снова отправился в гости на Восток.

1107–1108 гг.

После приготовлений, растянувшихся на несколько месяцев, флот Боэмунда, подгоняемый попутным ветром, вышел в море. Были среди них легкие гребные диеры и тяжелые грузовые суда под огромными парусами и с тысячами воинов на борту. Словно плавающий город двигался по лазурным волнам Адриатики. Устрашенный грозным зрелищем, мегадука императорской эскадры Исаак Контостефан не осмелился атаковать неприятеля на переходе. Вместо этого он... отправился в баню!

10 октября 1107 г. латиняне беспрепятственно высадились близ Диррахия. Через три дня они осадили крепость. Казалось, ромеев опять ждут нелегкие времена. И все же, теперь ситуация в корне отличалась от той, которая сложилась четверть века назад, во время нашествия Роберта Гвискара.

Когда измученный гонец доложил императору Алексею, что норманны осуществили переправу, свитские чины замерли в ужасе от одного лишь имени вождя «кельтов», но василевс заметил спокойно: «Сейчас пойдем завтракать, а потом подумаем о Боэмунде».

Автократор чувствовал себя уверенно. Он располагал мощной армией и флотом,

Образец ткани
с норманнскими орнаментами

¹Сохранилась легенда, согласно которой, Боэмунд велел положить в свой гроб зарезанного петуха, так что «трупный запах» сопровождал его на протяжении всего путешествия.

²Данные о численности войска Боэмунда у разных авторов сильно колеблются. Некоторые доводят их до 72 тысяч человек.

а казна позволяла вести даже затяжную войну. Кроме того, государю удалось добиться замирения на восточных границах державы, так что сельджукский султан Кылич-Арслан отправил в распоряжение Комнина вспомогательный контингент.

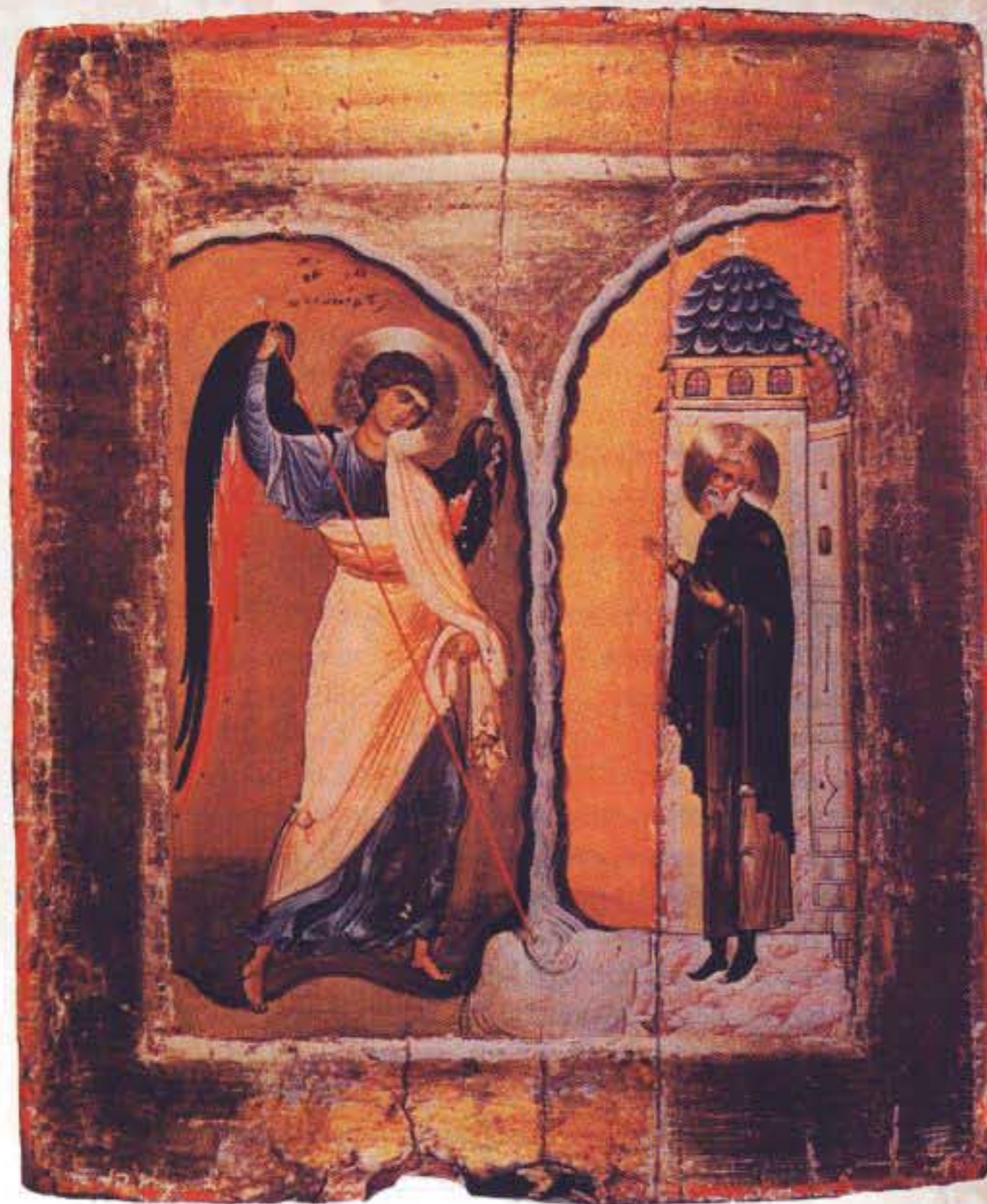
Выступив 1 ноября 1107 г. из Константинополя, император у Фессалоники произвел строевой смотр и маневры своего войска. При этом масса воинов, стоявших на равнине «будто бронзовые статуи или отлитые из меди», представляла собой весьма грозное зрелище.

Правда, оставшийся в Антиохии Танкред открыл на востоке против Византии второй фронт. Он вторгся в пределы империи и осадил Мопсуестию.

Зато на западе поздно начатая Боэмундом кампания почти сразу не заладилась. Норманны увязли перед укреплениями Диррахия. Крепость упорно защищалась византийским гарнизоном под руководством племянника и тезки василевса — дуки Алексея Комнина. Шли месяцы, менялись сезоны, но и летом следующего, 1108 г., норманны были не ближе к городским стенам, чем год назад. Не помогло и сооружение грозной осадной машины с тараном — «черепахи». Ромеи подожгли ее и обратили в пепел.

Не менее упорная борьба велась под землей. Осаждающие начали рыть подкоп под северную стену крепости, а ромеи вывели им навстречу контргалерею. Когда оба туннеля соединились, византийцы уничтожили врагов, внезапно применив трубки, выбрасывавшие «жидкий огонь».

Позднее это абсолютное оружие еще раз выручило гарнизон. Норманны возлагали большие надежды на подвижную башню-гелеполу, превосходившую высоту городских укреплений. Принцесса Анна признавалась, что этот монстр производил ужасающее впечатление, особенно в движении. Но, как это часто случается, «высокие технологии» оказались бессильными в столкновении с грубой действительностью. Византийцы забросали пространство между вражеской башней и стеной фашинами, ветками и досками, обильно полили маслом, а потом подожгли. Веселый огонь побежал навстречу многоярусной гелеполе и вскоре охватил ее целиком.

Чудо архангела Михаила.
Византийская икона XII в.

И все же, не стойкость гарнизона Диррахия и вообще не сила оружия, а византийская хитрость привела норманнов к поражению. Прибыв с армией на театр военных действий, наученный горьким опытом император Алексей не спешил вступать в открытый бой с «кельтами». Он расположил войска на удобных позициях по гребню холмов близ Девол¹. Затем Комнин направил провокационные послания ближайшим соратникам Боэмунда. Принцесса Анна с явным одобрением сообщает, что «в этих письмах содержалось затаенное коварство».

В них выражалась благодарность адресатам за прежнее сотрудничество и обещались щедрые дары в будущем. Получалось, что целый ряд высших военачальников норманнов состоял в давней переписке с Алексеем, изменяя Боэмунду. Царь надеялся, что письма попадут в руки вражескому полководцу и неизбежно вызовут раскол в его окружении.

Расчет василевса полностью оправдался. Перехваченные грамоты доставили Боэмунду. Ознакомившись с их содержанием,

¹Точное местоположение этого города неизвестно. Очевидно, он находился недалеко от Диррахия.

норманн «чуть не упал». Придя в себя, он приказал арестовать упомянутых военачальников, но затем все же велел освободить их. Боэмунд и сам был достаточно искушенным в интригах человеком. Он мог догадаться, что греки хотят, чтобы он собственными руками обезглавил армию. Тем не менее, в норманнском лагере остались семена подозрения и раздора. Западные хронисты признают, что некоторые графы стали переходить на сторону императора Алексея.

Положение не могли поправить даже несколько частных побед, одержанных норманнами в апреле 1108 г. Дело в том, что ромеи, а также вспомогательные части «скифов», «турок» и аланов долго не могли противостоять западным рыцарям в открытом бою.

Наконец, царский полководец Кантакузин застал крупный вражеский отряд на биваке у берега реки Виусы¹ и в предрасветном тумане атаковал его врасплох. Норманны потеряли около 300 человек убитыми. Немало их утонуло в реке, так что «убегая от волка, они попали в лапы льва».

Понесенное поражение не произвело на Боэмунда особого впечатления. Прирожденный воин, он привык считать смерть в бою вполне естественной, а на удары отвечал ударами, но на этот раз они, чаще всего, приходились в пустоту. Зато обострявшаяся с каждым днем нехватка продовольствия все ощутимее ослабляла силы его армии. Византийцы методично уничтожали отряды латинян, направлявшиеся на фуражировку. В то же время царский флот усилил блокаду побережья Эпира, срывая подвоз припасов из Италии. А за голодом в лагерь норманнов пришли болезни. Над их лагерем «стояло сильное зловоние».

Теперь роптали не только простые воины. Все больше знатных рыцарей считали продолжение кампании против греков бессмысленным. Некоторые из них самовольно оставляли боевые позиции и возвращались в Италию. Другие переходили на сторону императора. Таких Алексей жаловал высокими титулами и дарами. И гордый князь Антиохии склонился перед обстоятельствами. Боэмунд направил в Диррахий послов с предложением мира.

Василевс был по-настоящему счастлив, но уж больно ему хотелось воочию убедить-

ся в унижении давнего врага. Кроме того, зная коварный нрав норманна, он не мог до конца поверить в искренность намерений Боэмунда. Уж не скрывается ли за его словами какая-то хитрость? Может он хочет потянуть время, чтобы подготовить и нанести ромеям новые удары. Поразмыслив, император пригласил противника на переговоры.

**Алексей I
Комнин
(1081–1118 гг.).
Золотой иперпирон**

Боэмунд тоже не имел особых оснований доверять грекам, не хотели мира и некоторые из графов. Но у князя не оставалось выбора. Тщательно оговорив все детали предстоящей встречи на высшем уровне и получив гарантии безопасности, он отправился к месту предстоящих переговоров.

И вот человек, «вид которого вызывал восхищение, а слухи о нем — ужас», приблизился к царской палатке. Император пожал руку Боэмунду и усадил рядом с собой. Затем он изложил свои условия заключения мира.

Первый день не принес никаких результатов. Норманн отказался принять какие-либо конкретные обязательства и вернулся к себе в лагерь. Тем не менее, за ночь военно-политическая ситуация вряд ли могла измениться кардинально. На следующее утро Боэмунд заключил договор с императором на византийских условиях. Выраженные в характерных для средневековой дипломатии пышных фразах, они сводились к следующему.

Боэмунд объявлял себя «истинным и верным вассалом» Алексея I и его сына Иоанна. Норманн обязался с оружием, «как кованая железная статуя» стоять за Императора против любых врагов (причем не только мусульман, но и христиан). Все

¹К югу от Диррахия на территории современной Албании.

риями, но тот уклончиво ответил, что против такого обмена возражает Папа Римский. Тогда василевс предпринял еще один поход на восток, но здесь его настигла нелепая смерть. Царь неосторожно поранился отравленной стрелой на охоте (1143 г.), и господство ромеев в Северной Сирии снова рухнуло. Новому императору Мануилу I (1143–1180 гг.) пришлось все начинать сначала. При этом война возобновилась именно на Западном фронте.

К этому времени главари разбойничьих шаек превратились в респектабельных государей. Еще брат Роберта Гвискара, великий граф Сицилии Рожер I (1072–1101 гг.), один из самых неистовых воинов Христовых, провозгласил на покоренном острове политику веротерпимости. Находясь во враждебном окружении, он хотел объединить в интересах государства три веры и три языка, стремился превратить доставшийся ему пестрый этнический контингент в равноправных подданных, верой и правдой служащих своему государю.

Его сын Рожер II пошел еще дальше. Сын норманна и итальянки, набожный католик, он испытывал глубокий интерес к мусульманской культуре и при этом говорил на всех языках своей страны (латинском, французском, греческом, арабском). Образованных мусульман Рожер назначал на ответственные государственные посты. Исходя из финансовых соображений, великий граф гарантировал права и неприкосновенность еврейского населения. Видимо неслучайно крупнейшая в Европе еврейская колония находилась именно в Палермо.

Ученые, художники, мыслители, специально приглашенные ко двору Рожера, творили на греческом, арабском и латинском языках. Преклоняясь перед византийской культурой, он оказывал покровительство своим греческим подданным. Лучшие

византийские мастера украшали дивными мозаиками прекрасные храмы в Палермо, Монреале, Чефалу.

Коронация короля Рожера II Христом. Мозаика из церкви Санта Мария дельи Амिरальи. Сицилия

Знатоки прекрасного, норманнские владыки Сицилии по достоинству оценили и такие восточные прелести, как личные гаремы. Любопытно, что попадавшие туда христианские девушки обычно принимали ислам!

В 1130 г. Рожер II возвысил свой ранг до королевского. Папа Римский, которого он поддержал в борьбе с его политическими оппонентами, придал этому шагу необходимую легитимность.

С объединением норманнских владений на Сицилии и в Южной Италии возникла

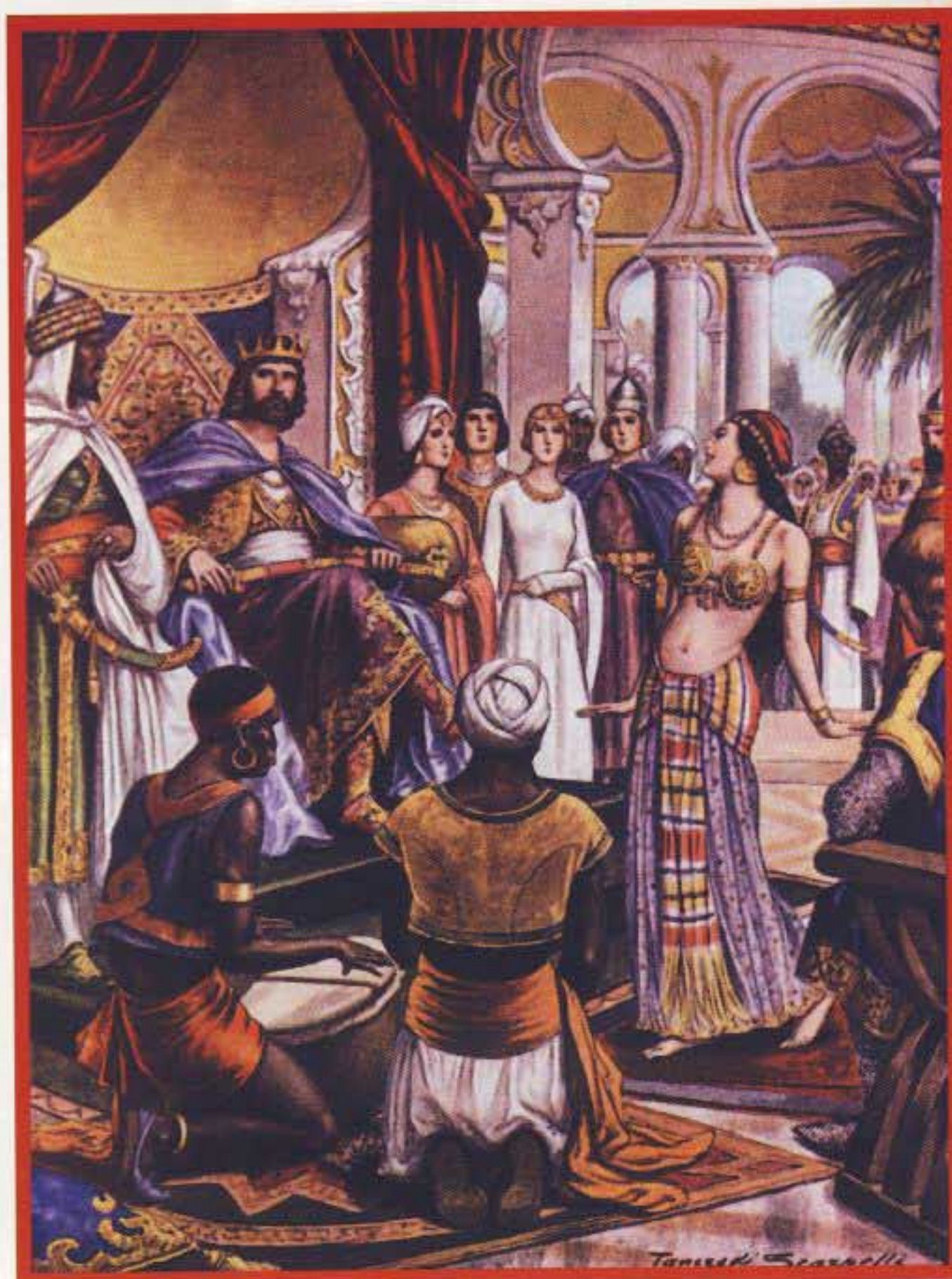
могущественная держава, сразу же превратившаяся в решающий военно-политический фактор Средиземноморского региона. С ней приходилось считаться всем соседям. На мече короля были выгравированы гордые слова: «Апулийцы, сицилийцы и африканцы подчиняются моей воле».

Усиление норманнов встревожило императора Иоанна Комнина. Загодя думая о возможном конфликте с Сицилией, он пытался организовать коалицию с участием Папы Римского и германского короля (кайзера Священной Римской империи). Вероятно в результате этих усилий и по приглашению папы Иннокентия II, в 1137 г. император Лотарь предпринял поход в Южную Италию и овладел Бари. Затем Лотарю сдался даже Салерно — столица континентальных владений Рожера.

Впрочем германцам так и не удалось закрепиться в этом регионе. Лотарь вернулся в Германию и вскоре умер, а норманны вытеснили остававшиеся на юге Италии немецкие гарнизоны. Зато внешне союз двух империй был зафиксирован в конце 1142 г. договоренностью об обручении царевича Мануила со свояченицей германского короля, Конрада III¹ — молодой графиней Бертой фон Зульцбах (в православии Ириной).

Войны, пусть даже священные, не прельщали Рожера Сицилийского, но политиком он оказался искушенным. Ходили слухи, что король расстроил коалицию, натравив на немцев их давних врагов — венгров. Кроме того, норманнское посольство вело переговоры в Константинополе о браке между сыном Рожера и одной из византийских принцесс. Вследствие неожиданной смерти царя Иоанна, эта миссия закончилась безрезультатно, а отказ нового императора Мануила от раздела сфер влияния между Византией и Сицилией приобрел ему в лице Рожера II опасного врага. Достижение Константинополя известия о том, что Рожер вступил в переговоры с французским королем Людовиком VII, собиравшимся во Второй крестовый поход, также не прибавляли Мануилу уверенности в безопасности империи. В окружении Людовика всерьез обсуждалась возможность захвата Константинополя, так что василевсу с трудом удалось спровадить французов

в Азию. А затем примчавшиеся с запада гонцы сообщили царя, что норманны захватили Корфу. Их король начал против империи превентивную войну.

**Король Рожер Сицилийский
в своем гареме**

1147—1149 гг.

Следует признать, что королю Рожеру удалось выбрать крайне удачный момент для нападения. Гораздо больше чем сельджуков, император Мануил опасался крестоносцев, находившихся в непосредственной близости от его столицы, а союзник византийцев Конрад III потерпел сокрушительное поражение от мусульман при Дорилее в Малой Азии. В такой обстановке Рожер перешел к открытым военным действиям против греков.

Норманнский флот вышел из Бриндижи и направился на Корфу. Остров сдался без боя. Местное население, восставшее против налогового гнета империи, приветство-

¹Иногда Конрада III называют императором, но в Риме он так и не короновался, что существенно умаляет его права на этот титул.

вало войско Рожера как освободителей. Высадив на острове сильный гарнизон, корабли двинулись на юг вдоль побережья Греции, и везде норманнские десанты опустошали прибрежные территории.

Сначала удар разбойников пал на Семи-вратные Фивы. Со здешними жителями «кельты» поступили бесчеловечно. Им было предложено с клятвой на священных книгах объявлять о своем состоянии и отказываться от него в пользу налетчиков. Но и этого оказалось мало. Нагрузив суда золотом, серебром и златоткаными одеждами, норманны взяли с собой мастериц, искусных в златоткачестве. Эти трофеи дали невиданный расцвет шелковому ремеслу на Сицилии.

Следующей жертвой стал Коринф. Греки надеялись укрыться в акрополе, но ромейский гарнизон пал духом, и латиняне легко ворвались туда. Они обратили в рабство знатнейших мужчин и красивейших женщин, не забыли прихватить и чудотворную икону Феодора Стратилата. Но и это еще не все. В ряде источников сохранились сведения, что норманны ограбили остров Эвбею и даже Афины.

Наконец, глубоко осевшие в воду от тяжелого груза, суда норманнов вернулись на Корфу, который превратился в их главную базу у побережья Балканского полуострова.

Уязвленный в самое сердце василевс Мануил горел жаждой мщения, но едва его

войско выступило против «островного дракона, думавшего изрыгать пламя своего гнева выше кратеров Этны» (так высокопарно ромейские авторы именуют Рожера Сицилийского), как на империю обрушился новый враг. Переправившись через Дунай, в Византию вторглись половцы.

Не исключено, что этот набег был спровоцирован королем Сицилии. Кроме того, Рожер II пытался натравить на Византию сербов и венгров. Царю пришлось перенацеливать свои армию и флот на север, а когда победоносное ромейское войско расположилось на зимовку в Северной Болгарии, Маниул сосредоточил усилия на поиске новых союзников.

Примерно за двадцать лет до описываемых событий венецианский флот неоднократно совершал набеги на Корфу, а затем и на крупные острова, принадлежавшие Византии в Эгейском море. Теперь венецианцы в обмен на существенные торговые привилегии пообещали направить боевые корабли против норманнов.

Сицилийское королевство норманнов в XII в.

**Коронационный
плащ короля
Рожера Сицилийского.
Реконструкция**

Менее существенными оказались результаты встречи Мануила с Конрадом III. Бесславно возвращавшийся из Второго крестового похода немецкий король встретился с царем в Фессалонике¹. Конрад обещал совместно выступить против общего врага. Договоренности были закреплены проектами новых династических браков. Окрыленный успехом Мануил даже поставил вопрос о передаче ему Италии в качестве приданого за родственницу Конрада Ирину. Впрочем, Конрад не мог дать того, чем реально не обладал. А после его возвращения в Германию задуманный поход против норманнов так и не состоялся. Рожеру Сицилийскому удалось наладить отношения с новым папой Евгением III. Еще важнее, что король способствовал выступлению баварских феодалов против Конрада III, так что последний, хотя и называл Рожера «тираном сицилийским», но был вынужден разбираться с внутренним конфликтом. Потерпевший неудачу на востоке Людовик VII Французский теперь склонялся к союзу с норманнами против греков. В такой ситуации василевсу пришлось рассчитывать лишь на собственные силы, тем более, что и с другими союзниками забот тоже хватало.

Осенью 1148 г. воины норманнского гарнизона Корфу увидели на горизонте паруса объединенной греческо-венецианской эскадры. Крепость, занятая латинянами,

была поистине неприступна («вся на обрывистой и возносящейся к облакам скале»), но первая же атака ромеев оказалась довольно опасной.

Стрелы норманнов летели как снег, а камни из метательных машин были подобны граду, так что византийцы несли чувствительные потери. Тем не менее, они отчаянно карабкались на стены, пока выпущенный из катапульты камень не разбил штурмовую лестницу, а один из его осколков поразил мегадуку (и царского зятя) Стефана, возглавлявшего атаку. Византийцы дрогнули, и их сбросили со стен.

В феврале 1149 г. Мануил лично прибыл на театр военных действий. На флагманском корабле он обошел остров и не нашел слабых мест в укреплениях неприятеля. Демонстрируя талант военного инженера, василевс приказал возвести осадную башню, прочно утвердив ее основание на нескольких кораблях. Конструкция получилась достаточно высокой, так что можно было надеяться подняться непосредственно на крепостные стены.

Идти на столь рискованное дело вызвались добровольцы, причем царь сам выбрал из них четыреста человек. Император пообещал всем щедрые награды, а в случае гибели заботу об их семьях.

Осенив себя широким крестным знаменем, первым вверх двинулся некий Пупа-

¹Во время морского перехода Конрад едва не попал в плен к норманнам. Его спасло своевременное появление византийской эскадры, вступившей в бой и отогнавшей неприятеля.

ки, оруженосец великого доместика Аксуха, за ним четыре брата Петралифы «из племени франков», а следом и остальные воины. Прикрывая себя щитами от летящих камней и стрел, они упорно лезли вверх. Пупаки преодолел опасный путь и вступил в рукопашный бой. А дальше случилась трагедия. Лестница подломилась, и воины штурмового отряда, сразу ставшие беспомощными, полетели вниз. Люди насмерть разбивались о палубу и прибрежные скалы, их тела уносили волны. Пупаки уцелел каким-то чудом и сумел вернуться назад, но штурм закончился полной неудачей.

Осада длилась уже три месяца, а ромеи так и не добились никаких успехов. В дальнейшем их положение осложнилось конфликтами с венецианцами. К неописуемому удивлению норманнов, союзники развязали враждебные действия между собой. Обыкновенная бытовая драка, возникшая из взаимных «шуток», скоро переросла в вооруженное побоище. С обеих сторон подходили подкрепления, так что Великому доместику пришлось ввести в бой свой личный эскорт,

прежде чем венецианцы обратились в бегство. Но на этом дело не закончилось.

Озлобленные поражением, граждане «Царицы моря» подняли паруса на боевых кораблях и атаковали стоянку византийцев на одном из близлежащих островов. «Поступив неприязненно с матросами», они сожгли транспортные суда ромеев.

В другой раз венецианцы даже захватили царский дромон, богато украшенный золотом и пурпуром, и, введя туда некоего эфиопа, оказывали ему почести как римскому императору. Налицо было тягчайшее преступление — оскорбление величия василевса. Дело шло к настоящей войне, и все же, ради конечной цели, автократор удержал гнев, хотя и затаил в душе злобу. Конфликт удалось погасить (по крайней мере, внешне).

Еще несколько раз Мануил посылал и лично водил войска на штурм, но все они закончилось неудачно, отбитые стрелами и камнями, пущенными со стен.

Царь оказался в нелегком положении. Крепость он взять не мог, но не мог и отступить, понимая, что Корфу станет надежной базой для норманнов, откуда они будут совершать набеги на прибрежные города империи, а в дальнейшем используют этот плацдарм для вторжения вглубь византийской территории.

Но и осажденным приходилось нелегко. Из-за жесткой блокады они не получали подкреплений и не могли пополнять запасы продовольствия. Чтобы отвлечь греков от крепости, король Рожер отправил эскадру в дальний рейд, к самому Константинополю. У Пелопоннеса царский флот нанес поражение противнику, но сорок кораблей латинян все же прорвались к Дарданеллам. Через несколько дней их могли видеть жители византийской столицы. Какого-либо военного значения эта демонстрация не имела, и норманны повернули назад. На обратном пути их перехватили ромейские дромоны, шедшие с Крита, и почти всех уничтожили.

А войска, остававшиеся у Корфу, бездействовали. Отказавшись от новых попыток штурма, Мануил решил дожидаться, когда голод сделает противника уступчивее. Такой подход требует времени и терпения, но, как правило, приносит неплохие результаты. Так случилось и теперь. Начальник осажденного гарнизона, некий Феодор

Исаак и Исав. Фрагмент мозаики, выполненной византийскими мастерами в соборе Монреале

(или, все же, Теодор), вступил с императором в переговоры. Он обещал сдать крепость, прося взамен право свободно удалиться с острова. Мануил не хотел загонять неприятеля в угол, заставляя его сражаться до последнего. Поэтому царь с радостью согласился. В конце лета 1149 г., исчерпав запасы продовольствия, гарнизон Корфу капитулировал. Любопытно, что далеко не все норманны захотели вернуться в Италию. Некоторые перешли на службу Византии (в том числе и сам Феодор).

Между войнами

Одержав победу над норманнами, Мануил еще больше утвердился в намерении перенести боевые действия в Италию. В качестве программы-минимум он решил вернуть прежние владения Византии в Лонгивардии и Калаврии. Впрочем, планы государя не ограничивались этими рубежами. Человек универалистских взглядов, Мануил искренне полагал, что на свете может существовать только одна Империя. Это понятие означало для него не просто некое государство, но и правильно организованный мир человеческой цивилизации в целом. Такой подход предусматривал безусловный возврат *всех* территорий, входивших некогда в состав Римской империи. Наличие же «варварских» королевств рассматривалось как временное явление, да и то при условии, что их правители признают себя вассалами единственного настоящего императора.

В Европе к середине XII века полным ходом шел процесс формирования нацио-

нальных государств. Правившие там династии иногда насчитывали уже несколько веков пребывания у власти. Все эти государи не желали склонить голову перед греческим правителем Константинополя и признать его своим сюзереном.

Наверняка Мануил I Комнин знал о подобных взглядах западных людей, но уж больно манила его идея восстановления Римской империи в прежнем могуществе и блеске. Когда-то василевс Юстиниан I едва не осуществил эту мечту. Теперь Мануил, познавший характер и нравы латинян и, благодаря этому, научившийся побеж-

дать их, сможет, наконец, завершить дело, начатое великим предшественником.

Как это часто бывает, грандиозные замыслы сильных мира сего неузнаваемо трансформируются, столкнувшись с грубыми реалиями обыденной жизни. Так и Мануилу после взятия Корфу не удалось сразу же двинуть войска в Италию. Василевса отвлекли события на северо-западе Балканского полуострова. В 1149–1153 гг. ромеям пришлось сражаться здесь против сербов и венгров.

За это время в Европе произошло немало важных событий. Конрад III откладывал исполнение принятых на себя союзнических обязательств из-за «нездоровья и смут в Германии». В 1152 г. он скончался, так и выступив вместе с ромеями в поход в Италию¹. Занявший престол его племянник Фридрих I Барбаросса весьма настороженно относился к усилению позиций Ви-

зантии в Италии. Отступились от союза с империей и венецианцы. Контроль греков над обоими берегами Адриатики означал бы конец венецианской морской торговли.

Пророк Соломон.

Перегородчатая эмаль. Персонаж Ветхого завета представлен в парадном одеянии василевса ромеев. Его голову украшает золотой императорский венец, а пурпурный наряд царского одеяния дополняет плащ с золотым ромбом-тавлионом

¹Поговаривали, что Конрада отравили итальянские врачи, прибывшие из Салерно, славившегося на всю Европу медицинской школой, и являвшиеся агентами Рожера Сицилийского.

С другой стороны, к этому времени серьезно испортились отношения Рожера Сицилийского с Папой Римским. Евгений III обсуждал возможность вступления германских войск в Италию, чтобы сохранить независимость от норманнов. Похоже, что только смерть Конрада помешала осуществлению этого замысла. Фридрих Барбаросса заключил с папским престолом договор, в котором обе стороны обязались противодействовать экспансии Византии в Италии. Надо полагать, что понтифик пошел на этот шаг, одновременно получив от Фридриха гарантии и против норманнов. Впрочем, вскоре Евгений III умер, а его преемник Адриан IV больше был озабочен желанием вернуться в Рим, откуда пап несколько лет назад изгнали восставшие жители, которые провозгласили в Вечном городе Республику.

Его сын и наследник Вильгельм I (1154–1166 гг.) тоже любил вкусно пожить. Мусульмане в окружении короля всегда занимали видное место, а гарему Вильгельма мог бы позавидовать самый богатый арабский султан.

Обладая подобными привычками, король Обеих Сицилий не был расположен к ведению войн. Почти сразу после восшествия на престол Вильгельм направил послов в Константинополь с мирными предложениями. Он даже был готов компенсировать ущерб, нанесенный ромеям при разграблении Фив и Коринфа.

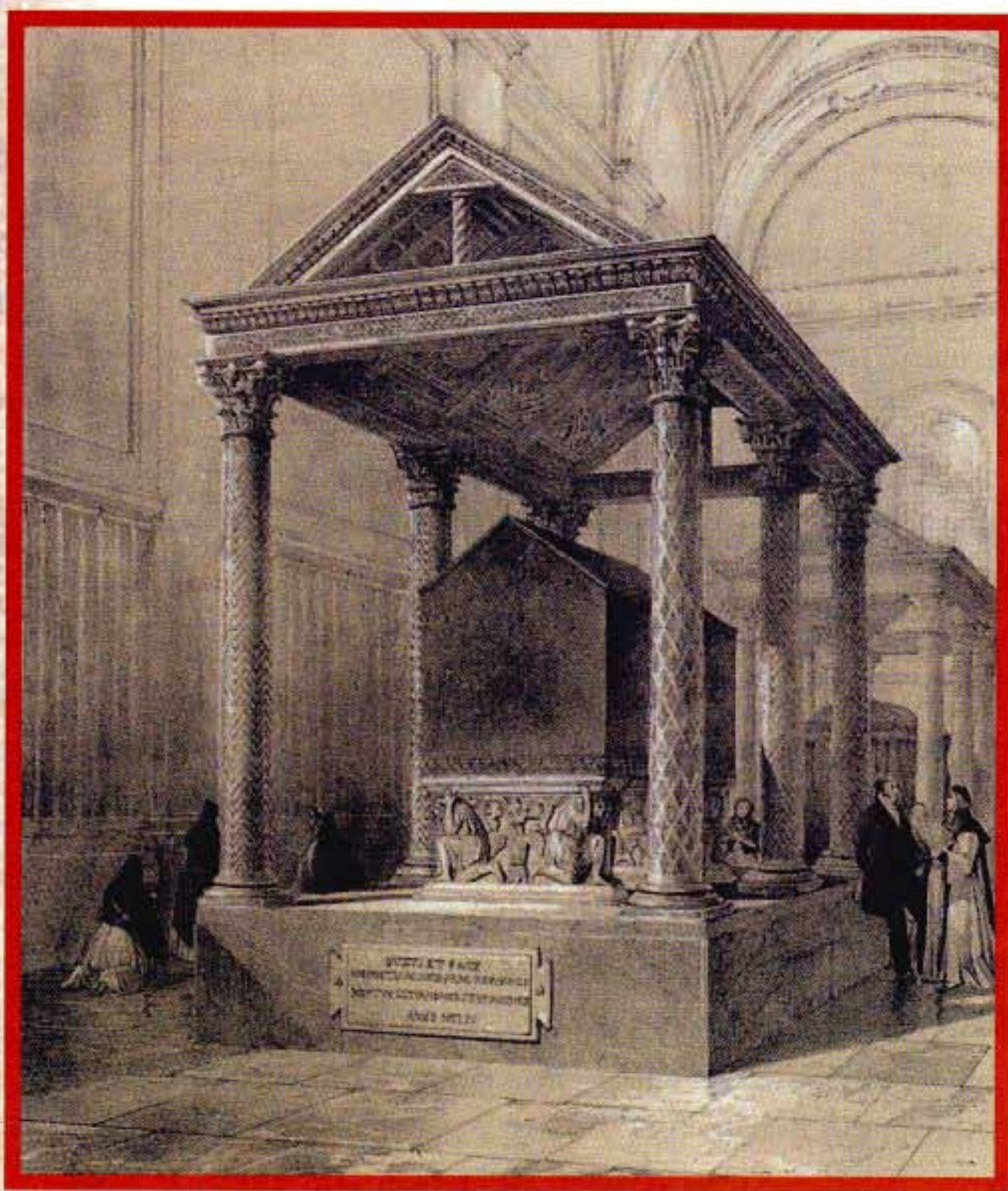
Ослепленный предыдущими успехами, Мануил расценил этот шаг противника как слабость. Он отправил из Константинополя против норманнов сильную эскадру Константина Ангела, но с этой экспедицией получилась неувязка...

Император Мануил увлекался астрологией, искренне веря во влияние звезд и планет на дела человеческие. По его приказу лучшие «специалисты» скрупулезно определяли день и час, наиболее благоприятные для выхода в море. И вот не успело еще солнце опуститься за горизонт, как вдруг выяснилось: предсказатели ошиблись в расчетах! Пришлось срочно высылать вдогонку эскадре скоростной тахидромон и возвращать корабли в гавань.

Неизвестно, как звездочеты производили свои выкладки во второй раз, но результат оказался еще более плачевным. Близ Пелопоннеса сицилийский флот адмирала Майо нанес ромейской эскадре сокрушительное поражение. Константин Ангел попал в плен и в оковах был взят под стражу. После этого царь настолько озлобился, что решил смыть нанесенное оскорбление вражеской кровью. Война сделалась неизбежной.

1154–1158 гг.

Великая попытка реванша империи на западе начиналась вполне по-византийски: вкрадчиво и осторожно. Два высоких сановника: Михаил Палеолог и Иоанн Дука отправились в Италию для дипломатической встречи с Фридрихом Барбароссой. Они были наделены самыми широкими полномочиями и значительными денежными суммами (без этого в международной политике тогда, да и позднее, ничего не решалось).

**Гробница короля Рожера II
в кафедральном соборе Палермо.
Гравюра XIX в.**

В феврале 1154 г. навеки успокоился и король Рожер II. Причиной его смерти стали «истощение от непомерных трудов и преждевременная старость, вызванная его пристрастиями к плотским удовольствиям, которым он предавался в ущерб своему здоровью».

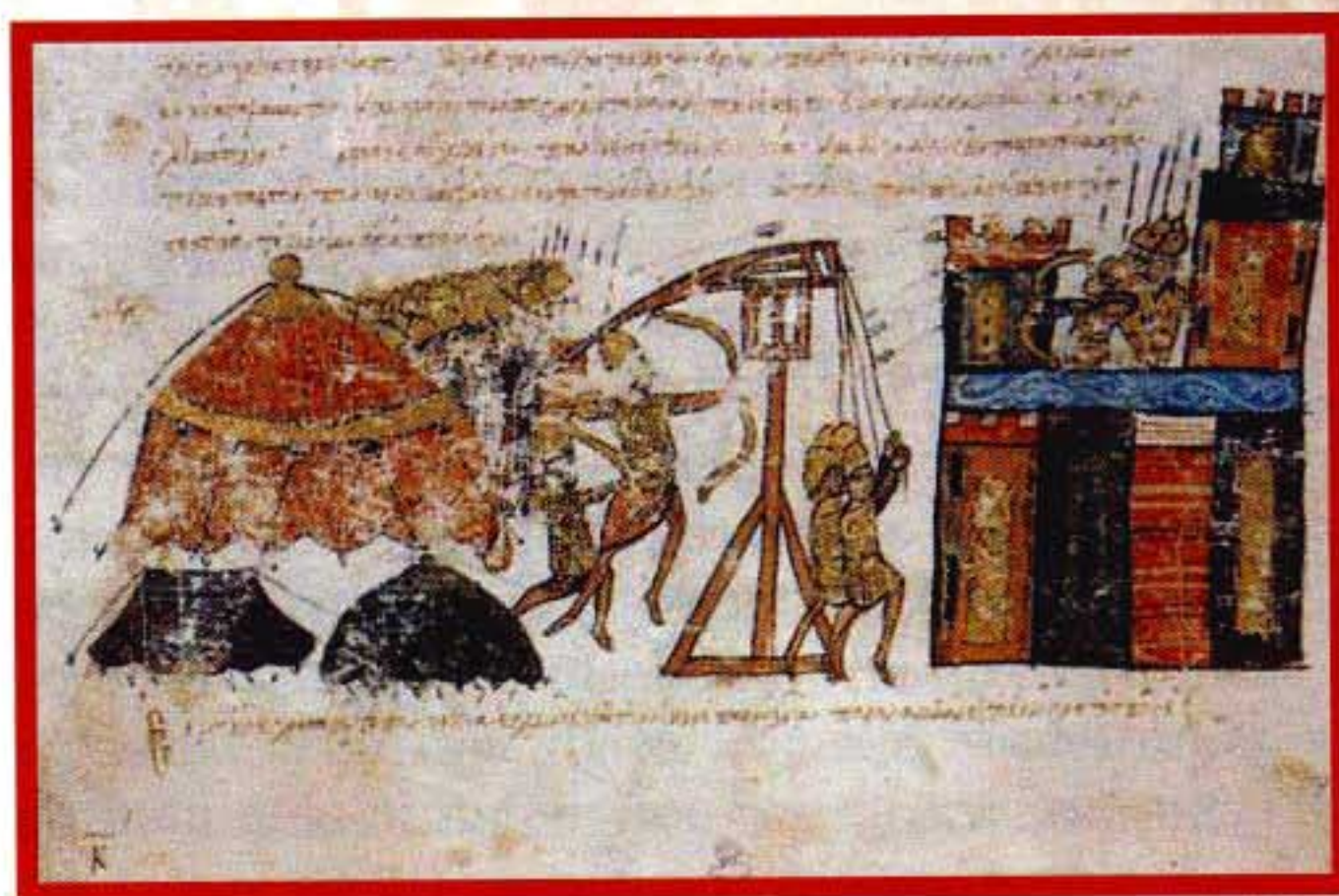
Миссия, на которую ромеи возлагали столько надежд, закончилась ничем. Фридрих успел короноваться в Риме императорской короной и отправился в обратный путь в Германию, ясно показав, что ни в каких совместных с греками военных операциях участвовать не намерен. Но не пропадать же, в самом деле, тяжелому византийскому золоту! Царские посланцы с большой пользой использовали предоставленные им средства для организации выступления против Вильгельма его же собственных вассалов. Точный расчет: ведь у каждого короля имеются графы, считающие служение сюзерену слишком обременительным. То ли дело, служба императору (особенно если он находится за двумя морями).

Один за другим, влиятельные норманнские феодалы начали переходить на сторону Мануила. Еще более весомым аргументом в разгорающейся борьбе стали части регулярной византийской армии, морем прибывавшие на юг Италии.

Прежде всего, войско Михаила Палеолога подошло к сильно укрепленному Бари. Гарнизон главного города Апулии отбил первый штурм ромеев, но затем горожане сами открыли ворота крепости. Они сделали это не только из-за нелюбви к норманнам. Во всяком случае, как написал по этому поводу Иоанн Киннам в своем историческом обозрении: «для людей нет ничего обольстительнее золотой приманки». Правда, небольшой отряд норманнов укрылся в цитадели («акрополе»), но на седьмой день капитулировал и он. После этого успеха Капуя, Анкона и ряд других городов признали власть василевса.

Весьма опасным противником для византийцев оказался граф Андрии Ричард. Крайне жестокий человек, он наводил ужас на врагов. По приказанию графа пленникам вскрывали внутренности или отсекали руки и ноги.

Получив подкрепления от Вильгельма, Ричард двинулся, чтобы отбить ранее покорившийся грекам город Трани. А навстречу норманнам уже спешил с войском Иоанн

Византийские осадные машины. Миниатюра изображает осаду ромейскими войсками арабской крепости. Однако эта рукопись была исполнена и иллюминирована по заказу норманнских владык Южной Италии и может служить иллюстрацией к военным действиям имперской армии на Апеннинском полуострове в середине XII столетия

Дука, проявивший себя не только дипломатом, но способным военачальником. У приморской Барлетты он столкнулся с передовым отрядом норманнов и опрокинул его.

Решающее столкновение произошло близ Андрии (к северо-западу от Бари). Ричард лично возглавил атаку конницы. Тяжело вооруженные всадники прорвали боевую линию неприятельской пехоты и опрокинули кавалерию графа Роберта Лорителло¹. Иоанну Дуке пришлось ввести в бой резервные «скифские» отряды. Закипела яростная рукопашная схватка, так что некоторое время был слышен только стук копий о щиты и треск ломающегося оружия.

По-видимому, неслучайно, норманнская конница в ту пору считалась лучшей в Европе. «Скифы»² не выдержали ее удара и обратились в бегство. Севаст Иоанн Дука был ранен и едва не попал в плен. Положение спас случай. Ричард был настолько ослеплен успехом, что бросился на многочисленную пехоту противника во главе всего лишь тридцати шести рыцарей. Это

¹Племянник короля Рожера Сицилийского, он поднял мятеж против своего двоюродного брата Вильгельма и вместе с другими южно-итальянскими феодалами участвовал в боевых действиях на стороне византийцев.

²Обычно византийцы называли «скифами» кочевые народы Северного Причерноморья. В описываемую эпоху это могли быть, например, печенег. Их вспомогательные отряды входили в состав ромейского войска.

тоже грозная сила, но греки стояли за каменным забором, обводившим поля, так что таранного удара у норманнов не получилось. Зато один из камней, брошенный местным священником (!), попал Ричарду в ногу и сбросил его с коня. Не теряя времени, слуга Божий нанес графу еще один удар — в шею, а затем вспорол ему живот ножом. Потеряв командира, норманны утратили боевой дух и были разбиты. Уцелевшие сдались в плен византийцам.

После этой победы казалось, что еще немного, и норманны потеряют все завоевания Роберта Гвискара. Даже папа Адриан IV примкнул к антинорманнской коалиции и лично отправился на театр боевых действий. Так начинали сбываться смелые мечты автократора Мануила. Император направил в Италию флот, доставивший сильные подкрепления. Теперь царские стратеги могли осаждать крепости норманнов не только с суши, но и с моря.

К концу 1155 г. вся Кампания и большая часть Северной Апулии находились в руках византийцев и их союзников. У Вильгельма на континенте осталась лишь Калабрия.

В апреле 1156 г. византийская армия, штурмом взяв сильно укрепленный порт Монополи (юго-восточнее Бари), подошла к Бриндизи. После Пасхи началась осада крепости. Первый же обстрел из камнеметов произвел на жителей такое угнетающее впечатление, что они прекратили сопротивление. Норманнский гарнизон бежал и укрылся в городской цитадели.

Как ни странно, но перелом в ходе войны произошел именно после столь крупного успеха ромейского оружия. Иоанн Дука уже писал императору, что Вильгельм отовсюду собирает войска и стягивает флот, чтобы перебросить их с Сицилии на материк. Капитуляция Бриндизи превратила угрозу вторжения норманнов в реальность.

В мае перебежчик-норманн сообщил о приближении к Бриндизи королевского войска во главе с самим Вильгельмом. На следующий день к городу подошли корабли норманнов. Ромеи вступили в бой и отогнали противника, а четыре сицилийских судна, севшие на мель, захватили вместе с экипажами. И все же, известие о наступлении сухопутной армии Вильгельма страшило византийцев. Пытаясь обезопасить себя от удара с тыла, они дважды ходили на штурм цитадели, но

норманны невероятными усилиями отразили эти нападения.

Положение мог исправить византийский флот, направленный в Апулию императором, но мегадука Алексей Вриенний больших подкреплений с собой не привел. Зато итальянские союзники византийцев, один за другим стали оставлять боевой лагерь. Ушел из под Бриндизи и отряд «кельтов» (наемников-норманнов).

Изгнание из Рая.
Византийская миниатюра XII в.

Закончилось все это плохо. Теплым весенним утром 28 мая 1156 г. Вильгельм атаковал греков всеми силами. Какое-то время ромеи выдерживали натиск вражеской конницы, но затем обратились в бегство. Потери были очень велики. Те, кто не пал на поле сражения, в панике и страшной давке устремились к городским стенам. Здесь норманны взяли в плен множество деморализованных людей. Среди них были и высшие командиры. Царский родственник Алексей Вриенний не оказал сопротивления, Иоанн Дука храбро сражался в полном окружении, но судьба у них оказалась одинаковой — оба попали в неволю. Закованных в цепи, их держали в подземных темницах.

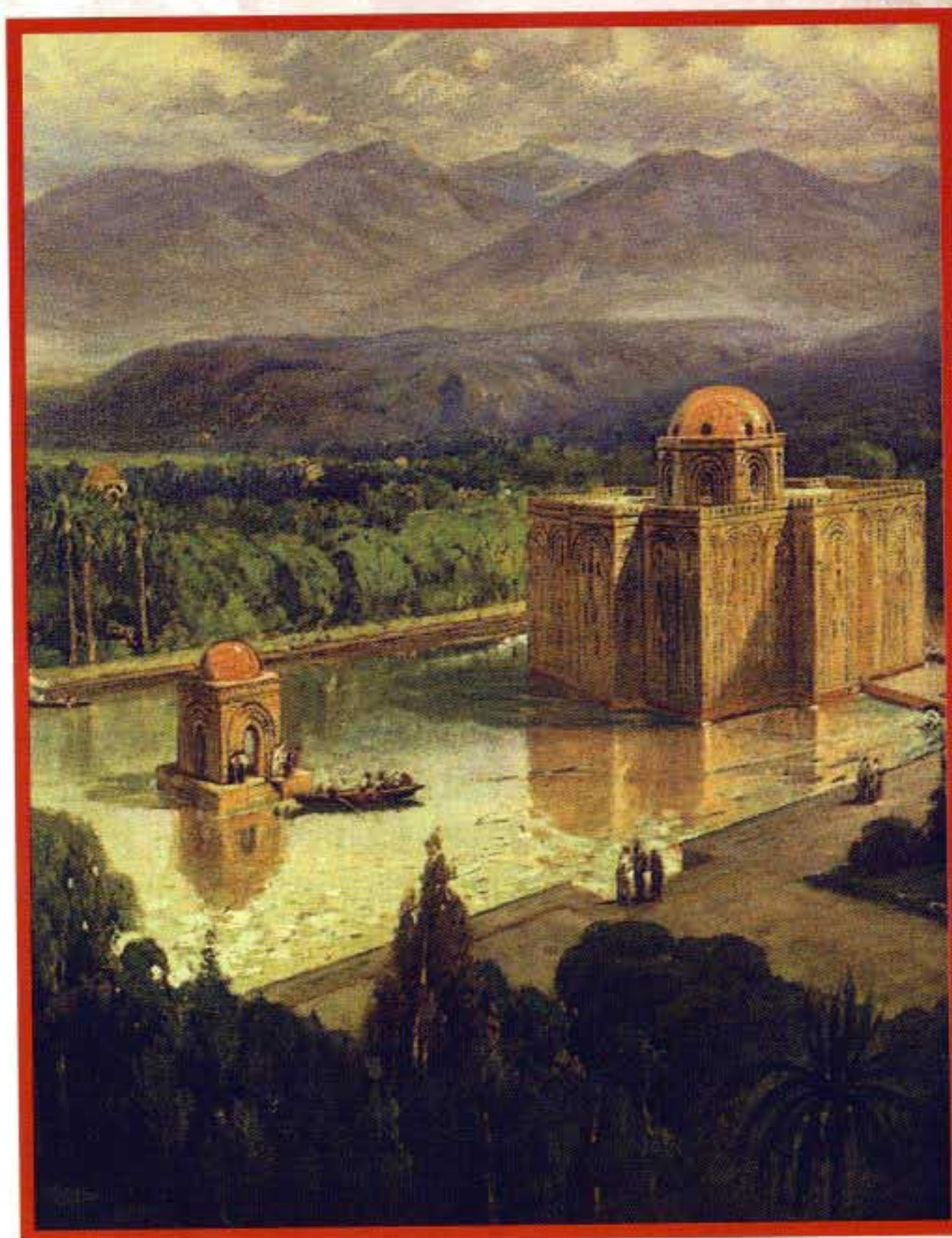
Кроме пленных, Вильгельму достались греческий флот и казна, направленная василевсом для выдачи жалованья войскам и приобретения новых союзников. Но королю

и этого было мало. Он начал мстить своим прежним подданным за измену и переход на сторону врага. В Бари, невзирая на мольбы жителей о пощаде, были разрушены все дома (кроме церквей). Мятежных баронов вешали, ослепляли, или топили в море. На Сицилии многих греков, заподозренных в симпатиях к Византии, пытали в тюрьмах. Их имущество конфисковывалось. В памяти потомков король Вильгельм I остался Злым.

Мануил тяжело переживал поражение. Рушилась его Римская мечта, были отняты плоды «величайших и прекрасных дел».

В 1157 г. Вильгельм нанес еще один чувствительный удар по престижу византийского императора. Он послал сорок кораблей под командованием своего любимца — адмирала Майо в дальний рейд. Обогнув Элладу, норманны высадились на острове Эвбея, сожгли Негропонт и опустошили его окрестности. Затем они беспрепятственно проникли в Мраморное море и вскоре оказались под стенами Константинополя. Даже в Золотом Роге не оказалось ни одного ромейского дромона. Норманны приблизились к царскому дворцу во Влахернах и обстреляли его особыми — серебряными стрелами. Экипажи громко славили короля Вильгельма, а жители столицы, высыпавшие на городские стены, с ужасом слушали варварские крики «кельтов». Свершив задуманное, Майо беспрепятственно вернулся на Сицилию. По престижу Мануила был нанесен чувствительный удар.

Для продолжения войны он послал в Италию протостратора¹ Алексея Аксуха. Византийцы еще держались в Анконе, и здесь Аксук, располагавший значительными денежными фондами, попытался сколотить новую коалицию против Сицилии. Ряд местных феодалов согласились выступить на стороне ромеев, но расчет привлечь к союзу императора Фридриха провалился. Более того, именно Барбаросса становился главным врагом Византии на западе. Он считал территорию Италии своим законным владением и в 1158 г. перешел Альпы, чтобы утвердиться на Апеннинах, даже если бы понадобилось воевать с греками. В этой ситуации византийские эмиссары, в соответствии с полученными из Константинополя инструкциями и при содействии Папы Римского, пошли на заключение мира с Сицилией.

Дворец наслаждений норманнских королей. Куба, Сицилия

Мануил признавал за Вильгельмом королевский титул, а норманны давали неопределенные обещания вместе с Византией противодействовать германской экспансии в Италии. Василевс рассматривал достигнутое соглашение как временную уступку обстоятельствам. Он не собирался отказываться от своих стратегических целей. Однако на деле, договор с королем Вильгельмом I означал полный отказ василевса ромеев от территориальных притязаний в данном регионе. Вот так и закончилась Итальянская кампания императора Мануила I. Автократор мечтал о возрождении Великой Империи, но у него не было ни ресурсов, которыми располагал Юстиниан, ни полководцев, по таланту сравнимых с Велизарием. Византийцы уходили на восток, за море. Правда, восемьдесят лет спустя ромейские воины еще раз увидят бездонное небо Италии. Сицилийское королевство неожиданно станет союзником Византии, но это совершенно особая, невероятная история. О ней речь впереди.

¹То есть главного царского конюшего.

«Восточный фронт». 1156–1159 гг.

Во второй половине 50-х гг. XII века, одновременно с ведением войны в Италии император Мануил вновь обратил внимание на Антиохию, где правила династия потомков Боэмунда Тарентского. Вкратце остановимся и на этих событиях.

Еще в 1149 г. князь Раймон погиб в битве с мусульманами. Его вдова, княгиня Констанция обратилась за покровительством к Мануилу. Казалось, невозможно найти лучший повод для восстановления суверенитета Византии в бывшей провинции. Беда только, что к этому времени Антиохия оказалась отрезанной от империи территорией армянского государства в Киликии. У Константинополя оказались связаны руки, а в Антиохии вздохнули свободнее. Там отвергли проект династического брака между Констанцией и родственником императора кесарем Иоанном. Вместо этого вдова вышла замуж за французского рыцаря Рено Шатильонского.

Внешне Мануил не проявлял недовольства. Он надеялся с помощью нового князя навести порядок в Киликии. Однако Рено и сам оказался крайне амбициозным политиком. Он заключил союз с армянским правителем Торосом, а в 1156 г. произвел кровавый набег на принадлежавший Византии Кипр, дочиста ограбив остров. Такое оскорбление не могло остаться без ответа.

**Император
Мануил I**
(1143–1180 гг.).
Золотой иперпирон

В 1158 г., совершив стремительный бросок на восток, Мануил почти без сопротивления овладел Киликией. Принудив Тороса к повиновению, он двинулся на Антиохию. Рено не мог рассчитывать на поддержку других крестоносных государств, изнемогавших в борьбе с мусульманами

и заинтересованных в помощи Византии. Пришел час расплаты за кипрскую авантюру.

В жалком рубище и с веревкой на шее, Рено явился в лагерь ромейского войска и валялся в пыли у ног Мануила, униженно моля царя о пощаде. Время покажет, что подобные драматические представления и клятвенные заверения в нерушимой верности сюзерену не имели для князя никакого значения. Человек, лишенный каких-либо нравственных принципов, он еще не раз станет причиной крупных неприятностей христиан на Ближнем Востоке. Но в эту минуту, глядя на поверженного врага, Мануил испытывал чувства триумфатора. После Пасхи 1159 г. он совершил торжественный въезд в Антиохию. При этом не только рыцари и заносчивые бароны выражали василевсу полную покорность. Сам король Иерусалимский Балдуин держал себя как верный вассал императора.

Позднее Антиохийское княжество разделило судьбу всех государств крестоносцев на Ближнем Востоке. Ослабленное непрерывной войной против мусульман, а также внутренними династическими распрями, оно в 1268 г. было покорено египетскими мамлюками.

Венецианское каприччо. 1171–1175 гг.

В ходе Итальянской кампании Византия растеряла всех союзников и приобрела новых опасных врагов. Фридрих Барбаросса намеревался подчинить весь Апеннинский полуостров, а Мануил не жалел средств для финансирования борьбы, которую вели против немцев города так называемой Ломбардской лиги. Крупнейшим успехом такой политики стала присяга на верность, принесенная василевсу Миланом. Первоначально Венеция также примкнула к этому союзу, но затем вышла из лиги, надеясь получить гораздо большую выгоду на посредничестве между враждующими сторонами.

А неугомонный царь Мануил, по-прежнему, стремился приблизить рубежи империи к Италии, чтобы еще более активно влиять на происходящие там события. После победоносного завершения войны с Венгрией, в 1167 г. в состав Византии вошли

Далмация, Хорватия и Босния, т.е. практически все восточное побережье Адриатики. С другой стороны эмиссары Мануила снова объявились в Анконе, и вскоре этот порт стал настоящей военной базой ромеев в Италии. Подобная экспансия вызвала резко негативную оценку со стороны Венеции, власти которой решили, что греки хотят взять под контроль всю морскую торговлю в регионе.

Василевс не остался в долгу. Рассматривая нейтралитет Венеции как враждебное нежелание присоединиться к антигерманскому союзу, он заключил союз с давней соперницей Венеции — Генуей. Купцам этой морской республики в Византии были предоставлены привилегии и особый квартал для поселения в столице империи.

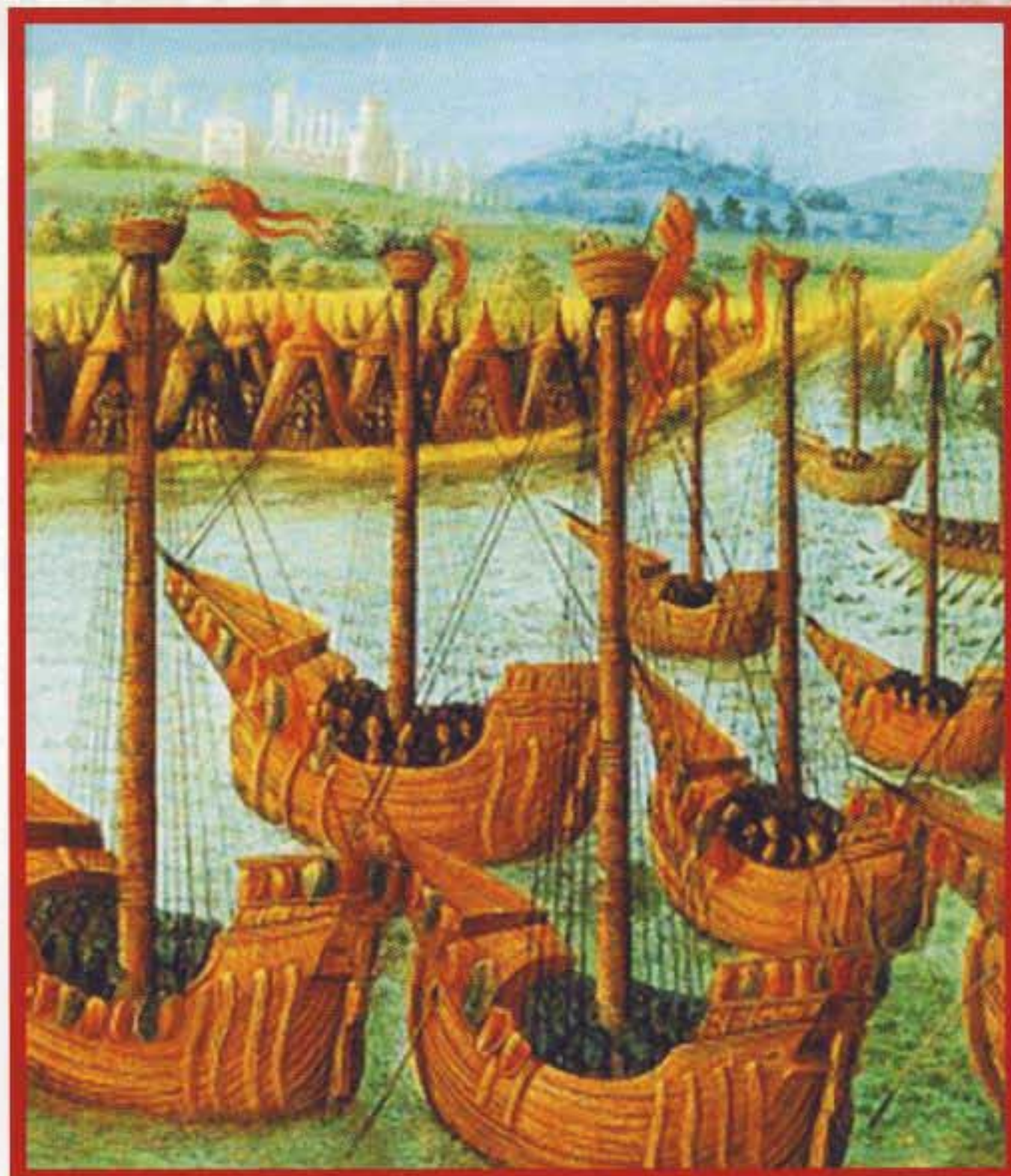

Венецианские купцы в Константинополе.
Итальянская миниатюра XV в.

Венецианцам очень не понравилось усиление позиций конкурентов. Они напали на генуэзскую колонию в Константинополе, учинив там пожары, погромы и грабежи. Не обошлось и без человеческих жертв.

Возмущенный безобразиями в собственной столице, Мануил потребовал компенсаций для пострадавших, но венецианцы отказались их внести. Тогда 12 марта 1171 г. по царскому приказу на всей территории империи был наложен арест на венецианских купцов и принадлежавшие им корабли и товары. Венеции нанесли огромный экономический ущерб, и аристократическая республика открыла военные действия против Византии.

Венецианский флот проник в Эгейское море и разграбил остров Хиос. Правда, вслед за этим его потрепала в море византийская эскадра, но война еще не закончи-

Венецианский флот

лась. В 1173 г. немецкие отряды с суши, а венецианцы с моря осадили Анкону. Если верить византийским историкам, деятельное участие в обороне города принимали советники, присланные Мануилом. Щедро субсидируя царским золотом вербовку наемных отрядов, они укрепили волю жителей к сопротивлению. В конце концов, немцы были разбиты и бежали, а паруса венецианских кораблей исчезли за линией горизонта.

И все же итальянская политика императора Мануила завершилась тяжелой неудачей. Империя исчерпала ресурсы, ничего не добившись. В 1175 г. автократу пришлось вернуть «скитальцам-промышленникам, одаренным хитрым умом» (так назвал венецианцев византийский историк) все прежние привилегии, да еще гарантировать компенсацию за события четырехлетней давности.

Даже когда 29 мая 1176 г. армия Фридриха Барбароссы была разгромлена ополчением Ломбардской лиги при Леньяно, василевс не смог воспользоваться плодами победы своих союзников. Мануил отправился в поход против сельджуков и 17 сентября потерпел страшное поражение при Мириокефалоне.

Византия больше не могла воевать, а Фридрих Барбаросса становился все сильнее и уже не сдерживался. В письме к Мануилу он сознательно допустил откровенно наглый тон. «Германские императоры, получившие власть от славных императоров римских, — писал он, — должны управлять не только Римской империей, но и греческим королевством». Давно уже никто не позволял себе подобным образом обращаться с преемниками Константина Великого.

В Италии Барбаросса также распространял свое влияние. Не без унижений, но он все же заключил мир с Ломбардской лигой и помирился с Папой. Еще важнее, что ему удалось женить своего сына Генриха на дочери короля Сицилии Рожера II Констанции. В 1194 г. правление норманнов на Сицилии закончится. Устранив соперников, император Генрих VI станет хозяином королевского дворца в Палермо. Но пока потомки славного рыцаря Танкреда д'Отвиля не думают о близком конце династии. Их умами владеют воинственные планы походов в империю греков.

1185–1187 гг.

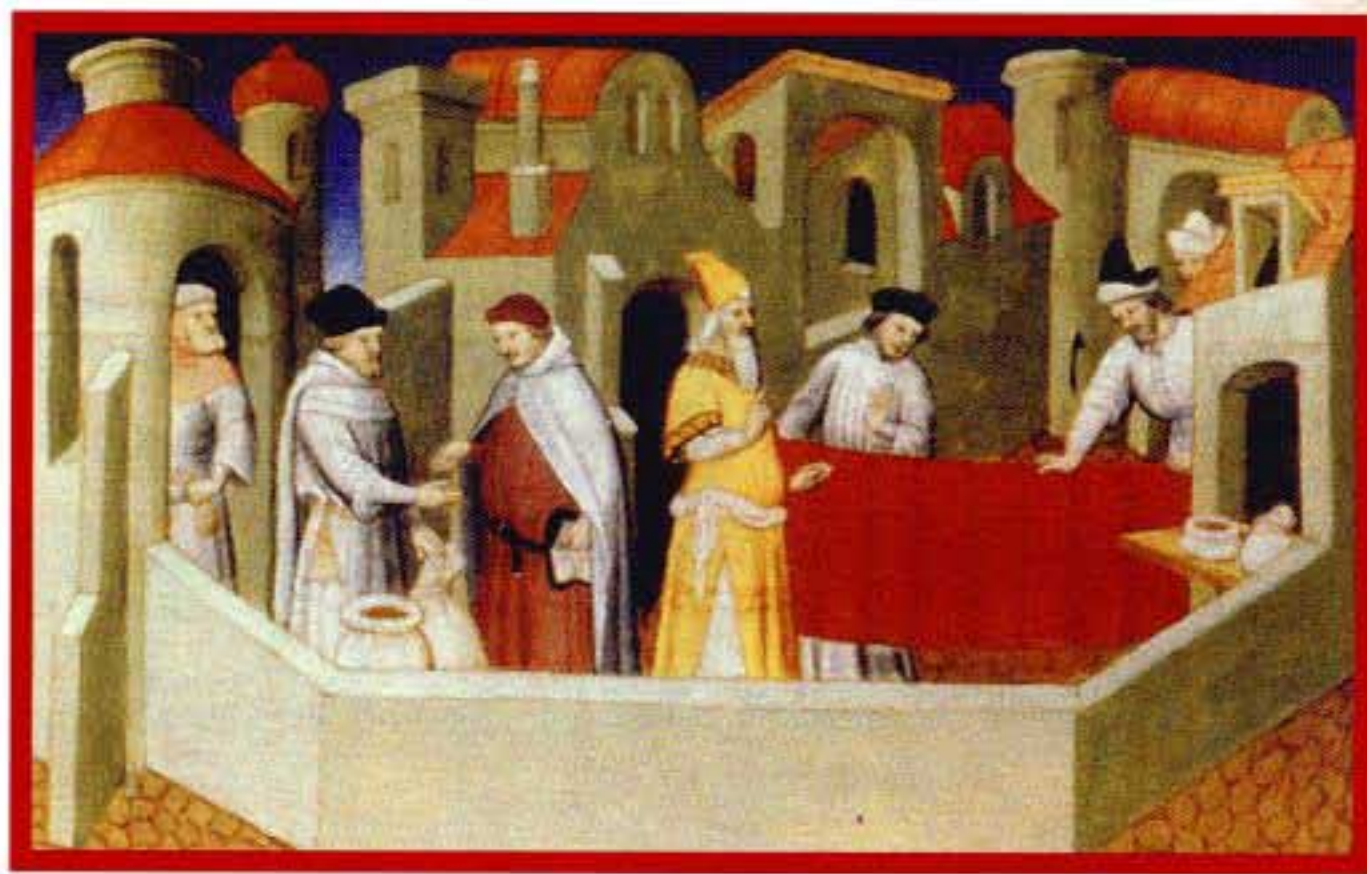
Обычно византийские дипломаты заключали мирные договоры со вчерашними противниками сроком на тридцать лет. Очередная война норманнов против империи началась до истечения этого срока. Поводом к ней послужили драматические события в Константинополе.

24 сентября 1180 г. император Мануил скончался. Новым василевсом был провозглашен его одиннадцатилетний сын Алексей II (1180–1183 гг.). «По незрелости возраста и недостатку благоразумия», он совсем не занимался государственными обязанностями. Какое-то время реальная власть оставалась в руках его матери — императрицы Марии. В столице ее не особенно жаловали, считая покровительницей западной партии.

Национал-патриотам не удалось избавиться от царицы-чужеземки¹, зато разъяренная толпа устроила в итальянском квартале столицы неслыханный погром. Современный читатель, живущий уже в нашей «Византии» легко может представить,

как это бывает. Дескать, «знаем мы вас, понаехали тут!» Ну а потом процесс пошел, да так, что уже и не остановишь.

Издавна живших в столице империи иностранцев (в основном это были итальянцы) зверски убивали без снисхождения к возрасту и полу. Не пожалели ни людей, искавших спасения в католических церквях, ни беспомощных больных в госпиталях. Страшные рассказы о Константинопольской резне 1182 г. еще долго с содроганием вспоминали в Западной Европе. Придет час, и это преступление послужит идеологическим обоснованием беспощадной мести Запада грекам-схизматикам.

**Венецианский квартал
в Константинополе.**
Итальянская миниатюра XV в.

Ну а пока, в качестве спасителя Ромейского царства от засилья латинян, византийцы все чаще называли двоюродного брата покойного царя — Андроника Комнина. В апреле 1183 г. Андроник с войском вступил в столицу и начал наводить долгожданный порядок. По его приказу императрицу Марию лишили жизни, затем тетивой от лука был задушен законный василевс Алексей II. Старшую дочь Мануила — кесариссу Марию отравили вместе с мужем.

Став единоличным автократом, Андроник I (1183–1185 гг.) взялся за государственный аппарат, беспощадно искореняя злоупотребления чиновников. Аристократия платила царю глухой ненавистью, а затем и открытыми мятежами. На них Андроник отвечал свирепым террором. Враги императора умирали в мучениях. Людей пытали и казнили изощренными способами,

¹Вторая жена Мануила являлась дочерью князя Раймона Антиохийского.

превосходившими все, на что способно человеческое воображение. Казалось, вернулись суровые времена Тиберия и Калигулы...

Столь активные внутренние преобразования не оставляли василевсу времени для проведения сколько-нибудь внятной внешней политики. Тем не менее, прямым следствием борьбы Андроника с оппозицией стала иностранная интервенция и очередная война с норманнами.

В это время трон в Палермо занимал Вильгельм II (1166–1189 гг.). В отличие от своего отца он звался «Добрый». Сие похвальное качество проявлялось, в частности, в том, что «наложницы его гарема были сплошь мусульманками». Зато король развязал против Византии одну из самых жестоких войн и, разумеется, во имя «восстановления попорченной справедливости». Как пишет историк, «этот, в общем-то, миролюбивый человек имел неприятную склонность к заграничным военным авантюрам».

Король Вильгельм II Добрый (1166–1189 гг.) преподносит собор в дар Богородице. Мозаика из собора Монреале, Сицилия

На Сицилии объявился некий молодой человек, называвший себя василевсом ромеев Алексеем II, избежавшим расправы кровожадного тирана и узурпатора Андроника. Был там и еще один Алексей Комнин, действительно приходившийся внучатым племянником императору Мануилу. Бывший царский виночерпий мог бы разоблачить самозванца, но он сам рассчитывал с помощью норманнов овладеть Константинопольским престолом. Дело оставалось за малым — требовалось начать межгосударственный вооруженный конфликт. Вряд ли Вильгельм II был настолько наивным человеком, чтобы не иметь в таком деле собственных интересов. Используя лже-царевича в своих целях, летом 1185 г. он направил на Балканский полуостров большое войско (до 80 тысяч человек).

На этот раз норманны нанесли комбинированный удар. 24 июля они без боя овладели Диррахием. Оттуда латиняне двинулись к Фессалонике и 6 августа осадили ее. 15 августа сильная сицилийская эскадра блокировала порт с моря. Борьба за Фессалонику стала главным событием развернувшейся военной кампании.

На беду для ромеев василевс Андроник доверил оборону города своему родственнику Давиду Комнину. Человек никчемный и бездарный стратиг, он боялся гнева императора больше, чем целой армии норманнов. Давид слал в столицу далекие от реальности сообщения о том, что врагам никогда не взять крепость. На самом деле Фессалоника вообще не была готова к обороне. Не были заготовлены запасы воды и продовольствия, не хватало стрел и камней для метательных машин. Никто не видел коменданта в воинском снаряжении, зато он разъезжал по городу верхом на осле, облаченным в нелепые широкие шаровары. Когда стены содрогались под ударами таранов, Давид не предпринимал никаких мер для отпора неприятелю. Предложение провести вылазку, чтобы отбросить атакующих, он тоже отверг. Некоторые части гарнизона сражались очень храбро. Особую отвагу проявили отряды болгар, аланов и сербов, но пассивность командующего обрекла Фессалонику на страшную участь.

24 августа, узнав от изменивших долгу и присяге немецких наемников о наиболее уязвимых местах в обороне, норманны подвели подкоп под восточную стену. Укреп-

ление рухнуло и атакующие ворвались в город. Описания их бесчинств, оставленные современниками, полны натуралистических деталей. Читать такие строки нелегко. В начале XXI века человеку даже представить трудно, какие муки пережили и что чувствовали обреченные жители в те страшные, последние минуты... «Меч гулял по всем, и только удар, прекращавший жизнь, полагал предел неистовству». Убивали везде, даже в храмах. На улицах и в домах погибло около семи тысяч человек.

Не щадили и священных реликвий. Дикари глумились над иконами, оскверняли алтари. Даже когда один из норманнских графов пожелал унять разбушевавшуюся солдатню, он въехал в церковь верхом на коне. Наконец, победители пресытились кровью. Они до нитки ограбили уцелевших горожан и выгнали их из домов.

Оставив в Фессалонике гарнизон, норманны продолжили наступление в двух направлениях. Одна часть войска двинулась на северо-восток — к Серрам. Другая направилась к Константинополю. Сицилийский флот вошел в Мраморное море.

Император Андроник велел укрепить городские стены и начал перебрасывать во Фракию подкрепления, но результатов своих усилий он так и не дождался. 12 сентября в Константинополе произошел переворот. Два дня спустя василевс погиб в страшных мучениях, а на престол взошел основатель новой династии Исаак II Ангел. Историки сходятся в уничижительных оценках этого человека. Тем не менее, в его царствование византийская армия, выпескованная еще Комнинами, одержала над врагами империи несколько важных побед. Наступил перелом и в войне с норманнами.

Осень перевалила за половину, а сицилийское войско, дойдя до Мосинополя (около 300 км к западу от Константинополя), остановилось и бездейство-

вало, стремительно разлагаясь¹. В октябре латиняне были атакованы и разбиты ромейским полководцем Алексеем Враной. Византийцы рассеяли несколько вражеских отрядов, опустошавших окрестности, а затем ворвались в город на плечах противника. Теперь уже ромеи «пресытились убийствами, давно не вкушавши лакомств Арея».

7 ноября в упорной битве при Димитрице на реке Стримон византийцы одержали новую победу. Сначала норманны стойко держались, но к вечеру обратились в бегство и были сброшены в ледяную воду. Тяжелая сталь кольчуг тянула пришельцев вниз, навсегда укутывая илом и вязким песком. Византийские источники оценивают общие потери неприятеля в 10000 человек убитыми. Уцелевшие в полном беспорядке с трудом добрались до Фессалоники.

Фактически эта катастрофа означала конец военной кампании. Эскадра норманнов покинула Мраморное море. Пехота и кавалерия эвакуировались из Фессалоники, не помышляя о защите города. При этом буря погубила многие суда, а тех воинов, кому не хватило места на кораблях, перебили вступившие в город аланские вспомогательные отряды. Кавказцы беспощадно мстили за своих соплеменников, погибших в августе.

Принцесса Констанция д'Отвиль покидает монастырь, чтобы обручиться с сыном германского императора Фридриха Барбароссы Генрихом

¹Любопытно мнение Ф.И. Успенского, считающего, что норманны были ослаблены болезнями и «излишествами в пище и питье», допущенными после взятия Фессалоники.

Диррахий еще держался какое-то время, но вскоре Вильгельм вывез его гарнизон в Италию. Но и это еще не все. В ходе войны византийцы взяли около 4000 пленных. Теперь они во множестве умирали от голода в тюрьмах Константинополя. В особом послании Вильгельм упрекал императора в бесчеловечности, но Исаак даже не ответил королю. Только в 1187 г. между двумя государствами был заключен мирный договор, предусматривавший обмен выжившими военнопленными. Ценой невероятного напряжения сил Византия отразила очередное нападение норманнов. Империя в последний раз одержала победу.

Кафедральный собор в Палермо, Сицилия. Общий вид

Прошло еще два года, и в отношениях между двумя странами случился новый поворот. В 1189 г. скончался король Вильгельм II. Сыновей (по крайней мере, законных) у него не было. Теперь престол должен был перейти к германскому кайзе-

ру Генриху VI, женатому на тётке Вильгельма II — Констанции. Чтобы не допустить на престол Сицилийского королевства сына Фридриха Барбароссы, норманны избрали новым королем графа Танкреда де Лечче.

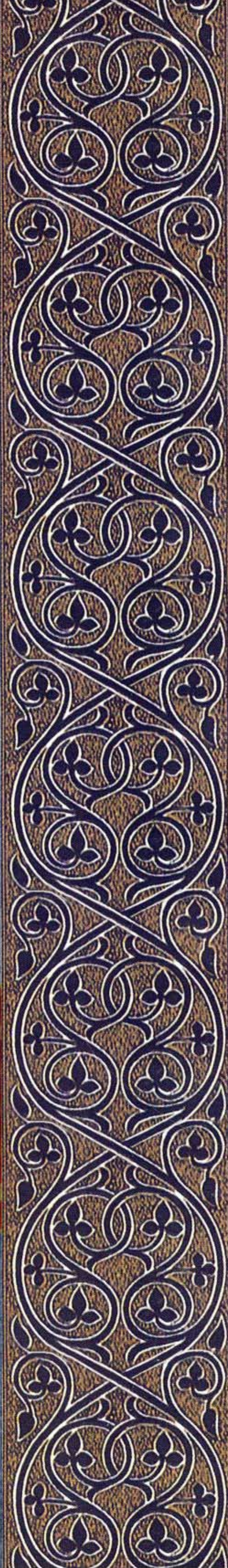
Объективно этот шаг был выгоден Византии, опасавшейся усиления немецкого влияния в Италии. Исаак II Ангел даже решил скрепить намечающийся альянс, обручив свою дочь Ирину и Рожера, сына Танкреда. И все же Ромейское царство вышло из Итальянских войн ослабленным. Византия не могла оказать реальной помощи вновь обретенному союзнику. В начале 1194 г. герцог Рожер скончался. Тяжело пораженный этим несчастьем, вскоре умер и Танкред. Генрих VI Германский почти без сопротивления овладел Сицилией, подчинив обширное королевство власти германской династии Гогенштауфенов.

Новый император потребовал, чтобы Византия в качестве норманнского наследства вернула ему земли от Диррахия до Фессалоники. Константинополь уговаривал Генриха удовольствоваться данью. Но тут выяснилось, что в казне нет денег, а попытка ввести специальный «немецкий» налог «аллеманикон» вызвала нешуточные беспорядки в столице. Чтобы избежать войны, которой Ромейская держава просто не выдержала бы, пришлось перечеканить на монету золотые украшения, собранные с гробниц прежних василевсов. Неожиданная смерть Генриха VI на время избавила Византию от латинского вторжения, но полуторазековая борьба империи за свои западные провинции была проиграна окончательно. Византия одолела норманнов, но их преемники в Палермо и Неаполе еще доставят ромеям немало неприятностей.

КОГДА ЗАПАД ПРИШЕЛ НА ВОСТОК

*Запад есть запад,
Восток есть восток,
И с места они не сойдут
Пока не предстанет небо с землей
На страшный Господний суд.*

Д. Р. Киплинг

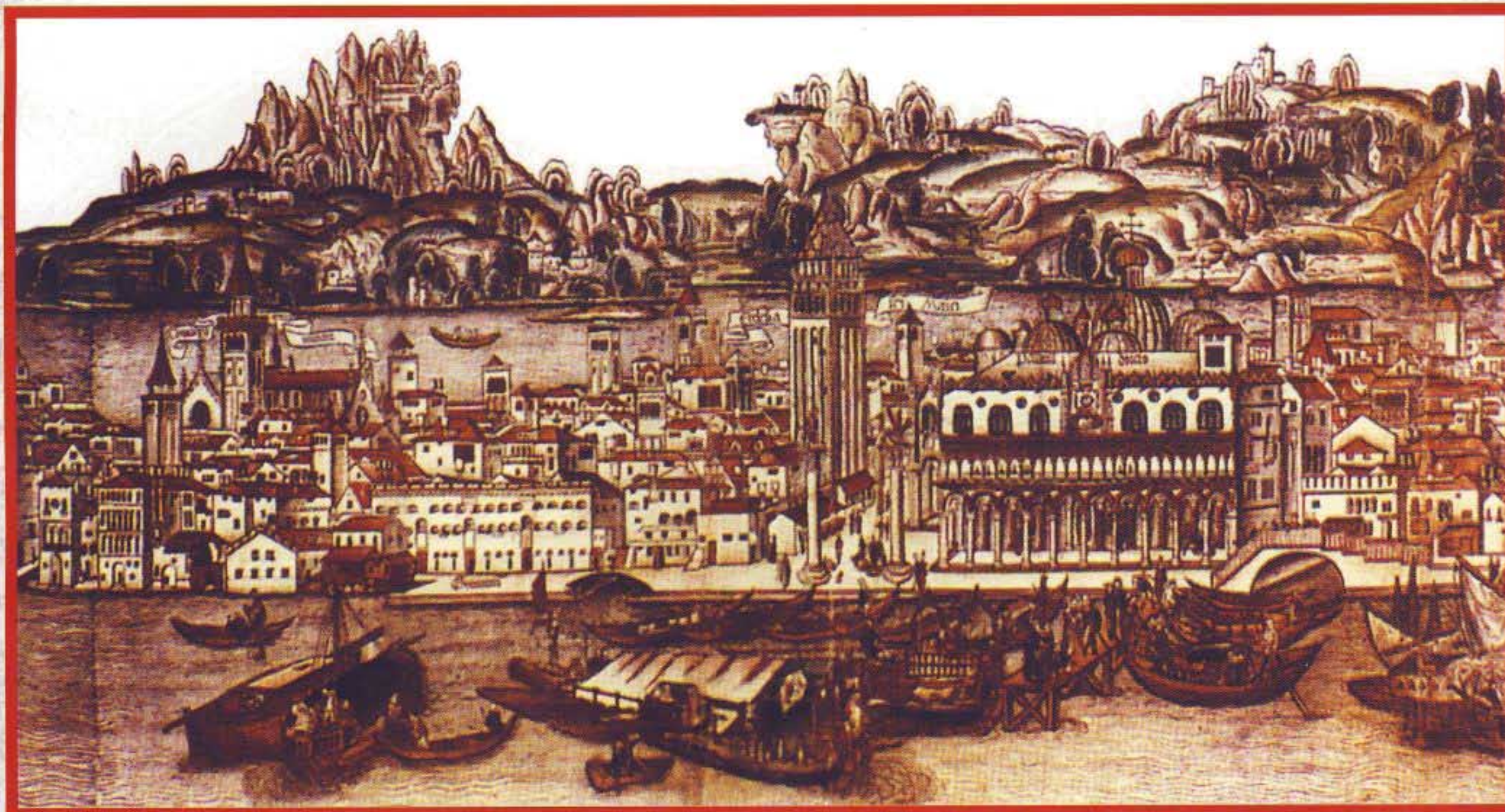
х как не хочется автору начинать эту главу. У Никиты Хониата с ужасающе натуралистическими подробностями описано, как варвары-латиняне, ворвавшиеся в Константинополь весной 1204 г., жгли и грабили царственный город, насиловали и убивали. Чтобы вывезти несметную добычу, дикари вводили под своды святых храмов выючных животных, которые оскверняли испражнениями и кровью мраморные полы тонкой работы. Чудотворные образы обращались в сиденья и столешницы. Блудницы бесстыдно плясали на алтарных престолах перед пьяными от вина и крови западными пришельцами.

Крестоносцы не щадили ни живых, ни мертвых. Даже могилы василевсов прежних веков они подвергли осквернению в поисках сокровищ. Ни читать, ни пересказывать подобные вещи нет никаких сил. Поэтому

перейдем к изложению военно-политических событий IV Крестового похода. Пусть, по возможности, будет оно бесстрастным, тем более, что Ромейская держава выжила даже после такого страшного удара, хотя никогда от него так и не оправилась.

Читатель знает, что еще в конце XI века вожди «пилигримов», направлявшихся через территорию Византии для освобождения Гроба Господня, рассматривали возможность захвата Константинополя. Сто лет спустя к подобной мысли пришел Фридрих Барбаросса, взбешенный задержкой своих послов при дворе императора Исаака Ангела.

И все же, какими бы грубыми и кровавыми не казались ромеям вожди западных рыцарей, они, по крайней мере, открыто заявляли о своих целях, главной из которых неизменно оставался Иерусалим. Побуянив в окрестностях Константинополя, «паломники» продолжали путь на восток, к пределам Святой Земли. Положение изменилось, когда в игру включилась Венеция. Обладая мощным торговым и военным флотом аристократическая республика не боялась вступать в открытое вооруженное противостояние с ромеями. Легкие и быстроходные венецианские галеры, внезапно появлявшиеся из синевы моря,

Вид Венеции. Гравюра XV века. Используя участников IV Крестового похода в своих целях, аристократическая республика извлекла наибольшую выгоду из разгрома Константинополя

высаживали десанты на византийские берега и, опустошив их, исчезали в бескрайней дали. Разваленный невниманием властей имперский флот ничего не мог противопоставить этим разбойничьим набегам.

Еще больше положение осложнилось, когда в 1192 г. венецианским дожем стал Энрико Дандоло. Несмотря на более чем преклонный возраст, этот человек сохранил ясный ум, молодые решительность и энергию. Не занимать ему было и ненависти к Византии. Еще при василевсе Мануиле мессир Энрико отправился послом в Константинополь и потерял там зрение. Говорили, что коварные греки подло ослепили его с помощью сияния вогнутого зеркала. Все эти годы униженный аристократ горел жаждой мщения и, придя к власти, смог, наконец, отплатить за перенесенные страдания.

Конечно, даже очень богатая Венеция не обладала столь мощной армией, чтобы сокрушить, хотя бы и изрядно ослабленную, Византию, но вся история IV Крестового похода является наглядной иллюстрацией того, как хитрость победила силу, заставив ее служить своим интересам.

В 1198 г. папа Иннокентий III призвал европейских государей выступить против мусульман. По-видимому, сборы шли без прежнего энтузиазма. Лишь три года

спустя вожди крестоносцев подписали с дожем Дандоло соглашение, согласно которому венецианский флот брался переправить их отряды за море в Египет, на земле которого предстояло развернуться главным военным событиям.

Предполагалось, что в IV Крестовом походе примут участие около 34 тысяч вооруженных «пилигримов». За их обслуживание Венеция получала 85 тысяч серебряных марок. При этом особо оговаривалось, что данная сумма будет внесена вне зависимости от реального числа участников похода.

Тароватые венецианцы как в воду глядели. Когда весной 1202 г. от-

ряды крестоносцев стали прибывать в лагерь на Адриатике, выяснилось, что количество воинов, пожелавших принять крест, значительно ниже расчетного. В результате организаторы похода оказались не в состоянии расплатиться с Венецией. По выражению участника похода Робера де Клари, «графы и простые крестоносцы сильно приуныли». Тогда по поручению высших органов государственной власти Дандоло уведомил союзников, что им может быть предоставлена отсрочка, если они помогут Венеции овладеть городом Задар на восточном берегу Адриатического моря.

К этому времени аристократическая республика уже около двадцати лет оспаривала право обладания Задаром у венгерского короля (который, между прочим, также принимал участие в Крестовом походе). Теперь венецианцам представился удобный случай практически бесплатно вернуть себе город, который «весьма хорош и весьма богат всяким добром».

Раньше задарцы успешно противостояли Венеции, не обладавшей сильной сухопутной армией. Перспектива сопротивления профессиональному рыцарскому войску не оставляла им никаких шансов. Не помогла даже охранная грамота, присланная Иннокентием III.

Папа грозил отлучением всякому, кто осмелится нападать на христианские земли. Задарские послы, прибывшие в лагерь крестоносцев, предъявили этот грозный документ. Графы и бароны колебались, но Дандоло прямо заявил, что не откажется от намерения отомстить жителям города даже под угрозой отлучения.

Этих слов оказалось достаточно, чтобы успокоить совесть большинства воинов Христовых. 24 ноября 1202 г. Задар пал после пятидневного приступа, и Папа в новом послании простил крестоносцам завоевание христианского города. Теперь Дандоло окончательно поверил в возможность

Энрико Дандоло
(ок. 1108–1205 гг.). Дож Венеции и искушенный политик является одним из главных виновников разбойного нападения на Византию и последующего разграбления Константинополя

манипулировать действиями «пилигримов». Держа на финансовом поводке столь знатных и благородных должников, он мог направлять их по своему усмотрению против любого врага. Ни в какой Египет его больше не тянуло, а естественный повод для сведения счетов с Византией представился благодаря счастливому обстоятельству.

Уже пять лет императорский трон в Константинополе занимал Алексей III Ангел, ослепивший своего брата, василевса Исаака II. Западные монархи давно привыкли к подобному порядку престолонаследия у греков и рассматривали его как внутреннее дело Византии. Однако именно в 1202 г., сначала при королевских дворах, а затем и в лагере крестоносцев у захваченного Задара начали шириться голоса в пользу восстановления поправленной справедливости.

Дело в том, что из Константинополя бежал сын свергнутого Исаака Ангела — Алек-

сей. Скорчившись в три погибели в бочке с фальшивым дном, он прибыл на пизанском корабле в Италию и умолял папу Иннокентия о помощи, но так ничего и не добился. Тогда принц отбыл в Германию к своему шуруну Филиппу Швабскому. Король оказал родственнику более радушный прием и вместе с собственными послами отправил в Задар для организации совместных действий с крестоносным войском.

Ну как же благородным рыцарям было не помочь несправедливо обиженному молодому человеку, тем более, что Алексей не скупился на щедрые обещания. Он посулил после восстановления на престоле выплатить спасителям 200 тысяч марок серебра, в течение года содержать крестоносный флот, а затем двинуть византийскую армию для совместных боевых действий против мусульман в Палестине.

Такие слова пришлись по душе вождям похода. Они грели душу и успокаивали совесть. Теперь им предстояло вернуть трон Византии законному наследнику, которого злой родич лишил власти и обрек на скитания. На честно заработанные в ходе столь благородной миссии огромные деньги можно было не только рассчитаться с долгами, но и поправить материальное положение, а затем продолжить священную миссию по освобождению Гроба Господня от неверных. Правда, некоторые сеньоры отказались от нападения на столицу восточных христиан, но большинство отнеслись к этой идее благосклонно.

Ближайшее будущее показало, что Алексей Ангел, «юноша столько же по уму, сколько по летам», не ведал, что говорит, а наибольшую выгоду из его безответственной болтовни извлек все тот же хитроумный Энрико Дандоло. Как пишет Никита Хониат, дож «не хотел умереть — и был как будто недоступен смерти — до тех пор, пока не отомстит ромеям за все обиды, нанесенные его народу». Кроме того, теперь, направляя крестоносцев на Константинополь, он уже представал не в качестве разбойника, но как истовый поборник закона и справедливости.

Перезимовав у Задара, флот крестоносцев в конце апреля 1203 г. вышел в море и взял курс на юг. По дороге они захватили Корфу, а 23 июня показались в виду стен Константинополя. Ромеи не могли противопоставить врагам ничего. Командо-

Алексей III Ангел (1195–1203 гг.) с супругой. Средневековая миниатюра

Реликварий Истинного креста

Византийская святыня, оказавшись на Западе, получила роскошное обрамление из золота, серебра, позолоченной меди и драгоценных камней, но в основе этого шедевра экспозиции Лувра стоит кража восьмивековой давности

вавший царским флотом мегадука (а заодно и свояк василевса) Михаил Стрифн давно разворовал материальную часть боевых кораблей. Он продал паруса, канаты и якоря, словом, все до последнего гвоздя. И это было только начало...

Очевидец трагического падения Константинополя, Никита Хониат оставил следующие горькие строки: «Западные люди уже знали, что Ромейская держава занималась единственно только пьянством или похмельем и представляла собой знаменитый негой город Сибарис». Как будто за долгие века существования этого государства жизненные силы оставили его обитателей и погрузили в спячку, медленно, но необратимо приближавшую державу к смерти.

Истинная правда, но латиняне и вообразить не могли, до какого упадка и разложения дошла некогда великая империя. Вполне возможно, что вожди крестоносцев восприняли отсутствие греческой эскадры, как некую каверзу противника. Чтобы избежать засады, они высадились на азиатском берегу Босфора напротив столицы Византии. Нельзя сказать, чтобы их не

ждали, но сторожевой отряд ромейской конницы бежал, даже не вступив бой. Если верить летописцу IV Крестового похода Жоффруа де Виллардуэну, пятьсот греков были рассеяны восьмьюдесятью французскими воинами.

Обладавшие значительным численным превосходством, византийцы не верили в возможность противостоять закованным в сталь рыцарям, считая их «смертоносными ангелами или неуязвимыми медными статуями».

После столь унижительного поражения Алексей III уже не помышлял о каких-либо наступательных действиях. Василевс направил к латинянам послов, обещая богатые дары, если они удалятся из его владений, но вожди западного войска требовали отречения узурпатора в пользу законного государя Алексея IV. Правда, когда царевича на

корабле провезли вдоль крепостных стен, жители Константинополя отказались признать его.

5 июля крестоносцы переправились на европейский берег Босфора. Под рев труб и барабанный бой их корабли уверенно приближались, вспенивая зеленые волны пролива. На носу головной венецианской галеры возвышалась фигура девятиностопятилетнего старца. Дождь Энрико Дандоло одним из первых ступил на землю. За ним последовали «добрые лучники, добрые арбалетчики и добрые оруженосцы».

Греки и на этот раз не приняли боя. Вид броненосных рыцарей, высаживающихся прямо в воду с транспортных судов юиссье и неотвратимо приближающихся к берегу, повергал в ужас. Как будто библейские чудовища-левиафаны выходили из моря, чтобы пожрать православных за тяжкие грехи их. А когда латиняне вывели по сходням боевых коней, и на прибрежных откосах выстроились несколько стальных фаланг, византийцы обратились вспять. И нельзя их было настичь «даже стрелой».

На этом крестоносцы не остановились. На следующий день они штурмом взяли Галатскую башню на северном берегу Золотого Рога, сломив упорное сопротивление гарнизона, состоявшего из наемников-варягов, а также давних соперников венецианцев — генуэзцев и пизанцев. В то же время была отражена вылазка греков из города, которые прибыли на баржах, чтобы помочь защитникам башни. Победители разорвали железную цепь, преграждавшую дорогу кораблям, и беспрепятственно вошли в залив, создав прямую угрозу Влахернскому дворцу василевса. После этого было решено, что французы осадят город с суши, а венецианские суда с моря.

С 7 по 16 июля крестоносцы отразили несколько вражеских вылазок. Греки действовали нерешительно и каждый раз отступали, почти не причинив латинянам урона. Судьба царственного города решилась 17 июля 1203 г.

В тот день крестоносцы сразу с двух направлений предприняли штурм Константинополя. Французы и фламандцы во главе со знатными графами атаковали ук-

репления, примыкающие к Влахернскому дворцу.

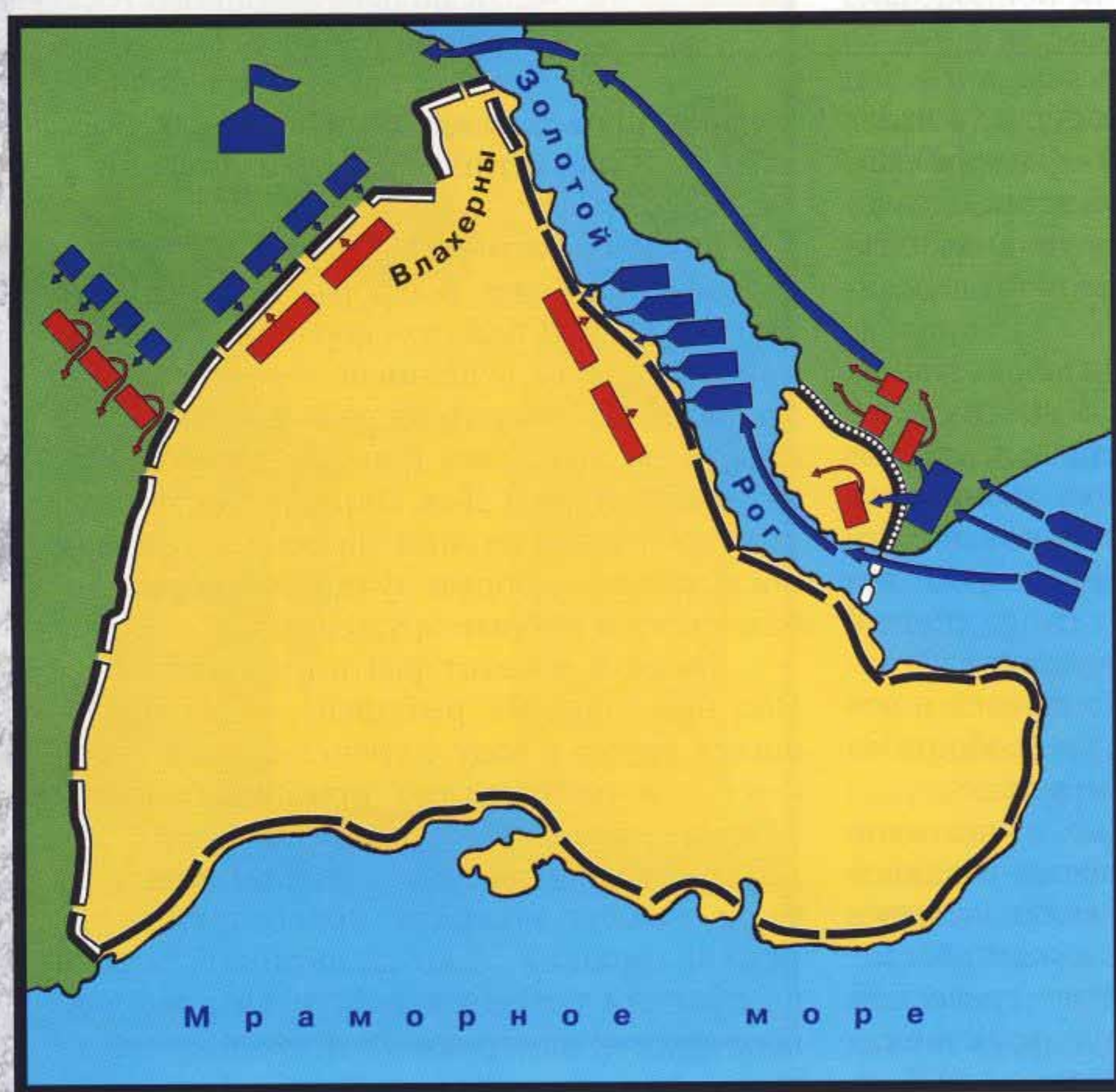
По воспоминаниям очевидца, «приступ был весьма могуч, суров и продолжителен». Латиняне сумели по приставным лестницам взобраться на стену. Здесь их встретили царские варяги, бившиеся громадными секирами. Французам пришлось очень туго. В конце концов их сбросили вниз, а двоих рыцарей взяли в плен и представили василевсу. Алексей был очень доволен победой и известиями об уроне, нанесенном противнику, но все еще только начиналось.

Одновременно с крестоносцами венецианцы, увлекаемые дожем Дандоло и знаменем Святого Марка, подняв штурмовые мостики над палубами кораблей и приставив с берега длинные лестницы, ворвались на стены, протянувшиеся вдоль южного берега Золотого Рога. Одну за другой, атакующие захватили двадцать пять башен и ближайшие кварталы. Правда, Дандоло не решался продвигаться вглубь города. Он опасался втянуться в уличные бои с превосходящими силами греков, полагая, что император сосредоточил огромное войско для защиты

и без упорного сопротивления не оставит свою столицу.

Действительно, до сей поры еще не разу чужеземцам не удавалось штурмом взять Константинополь. Вот и теперь Алексей двинул к месту прорыва сильные резервы. Венецианцы поняли, что не смогут удержать наступление противника и начали поджигать дома, прилегающие к укреплению. Северный ветер понес пламя в сторону города, и тогда, под прикрытием жирного черного дыма, воины Дандоло отступили к ранее захваченным башням. Позднее, узнав о неудаче крестоносцев у Влахерн, венецианцы и вовсе оставили с таким трудом и жертвами взятые укрепления.

Ободренный успехом в отражении вражеского

Боевые действия у Константинополя 5–7 июля 1203 г.

Крестоносцы штурмуют Константинополь. *Западноевропейская миниатюра*

натиска и, в то же время, встревоженный злобой уличной толпы, обвинявшей василевса в нежелании защищать царственный город, Алексей III отважился выступить с войском против латинян.

Его армия десятикратно превосходила силы крестоносцев. Сам император возглавил отборный отряд конницы. Кроме того, из городских ворот бесконечной лентой изливалось пешее ополчение, составленное из горожан. Западным воинам казалось, что греческие отряды стальным ковром покрыли всю равнину. «А женщины и девушки во дворце Влахернском прильнули к окнам, и другие жители города, и их жены и дочери, взобрались на стены города». Все они напряженно всматривались в поле предстоящей битвы.

Даже с учетом невысоких боевых качеств византийцев, с большой уверенностью можно утверждать, что решительная атака просто смела бы латинян. На этом IV Крестовый поход, скорее бы всего, и завершился. Но в реальной истории летний день 17 июля 1203 г. закончился совсем по другому.

Пока яркое южное солнце тысячами бликов играло на стальных доспехах, про-

тивники какое-то время присматривались друг к другу. Затем произошло невероятное. Византийские фаланги начали сворачиваться и потянулись обратно к воротам. В это невозможно поверить, но огромная греческая рать отступила без боя. «Пилигримы Христовы» начали было продвигаться вслед за противником, но потом вернулись в лагерь, где «подкрепились немного и немного выпили», празднуя бескровную победу.

Вожди крестоносцев называли внезапное отступление греческой армии чудом. Византиец Никита Хониат объяснял его низкой трусостью василевса Алексея, который уже смирился с потерей столицы и думал лишь о собственном спасении путем постыдного бегства.

Жители Константинополя роптали и открыто поносили императора. Алексей обещал, что завтра снова сразится с латинянами, но вместо этого ближайшей ночью бежал из города, бросив даже собственную семью. Зато он захватил столько золота, сколько могли унести лошади его небольшой свиты. Вот так, отразив вражеский штурм, столица Ромейского царства пала из-за малодушия своего государя.

«Трусливейший из людей! — с гневом писал об Алексее Никита Хониат — Его не остановило нежное родительское чувство к детям; его не удержала любовь к жене, его не тронула судьба великого города». Неудачливый василевс заботился лишь о спасении собственной особы.

Более суток столица великой империи оставалась без верховной власти. 19 июля возбужденная толпа ворвалась в тюрьму и извлекла оттуда слепого и всеми забытого Исаака II. Царственный узник хорошо помнил о страшной судьбе императора Андроника, замученного чернью, и решил, что пробил его последний час. Однако, свергнутого монарха доставили во дворец и облачили в пурпур. Он снова обрел престол Ромейской державы.

Крестоносцы так и не ворвались в Константинополь, но их вожди признали восстановление Исаака на троне лишь после того, как тот принял все финансовые обязательства, взятые на себя его сыном. Безвольный царь даже согласился с верховенством Папы Римского в церковных делах на территории империи. Также в угоду крестоносцам царевич Алексей стал соправителем отца. 1 августа 1203 г. (как говорили католики: «в день монсеньора Святого Петра») он был коронован.

В соответствии с достигнутым соглашением, пилигримы остались у стен столицы. Официально для того, чтобы упрочить власть Исаака и Алексея Ангелов; фактически, чтобы получить обещанные 200 000 серебряных марок.

Следующие несколько месяцев Константинополь жил тревожной, полной неопределенности жизнью. Ромеи ненавидели западных варваров и пресмыкавшихся перед ними василевсов. Ангелы растеряли почти всех сторонников, когда собрали и переплавили золотую и серебряную церковную утварь для уплаты долга крестоносцам. Но даже эта экстраординарная мера покрыла только половину необходимой суммы. Алексея IV открыто поносили за то, что он всюду появлялся в окружении латинян, одетый в их платье и перенявший все западные манеры. Он открыто бражничал с рыцарями и играл с ними в кости. Римский император так вести себя не мог. Не-

удивительно, что провинции признали власть Алексея IV только когда там побывали отряды крестоносцев¹.

На улицах то и дело возникали стычки между византийцами и «франками», приходившими в город. Латинян провоцировали на драки, при первой же возможности грабили. Доходило до смертоубийств.

Храбрые вояки — крестоносцы и сами не давали грекам спуска. Однажды фламандцы и пизанцы учинили погром в мусульманском квартале столицы и подожгли его. Да так, что разбушевавшийся двухдневный пожар уничтожил значительную часть города. Огонь угрожал даже храму святой Софии.

Но все эти происшествия мало волновали предводителей латинян. Гораздо больше их заботило, что Ангелы так и не могли расплатиться по своим долгам. Довольно скоро Исаак и Алексей поняли, что денег взять неоткуда и прямо сообщили об этом вождям Христова воинства. Тогда знатные графы заявили, что будут добиваться восстановления справедливости «по своему усмотрению». Чтобы вразумить вероломных греческих правителей, неистовый Дандоло прямо подбивал союзников к возобновлению военных действий. В ответ Ангелы прекратили поставки продовольствия крестоносцам.

Возможно, василевсы надеялись, что на этот раз все население города, настроенное против пришельцев, поднимется для отпора врагу, но дальнейшие события показали, что старый и молодой цари перехитрили лишь самих себя.

В январе 1204 г. в Константинополе вспыхнул мятеж. Члены синклита объявили «ангелов зла» низложенными. Алексей IV решил обратиться за помощью к маркизу Бонифацию Монферратскому. Эту миссию василевс возложил на одного из своих военачальников — Алексея Дуку, по прозвищу Мурзуфл (т.е. «Насупленный»). Выбор оказался крайне неудачным. Мурзуфл был ярым врагом латинян и немедленно известил варяжскую гвардию об измене молодого царя.

В ночь на 28 января секироносцы окружили дворец. Теперь Алексей Ангел умолял Мурзуфла о спасении. Военачальник

¹В чем-то судьба Алексея Ангела напоминает судьбу Лжедмитрия I. Хотя ущербный василевс действительно принадлежал к царскому роду.

взялся вывести царя из опасного места, но вместо свободы Алексей обрел оковы и застенки в подземной темнице. В феврале его убили.

Исаак II Ангел
(1185–1195 гг.).
Золотой иперпирон

Исаак Ангел не представлял для заговорщиков никакой угрозы. Вновь обретя трон, слепец почти все время проводил в беседах с астрологами и прорицателями. Их сладкие речи о предстоящем долгом царствовании и даже прозрении (!) завораживали. Таких «специалистов» хотелось слушать еще и еще. Вероятно, василевс очень удивился, когда злые люди разрушили его иллюзии. Потрясение от новой несправедливости судьбы оказалось слишком велико, так что Исаак Ангел умер в тюрьме еще раньше своего сына. Новым императором был провозглашен Алексей V (Мурзуфл). Вот только царствование его выдалось очень коротким.

На первый взгляд, конец династии Ангелов лишал оправдания пребывание крестоносцев у стен Константинополя. Оба законных императора погибли. С другой стороны, Алексей V не собирался платить латинянам никаких денег. Не принадлежал он и к числу сторонников дипломатических методов улаживания международных конфликтов. Этот государь, не без основания, полагал, что западные люди понимают только язык силы. Конечно, Мурзуфл был мятежником и узурпатором, но ведь и его предшественникам на троне власть досталась не по наследству. В истории Византии не раз случалось, что удачливые полководцы и даже гражданские чиновники высокого ранга силой захватывали престол. Существовала даже оправдывающая их действия почти официальная доктрина, утверждавшая, что таким образом Господь карает автократов за их преступления.

Впрочем, католики не вдавались в тонкости теории государственного строительства Ромейской державы. Для них Мурзуфл являлся вассалом, умертвившим своего сюзерена, и значит поставил себя вне закона. В борьбе с таким человеком все средства хороши. Вскоре вожди крестоносцев начали составлять планы овладения Константинополем в собственных интересах. В марте 1204 г. между рыцарями и дожем Дандоло был заключен договор, в котором прямо говорилось: «Прежде всего мы, призвав имя Христа, должны вооруженной рукой завоевать город». После этого предполагалось, избрав нового императора, решить вопрос о власти в «Романии».

Обе стороны готовились к решающей схватке. Алексей V приложил немалые усилия для укрепления городских стен, но в открытом поле его нападения на фуражирские отряды крестоносцев неизменно заканчивались поражениями. Численность латинского войска не превышала 20 тысяч человек, но в бою каждый из них стоил 10, а то и 20 греков.

9 апреля пилигримы предприняли штурм столицы Византии. Они вели атаку против морских стен вдоль Золотого Рога. Ромеи отбили нападение, обрушив на вражеские корабли град тяжелых камней, выпущенных метательными машинами, и греческий огонь. Мурзуфла ободрила первая победа, но ближайшие дни показали, что он сильно переоценивал боевой дух своих воинов.

12 апреля нападение повторилось. До полудня защитники еще держались, потом случилось непостижимое. После того, как два латинских корабля навалило на одну из прибрежных башен, рыцари, взобравшись туда по приставной лестнице, обратили в бегство весь гарнизон! Позднее латиняне выбили крепостные ворота, и паника сделалась всеобщей. Победители внушали непреодолимый страх. Продвигаясь по улицам, они почти не встречали сопротивления. «Ромейские войска тысячами бежали от одного», — с горечью признает византийский источник. Василевса Алексея V покинула даже собственная свита, и ему пришлось спасаться самому. Мурзуфл отбыл на восточный берег Босфора, боясь оглянуться назад. Константинополь пылал, подожженный захватчиками, и черный дым низко стлался по зеленым волнам.

Православные спасаются от врагов.
Византийская миниатюра

Тщетно храбрый муж Феодор Ласкарис¹ пытался организовать отпор латинянам на городских улицах. Пока знать решала, кого провозгласить очередным василевсом, время было упущено. Горожане утратили всякое желание сражаться и покорились воле рока. Да и пользы от их героизма не было бы никакой, ибо, какое же сопротивление может оказать густая трава отточенной стальной косе?

Еще позорнее вели себя наемники-гвардейцы. Они требовали денег для продолжения боя, и, не получив, не двинулись с места. На следующий день эти отборные отряды сдались. Ласкарис также бежал за Босфор.

Судьба Константинополя свершилась, и была она ужасной. С описания последующих событий, мы начали эту главу. Греческие хронисты приводят леденящие душу подробности. Даже участвовавший в IV Крестовом походе знатный французский рыцарь Жоффруа де Виллардуэн признавал: «Со времени сотворения мира такому ограблению не подвергался ни один город».

После апрельской катастрофы 1204 г. Византийская империя перестала существовать, и при этом сразу два человека считали себя василевсами ромеев. Судьбы их сложились по-разному. Свергнутый Алексей III скитался по Фракии, преследуемый крестоносцами. Затем он сдался на милость маркиза Бонифация Монферратского, «про-

меняв знаки царского достоинства на кусок хлеба с чаркой вина».

Ангел не прекращал интриг и был выслан в Италию. Проведя некоторое время в Монферрато, он безуспешно пытался вернуться к власти с помощью правителей отдельных греческих государств, которые образовались на развалинах Византии. В конце-концов, он обратился за поддержкой к Иконийскому султану Кей-Хюсреву и развязал войну с Феодором Ласкарисом. Союзники потерпели полное поражение. Султан погиб, а бывший василевс закончил свои дни в монастыре.

Взятие крестоносцами Константинополя. С картины художника Э. Делакруа

Алексею V Мурзуфлу повезло еще меньше. После бегства из столицы он хотел заключить союз с Алексеем III. Сначала Ангел отнесся к этой идее весьма благосклонно. Он даже выдал замуж за Мурзуфлу свою дочь Евдокию, однако вскоре коварно ослепил зятя. Причины такого поступка не вполне понятны, ведь оба экс-императора не обладали реальными силами и не могли являться конкурентами в борьбе за престол. Никита Хониат по этому поводу заметил с откровенным презрением: «должно быть, просто потому, что бродяга

¹Он приходился зятем Алексею III и проявил немалое мужество во время первой осады города крестоносцами в 1203 г.

ненавидит бродягу, и беглецу с престола противен изгнанник с престола».

Вскоре после этого несчастный калека попался в руки крестоносцев. Его отвели в Константинополь и приговорили к смертной казни за убийство сюзерена — императора Алексея IV Ангела. По совету дожа Дандоло, столь высокопоставленному преступнику и казнь учинили «знатную». Мурзуфла сбросили с высокой колонны Феодосия на столичном форуме Тавра, так что он «самым жалким образом испустил дух».

Вотивная (дарственная) корона василевса Льва VI (886–912 гг.).
Похищена из Константинополя и в настоящее время хранится в сокровищнице собора Святого Марка в Венеции

Как и предполагалось, чтобы управлять византийским наследством, крестоносцы избрали императором своего человека. 9 мая 1204 г. им стал Бодуэн, граф Фландрский. Государь, вполне по-византийски, носил пурпурные сапожки и подписывал официальные грамоты багряными чернилами, но, несмотря на громкий титул и, положенные по сану, пышные внешние атрибуты, обладал номинальной властью, так как Латинская Романия представляла собой слепок с феодальных монархий Западной Европы с их раздробленностью и сложно-ступенчатыми лестницами отношений сюзерена с вассалами. Император владел лишь четвертой частью бывших владений Византии (включая такую же долю Константинополя). 3/8 перешли под контроль Венеции. Теперь этой аристократической республике принадлежали острова в Ионическом и Эгейском морях, важные портовые города на побережье. Остальные территории достались вождям Крестового похода. Правда, многие из них еще предстояло покорить с помощью военной силы.

Наиболее энергичный из предводителей латинян, Бонифаций Монферратский стал обладателем королевского титула. Центром его владений являлась Фессалоника. В Средней Греции и на Пелопоннесе успешно вели наступление французские рыцари, являвшиеся его вассалами.

Латиняне продвигались на юг, почти не встречая сопротивления. Ставший самостоятельным правителем Эллады византийский наместник Лев Сгур попытался преградить путь врагу на выгодной позиции у Фермопил, но бежал при первом появлении рыцарской конницы.

В 1205 г., прорвавшись через перешеек Истм, французы почти так же легко оккупировали Пелопоннес. Только у Капсикии в Аркадии они столкнулись с местным ополчением. Если верить Морейской хронике, 4000 пеших и конных греков противостояли 700 франкам.

Эта единственная битва показала абсолютное превосходство военной машины Запада. Залп ромейских лучников не причинил закованным в сталь французам никакого вреда. Зато контратака их конницы с применением длинных копий смела боевые порядки противника. После такого разгрома латиняне заняли почти весь Пелопоннес и основали здесь Ахайское княжество. Примерно в то же время была образована Афинская сеньория (с 1260 г. герцогство). В Западной Европе эти земли торжественно именовались «Новой Францией».

Представители отдельных итальянских знатных семейств также основали собственные государства (как правило, находившиеся в вассальной зависимости от Венеции). Некоторые из этих пауков продержались на островах Эгейского моря по двести-триста лет, вплоть до турецкого завоевания.

Далеко не столь успешно осуществлялось продвижение крестоносцев в Малой Азии. Здесь им противостоял Феодор Ласкарис, основавший новое греческое государство — Никейскую империю и заложивший основы возрождения Византии. Путь этот растянулся на десятилетия, и победы на нем чередовались с тяжелыми поражениями.

Бежав через Босфор из поверженного Константинополя, Феодор далеко не сразу добился признания в городах Вифинии. Жители Никеи просто не пустили «деспо-

та»¹ в город. Пришлось Ласкарису отправиться в Прусу². И все же, постепенно, симпатии ромеев склонялись в пользу невысокого ростом, но очень энергичного человека, тем более, что, даже не освоившись толком в Константинополе, латиняне уже потянулись за Геллеспонт, чтобы взять под контроль заранее поделенные между ними византийские владения в Малой Азии.

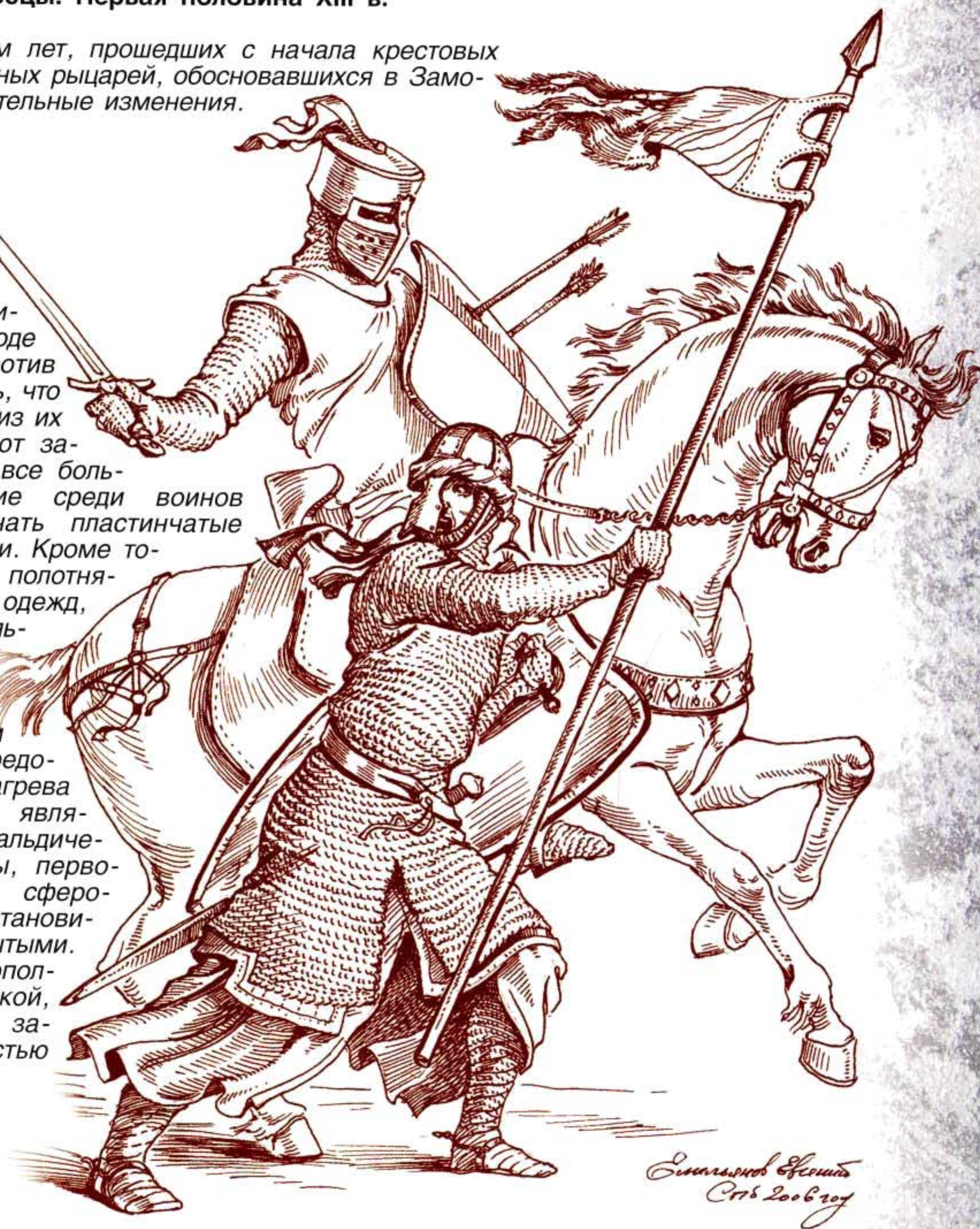
Экспансии латинян способствовало объективное обстоятельство. После взятия Константинополя сюда стали прибывать крестоносные отряды с Ближнего Востока. Ранее отделившиеся от основной массы «пилигримов», они хотели теперь получить свою долю византийского наследства. Пополнение пришлось Бодуэну весьма кстати. В качестве лена он пожаловал предводителю вновь

Воины крестоносцы. Первая половина XIII в.

За сто с лишним лет, прошедших с начала крестовых походов, облик западных рыцарей, обосновавшихся в Замо-

рье, претерпел значительные изменения. В ходе борьбы с различными противниками приходилось учитывать, как тактику их действий, так и особенности восточного климата. Так, когда в ходе боевых действий против мусульман выяснилось, что стрелы, выпущенные из их тугих луков пробивают западные кольчуги, то все большее распространение среди воинов Христа стали получать пластинчатые и чешуйчатые доспехи. Кроме того, помимо стеганых полотняных или войлочных одежд, поддеваемых под стальные панцири, поверх них стали носиться одеяния из цветных тканей — котты и сюркоты, которые предохраняли металл от нагрева палящим солнцем и являлись носителями геральдических эмблем. Шлемы, первоначально имевшие сфероконическую форму, становились все более закрытыми. Сначала они были дополнены стальной маской, защищавшей лицо, а затем и вовсе полностью укрывали голову.

Иллюстрация
Е. Ю. Емельянова.
© В. Н. Шиканов

Емельянов Е.Ю.
СНБ 2006 год

¹Это страшное для современного человека слово, означает по-гречески просто «господин». В Византии деспот являлся официальным аристократическим титулом.

²Современная Брусса на северо-западе Турции.

прибывших воинов Христовых Этьену Першскому «герцогство Филадельфия» (т.е. бывшую фему Фракисий в Лидии). Для того, чтобы вступить в права владения этой территорией, и была предпринята масштабная военная экспедиция.

В ноябре 1204 г. франки тремя отрядами двинулись в Малую Азию. У Ласкариса попросту не было сил, чтобы драться на трех фронтах.

6 декабря один из латинских отрядов (более 400 всадников) под командованием Пьера де Браншэ у Пиманиона рассеял поспешно набранное Ласкарисом войско. Сомкнутый строй конных рыцарей опрокинул наемников, восседавших на легких восточных лошадях. Пехота ромеев вступить в бой так и не рискнула. Сам Феодор спасся с трудом.

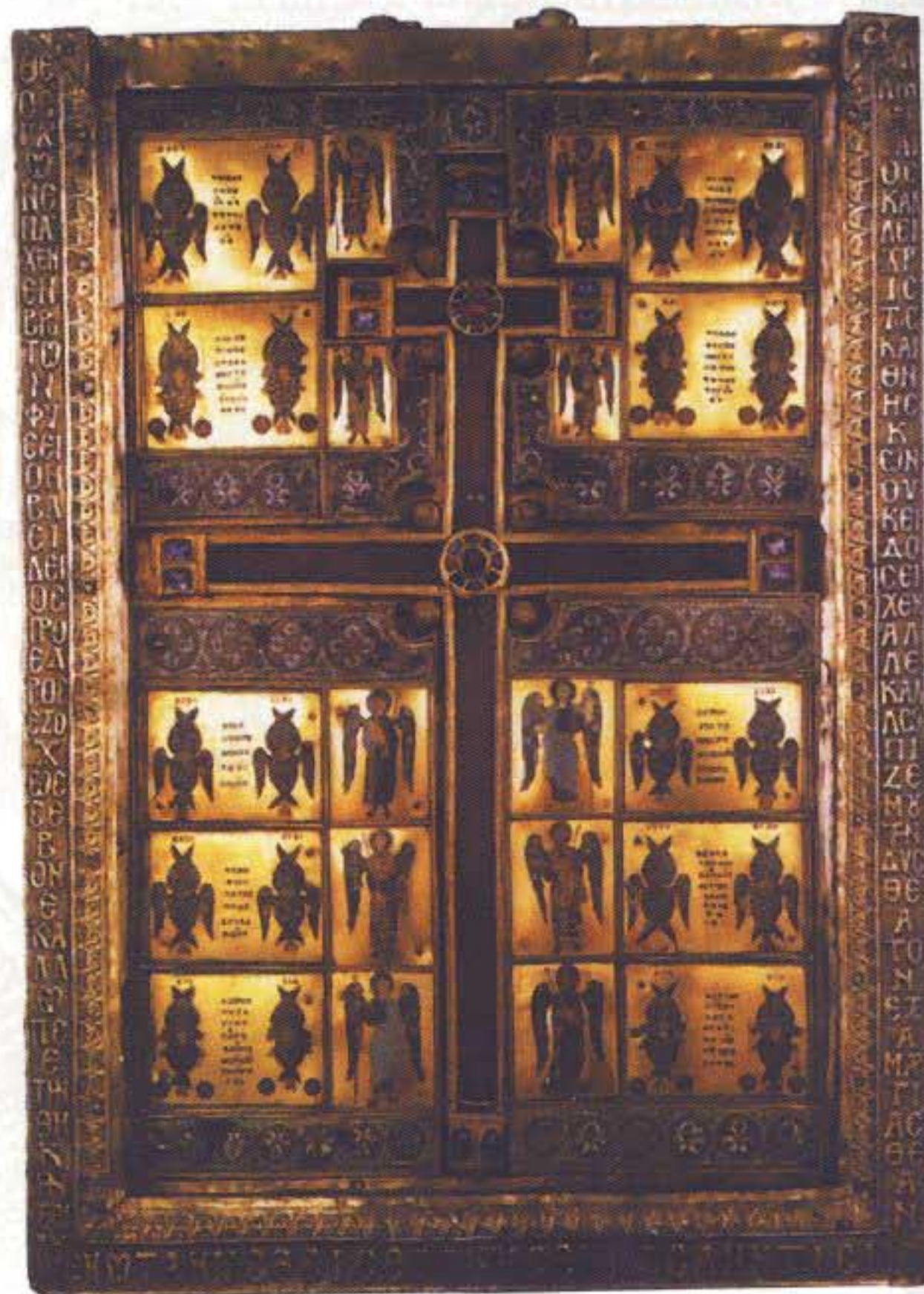
После одержанной победы латиняне вошли в сдавшийся на их милость Лопадий. Отсюда дорога лежала на Прусу. Франки, презиравшие врагов, и на этот раз не сомневались в успехе. Тем сильнее было их удивление, когда подойдя к городу, они увидели наглухо закрытые крепостные ворота.

Греки отвергли предъявленный ультиматум. Вместо капитуляции гарнизон произвел довольно успешную вылазку, в ходе которой ромейские лучники причинили противнику немалый урон. Рыцари так и не решились на длительную осаду и повернули обратно. На этом пути франки понесли первые потери. Вооруженные местные жители следовали за противником и беспощадно истребляли зазевавшихся вражеских воинов.

Пока Бранше совершал замысловатые маневры в Вифинии, конница графа Анри д'Эно (брата императора Бодуэна), продвигавшаяся из Абидоса к Филадельфии, вошла в Адрамитий. В субботу 19 марта 1205 г. у стен этого города латиняне вступили в сражение с никейским войском брата Феодора Ласкариса, Константина¹.

Силы ромеев составляли чуть более трех тысяч солдат — конных и пеших. У крестоносцев насчитывалось около 1400 конных бойцов, причем примерно 300 из них были тяжеловооруженными рыцарями, которым греки не могли противопоставить ничего.

Ромеи двинулись в атаку первыми, но довольно нерешительно, а затем и вовсе остановились. «Блестя чешуей панцирей и развернутыми краями обоих флангов», их войско представляло собой «как бы открытую пасть страшного рта». Вероятно, византийский полководец хотел предварительно расстроить ряды противника действиями лучников, затем произвести конную атаку на флангах и, наконец, довершить поражение латинян таранным ударом кавалерии с фронта. Что и говорить, план был хорош, но на этот раз вражеский полководец имел в своем распоряжении сильный отряд конных лучников (так называемых *туркополов*²). Их стрелы могли нанести ромеям немалый урон еще до боевого соприкосновения. Поэтому византийский стратиг пребывал в нерешительности, размышляя, как нейтрализовать внезапно обнаруженную угрозу.

Лимбургская ставроотека (хранилище частиц Креста Господня).
Разграбленные храмы Константинополя послужили неиссякаемым источником святых реликвий для Западной Европы

¹По другой версии греками командовал правитель Филадельфии Феодор Манкафа.

²Буквально «сыны турок». Обычно так именовали крещеных жителей Ближнего Востока (арабов, армян, греков и т.д.), из которых византийцы, а затем и крестоносцы набирали отряды легкой кавалерии.

Зато граф Анри д'Эно оценил обстановку мгновенно. «Второй Арес» (так называли его греки за талант полководца) лично встал во главе передового отряда (120 рыцарей, 240 оруженосцев) и повел, стоявших стремя к стремени, всадников вперед. Конни шли шагом, постепенно набирая скорость. Наконец, рыцари опустили свои длинные копья наперевес, и теперь уже ничто не могло остановить натиск франков. На полном галопе они врезались во вражескую боевую линию и смяли ее. На этом сражение, в сущности, и закончилось, потому что греческая кавалерия обратилась в бегство, даже не скрестив оружие с противником. Пешие отряды оказались предоставлены «в жертву и добычу неприятелю». Большую часть пехотинцев пилигримы истребили во время бегства.

После этого поражения планы Феодора Ласкариса и его судьба висели на волоске. Возможно, что Византия так никогда и не возродилась бы, но внимание латинян отвлекли грозные события во Фракии. Здесь местное население восстало против жестоких пришельцев. Еще более опасным врагом латинян оказался болгарский царь Калоян. 14 апреля он наголову разгромил армию крестоносцев при Адрианополе, где нашли свою смерть многие знатные рыцари. Император Бодуэн попал в плен и умер в темнице. Его брат и преемник Анри д'Эно (теперь его будет уместнее именовать Генрих I) эвакуировал почти все территории, которые латиняне занимали в Малой Азии. С греками летом 1205 г. было заключено перемирие, а Ласкарис не замедлил установить контроль над этими землями.

Теперь Феодора признали своим государем такие крупные города, как Никея и Пруса. В 1205 г. он был провозглашен василевсом, а три года спустя патриарх короновал его с соблюдением всех тонкостей церковного обряда. Отныне власть Феодора I (1208—1222 гг.) была освящена божественной благодатью. Из Никеи началась византийская Реконкиста.

Первые десятилетия XIII века выдались чрезвычайно трудными для всех участников тех давних событий. Латинской империи, помимо греков, пришлось сражаться с многочисленными врагами на Балканском полуострове (они долго не могли обзавестись здесь союзниками). Никейцы иногда вели войну сразу на трех фронтах:

против франков, турок и потомков Андроника I, так называемых Великих Комнинов, основавших на северо-востоке Малой Азии еще одно греческое государство — Трапезундскую империю. Такая борьба изматывала силы противников и долгое время не давала решающего перевеса ни одной из сторон. В этот период возникали и рушились самые причудливые военно-политические альянсы. Союзники заключали договоры и изменяли данным клятвам с легкостью необычайной.

В первой половине 1206 г. Феодор нанес военное поражение трапезундцам и надолго отбил у них охоту воевать.

Латинская империя являлась союзником Великих Комнинов. В конце 1206 — начале 1207 гг. франки снова вели боевые действия в Малой Азии, но не слишком удачно. В мае 1207 г. близ Никомидии никейский полководец Андроник Гид устроил в горной теснине засаду и наголову разгромил сильный отряд латинян (около 300 чел.). Император Генрих лично прибыл на театр военных действий и встретился с армией Тольдр д'Аскра (так латиняне произносили имя Феодора Ласкариса). Неизвестно, чем бы закончилась новая битва между Западом и Востоком, но Генриха торопили события. Из-за возобновившейся войны с Болгарией он спешил вернуться в Европу. Поэтому, простояв четыре дня лицом к лицу с греками, он заключил с ними двухлетнее перемирие и отступил. Феодор вернул почти все пункты, ранее занятые латинянами в Малой Азии.

Обе стороны рассматривали наступившее затишье лишь как временную передышку. Готовясь к возобновлению вооруженной борьбы, латинский император вступил в союз с султаном Икония. Кроме того, с помощью турок, надеялся вернуть себе власть неприкаянный экс-василевс Алексей III Ангел. В ответ Феодор заручился поддержкой киликийских армян, угрожавших сельджукам с тыла.

Султан Кей-Хюсрев потребовал возвратить престол законному василевсу Алексею III (ведь когда-то тот даже усыновил турка). Этот ультиматум послужил предлогом для начала военных действий. Поначалу ромеям пришлось очень нелегко. В июне 1211 г. они едва не потерпели поражение от турок в битве при Антиохии на Меандре. Положение спасло личное мужество Феодора, столь необычное для характера последних

византийских императоров. В поединке на мечах он убил султана. Турки были деморализованы и поспешили заключить мир. Неудачливый Ангел попал в плен, был ослеплен и закончил дни в монастырской келье.

Тем не менее, выигранное сражение настолько обескровило никейское войско, что Генрих воскликнул: «Ласкарис побежден, а не победил!». Латиняне начали новую войну. В июле 1211 г. никейцы были разбиты у Пиг. 15 октября они потерпели еще более тяжелое поражение на реке Риндак у Лопадия. В результате этих успехов франки заняли обширные территории в Малой Азии, но в дальнейшем борьба приняла затяжной характер.

Летом 1212 г. ромейский гарнизон крепости Лентианы в течение 40 дней сдержи-

вал вражеский натиск. Латиняне не верили своим глазам. Греков будто подменили. Они ели кожу со щитов и седел, но не сдавались. Даже когда укрепления пали под ударами таранов, защитники оборонялись за стеной огня. В конце-концов, крепость все-таки пала, но пораженный мужеством никейских воинов Генрих освободил их командиров, а остальных принял в свое войско.

В свою очередь, василевс Феодор избегал крупных боев, стараясь уничтожать мелкие отряды противника. Так и не добившись решающего перевеса, в конце 1214 г. стороны подписали мирный договор. Латиняне закрепляли за собой полосу земель на северо-западе Малой Азии, но установленный рубеж останавливал их дальнейшую

Латинская Романия и ее соседи в начале XIII века

экспансию на восток. Никейская империя официально получала статус суверенного государства. Через пять лет даже непримиримые венецианцы признали Феодора Ласкариса «императором ромеев».

Конечно, в те времена, да и позднее, дипломатические трактаты нарушались без зазрения совести, но франкам так и не удалось собраться с силами, чтобы покончить с новообразованной греческой империей. А держава Ласкариса будет крепнуть, расти и однажды неудержимо двинется на запад.

Последний период царствования Феодора I проходил относительно мирно, если не считать порубежных конфликтов с турками и Трапезундской империей. Василевс прочно удерживал с великим трудом собранные земли. Ему удалось заново организовать службу пограничников-акритов. Незыблемым оплотом возрождаемой Ромейской державы стали ее крепости. Прорвавшись к берегам Эгейского моря, Феодор даже завел собственный военный флот. Пожалуй столь же трудно было воссоздать боеспособную сухопутную армию, но деятельный автократ справился и с этой задачей.

«Из бегущих из сражения» он делал воинов, «из невооруженных — гоплитов, из домоседов — желающих жить в палатках, из живущих дома — предпочитающих находиться под открытым небом, из непривычных к верховой езде — годных управлять колесницами» и т.д.

Располагая ресурсами всего лишь двух фем (Вифинии и Фракия), он наладил эффективное хозяйствование личных и государственных имений и получил стабильный источник средств для набора наемников. Сначала это были почти сплошь иностранцы, которые учили ромеев эффективному, западноевропейскому способу боя и готовили для возрождаемой армии командные кадры. В какой-то момент латинский контингент составлял более трети всего никейского войска.

Позднее пожалование земельных уделов за несение воинской службы (так называемых *проний*) позволило возродить ополчение катафрактно-каваллариев, в социальном плане очень схожих с западноевропейским рыцарством. Пехота, а также вспомогательные рода войск почти целиком комплектовались из местных жителей скромного достатка. Благодаря принятым и целенаправленно проводившимся в жизнь

мерам, подразделения никейской армии — *аллагии* вскоре уже могли успешно противостоять и западным рыцарям, и легкой кавалерии турок.

В это время у латинян в Константинополе появились новые проблемы. В июне 1216 г. скончался император-воин Генрих I. Его преемником стал зять (муж сестры) Пьер де Куртене. Вот только его царствование началось очень даже неприятно.

Будущий государь жил во Франции. Теперь ему пришлось собираться в дальнюю дорогу. В Риме сам папа Гонорий III короновал монарха. Из Италии император отправился в Константинополь, но по дороге, по просьбе венецианцев, он высадился у Диррахия, чтобы отобрать этот важный приморский город у эпирских греков. Крепостные ворота так и не растворились перед войском. Тогда Пьер двинулся к Константинополю через Эпир. Здесь он попал в засаду, был разбит и вместе с папским легатом оказался в плену у деспота Феодора Ангела. Не во Влахернском дворце, а в греческой темнице пресеклась жизнь третьего императора Романии. Византийский историк Георгий Акрополит с удовлетворением заметил: «Безусловно, это событие послужило в то время ромеям на великую пользу».

Новым императором стал малолетний сын Пьера, Роберт де Куртене, а правила, при помощи советников, его мать, регентша Иоланта.

Феодор Ласкарис скончался в ноябре 1221 г. Своим волевым решением он передал трон зятю (мужу дочери) Иоанну III Дуке Ватацу. Ближайшие события наглядно показали насколько правильным был предсмертный выбор василевса.

Братьям покойного очень не понравилось, что власть уходит из семьи Ласкарисов. Бежав в Константинополь, они обратились к латинянам с просьбой восстановить

Иоанн III Ватац
(1222–1254 гг.).
Золотой иперпирон

разумный, с их точки зрения, порядок престолонаследия. Ватац немедленно выступил против вражеского войска и в битве у Пиманиона (1225 г.) наголову разбил его. Франкам пришлось уходить из Малой Азии. В их руках остался только Вифинский полуостров с Никомидией. Инициаторы затеянной авантюры дорого заплатили за властолюбие. Трепещущих от страха Ласкарисов захватили в плен и лишили зрения.

Феодор Ласкарис создал и укрепил новое византийское царство. Его преемник мечтал о наступательной внешней политике. Император не скрывал, что главной его целью является восстановление Ромейской державы со столицей в Константинополе. При этом жесткий и умный Ватац понимал, что для походов в Европу его армия еще не годится. Поэтому, прежде чем отвоевывать прежние владения василевсов, Иоанн III продолжил масштабную реформу армии.

С учетом особенностей вооружения и тактики действий постоянных противников Никейской империи, он противопоставил им соответствующие воинские формирования. «*Латиникон*» (другое название «*италикон*») состоял из тяжеловооруженной кавалерии, которой предстояло сражаться с рыцарской конницей франков. Уже из самого названия видно, что в эти подразделения набирали, прежде всего, западных наемников. Вооружение таких всадников состояло из меча, боевого топора и длинного копья. Защиту обеспечивали щит, стальной шлем с забралом, панцирь (кольчуга), металлические перчатки, чулки, наплечники и наколенники. Конь также прикрывался стальными пластинами. Для командования «латиниконом» была введена специальная должность *великого коноставла* (явное подражание западноевропейскому коннетаблю).

Появляется легкая кавалерия — «*скиитикон*». «Скифские» воины не только хорошо зарекомендовали себя в маневренных боевых действиях против болгар, но и успешно применялись для внезапных нападений на отряды латинян. В таких частях служили выходцы с Востока (прежде всего, турки). Их основным оружием были лук со стрелами (30—40 шт. в боекомплекте), легкое копье, кинжал и аркан. Защитное вооружение состояло из шлема и брони с плечевыми ремнями.

Местный элемент в составе никейского войска представлял «*эллиникон*». Это были конные и пешие отряды из прежнего

фемного ополчения, набиравшегося в Малой Азии. Боеспособность таких воинов, как правило, была невысокой. При этом пехота являлась вспомогательным родом войск. В ней служили лучники и пращники, но имелись также отряды, снабженные тяжелым вооружением (мечом, копьем, боевым топором, латами и большим щитом).

Следуя византийским традициям, никейские василевсы раполагали и личной гвардией. Ее составляли схолы и кельты-секироносцы, унаследовавшие славу прежней «варанги».

Имелись в войске и специальные части. К ним можно отнести подразделения, обслуживавшие метательные и стенобитные машины, мастеров, соорудивших и эксплуатировавших подвижные штурмовые башни, а также отряды, ведавшие организацией снабжения войск в походных условиях.

Возрожденная ромейская армия приобретала военный опыт на полях сражений. На этом пути победы чередовались с поражениями, но в целом растущее мастерство со временем позволило никейским полководцам решать самые сложные задачи.

Около 1225 г. Ватац получил просьбу жителей Адрианополя о защите и переходе в его подданство. Господствовавший на Геллеспонте флот Иоанна III без труда перевез никейское войско в Европу. Латиняне не решились выступить против него и во Фракии. Ромеи беспрепятственно достигли Адрианополя и заняли его. Трудности начались потом, когда к городу подошла армия другого наследника Византийской державы, эпирского деспота Феодора Ангела. Никейцам пришлось уступить Адрианополь столь грозному противнику и бесславно вернуться в Азию. Но это было только начало.

Далеко идущие планы Феодора Ангела по восстановлению империи со столицей в Константинополе обратила в прах сила болгарского оружия. Когда весной 1230 г. эфирцы открыли военные действия против болгар, царь Иван II Асень, являвшийся опекуном юного латинского императора Бодуэна II, разгромил их в битве при Клокотнице. После этого почти вся Фракия и Южная Македония перешли в руки болгарского царя.

В Константинополе смертельно испугались такого покровителя. Не вызывало сомнений, что следующей целью Асеня станет сам царственный град. В этой ситуации латинская знать в 1229 г. добилась провозгла-

шения регентом Жана де Бриена. Престарелый воин (ему было под 80 лет) носил титул Иерусалимского короля, но никакой власти над Иерусалимом не имел. В знак согласия нести ответственность за судьбу Латинской Романии он выдвинул довольно каверзное условие. Согласно достигнутой договоренности, его четырехлетняя (!) дочь обручалась с Бодуэном II, который мог взойти на престол только после смерти Бриена. При этом последний был официально коронован в качестве императора.

После этого Жан с легкой душой отправился помогать новым подданным. Безусловно, Бриен был храбрым рыцарем, но политиком оказался слабым. Не располагая реальными военными силами, он все же затеял войну с никейцами. В 1233 г. латиняне высадились на азиатском берегу Геллеспонта и, продвинувшись вглубь материка, овладели городом Пиги. На этом успехи франков и закончились. Ватац блокировал их, лишив подвоза продовольствия. Пришлось Бриену возвращаться восвояси.

Поздневизантийские конный и пеший воины. Середина XIII в.

Широкое распространение в армии Никейской империи иностранных наемных контингентов привело к смешению различных элементов вооружения и снаряжения. Зачастую одновременно использовались пластинчатые и чешуйчатые доспехи, но превалирующими уже прочно стали кольчужные конструкции. Вместе с тем, дополнительную защиту воинам давали также стеганая или войлочная одежда надеваемая поверх металлической брони. Продолжали носиться и кожаные полосы-птериги, закрывавшие плечи и бедра. Использувавшиеся щиты (в основном, каплевидной формы), хотя и были большими по размерам, но изготавливались из легкого дерева и для прочности обтягивались кожей или

усиливались металлическими накладками.

Наступательное вооружение было представлено мечами (пеший воин носит свой длинный и тяжелый меч на плечевой портупее), а в кавалерии также длинными пиками и металлическими палицами. Конструкции шлемов этого периода отличались большим разнообразием.

Иллюстрация
Е. Ю. Емельянова.
© В. Н. Шиканов

Емельянова Анна
Спб. 2006 год.

Два года спустя Ватац нанес ответный визит. Заручившись союзом с Иваном Асенем, он переправился в Европу. Летом 1235 г. союзники захватили у латинян почти всю Фракию. И вновь Константинополь стал яблоком раздора. Оба государя видели его своей столицей и не хотели стараться для конкурента. Осада Цареграда шла вяло и закончилась неудачей.

К тому же, в 1237 г. умер Бриен. Асень надеялся, что теперь именно он будет самым естественным образом избран регентом империи. Поэтому царь разорвал союз с Ватацем и заключил дружественный договор с латинянами. Идиллия длилась недолго. В том же году болгаро-никейский альянс был возобновлен, но Константинополь с окрестностями остался в руках латинян. Удержаться им помог сильный воинский отряд, отправленный на Балканы королем Франции, и победа, одержанная тринадцатью венецианскими галерами над никейским флотом из тридцати боевых кораблей.

Потерпев военную неудачу, Ватац решил добиваться заветной цели дипломатическим путем, который, как известно, не всегда является самым прямым и коротким. Стремясь к возврату Константинополя, василевс обзавелся довольно неожиданным союзником. Им стал германский император Фридрих II Гогенштауфен.

Образованнейший человек своего времени (Фридрих владел шестью языками, включая греческий и арабский, и имел глубокие познания во многих отраслях науки), кайзер унаследовал от своих дедов сразу две короны: императорскую от Фридриха Барбароссы и сицилийскую королевскую от Рожера II. Почти все длительное царствование (1220—1250 гг.), Фридрих II посвятил объединению Италии под своим скипетром. Главным препятствием на этом пути оказались римские папы, не желавшие признать примат власти светского государя над церковной. Неприятие непомерных амбиций верховных понтификов сблизило восточного и западного императоров.

Еще в 1236 г. папа Григорий IX, покровительствовавший Латинской империи, угрожал Иоанну Ватацу крестовым походом. Два года спустя Григорий просил Фридриха пропустить крестоносное войско, направлявшееся для защиты Константинополя и карательной акции против Никеи. Кайзер ответил решительным отказом и закрыл

южно-итальянские порты для армии Бодуэна II. В благодарность за оказанную поддержку Иоанн III направил в Италию воинский контингент, который поступил в распоряжение Фридриха и принимал участие в боевых действиях против лиги ломбардских городов. Конечно, в отличие от эпохи василевса Мануила, на этот раз византийцы не играли самостоятельной военной роли, но такое сотрудничество могло стать залогом будущего широкомасштабного и взаимовыгодного союза двух империй.

Император Священной Римской империи Фридрих II Гогенштауфен.

Борясь с влиянием папства и непокорными итальянскими городами, этот государь стал союзником Византии

Папа неоднократно отлучал Гогенштауфена от церкви и освобождал от присяги его вассалов. Получил свою долю проклятий и Ватац, но яростные анафемы, доносившиеся из Рима, только сближали союзников. Фридрих писал в Никею дружественные письма. В свою очередь, Иоанн III дошел до того, что даже предлагал признать себя

ленником западного императора, если тот освободит Константинополь от латинян и вышлет Бодуэна на запад.

В 1244 г. овдовевший Иоанн III, «устав от одиночества», женился на внебрачной дочери Фридриха, Констанции. Брак пятидесятидвухлетнего василевса и четырнадцатилетней девочки, нареченной православным именем Анна, носил, прежде всего, политический характер и отмечался с чрезвычайной пышностью.

Весной 1250 г. Ватац снова направил конное и пешее войско на помощь Фридриху. Под давлением кайзера эфирский деспот пропустил никейцев в Диррахий, откуда они были переправлены в итальянский порт Бриндизи и действовали на стороне имперской армии Гогенштауфена.

Безусловно, каждый из союзников преследовал собственные интересы. Совсем не факт, что Фридрих согласился бы с возвратом Константинополя грекам. С другой стороны, Ватац периодически зондировал почву на предмет восстановления контактов с папским престолом.

Быстролетящее время по-своему ответило на вопрос о единстве христианских империй. 13 декабря 1250 г. Фридрих II умер в разгар подготовки к новому походу в Ломбардию. Его сын и наследник Конрад IV разорвал союз с Никеей. Немалую роль в таком решении сыграла глубокая неприязнь нового кайзера к мачехе, Бьянке Ланчии и ее родственникам, которые переместились в Никею поближе к императрице Анне. Сицилийское королевство снова стало врагом ромеев.

К этому времени Ватац удачно действовал во Фракии. Латинская империя сжалась до размеров Константинополя, его ближайших окрестностей и узкой полосы на восточном берегу Босфора. Столь же впечатляющими оказались успехи Иоанна III на западе Балканского полуострова. К концу царствования государство эфирских греков признало себя его вассалом. Теперь границы Никейской империи простирались от Черного до Адриатического моря. Только Болгария могла соперничать с державой Ватаца.

Чтобы компенсировать разрыв отношений со Священной Римской империей, василевс дал понять Риму, что готов вернуться к переговорам о единстве христианской церкви. В качестве единственного условия он настаивал на возврате Константи-

нополя. Папа Иннокентий IV склонялся к тому, чтобы пожертвовать Латинской империей, но в 1254 г. оба главных фигуранта вновь наметившегося альянса умерли.

**Феодор II
Ласкарис**
(1254–1258 гг.).
Золотой
иперпирон

Греческие историки оценивают личность и деятельность Иоанна III в самых восторженных выражениях. Для этого имеются веские основания. Его преемник Феодор II подобных эпитетов не удостоился. Человек образованный («богоподобный по мудрости»), он обладал нервным и раздражительным характером. Его подозрительность делала жизнь придворных невыносимой. Ведь стоило кому-нибудь «хрюкнуть обвинением в колдовстве», и оговоренный нелепым наветом подвергался жесточайшим карам. В общем, Феодор казался «властелином тяжелым». Продолжить дело отца ему не пришлось. В его краткое царствование ромей с переменным успехом вели войны против болгар и составших эфирцев, а латиняне отсиживались за стенами Константинополя. Отношения с папским престолом у Феодора тоже не сложились. Подобно Фридриху II, он не мыслил подчинения светской власти духовному лицу.

Феодору II наследовал его восьмилетний сын, Иоанн IV (1258–1261 гг.). Скажем сразу: юному василевсу не повезло с опекуном. Зато Византия в лице коварного и изворотливого Михаила Палеолога обрела способного военачальника и изощренного политика, довершившего дело восстановления Ромейской державы и основавшего последнюю династию ромейских василевсов.

Еще при жизни Феодора Ласкариса Палеолог был замешан в заговорах против государя. И каждый раз ему удавалось отвести от себя гнев императора. Зато после смерти Феодора, природные задатки

царедворца проявились во всем блеске. Принеся присягу верности Иоанну IV, великий коноставл Михаил Палеолог почти сразу же начал борьбу за единоличную власть.

**Христос
коронуется
Михаила VIII.
Золотой
иперпирон**

Физически устранив официальных опекунов василевса (по приказу Палеолога их зарезали прямо в церкви), он сам занял их место. После этого Михаил был коронован в качестве соправителя, а венчание на царство законного, но весьма юного годами наследника было отложено. Через два года Палеологу и этого показалось мало. По его распоряжению одиннадцатилетнего мальчика ослепили и отправили в ссылку. Во тьме он прожил еще более сорока лет, но никакой роли в политической жизни не играл и даже простил своего палача.

И все же Михаила Палеолога нельзя оценивать только как узурпатора царского престола. Борьба с латинянами принесла ему славу восстановителя Византии, хотя сначала она возобновилась как борьба за византийское наследие между греческими государствами.

После смерти василевса Феодора II эпирский деспот Михаил Ангел решил взять реванш за прежние поражения и возглавить дело объединения ромеев на Балканах. Он не считался ни с малолетним Иоанном (к тому же не коронованным), ни, тем более, с узурпатором Михаилом Палеологом.

Военными силами, необходимыми для осуществления столь грандиозной программы, деспот не располагал. Поэтому он заручился поддержкой латинян. Выдав дочерей замуж за Ахайского князя и Сицилийского короля, Михаил Ангел приобрел очень важных союзников.

Таким образом, возникла мощная антиникейская коалиция. Князь Гийом Виллардуэн выступил против никейцев, чтобы не отдать им Константинополь. Кроме того, он надеялся в результате похода присоединить к своим владениям Фессалонику. Неприятным сюрпризом для Никеи стало известие, что занявший сицилийский престол еще один сын Фридриха II Гогенштауфена, Манфред, обратил оружие против внука Иоанна Ватаца. И это несмотря на то, что новый сицилийский король приходился родным братом вдове Ватаца императрице Анне. Впрочем, Манфред и сам имел виды на восточное побережье Адриатики, а в дальнейшем и на Константинополь, так что с самого начала коалиция получилась очень непрочной, что и подтвердили ближайшие события.

Попытка Палеолога исчерпать конфликт дипломатическим путем закончилась безрезультатно. Тогда он направил в Эпир войско, доверив командование над ним своему брату севастократору Иоанну.

Зимой и весной 1259 г. никейцы овладели в Македонии несколькими важными крепостями. Войска их противников стягивались к Прилепу, но до него им так и не суждено было добраться. Сначала ромеи изматывали походные колонны неприятеля налетами конных отрядов половецких и турецких лучников, а затем заняли выгодные для обороны позиции на высотах у Пелагонии¹.

По данным источников (правда, сильно преувеличенным) Ахайские франки располагали 8 тысячами кавалеристов и 12 тысячами пехотинцев. А ведь были еще и войска эпирских греков, владов, 400 немецких рыцарей короля Манфреда, прибывших из Италии, и т.д.

Иоанн Палеолог имел в своем распоряжении до 13 тысяч воинов (среди них можно выделить отборный отряд из 500 венгерских рыцарей). Впрочем, до кровопролитного лобового столкновения столь внушительных сил дело не дошло. Ромеи переиграли врагов в типично византийском стиле.

Ночью перед сражением посланец Иоанна Палеолога проник в лагерь эпиротов и сообщил Михаилу Ангелу, что князь Ахайи и король Сицилии вступили в мирные переговоры с никейцами и предали его. Деспот и сам знал, как проделываются по-

¹ Долина близ крепости Кастория в Западной Македонии.

добные штуки. Ни секунды не сомневаясь в коварстве зятьев, он бросил их и под покровом ночи бежал из лагеря.

Столь же непредсказуемо повел себя и побочный сын Михаила Иоанн, командовавший отрядами фессалийских владов. Накануне сражения он в пух и прах разругался с князем Гийомом и теперь послал гонца к Иоанну Палеологу с известием, что не вступит в бой против его армии. В общем, к утру никейцам противостояли только немногочисленные франко-сицилийские отряды. С первого взгляда было видно, что Палеолог обладает значительным численным превосходством.

Святые Филипп, Феодор и Димитрий.
Византийская икона

Памятуя о прежних победах и презирая трусливых греков, рыцари смело двинулись вперед, но боевые качества никейских солдат доказали латинянам, что перед ними совсем другой противник. Верный вассал князя Гийома, барон Каритены повел в атаку передовой полк латников. Они сшиблись с немецкими наемниками и смяли его. Тогда севастократор Иоанн ввел в дело резерв: венгерских рыцарей и легкую половецкую конницу. Куманские лучники с дальней дистанции расстреляли вражеских лошадей, так что отяжеленные броней франки сделались беспомощными. После того как Иоанн Фессалийский вышел в тыл сицилийцев и «производил там ужасы», их положение сделалось безнадежным. «Немного было труда, а польза огромная», — заметил о финальном этапе сражения историк Георгий Пахимер.

Иоанн Палеолог лично взял в плен барона Каритены. За ним сложили оружие

все знатные сеньоры Ахайи. Бежавшего князя Гийома Виллардуэна нашли в кустарнике и тоже «подвергли постыдному плену». Королю Манфреду, лишившемуся большинства рыцарей, удалось спастись. «Немного таких побед видело солнце!» — с гордостью восклицал еще один византийский автор Георгий Акрополит.

Правда, затем военное счастье изменило ромеям. Развивая наступление, они взяли столицу эпирского государства Арту, но крепость Янина держалась. Никейские войска «плохо обращались» с местным населением и скоро начали испытывать болезненные удары стихийно возникавших партизанских ватаг. Иоанн Фессалийский вновь перешел на сторону деспота Михаила, а король Манфред прислал тестю новые войска. Столкнувшись с резко возросшим сопротивлением, никейцы оставили Арту и отступили от Янины. В следующем году сын Михаила Никифор разбил противника и взял в плен командовавшего ими Алексея Стратигопула. Михаилу Палеологу пришлось заключать перемирие с Эпиром, после чего его воинов отпустили домой.

Зато латинских пленников после победы при Палагонии отвели в Никею. Условием их освобождения Палеолог назначил передачу стратегически важных крепостей на Пелопоннесе. Князь Гийом артачился, соглашаясь лишь внести выкуп. Так прошло два года, но затем он был вынужден принять предложенные тяжелые условия.

У Виллардуэна оставался единственный шанс избежать их выполнения. Договор предстояло утвердить на собрании Ахайской знати. На Парламенте, собравшемся в Никли, возникли нешуточные споры. Особенно резко против договора выступил герцог Афинский. Он предложил не заботиться о спасении князя Гийома, так как «лучше если умрет один князь, чем позволить, чтобы и остальные франки Мореи потеряли свои наследственные владения, заработанные трудами их отцов».

Но Парламент в Никли недаром вошел в историю под названием «дамского». Большинство его участников являлись женами баронов и рыцарей, погибших или плененных при Пелагонии. В отсутствие супругов к ним перешло право слова и решающего голоса. Уж очень хотелось любящим сеньорам снова увидеть мужей, и они приняли решение о территориальных уступках грекам.

А герцогу Афинскому заткнули рот, объяснив, что передаваемая Палеологу крепость Монемвасия, является собственностью Виллардуэна (ее завоевал сам князь), так что он может и отказаться от нее, а две другие твердыни: Майну и Мистру он построил чуть ли не собственноручно и также вправе распоряжаться ими. Взбешенный герцог предрек, что из-за такого решения франки будут изгнаны с Пелопоннеса, но исправить ничего не мог.

Развалины крепости Виллардуэнов, XIII в., Мистра. Пелопоннес

После утверждения договора ромеи обосновались в ряде стратегически важных крепостей. Одна из них — Мистра стала центром византийских владений на Пелопоннесе. Туда из столицы прибывали все новые войска и переселенцы, включая представителей самых знатных византийских родов.

Князь Гийом Виллардуэн вернулся в Пелопоннес, получив от императора Михаила звание великого доместика. Он должен был управлять Ахайей на правах наместника василевса и сдержал бы данное слово, но

Римский Папа освободил его от клятвы, данной схизматикам-грекам. Началась длительная цепь войн. Закрепившись в Мистре, ромеи пытались отсюда расширить свои владения на полуострове.

Весной 1263 г. большое византийское войско (если верить Морейской хронике, одна только греческая конница насчитывала шесть тысяч всадников, а количество пехоты, вообще не поддавалось исчислению!) развернуло наступление на столицу Виллардуэна — Андравида. У Приницы оно столкнулось с небольшим отрядом «опытного в военном деле, неустрашимого и ловкого» Жана де Катава. Греки напали первыми, но 312 рыцарей в рукопашном бою разбили тысячу греческих кавалеристов. Затем латиняне атаковали вражеский лагерь и обратили византийцев в паническое бегство. Новый великий доместик Алексей Фил едва спасся, добравшись до Мистры. Даже если западный автор Морейской хроники поэтически приукрасил ход сражения, не подлежит сомнению, что франки одержали значительную победу. На следующий год греки потерпели еще более тяжелое поражение. В плен попали почти 3500 человек, включая весь высший командный состав.

Положение начало меняться после 1278 г., когда скончался храбрый воин и талантливый государственный деятель, Ахайский князь Гийом Виллардуэн. Военная удача отвернулась от латинян, а ромеи все более стесняли их владения. В 1290 г. франкам пришлось заключать мир с Византией. Впрочем, занимавший тогда престол сын Михаила Палеолога Андроник II вообще не любил воевать и, не выдвигая сколько-нибудь тяжелых требований, просто оставил их в покое.

В дальнейшем экспансия Византии на юге возобновится. Ее владения на Пелопоннесе («Морейский деспотат») будут существовать, даже когда Константинополь захватят турки. Ну а нам предстоит вернуться к более ранним событиям.

После достигнутых в Македонии и Фракии успехов Михаил Палеолог все чаще задумывался о возвращении Константинополя. Весной 1260 г. его войска отбили у латинян крепость Силимврию и вплотную приблизились к столице империи. Блокада Константинополя с суши оказалась безрезультатной. На северном берегу Золотого Рога латиняне с уроном для противника отбили штурм Галатского предместья. Миха-

илу пришлось отвести войска и заключить перемирие сроком на один год. И все же, наиболее трезвомыслящие западные политики понимали: падение Латинской империи — всего лишь вопрос времени.

военный флот для предстоящей блокады Константинополя. Впрочем, изящные генуэзские галеры ромеям так и не пригодились. Столица империи упала им руки, как дар Божий.

Мистра, дворец византийских деспотов. XIII–XIV вв.

Это странное создание так и не прижилось на новой почве. Правящая верхушка франков оставалась чуждой абсолютному большинству населения. А приток свежих сил из Западной Европы был минимальным. Волей-неволей, рыцарям приходилось вступать в браки с местными женщинами. Их потомки — гасмулы постепенно ассимилировались греками, утрачивая язык отцов и их культуру. В конечном итоге, Латинская империя исчезла, не оставив после себя никакого следа.

Готовясь к решающему наступлению, Палеолог предпринял усилия для нормализации основательно испорченных отношений с Болгарией и заключил союз с Генуей (давней соперницей Венеции). Взамен серьезных торговых привилегий морская республика обязалась представить василевсу

Летом 1261 г. военная обстановка на Балканах обострилась. Эпирский деспот Михаил, оправившись после недавних поражений, опустошал никейские владения в Фессалии. В то же время сицилийский король Манфред прибирал к рукам изолированные греческие анклавные территории на восточном побережье Адриатики. Волей-неволей, Михаилу Палеологу приходилось начинать новую кампанию. Желая оказать помощь своему брату Иоанну, он послал в Европу конницу кесаря Алексея Стратигопула. Отряд, из тысячи полумесячных лучников, должен был произвести демонстрацию силы у Константинополя. Этот второстепенный по значению набег принес невероятные стратегические результаты.

Близ столицы в лагерь Стратигопула пришли жители окрестных пригородов.

«Вольные люди» сообщили, что главные силы латинян выступили в поход против Дафнусии — принадлежащего никейцам островка у южного побережья Черного моря. Теперь ромеи-добровольцы вызвались провести воинов кесаря Алексея за линию укреплений.

В ночь на 25 июля они перебили сонный караул франков и распахнули ворота Пиги перед куманской конницей. Осторожный Стратигопул не хотел распылять силы, углубляясь в огромный город. Впрочем, латиняне почти не сопротивлялись. Зато горожане-греки повсюду нападали на них и безжалостно истребляли. Постепенно уличные схватки откатывались в сторону Золотого Рога. Половцы не столько сражались, сколько грабили лавки и богатые дома. Военачальник ромеев рисковал потерять

управление своим отрядом, а со стороны Босфора, как назло, в это время показались паруса латинской флотилии. Момент был самый что ни на есть критический.

Чтобы не дать ошеломленному противнику прийти в себя и организовать вооруженное сопротивление до подхода помощи с моря, Стратигопул велел поджечь кварталы, в которых проживали католики. Теперь даже самым смелым латинским воинам было не до битвы. Они бросились спасать от верной гибели свои семьи. Император Бодуэн II также не помышлял о защите столицы. Бросив царственные регалии, он поспешил укрыться на венецианском корабле. Остальной флот тоже занялся эвакуацией единомышленников. Никейцы не препятствовали бегству латинян. И все же, тем, кто не успел по горящим улицам выбраться к Золотому Рогу, очень не повезло...

Столь скорое падение столицы Латинской Романии показалось современникам неожиданным. Год за годом, ее территория неуклонно сокращалась, а поддержка Запада носила все более символический характер, но то, что огромный город окажется беззащитным перед несколькими сотнями даже не регулярных войск, а половецких лучников никто не предвидел.

Нельзя сказать, что и Михаил Палеолог возлагал особые надежды на рейд Алексея Стратигопула и с нетерпением ждал от него известий. Василевс спокойно почивал в своей Малоазиатской замке Метеории, когда в царскую спальню вбежала его сестра Евлогия. Известие о неслыханной победе казалось настолько невероятным, что его пришлось несколько раз повторить сонному Михаилу: «Государь! Ты взял Константинополь! Христос даровал тебе Константинополь!»

Благовещение.

Икона византийской школы начала XIV в.

Стр. 175. Вступление императора Михаила VIII в Константинополь.

Иллюстрация Е.Ю. Емельянова.

© В.Н. Шиканов

В Византии — государстве с многовековой историей, все дела вершили основательно, не торопясь. Вот и сейчас предстояло перепроверить радостную новость, взвесить, а удастся ли удержать город, если латиняне попытаются отбить его, оценить возможную реакцию других стран. Но и это еще не все. Огромное значение придавалось проработке деталей торжественной церемонии вступления императора в Константинополь. На все это требовалось время, и уж тут опытные царедворцы не суежились. Зато и результаты их дерзновенных поисков и полета мысли превзошли на более пышные ритуалы прежних веков.

Автократор медленно поспешал в возвращенную столицу. Похоже, он поверил в чудесное избавление царственного града, лишь когда ему принесли императорские регалии Бодуэна, брошенные в Константинополе. Только 15 августа, в день Успения Богородицы, Михаил Палеолог с семьей и свитой стоял у Золотых ворот «Акрополя Вселенной». Митрополит Кизикский прочел специально написанный звучный акафист из тринадцати молитв, и после каждой из них василевс, весь двор и синклит падали ниц, а поднявшись, сто раз возглашали: «Господи, помилуй!». Затем, в жаркий полдень, состоялся вход в город. Во главе процессии находилась чудотворная икона Пречистой Богоматери Одигитрии, небесной заступницы богоспасаемого града. За ней пешком шел Михаил, а дальше, строго по чинам и рангам, все придворные.

Нескончаемой вереницей шествие двинулось к древнему Студийскому монастырю. Здесь снова служили молебн, не жалея земных поклонов и славословий, а впереди еще была великая служба в Святой Софии и царский вход в Большой дворец. Не до-

вольствуясь прежней коронацией в Никее, патриарх Арсений Авториан снова помазал Палеолога на царствие. Теперь и мы можем называть автократора Михаил VIII. Не забыли и заслуг кесаря Алексея Стратигопула. В его честь был устроен триумф, и в течение целого года имя полководца надлежало помянуть во здравие вместе с царским во всех храмах Ромейской державы.

Если бы свидетелем всех этих празднеств стал какой-нибудь убеленный сединами старец, помнивший Константинополь времен последних Комнинов и Ангелов, то город произвел бы на него отталкивающее впечатление. За более чем полувековое латинское господство столица утратила прежний лоск и облачилась в рубище. После пожаров 1203—1204 гг. целые кварталы превратились в закопченные руины. Когда-то великолепно украшенный Влахернский дворец стоял заброшенный. Покрытый многолетней пылью, он являл собой мерзость запустения. Некогда величественные церкви утратили богатое убранство. Многие дома знати также обезлюдели и использовались как отхожие места. Словом, картина та еще...

И все же ромеям хотелось верить, что их родной стольный град оправится от тяжкого недуга. Казалось, еще немного и в него вернется необычайная, прекрасная жизнь, которой никто не помнил, но которая была, ведь несомненно была в Константинополе до прихода проклятых латинян.

После изгнания этих дикарей и воцарения василевса Михаила VIII в предстоящем счастье не оставалось никаких сомнений, ибо, если не согревает человека огонек надежды, то и жить ему незачем. «И было тогда веселье, и великое удовольствие, и несказанная радость всему ромейскому народу». Так свершилось восстановление Византии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

а этой высокой ноте можно было бы и закончить наше повествование. Ценой невероятных жертв, православная Византия одержала победу над католическим Западом. Но и в последние два века существования Ромейская держава не смогла отделаться от назойливых соседей, считавших неотъемлемым правом вмешиваться в ее жизнь, силой переустраивая древнюю цивилизацию по грубым и диким меркам.

Для укрепления своего положения на троне после занятия Константинополя Михаил Палеолог собирался жениться на вдове Ватаца Анне, но этому решительно воспротивились жена василевса и Константинопольский патриарх. В конце концов, Палеолог был вынужден обменять экс-императрицу на освободителя Константинополя, кесаря Алексея Стратигопула, попавшего в плен к эфирцам и отправленного на Сицилию к королю Манфреду.

После восстановления Византийской империи внешнеполитические проблемы, доставлявшие василевсу Михаилу VIII наибольшее беспокойство, по-прежнему, создавали западные католические державы:

несуществующая Латинская империя и Сицилийское королевство. На юге Италии менялись династии и государи, но все они (пожалуй, за исключением Фридриха II Гогенштауфена) испытывали к грекам непримиримую вражду. И сын Фридриха Манфред и свергнувший его по призыву Римского Папы брат французского короля Карл Анжуйский рассматривали как священный долг борьбу против схизматиков. На это же рассчитывали очередные верховные понтифики католической церкви, папа Урбан IV, а затем и его преемник Климент IV.

Бежавший из Константинополя император Бодуэн II обратился за помощью к Карлу. Чтобы вернуть себе Константинополь, он обещал королю передать ему все владения, ранее входившие в состав Латинской Романии. Для скрепления нового антивизантийского союза государи обручили своих детей.

Конечно, почти все утраченные земли еще предстояло завоевать, но анжуйца не страшили трудности. Не имея достаточных военных сил для нападения непосредственно на Константинополь, он начал «откусывать» куски от греческого царства.

В 1272–1273 гг сицилийские войска заняли остров Корфу, затем овладели Диррахием и значительной частью албанского побережья. Укрепившись на этих территориях, Карл присвоил себе гордый титул «Божьей милостью король Сицилии и Албании». В те же годы его полководцы вместе с ахайскими баронами успешно действовали против греков в Пелопоннесе. Правда, затем западная экспансия начала сбавлять ход. В 1275–1278 гг. византийский флот дважды нанес поражение латинянам близ острова Эвбея.

Обе стороны собирали силы для дальнейшей борьбы. В 1281 г. между Сицилийским королевством, латинским императо-

Вход Господен в Иерусалим.
Мозаика Палатинской капеллы

ром без трона и Венецией был подписан союзный договор для «обратного отвоевания империи Романии, которая находится во владении Палеолога». Военную помощь коалиции собирались оказать Болгария и Сербия.

Вскоре войска латинян появились на Балканском полуострове и двинулись к Белиграду¹. «С быстротой ветра долетела весть об этом до ушей царя и привела его в смущение; так что он затрепетал всем своим существом». Тем не менее, на этот раз, удача оказалась на стороне ромеев. Великий доместик Михаил Тарханиот пришел на помощь осажденной крепости и разбил анжуйского полководца Руссо де Сюлли.

Несмотря на одержанную победу, Михаил Палеолог понимал, что в одиночку против западного альянса ему не выстоять. Лишенный необходимого боевого потенциала, он старался выпутаться из тяжелого положения с помощью нестандартных дипломатических шагов. Василевс неоднократно старался привлечь на свою сторону Римского Папу обещанием заключения церковной унии, но спасло его державу настоящее чудо.

31 марта 1282 г. в Палермо вспыхнуло антифранцузское восстание, вошедшее в историю под названием «Сицилийская вечерня». Гарнизоны Карла Анжуйского были беспощадно вырезаны, так что самому королю пришлось возвращаться из Греции, чтобы навести порядок. Возможно, что мятеж на Сицилии так и остался бы в истории незначительным эпизодом, но хитроумный Михаил Палеолог извлек из этого события максимальную пользу.

Василевс вступил в переговоры с королем Арагона Педро и пообещал предоставить ему денежные субсидии, если испанские войска поддержат повстанцев. Похоже, дон Педро вполне устраивало такое развитие событий. Он был женат на дочери короля Манфреда и имел все основания претендовать на его наследство. На юге Италии началась тяжелая война, затянувшаяся на долгие двадцать лет.

В 1302 г. она завершилась полным отделением Сицилии от континентальной части королевства. Противники взаимно ослабили друг друга, но Византии так и не пришлось вздохнуть свободно. Занимавший

престол василевсов сын Михаила Палеолога Андроник II (1282—1328 гг.) был добрым и слабым человеком. При нем, из-за отсутствия денег, пришлось резко сократить наемную армию, а флот вообще перестал существовать. Благодаря этому обстоятельству, в 1301 г. венецианцы захватили ряд островов в Эгейском море и разграбили оставшиеся без какой бы то ни было защиты окрестности Константинополя. В такой обстановке империя перешла к обороне на всех рубежах.

**Император
Андроник II
перед Христом.
Золотой иперпирон**

На западе большую активность стал проявлять сын неаполитанского короля Филипп Тарентский. Женившись на дочери Эпирского деспота, он с переменным успехом воевал в Греции, но затем был вынужден эвакуироваться. Воспользовавшись этим, византийцы в 1291 г. вернули себе Диррахий. Затем они разбили франков в ущелье Жерина и восстановили свои позиции на Пелопоннесе. К 1321 г. ромеи контролировали значительную часть полуострова.

К этому времени в Малой Азии почти все территории Византии захватили турки. Попытка Андроника II решить восточную проблему с помощью западных людей поставила империю на край пропасти.

После заключения мира, завершившего в 1302 г. анжуйско-сицилийскую войну, утвердившийся на острове король Федерико Арагонский не знал, как использовать каталанских наемников. Этот, прямо скажем, сброд, умел и желал только воевать и совершенно не был приспособлен для мирной жизни. При этом, как и все нормальные люди, каждый из них ежедневно хотел пить и есть.

¹Современный Берат в Албании.

В новых условиях, сложившихся на Сицилии, они могли окончательно превратиться в неподконтрольные официальным властям банды и были способны влиять на вопросы престолонаследия. Подобная перспектива королю совсем не нравилась. Так родился замысел, отправить их куда-нибудь подальше, воевать во славу веры Христовой.

К этому времени у Сицилии сложились относительно дружественные отношения с Византией, которая отчаянно нуждалась в войсках для отражения турецкой агрессии. Предводитель каталанцев Рожер де Флор сам предложил свои услуги императору Андронику. В 1303 г., ко всеобщему удовольствию, генуэзские корабли доставили в Константинополь около 6500 солдат из Арагона, Каталонии, с Балеарских островов и из других мест. Вместе с ними на берег сошло немалое количество женщин и детей — целый табор.

В соответствии с заключенным договором, василевс присвоил Флору титул кесаря, звание мегадуки (командующего флотом), выдал за него замуж племянницу и авансом выплатил дружине немалое жалование. По-видимому, Андроник не шутку перепугался воинственных союзников, да и международная обстановка не оставляла времени для того, чтобы они безобразничали в столице.

Каталанцев переправили в Малую Азию, где они почти сразу же устроили кровавую бойню, вырезав пятитысячную

турецкую орду, включая женщин и детей старше десятилетнего возраста. Затем они одержали еще несколько побед, одну громче другой. Но все эти успехи не радовали василевса. Как пишет историк: рука Флора «была тяжела и для греков», т.е. каталонцы беспощадно грабили ромейские деревни и «освобожденные» от неверных города. И это еще полбеда. Гораздо хуже, что выплаты обещанного наемникам жалования вконец опустошили царскую казну. В Константинополе отлично понимали, что, когда платить будет нечем, каталонцы поднимут мятеж, справиться с которым у империи не хватит сил.

Выйти из этой ситуации власти решили по-византийски. В апреле 1305 г. Рожер де Флор был зарезан в ставке сына и соправителя Андроника, Михаила. После этого убийства разразилась катастрофа. Каталонцы открыли военные действия против императора, а так как вояки они были профессиональные, то одолеть их не имелось никакой возможности. Правда, чернь устроила в Константинополе жуткий испанский погром (погибли даже каталанские послы), но было ясно, что ни одного полевого сражения византийцы не выиграют, так что придется сидеть, не высывая носа за крепостные стены. В одночасье император Андроник перестал быть реальным государем своей державы.

Меж тем, каталонцы, в качестве акции возмездия, опустошили эгейское побережье Фракии, так что «пятна крови долго плава-

ли в море». Ряды их росли за счет новых отрядов, прибывавших с запада. Греки потерпели несколько унижительных поражений у самого Константинополя, а потом армия Михаила просто отказалась сражаться со столь страшным противником.

Только через два года, когда «Победоносное войско, царствующее во Фракии и Македонии» (так называли себя каталонцы), довело эти территории до состояния выжженной земли, оно двинулось на юг (о судьбе местного населения, вернее тех немногих его представителей, которых еще не прода-

Прибытие Роже де Флора в Константинополь.
Современная картина

ли в рабство, предоставляем судить читателям). В 1311 г. пришельцы уничтожили войско Афинского герцога Вальтера де Бриена и основали в Аттике собственное государство.

Странное это было новообразование. Предводители разбойников насильно женились на вдовах и дочерях французских дворян. «Каталанская кампания» воевала со всеми соседями, а когда грабительские набеги не приносили добычи, пришельцы продавали в рабство местных жителей. Поистине Бичом Божиим стали эти каталанцы. Даже Папа Римский разрешил проповедовать против них крестовый поход. Понимая неизбежность предстоящего краха, каталанцы в 1326 г. признали сюзеренитет сицилийского короля. Под его покровительством они жили до 1387 г., пока не были покорены наместниками короля Неаполя. Так закончилась причудливая история испанского государства в Греции¹, а нам предстоит продолжить рассказ о взаимоотношениях Византии с Западной Европой.

В 20-е годы XIV века в империи развернулась серьезная борьба за власть между стареющим василевсом Андроником II и его внуком, названным в честь деда Андроником Младшим. По сути дела, в стране началась гражданская война. Как это обычно случается, молодость победила. Взошедший на престол Андроник III (1328–1341 гг.) столкнулся с необходимостью сразу на нескольких фронтах противостоять внешним врагам. На востоке турки изгнали ромеев из Малой Азии, зато на западе василевсу удалось добиться крупных успехов. В 1333 г. ромеи взяли под контроль Фессалию, а в 1337 г. Андроник выступил в поход против Эпирского греческого государства и воссоединил его с империей.

Правда, эти результаты оказались непрочными. На западе Балканского полуострова плела интриги неаполитанская агентура. В Эпире постоянно вспыхивали мятежи, а с севера эти земли оказались под угрозой захвата усилившейся Сербией. Ге-

нуэзцы обосновались на островах Эгейского моря и некоторое время даже блокировали Константинополь. Только в Мореи ромеи на равных боролись с латинянами.

**Дед и внук.
Императоры
Андроник II
и Андроник III.
Золотой иперпирон
(1325–1328 гг.)**

В 1352 г. турки-османы закрепились на западном берегу Геллеспонта. Отсюда начинался их победоносный путь в Европу. Лишь теперь христианские государи задумались о необходимости единства перед лицом общего врага. Василевсы неоднократно выезжали в Европу просить помощи против мусульман.

В отечественной исторической литературе утвердилось мнение, что Запад остался равнодушен к этим мольбам. Рискнем поставить под сомнение столь категорическое утверждение. В конце концов, рыцари, сражавшиеся и погибшие в битвах против турок при Никополе (1396 г.) и Варне (1444 г.) отдали жизни, пытаясь отвести исламскую угрозу от Константинополя.

Другое дело, что Запад никогда не скрывал цены, которую грекам предстояло заплатить за это содействие. Византия должна была согласиться на церковную унию, приняв главенство Папы Римского в вопросах веры (а значит и политических тоже).

На завершающем этапе истории Ромейского царства его правящие круги не видели другого выхода и не раз подписывали соответствующие документы, но поддержку находили лишь в узких кругах интеллектуальной элиты². Православное духовенство и народ в массе подчинение Риму отвергали.

¹ До середины 70-х годов XIX века в Афинском Акрополе возвышалась мощная каменная башня, построенная в средневековье пришельцами с запада. Греки разобрали ее, воссоздавая классический силуэт столицы Эллады.

² Уже в наши дни в некоторых отечественных средствах массовой информации появляются размышления зондирующего характера. Либеральная интеллигенция всерьез утверждает, что Россия, наконец, заживет нормальной жизнью, когда православная церковь прекратит упираться, заключит унию с Ватиканом и признает первосвященство Римского понтифика. Воистину, история повторяется.

В Константинополе даже появилась странная, на первый взгляд поговорка: «Лучше тюрбан, чем тиара».

Турецкая цивилизация была для византийцев настолько чужим, параллельным миром, лишь внешне похожим на «нормальный человеческий», что даже покорившись захватчикам в политическом отношении, греки надеялись сохранять под их властью свою самобытность, продолжая существовать рядом с победителями, не смешиваясь с ними.

Иное дело католики. Если не принимать в расчет узкую прослойку интеллектуалов, способных и готовых логически обосновать необходимость отказа от национальной и духовной самобытности, большинство населения Византии видело в западных людях врагов, требующих полного подчинения души народа православного.

В аристократических кругах твердо помнили, что когда-то западные варвары беспрекословно повиновались власти василевсов, а Рим и Галлия (да и не только они) являлись составной частью империи. Кроме того, духовенство и простой народ никогда не забыли и не простили Западу Четвертого крестового похода. Осквернение константинопольских святынь и награбленная добыча, разошедшаяся по всей Европе¹, оставались незаживающей раной в душе православных людей. Где Терновый венец Спасителя? Он в Париже. Где Его чудесно-загадочная Плащаница? Она в Ту-

рине. Где капсула со святой Кровью Христовой? Она в Брюгге. Где глава Иоанна Крестителя? Она в Амьене. Список можно продолжать бесконечно! И после этого папы еще брались поучать византийцев, как им жить и молиться Богу!?

В 2001 г. папа Иоанн Павел II, находясь в Афинах, попросил прощения у православных греков за разорение Константинополя. Слишком поздно. За такое ненавидят веками. Причем даже те, кто плохо изучал историю в школе. На подсознательном уровне большинство европейцев до сих пор интуитивно ощущает некий водораздел между Востоком и Западом континента и отчужденность между соседями.

«Среди других несчастных иллюзий у человечества сохраняется представление, будто какие-то вопросы можно разрешить в споре. — Писал замечательный британский историк С. Рансимен. — Увы, напротив, ни одна сторона никогда не признает поражения, но будет вместо того накапливать все новые аргументы для убеждения своего противника». Политическая история недвусмысленно свидетельствует, что наиболее эффективными всегда являлись доводы силового характера. Недаром именно в наши дни все мы являемся свидетелями нового наступления католицизма на восток Европы.

Об этом следует помнить, слушая сладкие речи поклонников «общечеловеческих ценностей».

¹Интересно, вспоминали ли жители Венеции, протестовавшие, когда французские солдаты генерала Бонапарта снимали бронзовую квадригу с собора Святого Марка, откуда эти кони появились в их городе?

ПРИЛОЖЕНИЯ

Императоры Византии

Аркадий	(395–408)	Роман I	(920–944)
Феодосий II	(408–450)	Роман II	(959–963)
Маркиан	(450–457)	Никифор II	(963–969)
Лев I	(457–474)	Иоанн I	(969–976)
Лев II	(474)	Василий II	(976–1025)
Зинон	(474–491)	Константин VIII	(1025–1028)
Василиск	(475–476)	Роман III	(1028–1034)
Анастасий I	(491–518)	Михаил IV	(1034–1041)
Юстин I	(518–527)	Михаил V	(1041–1042)
Юстиниан I	(527–565)	Зоя и Феодора	(1042)
Юстин II	(565–578)	Константин IX	(1042–1055)
Тиверий I	(578–582)	Феодора	(1055–1056)
Маврикий	(582–602)	Михаил VI	(1056–1057)
Фока	(602–610)	Исаак I	(1057–1059)
Ираклий	(610–641)	Константин X	(1059–1067)
Константин III	(641)	Евдокия	(1067)
Ираклеон	(641)	Роман IV	(1068–1071)
Констант II	(641–668)	Михаил VII	(1071–1078)
Константин IV	(668–685)	Никифор III	(1078–1081)
Юстиниан II	(685–695)	Алексей I	(1081–1118)
Леонтий	(695–698)	Иоанн II	(1118–1143)
Тиверий II	(698–705)	Мануил I	(1143–1180)
Юстиниан II	(705–711)	Алексей II	(1180–1183)
Филиппик	(711–713)	Андроник I	(1183–1185)
Анастасий II	(713–715)	Исаак II	(1185–1195)
Феодосий III	(715–717)	Алексей III	(1195–1203)
Лев III	(717–741)	Исаак II и Алексей IV	(1203–1204)
Константин V	(741–775)	Алексей V	(1204)
Артавазд	(742–743)	Феодор I	(1208–1222)
Лев IV	(775–780)	Иоанн III	(1222–1254)
Константин VI	(780–797)	Феодор II	(1254–1258)
Ирина	(797–802)	Иоанн IV	(1258–1261)
Никифор I	(802–811)	Михаил VIII	(1259–1282)
Ставракий	(811)	Андроник II	(1282–1328)
Михаил I	(811–813)	Михаил IX	(1295–1320)
Лев V	(813–820)	Андроник III	(1328–1341)
Михаил II	(820–829)	Иоанн V	(1341–1391)
Феофил	(829–842)	Иоанн VI	(1347–1354)
Михаил III	(842–867)	Андроник IV	(1376–1379)
Василий I	(867–886)	Иоанн VII	(1390)
Лев VI	(886–912)	Мануил II	(1391–1425)
Александр	(912–913)	Иоанн VIII	(1425–1448)
Константин VII	(913–959)	Константин XI	(1448–1453)

Короли вандалов в Африке

Короли остготов в Италии

Гейзерих	(428—477)
Гунерих	(477—484)
Гунтамунд	(484—496)
Трасамунд	(496—523)
Хильдерих	(523—530)
Гелимер	(530—534)

Теодорих	(493—526)
Аталарих	(526—534)
Теодахад	(534—536)
Витигис	(536—540)
Хильдебад	(540—541)
Эрарих	(541)
Тотила	(541—552)
Тейя	(552)

Короли вестготов

Атаульф (411–415)
Сигерих (415)
Валия (415–419)
Теодорих I (419–451)
Торисмонд (451–453)
Теодорих II (453–457)
Эврих (467–485)
Аларих II (485–507)
Гезалех (507–511)
Амаларих (507–531)
Теода (531–548)
Тевдегезил (548–549)
Агила I (549–554)
Атанагильд (554–567)
Лиува I (568–573)
Леовигильд (568–586)
Реккаред I (586–601)

Лиува II (601–603)
Виттерих (603–610)
Гундемар (610–613)
Сисебут (612–620)
Реккаред II (620–621)
Свинтила (621–631)
Сисенанд (631–636)
Хинтила (636–640)
Тульга (640–641)
Хиндасвинт (641–652)
Реккесвинт (649–672)
Вамба (672–680)
Эрвиг (680–687)
Эгика (687–701)
Витица (697–709)
Родерих (710–711)
Агила II (711–714)

Короли лангобардов в Италии

Альбоин	(568–573)
Клеф	(573–575)
Междоусобица	(575–586)
Аутари	(586–591)
Агилульф	(591–615)
Адалъвальд	(616–625)
Аривальд	(625–636)
Ротари	(636–652)
Родоальд	(652–654)
Ариперт I	(654–661)
Перктарит	(661–662)
Годеперт	(661–662)
Гримоальд	(662–671)
Гарвальд	(671–672)

Перктарит	(672–688)
Куниперт	(688–700)
Лиутперт	(700–701)
Рагинперт	(701)
Ариперт II	(701–713)
Ансранд	(713)
Лиутпранд	(713–744)
Хильдепранд	(744)
Ратхиз	(744–749)
Айстульф	(749–756)
Ратхиз	(756–757)
Дезидерий	(757–774)
Адельхиз	(774)

Норманнские правители в Южной Италии

Графы Апулии

Вильгельм I Железная Рука	(1043–1046)
Дрогон	(1046–1051)
Гумфрид	(1051–1057)
Роберт Гвискар	(1057–1059)

Графы Сицилии

Рожер I	(1072–1101)
Симон	(1101–1105)
Рожер II	(1105–1130)

Герцоги Апулии

Роберт Гвискар	(1059–1085)
Рожер	(1085–1111)
Вильгельм II	(1111–1127)
Рожер II	(1127–1149)
Вильгельм Злой	(1149–1166)
Танкред	(1166–1191)
Рожер III	(1191–1193)
Вальтер де Бриен	(1194–1199)

Короли Сицилии

Рожер II	(1130–1154)
Вильгельм I Злой	(1154–1166)
Вильгельм II Добрый	(1166–1189)
Танкред	(1189–1194)
Рожер III	(1192–1194)
Вильгельм III	(1194)

Императоры Латинской империи

Бодуэн I	(1204–1205)
Генрих	(1206–1216)
Пьер де Куртенэ	(1217)
Иоланта	(1217–1219)
Робер де Куртенэ	(1219–1228)
Бодуэн II де Куртенэ	(1228–1261)

ИСТОЧНИКИ

1. Агафий Миринейский. О царствовании Юстиниана. М., 1996.
2. Анна Комнина. Алексиада. СПб., 1996.
3. Георгий Акрополит. История. СПб., 2005.
4. Георгий Пахимер. История о Михаиле и Андронике Палеологах. СПб., 1862.
5. Иордан. О происхождении и деяниях гетов. СПб., 1997.
6. Константин Багрянородный. Об управлении империей. М., 1989.
7. Константин Багрянородный. О фемах, О народах. М., 1899.
8. Лев Диакон. История. М., 1988.
9. Лиутпранд Кремонский. Антаподосис. // Средневековая латинская литература IV–IX вв. М., 1970.
10. Лиутпранд Кремонский. Посольство в Константинополь. // Средневековая латинская литература IV–IX вв. М., 1970.
11. Михаил Пселл. Хронография. М., 1978.
12. Никита Хониат. История со времени царствования Иоанна Комнина, тт. 1–2. Рязань, 2003.
13. Никифор. Никифора, патриарха Константинопольского «Краткая история». // Византийский временник, т. 3. М., 1950.
14. Никифор Григора. Римская история Никифора Григоры, начинающаяся со взятия Константинополя латинянами. СПб., 1862.
15. Продолжатель Феофана. Жизнеописания византийских царей. СПб., 1992.
16. Прокопий Кесарийский. Война с вандалами. // см. в «Война с персами. Война с вандалами. Тайная история». М., 1993.
17. Прокопий Кесарийский. Война с готами. М., 1996.
18. Стратегикон Маврикия. СПб., 2004.
19. Феофан. Летопись византийца Феофана от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакta. М., 1890.
20. The Chronicle of Morea. London, 1904.
21. Isidor. Geschichte der Goten, Vandalen und Sueven. Stuttgart, 1990.
22. Paulus Diakonus. Geschichte der Langobarden. Essen, 1987.
23. William of Apulia. La geste de Robert Guiscard. Palermo. 1961.

ЛИТЕРАТУРА

24. Альфан Л. Варвары. СПб., 2003.
25. Бородин О.Р. Равеннский экзархат. Византийцы в Италии. СПб, 2001.
26. Васильев А.А. История Византийской империи. тт. 1-2. СПб., 1998.
27. Византия между западом и востоком. СПб, 1999.
28. Вольфрам Х. Готы. СПб., 2003.
29. Дашков С.Б. Императоры Византии. М., 1996.
30. Дворецкая И.А. Возникновение раннефеодального государства в Северной Италии VI—VIII веков. М., 1982.
31. Диль Ш. Византийские портреты. М., 1994.
32. Дуглас Д.Ч. Норманны от завоеваний к достижениям. СПб., 2003.
33. Жаворонков П.И. Военное искусство Никейской империи. // Византийские очерки. М., 1996.
34. Жаворонков П.И. Никейская империя и Запад. // Византийский временник. т. 36, 1974.
35. История Византии. тт. 1-3. / отв. ред. акад. С.Д. Сказкин. М., 1967.
36. Карпов С.П. Латинская Романия. СПб, 2000.
37. Ковальский Я.В. Папы и папство. М., 1991.
38. Кулаковский Ю.А. История Византии. тт. 1—3. СПб., 1996.
39. Кучма В.В. Военная организация Византийской империи. СПб., 2001.
40. Медведев И.П. Мистра. Л., 1973.
41. Норвич Д. Нормандцы в Сицилии. М., 2005.
42. Норвич Д. Расцвет и закат Сицилийского королевства. М., 2005.
43. Пфайльшифтер Г. Теодорих Великий. СПб., 2004.
44. Рансимен С. Восточная схизма. Византийская теократия. М., 1998.
45. Тодд М. Варвары. М., 2005.
46. Удальцова З.В. Италия и Византия в VI веке. М., 1959.
47. Уоллес-Хедрилл Д.М. Варварский запад. Раннее Средневековье. СПб., 2002.
48. Успенский Ф.И. История Византийской империи. тт. 1-3. М., 1996-1997.
49. Фазоли Д. Короли Италии. СПб., 2007.
50. Шувалов П.В. Секрет армии Юстиниана. СПб., 2006.
51. Шукин М.Б. Готский путь. СПб., 2005.
52. Chalandon F. Histoire de la domination normande en Italie et en Sicile, tt. 1-2. P., 1907.
53. Diehl Ch. L'Afrique byzantine. P., 1896.
54. Gravett C. Norman Knight 950—1204. // Warrior series № 1, Osprey military. Oxford, 1993.
55. MacDowall S. Germanic Warrior. AD 236-568 // Warrior № 17, Osprey military. Oxford, 1996.
56. Nicolle D. The Normans. // Elite series № 9, Osprey military. Oxford, 1987.
57. Nicolle D. Atilla and the Nomad Hordes // Elite series № 30, Osprey military. Oxford, 1990.
58. The Oxford Dictionary of Byzantium. // ed. A.P. Kazhdan. 1991.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора	5
Вандалы	11
Остготы	32
Вестготы	63
Лангобарды	73
Ярость норманнов	91
Когда Запад пришел на восток	149
Заключение	177
Приложения	183
<i>Императоры Византии</i>	<i>184</i>
<i>Короли вандалов</i>	<i>185</i>
<i>Короли остготов</i>	<i>185</i>
<i>Короли вестготов</i>	<i>186</i>
<i>Короли лангобардов</i>	<i>187</i>
<i>Норманнские правители</i>	<i>188</i>
<i>Императоры Латинской империи</i>	<i>188</i>
<i>Библиография</i>	<i>189</i>

Шиканов Владимир Николаевич

Византия. Римская мечта
Западные войны Византии VI–XIV вв.

Оригинальные цветные и черно-белые иллюстрации *Евгений и Анна Емельяновы*
Дизайн и верстка *Панкевич А. В.*

Общероссийский классификатор продукции ОК-00-93 том 2, 953000 — книги, брошюры.

Подписано в печать 06.08.2007. Формат 60x84/8
Бумага мелованная 100г/м².
Гарнитура «Кудряшов».
Усл. печ. л. 5,58. Тираж 1000 экз. Заказ № 3497

Издательство «Рейтар», 103051 Москва а/я 116

Типография: ОАО «Подольская фабрика офсетной печати»
142100, г. Подольск, Московская область, Революционный проспект, д. 80/42

Византийская империя
и ее соседи около 1263 г.

О
Тырново

Р и я

й с к а я

Константинополь

и м п е р и я

Иконийский султанат

нец.

ЗАПАД И ВОСТОК

Противостояние двух ветвей некогда единой Христианской цивилизации длится веками. Не положен ему конец и в наши дни. При этом оппоненты никогда не придавали особого значения весомости аргументов.

Обладавший большей силой неизменно диктовал свою волю. Сначала, исполненные чувства исторической справедливости, византийские императоры стремились вернуть отторгнутые западными варварами земли. Позднее политические цели стали подкрепляться фундаментом идеологических обоснований. И тогда выяснялось, что люди, живущие за синим морем, и молятся как-то не так, и в Бога Единого верят неправильно.

Отбиваясь от многочисленных врагов, ромеи переходили к обороне, и теперь уже Запад требовал от греков покаяния и покорности. Невежественные и самоуверенные латиняне нанесли Империи Востока смертельный удар, от которого она так и не оправилась. Но и врагам не пришлось торжествовать. А до этого были потоки крови, которые текли веками, так и не выявив правоту непримиримых противников, а лишь взаимно ослабив их.

Третья книга проекта «Войны Византии» рассказывает о Западных войнах Римейского царства.

ISBN 978-5-8067-0038-0

9 785806 700385